ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ
ГОРЕЦ.
ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бывает и так… Нагнулся, чтобы гриб срезать, разогнулся, и все… ты уже совсем в другом месте. И не в Подмосковье, а вообще в каких-то неведомых горах. Не судьба, а просто анекдот: спустился с гор за солью, а тебя в армию забрали. На чужую войну в чужом мире, где нет двигателей внутреннего сгорания и даже дирижабли летают на паровых машинах. В этих условиях и приходится выживать студенту Тимирязевской сельхозакадемии Савве Кобчику. По местным меркам неграмотному, необученному солдату со странными идеями.

- Дмитрий Старицкий
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42

Дмитрий Старицкий
Горец. Вверх по течению

1

'Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу…' — только и смог я, что подумать этой цитатой, охренело оглядываясь вокруг. Что дальше там у поэта?… Не помню. Сам я Данте не читал, так краем глаза зацепил эту цитату в книге, которую увлеченно читала моя девушка Олеся. Автор — Сергей Сезин, название 'Холод речных вод'. Она и мне эту книгу подсовывала, но я вот дальше первой страницы так и не сподобился… Не успел. Теперь уже и не успею…

Своих же мыслей не было. Никаких.

Одно охудение. А вместо слов матерные междометия.

На месте подмосковного насаженного еще при Сталине аккуратными рядочками березового леса меня окружали ели не ели, сосны не сосны, какой-то их неведомый мне мичуринский гибрид. Зато какой! Деревья в обхвате были не меньше двух метров, а верхушек не было видно из-за густых хвойных ветвей. Правда, эти деревья до секвой не дотягивали, но все равно реально впечатляли.

День в самом разгаре, а тут сумрачно. Только редкие солнечные лучики проскакивают до земли. Как на картине Шишкина 'Луч света в темном бору'.

Ярко зеленый мелкий мох на выпирающих из земли мощных корнях.

Травы нет — только ковер из шишек и старых иголок вокруг, скрывающей грибы. Зато, какие грибы! Я такие боровики только в детстве видал. Наткнулся на один, пошел по кругу и собрал всю дюжину. Белый — гриб астрологический. Растет кругами по двенадцать штук. Собрал я эту дюжину крепеньких совершенно не червивых грибов и корзинка почти кончилась. Можно возвращаться назад.

Вот только куда?

Заблудился ты, Савелий Митрич. Как бог есть — заблудился. Даже не заметил как.

Савелий Дмитриевич Кобчик — это я. А так по — простому, по — домашнему — Савва. Мне двадцать лет, почти двадцать один, и я студент Тимирязевской сельхозакадемии. Той, что в Москве. Второй курс. Ну — дурак был, загулял после первого курса на отвязанной свободе в столице и оказался в армии, приобретя совсем мне не нужную профессию башенного пулеметчика БТР и до кучи профессию молотобойца в мехмастерских мотострелковой бригады — вот это умение дома всегда мне пригодится. Теперь доучиваюсь. Ибо — очень важно

мне доучиться именно здесь.

Я ведь деревенский. Точнее — кулацкий. Дед мой с отцом и дядьями еще при Горбачеве умудрились выделиться из колхоза в фермеры, на отдельный хутор, право на который в девяностые годы прошлого века пришлось им отстаивать даже с оружием в руках. То свои же деревенские из зависти хотели пустить красного петуха 'кулакам буржуинским', то чечены залетные сначала вежливо предложили сдавать им весь урожай за полкопейки, а потом приехали большой бандой нас на это конкретно нагибать потому, как первый раз были непритязательно посланы моим батей в пешее эротическое путешествие.

В этот момент я и появился на свет несколько преждевременно. Под грохот васьмизарядных помповых ремингтонов двенадцатого калибра. В день, посвященный преподобному святому Савве Вишерскому, которого московские рейдеры вязли себе в покровители, в аккурат это случилось 14 октября 1993 года.

Мужики наши от чечен отбивались, а бабы у матери в это время роды принимали. Сами. Какой роддом, когда тут такое твориться? Вот так вот… Считайте, родился я в бою… Чем и горжусь.

Чичи нас больше не беспокоили, у них свои терки обнаружились — посерьезней борьбы с неуступчивыми хуторянами. У нас ведь как… Есть чечен у власти — есть чеченская мафия. Скинули с Олимпа чечена — и нет чеченской мафии. Чеченцы в наличии, никуда не делись, даже бандиты чеченские есть, а мафии их нет. Такой вот парадокс.

После того как мои предки от чеченских бандитов отбились, то и бывшие односельчане откровенно забздели нас чепать. Для других же бандитов, более ленивых, мы слишком на отшибе жили.

А там и вертолетный полк, который из Азербайджана вывели вместе со всеми частями обеспечения, нас под свое крылышко взял… Не за просто так, естественно. За гарантированные поставки им овощей на лётную кухню. Тогда совсем спокойно на хуторе стало, потому как проехать к нам домой теперь реально только через выносное КПП этого полка. А другой дороги к нам нет.

Через год после появления в соседях вертолетного полка вдовый старший прапор ОБАТО## мою старшую сестру — перестарка замуж взял и совсем нам хорошо стало. Отпала надобность молдаван нанимать на сбор урожая — прапор солдат пригонял, сколько нужно. Только и наказывал нам кормить их

хорошо. Чтоб бойцы довольные были.

……

ОБАТО — отдельный батальон аэродромно — технического обеспечения.

……

И с горючкой проблем у нас не стало.

И с теплой одеждой. Зять нас всех как летчиков одел с головы до ног. В кожу и овчинные куртки, унты допотопные собачьего меха времен спасения челюскинцев и те где-то умудрился достать. Вот и сейчас я по лесу рассекаю в рыжем лётном кожане и лётном же камуфляже, в юфтевых сапогах. Только синяя беретка на голове с китайского рынка.

Вот только где я сейчас нахожусь? Не пойму никак, хотя с ориентированием на местности у меня всегда было неплохо.

После сбора урожая солдаты батальона аэродромного обслуживания нам же что нам хуторе надо и строили, да наперебой, чуть не в драку. С нами же интересней чем на посту скучать аки караульному псу на периметре аэродрома, да и денег мы им подкидывали за труды. Меньше, чем молдаванам, конечно, но… могли бы вообще ничего не платить по армейским понятиям. Иной раз мы им и самогонки наливали, когда их начальства вокруг не было. Все равно продукция того свинарника, что они построили, почти полностью уходила на пропитание летного состава. А в ответ нам, кроме денег, совсем задаром полкан отдал все объедки и помои с целого полка — хрюшек кормить и самосвал ЗиЛ-130 выделили для этих нужд, можно сказать персонально и безвозмездно. Водятел с этого 'зилка' даже на контракт после службы остался… С прицелом на мою младшую племянницу нам в зятья намылиться.

Так что у нас на хуторе считай — если по учебнику, родственная община создалась. Или, если точнее быть, то колхоз на родственной основе. Одна малая семья — мама, папа, дети — такое хозяйство ни за что не вытянут. Даже этой толпой, что у нас на хуторе живет, можно все сделать — сохранить, посадить, обработать… Легко! Но вот собрать урожай полностью в одиночку, даже у больших колхозов не получалось. Даже в хваленой Америке, где семейная ферма по площади равна нашему среднему колхозу, урожай убирают мексиканцы — нелегалы, которые кочуют там круглый год с юга на север и обратно. А иначе никак. Не зря на Руси сбор урожая всегда страдой называли. От слова страдать.

После киндерсюрпризовского дефолта, на заначенных под матрасом баксах, родаки мои нехило приподнялись и техникой обзавелись всякой хорошей по дешевке. Ее чуть ли не даром тогда

отдавали, только за доллары. А что? Экономия это считай чистая прибыль. Грех было не воспользоваться ситуацией.

А полк нам еще и землицы своей прирезал, которой его немеряно оделило государство. Задаром — лишь бы картошки, да капусты им от нас на весь год хватало. Платили-то вертолетчики нам за овощь по расценкам Минобороны… Но и КАМАЗ они нам и пару УАЗиков — 'головастик' и 'буханку', у себя 'списанные' продали нам за рубли по тем же расценкам — додефолтным. Если вдумчиво посчитать все ништяки, что нам же в неофициальный зачет от летунов шло, даже не учитывая почти дармовой труд солдат на сборе урожая, то и цены московского рынка вам покажутся смешными. Такой вот симбиоз образовался между нами и вертолетчиками. Смычка неба и земли. И все довольны, что характерно.

В общем, как вырос я, как закончил я школу с теми же полковыми офицерскими детишками, так меня папаня в Сельхозакадемию и наладил. Чтоб, значит, по науке нам дальше хозяйствовать, а не просто как бог на душу положит. Даже платить за мое образование он был готов. Но я напрягся и поступил на бюджет, понимал уже, что лишних денег в семье не было, хотя деревенские совки и считали нас богачами и 'ксплататорами'. Ну, это понятно, у кого совсем ничего нет, тому и железный рубль — капитал.

Зеленую революцию готовил отец в одном отдельном хозяйстве. Даже страусов завел. Мы за этими страусами с батей в Финляндию зимой катались. За теми, которые к нашим холодам уже привычные.

Выгодное это дело оказалось — страусы. Намного выгодней курятины по деньгам и что очень важно — ухода за этой экзотической птицей оказалось меньше. Мясо страусячье сортовое охотно брали московские рестораны (а не сортовое мы сами с удовольствием трескали). За шкурами страусов и перьями красивыми очередь стояла из жаждущих — начиная от мелких производителей дорогой гламурной галантереи до 'Мосфильма'.

Так что через год кур у нас осталось всего полтора десятка несушек — только на яйца, самим прокормиться. От такой дури, как покупной майонез мы уже давно отказались — сами делаем. Как и кетчуп с аджикой.

И тут на тебе… 'я очутился в сумрачном лесу'… Крутился я, крутился вокруг того места где оказался, несколько часов. Всякие 'Сезам, отворись!' и 'трах — тиби — дох!' кричал. Молился всем богам, сыпал проклятиями, уговаривал незнамо кого — все без толку. Ничего не помогло. Обратно в Подмосковье я не материализовался. А время шло. К тому же обстановка этого

дикого леса несколько излишне давила на психику, которая призывала как можно быстрее покинуть это неприятное место.

Сделал я три затеса на стволах, внутри которых место моего явления здесь находилось, и пошел оттуда, не забывая путь свой метить такими же затесами. А что делать? Не помирать же тут в этом сумрачном лесу в одиночку?

О! Ручеек нарисовался. Это уже здорово. Пошел я вдоль него по течению — вода она всегда к людям выведет. А там и сам сориентируюсь, как в Москву обратно попасть — я же в общаге одной доброй ко мне податливой дивчине с Украины обещал грибной супчик 'пальчики оближешь'. Семейный специалитет. Мы с Оксаной вопросов гражданской войны на ее родине совсем не касались в наших отношениях. Для селян любая война — плохо. И вообще 'Делай любовь, а не войну' — лозунг на все времена.

Лес по мере его прохождения уже не напоминал первобытную доисторическую чащу. Стал реже и светлее. Да и местность пошла под уклон. И понял я, что проявился я тут на ровном плато среди гор. Когда горы увидел, то охудел уже окончательно.

Это точно не Подмосковье.

Эту тревожную мысль я решил заесть — запить. Время обеда подошло, судя по настойчивым призывам стомаха. Устроился на поляке над обрывом, снял рюкзачок, поделил запасенные продукты надвое, накрыл поляну и все схавал в одно рыло, запивая сладким чаем из термоса.

Жевал и осматривался. Горы были не сказать, чтобы высокие, что-то типа Уральских у города Златоуста, где я служил. Старые горы. Выветренные. Вечных снегов на вершинах не видно. Выше меня горы стояли лысые, ниже поросли лиственным лесом. Причем даже я после академического курса ботаники не смог бы точно определить, что это за породы. Листья большие и разлапистые как у конопли, а древесина на срезе больше на бук похожа или что-то подобное красное и на первый взгляд — ценное.

А вот жилья окрест никакого не видно. Даже дымка никакого. Это уже хуже.

Читал я пару книжек про попаданцев в другие миры, но там их всех или по голове били, или катастрофа какая с ними приключалась типа КАМАЗа на встречной полосе. Но я-то просто шел себе по лесочку и зашел не так уж и далеко от электрички, грибы искал, наклонился, поднялся, и все… Берез вокруг никаких нет, как и не было, одни хвойные гиганты вокруг. А теперь горы… И эти деревья с листьями конопли…

Атас!

И куда, скажете, мне податься?

Вестимо, вниз. В горах мне точно делать нечего.

Поднялся и пошел. Неча рассиживаться. Хотя пейзаж тут такой прелестный, что этот вид туристам продавать можно. За свободно конвертируемую валюту.

Почему-то назад воротиться к тому месту, откуда я начал это свое экзотическое путешествие у меня и мысли не возникло. Впрочем, как и паники. Попал и попал. Устраиваться надо, оглядываться, людей искать — они подскажут что случилось. А там: проснемся — разберемся.

Кстати, о проснемся… Однако ночлег надо заранее искать, а то кто его знает, какие тут зверушки хипповые водятся в этих экзотических лесах. Мне и пары простых волков хватит за глаза. Правда, вокруг конец лета вроде, волки еще не голодные, на людей бросаться им не время. Но все же, все же… береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет.

Перемотал портянки и пошел. Страдать потом будем. Палку себе только вырезал ухватистую и заострил ее с одного конца. Стало немного спокойнее — хоть какое-то длинное оружие в руке. Хоть и великим нагибатором я себя и не почувствовал, но успокоился и мандражировать перестал. Даже рассмеялся, припомнив анекдот о сибирском унитазе их двух жердин. На одну полушубок вешать, другой от волков отбиваться…

Ручей петлял между деревьев и крупных камней, и я с ним такие же кренделя выписывал.

Пару раз перебирался через приличные буреломы.

Напоследок прикинул к носу и вернулся к последнему завалу, где и отыскал себе место для ночлега вроде как защищенное со всех сторон поваленными деревьями с торчащими во все стороны толстыми ветками.

Костерчик небольшой запалил. Только он на то и сгодился, чтобы острие самодельного копьеца закалить, да грибы на углях пожарить. Как бы знал, что так получиться — котелок бы захватил с собой, хоть солдатский, маленький. Так что повечерял печеными боровиками (домашний запас надо экономить, однако) и упал на бок вместе с птахами.

Последней мыслью ожгло, что лучше бы вообще за грибами в этот день не ходить никуда. Перебилась бы девчонка и без грибного супчика. Не первый же приступ к телу… Уже дала…

С птахами и проснулся. От их радостного чирикания, больше похожего на благодарственный молебен вернувшемуся солнцу.

Скромно позавтракал и дальше потопал. Умереть голодной смертью я не боялся — это надо быть наследственным балконным жителем, чтобы в лесу с голоду помереть. Даже без браслета из паракорда. Но все же, все же… Совсем переходить на подножный

корм — это время существенно терять. А когда я к людям выйду — вопрос, на который у меня нет ответа. Кушать же хочется каждый день.

Трудно сказать, сколько километров я отмахал так в одиночестве. В горах этого не понять. Прямых горных дорог и в цивилизации нет — сплошные серпантины. А тут даже тропки никакой людьми натоптанной пока не обнаружилось.

Крупных зверей я не видел, мелких же больше на звук опознавал — разбегались они от меня по кустарникам. С шумом.

Один раз большая пятнистая змея толщиной с мою руку поперек пути ползла. Долго. Пришлось неподвижно стоять, опершись на копьецо, ждать, пока это неторопливое пресмыкающееся дорогу освободит и в свои 'папоротники' уползет.

По соседним горкам, на скалах скакали мелкие горные козлы стайками по десятку — полтора голов.

Какие-то парнокопытные и в лесу водились. Но я их самих не видел. Только следы. Звериные тропы водопойные на ручье часто встречались. Человеческие — нет.

Обедал у небольшого водопада, которым окончился мой путеводный ручей — провожатый. Водопад понизу пробил в камне небольшое озерцо, прозрачное — каждую гальку видать на дне. Рыба там водилась крупная, гоняясь за чешуйчатой мелочью, которую исправно поставлял водопад.

Вырезал себе острогу, примитивную — счетверенный наконечник врастопырку. Посидел час на камушке практически неподвижно. Но добыл крупную рыбу только с пятой попытки. Длиной почти с мой локоть. Незнакомую мне на вид. Выпотрошил ее, убрал все брюшные пленки — про них препод по ихтиологии нам говорил, что само мясо рыб ядовитым не бывает нигде. Только плавники, жабры, брюшные пленки и иногда… икра. Вот и я не буду рисковать. У этого экземпляра икры не было — молоки, но я и их на всякий случай выкинул обратно в воду — рыбки все подъедят.

Запек эту совсем не неизвестную мне по форме рыбу на углях, на импровизированной решетке из сырых очищенных веток. И съел. Даже не съел, а пожрал все, как голодный кот — с урчанием. Соли у меня только мало — спичечный коробок и все. Но на это раз я не пожадничал. Экономить потом будем.

Отобедал до осоловения, да и привалился к нагретому камню — переваривать. Заодно ноги помыть и портянки на теплом камне просушить. Ноги теперь для меня — главный орган в организме. Хорошо еще я догадался сапоги обуть, а не кроссовки. Сейчас бы от этих кроссовок одни ошметки остались и свалянные

убитые носки.

Так хотелось подольше остаться у этого водопада — в ставочке под ним я еще десяток крупных рыбин видел. Но не ко времени курорт разводить. Топать надо. Определяться с местом. Меня дома ждут.

Горы на взгляд стали выше и дальше. Вроде я на верном пути в долины спускаюсь. Главное выйти к людям, а там до Москвы добраться уже не проблема. Или до Калуги. А от Калуги до родительского хутора уже совсем просто. Деньги у меня с собой есть. На билет хватит. А не хватит, так телеграмму пошлю бате, тогда и вернусь домой даже от Владивостока.

К исходу второго дня наткнулся наконец-то на натоптанную широкую тропу, почти дорогу. Следы в основном звериные — странные такие копыта скругленным трилистником. Передние — подкованные. Да и следы узких колес четко говорили мне, что люди тут точно есть, раз они что-то возят. А возят они какие-то камни — их много тут по обочине валяется. Рядочками такими с перерывами. По обе стороны пути, что характерно. Видать с кузовов нападали.

Поднял такой камушек, посмотрел — ничего не понял. Камень, как камень. Серый с искоркой. Меня этому не учили в камнях разбираться. Я все больше по живому. Или уже совсем с готовым железом…

Попил водички из термоса — холодная еще, и потопал в приподнятом настроении по дороге этой вниз. Вверх почему-то не захотелось.

К закату вышел я на избушку на курьих ножках, что стояла чуть в стороне от дороги. Мог бы и не заметить, если бы не крутил головой по сторонам как истребитель. Отнорок от дороги шел зигзагом и большими кустами как бы замаскирован. Да и не накатан особо.

Заимка на небольшой полянке у тонкого ручейка маленькая совсем. На двух широких пнях стоит на метр от земли. Пни эти на куриные лапы точно похожи своими раскоряченными корнями. Крыша в два ската. Дверь и одно волоковое окошко закрытое почти под самой крышей. Дверь заперта просто на приставную палку враспорку — от зверей, не от людей.

— Ну, и где тут баба Яга? — спросил я пространство. — Банька мне сейчас точно не помешала бы.

Пространство мне ничего не ответило.

Варя на ужин нехитрый супчик на допотопной керосинке, не переставал удивляться приютившему меня домику. Видно действительно места тут глухие, раз такие заимки стоят, как в уральских лесах. Стол, колченогий табурет и полати — вот и вся

обстановка. Полка еще под самой крышей с небольшим запасом соли, спичек, макарон, травки сушеной типа чая, сушеных же овощей… Мясо, видать, тут в лесу добывают — в коробке медной жести с притертой крышкой небольшая банка черного пороха, дробь, круглые пули и плоские капсюля. Немного всего — зарядов на десять. Но мне и этого выше крыши, спасибо вам, добрые люди, только у меня и ружжа-то нет.

После сухомятки последних дней жутко хлёбова хотелось. Вот и варю что-то вроде лукового супчика. Овощи местные. Сыр еще московский с бутербродов.

Бабы Яги, как и ее внучки ни в домике, ни окрест него не нашлось, но чувство того что я самый настоящий Ванька — дурак меня не покидало. Сюр какой-то… Сказка для малышей младшего студенческого возраста. Одно утешало, что люди тут все же есть. Оставил же кто-то припасы в этой заимке. Только вот люди ли? Сомнение грызло… Как бы не орки это с альвами…

И эти еще трехпальцевые копыта. Нет на Земле таких гужевых животных. Это я точно знаю.

Несмотря на все непонятки спал я в эту ночь как убитый. Может потому что дверь прочная на железном засове. Даже то, что какие-то блохи меня кусают, понял только перед тем, как проснуться. М — да… Это далеко не Рио-де — Жанейро… Впрочем, как там в бразильских фавеллах с блохами обстоит я не знал. По 'Дискавери' это не показывали. Может, еще хуже.

Настроение у выспавшегося организма прекрасное. Вот что значит вкусного жидкого да горячего похлебать и выспаться как следует в безопасной обстановке. Шел я по лесной дороге и напевал 'Вечную любовь' Азнавура, пока не понял, что на мне в спину пристально смотрят. Оборвалось мое пение на этих словах.

Я уйти не мог,
прощаясь навсегда.
Но видит Бог,
надеюсь, жду, когда
увижу вновь…##
……
Стихи — Ш. Азнавур. Русский перевод Н. Кончаловской.
……..

Оглянулся поспешно.

На фоне зеленых кустов орешника стояла и смотрела на меня во все синие анимешные глазищи девченка — пигалица, лет двенадцати — тринадцати, держа в руках веревку, к которой была привязана за рога вполне земного вида белая коза. Ноги босые. На худом тельце просторный сарафан на лямках. На голове — косынка, из-под которой выбиваются соломенного цвета локоны.

Ну, чисто Сольвейг… из этого… 'Пера Гюнта'.

'Блондинка, натуральная', — отметил я про себя, как будто это что-то проясняло.

Больше никого вокруг не было, и я успокоился. Улыбнулся, шутовки отвесил киношный мушкетерский поклон, приспособив вместо шляпы с пером скромную синюю беретку с китайского рынка.

— Прекрасный день, барышня, не находите, — поприветствовал я ее. — Не подскажете мне, как мне найти ближайшее жилье? А то я долго иду уже…

И так большие глаза ее стали еще больше. Она перетопталась босыми ногами, почесала лодыжкой об лодыжку, пожала худыми плечиками, но ничего не ответила.

— Парле ву франсе?… Шпрехен зи дойч?… Дую спик инглиш? — перебрал я вслух возможные варианты, хотя не знал, как следует, ни один язык из мною же обозначенных.

Так… В школе у меня был английский, в академии — немецкий. Но не более. Хотел еще спросить понимает ли она азербайджанский, но, взглянув на ее европеоидные черты и особо на радикальную блондинистость, понял, что этот язык она точно никак не поймет. Я и сам знал на нем только пяток самых расхожих фраз, которыми в школе нахватался от детей вертолетчиков.

Потом мемекнула коза, совсем по — нашему. По земному.

Девочка, наконец-то, произнесла несколько фраз, но… я такого языка точно не знаю. Посмотрел внимательно на ее уши, но они были укрыты под косынкой. Может она альва, или как еще в книгах пишут — эльфийка?

Постучав себя по груди кулаком, я представился.

— Савва.

Понятливая девочка ткнула в меня пальчиком и повторила

— Савва.

Я обрадовано закивал. Есть контакт!

Но дальше не заладилось. Свое имя она называть отказалась, хотя и поняла, что я от нее хочу. Повернулась и пошла вниз по дороге, таща за собой упирающуюся козу.

Оглянулась и призывно махнула ладошкой. Типа 'иди за мной'.

Я и пошел. А что еще делать в такой ситуации.

2

И вот уже почти год живу я на этом горном хуторе. Был бы кто сам не хуторским — с тоски бы тут сдох. А мне ниче так… привычно. За работой не скучашь, а всю работу на хуторе не переделать по определению. Язык местный освоил. Разговорный. Поначалу на уровне 'моя твоя не понимай', а потом пошло… Сейчас я вполне бегло болтаю на рецком.

Страна эта горная называется Рецией, а язык — рецким. А гора, на которой я материализовался — Бадон. По преданию когда-то на ней жили боги. Потом за что-то обиделись на людей и ушли. Куда? Кто знает?

Хозяин хутора оказался кузнец. Я у него соответственно — молотобоец. Потому так легко и вписался в местную жизнь, языка вообще не зная. На второй день услышал знакомые металлические звяки. Сунулся в кузню, что на отшибе стояла, дальше сортира от дома, чтобы значит, в случае чего постройки не попалить. И застал я там картину ругани двух братьев — хозяев. Младший ковал. Старший молотом бил. Но корчила его какая-то хворь, и бил он не так как нужно было кузнецу. Вот один и ругался, а второй оправдывался, как я понял по интонациям.

Подошел, молча, отобрал я кувалду у старшего. Посмотрел в упор на младшего. Тот кивнул и ударил молоточком по разогретой железке, я туда же кувалдой стукнул. И так еще пару раз, после чего младший старшего с кузни прогнал. И мы с младшим доковали колодезный ворот уже вдвоем. Хитрый такой ворот — граненый, выгнутый в обе стороны.

Младший… Ну, как младший… Это он брату своему младший, а так мужик лет сорока. Меня в два раза старше.

Так я там на кузне и прижился в этом мире. Относились ко мне хорошо. Не как к батраку, а как к члену семьи. Блудному сыну, который блукал не знамо где, но в одночасье вернулся в лоно семьи. Ни в еде, ни в одежде не отделяли, как всем, так и мне.

Когда язык освоил, то рассказали мне, что никакой России в этом мире нет. И не было. И Европы с Азией нет. Про Америку так вообще не слышали. Вот так вот… А что есть? Есть Серединная империя, в которой я сейчас и живу, есть Восточное царство, Островное королевство на севере, Западная республика, И на юг за горами десятка два государств поменьше. Это я их так называю, чтобы вам понятнее было. Думаю, не стоит мне уподобляться иным дивным писателям, которые норовят про эльфов писать на изобретенном ими же квенья, на котором

реальные альвы никогда не разговаривали, как я подозреваю. Так что все понятия и термины я буду давать по — русски, как они у нас называются. И вам язык не ломать, и мне так проще рассказывать.

Кстати, уши у всех оказались нормальными, человеческими.

Раз пять за это время ходил я в долгую увольнительную в горы, на то место, которое меня выбросило в этот мир. Бесполезно. Нагибайся, не нагибайся, все те же хвойные гиганты вокруг. Домой пути нет. Что летом, что осенью, что зимой…А по своим родным я скучал сильно, особенно зимой, когда метель в камине завывала. Песни тогда я пел грустные по — русски, а хозяин мне вымороженной бражки в такие вечера подливал, сочувствовал. Но помочь ничем не мог.

А девочка, что привела меня на этот хутор, все просила меня в такие минуты снова и снова спеть ей 'Вечную любовь'. И тоже помочь мне ничем не могла.

Маскировал я эти 'походы домой' охотой. Туда иду — силки ставлю, на обратном пути добычу собираю. В основном небольшие зверьки похожие на енотов попадались. Но шкурка добрая у них. Хозяева мои рады были. Шапки нарядные получались.

Ружьишко мне выдавал кузнец в те походы — дульнозарядную шомполку с капсюльным замком. Но я им не пользовался, только таскал с собой на всякий пожарный случай. Мало ли кто в горах дорогу перейдет. В первую ходку стрельнул пару раз, убедился, что нормально стреляет и все…

Несколько раз приходил с долины караван повозок. За этим серым камнем. Он тут у них вместо нашего угля, только горит жарче и без копоти. Кузнецы за него готовы были переплачивать против древесного уголька. Привозили металл в полосах в оплату, так как почему-то считали, что кузнец на его выработку право имеет, а их туда пускает из милости. Заодно заказы оставляли на что-либо посерьезнее топора или косы с серпом сковать. Особенно славились его замки с хитрыми ключами. Большие такие — амбарные.

Но больше всего заказов приходилось на зимние подковы с шипами, для стерхов. Это такие коньки — горбуньки с теми самыми трехпалыми копытами, что их телеги тянули. Да и у кузнеца стоял в сарае такой же пегий лошарик с длинными ушами, и большим горбом над лопатками. Мы для него всю осень сено косили. Даже малышня маленькими серпиками.

Охотники из долины, чья была заимка на курьих ножках в которой я ночевал попервоначалу, так тоже, возвращаясь домой, оделяли кузнеца приличным куском мяса горного козла, а то и

целую козочку оставляли или кабанчика. За то, что тут на его земле их заимка стоит. Такие вот отношения. Хотя никаких бумаг на эту гору у кузнеца не было — я это отдельно узнавал. И сам он был тут самым тривиальным понаехавшим.

Всего на этом горном хуторе жило две семьи или одна большая, это с какой стороны посмотреть. Старый дед — отец братьев — кузнецов, уже глухой совсем. Все корзины плел на продажу, хотя в его труде надобности никакой не было. Вдовый старший брат с дочкой. И сам кузнец с женой и четырьмя сыновьями — погодками от четырех до семи лет. Все белокурые и светлоглазые как чухна. Истинные арийцы, характер нордический, сдержанный… Даже шалили их дети как-то аккуратно, что ли.

Но если что серьезное случалось, то взрывались горцы с полпинка. Пару раз и мне пришлось с хозяином на пару на ярмарке помахать кулаками. По моему мнению, так вообще на пустом месте — из-за шуток. А вот хозяину не понравилось как меня задирают… Так что равнинные жители редко когда на горцев наезжали, особенно белокурых. Но и репутация была в империи у рециев как у тормозов, шуток не понимающих. А у долинных жителей Реции так горцев характеризовали. А уж кто для горца тормоз, мне не ведомо, может и есть кто…

Горцы же долинных жителей иначе как балаболками не звали. И на слово им не верили, хотя между собой у них слово значило больше любой самой серьезной бумаги с печатью. Да и как иначе, когда большинство населения в горах неграмотно. Живут малыми хуторами, школ нет, радио тоже. Я уже не говорю за телевизор. Газеты, журналы в стране ходят, только в горы они не попадают. Даже почтальон нас сам не посещает, хотя и должен, передает, если есть что с обозниками, которые за серым камнем к нам ездят.

Старшего брата хозяина мы схоронили по ранней весне, как снег сошел. Доконала его неведомая мне болезнь. По осени его и к докторам возили по дороге на ярмарку — ничего не помогло. Ссохся весь за зиму и отошел тихо во сне, как праведник.

Я сам ему могилу копал в каменистом грунте, типа крымского. Без кайла делать нечего, лопаты железные гнутся. Вот и трудились, я — киркой, хозяин мой — лопатой совковой. За три часа могилку продолбили. Поначалу я не понял, почему кладбище на такой трудной земле основали, обычно же стараются везде, где людей уважают, для кладбища песочек выбрать и сосны. На крайний случай — березки. Оказалось все просто — ни для чего другого эта земля не приспособлена. Ни овощь на ней не вырастить, ни скот нормально пасти. Виноградник бы тут

прижился, да высоко для виноградника, зябко тут ему. На зиму зарывать в землю надо, а в такой грунт… Проще вина в долине купить. Сразу бочку, чтобы на год хватило.

Схоронили старшего на пригорке, где до того только его жена лежала. Вторая могила — это уже заявка на родовое кладбище. Хотя жили они тут по праву самозахвата этой земли, которая никому другому вроде не интересна была. Тенденция в империи уже нарисовалась такая, что сельский народ продавая, а то и просто бросая свои наделы все чаще в город подавался, где деньги легче зарабатываются и рабочий день нормированный, хоть и в десять часов длиной. К тому же выходные и оплачиваемые отпуска по имперскому закону любому наемному рабочему положены.

Постояли мы у могильного холмика, помянули раба божьего, что в этой юдоли отмучился и домой ушли. Думаю, что если бы не его болезнь, то может и не оставили бы эти люди меня у себя, накормили бы 'немого' странника и с утра дальше вниз, в долины, прогнали. А там… Фишка могла лечь на любую сторону. Потом я уже насмотрелся на местную жизнь. Разная она. Так что можно сказать, что повезло мне на добрых людей. И на мягкую адаптацию к местным нравам и понятиям.

Элика, та девчонка, что меня с козой на дороге встретила, за ту же зиму, что ее отец сох, в бабью стать вошла — выросла, округлилась в тех местах, где положено. Соблазн жуткий для молодого парня который больше полугода без женской ласки живет, только вкалывает. Так что я от греха подальше, как только чуть потеплело, перебрался спать на сеновал, что надстроен был над стойлом лошарика. Медвежья шкура снизу на сене, большой овчинный тулуп сверху — красота. И воздух чистый, не то, что в избе, где жарко натоплено и такая куча народа его надышала со всех дыр.

Весна…

Дразнящие ароматы вокруг…

В лесу щепка на щепку лезет.

У девочки первый гормональный шторм башню сносит. А вокруг кроме моей кандидатуры никого и нет больше с кем 'в люблю' играть.

И я с сухостоем.

Поначалу все было как-то невинно, что ли. На глазах у всех. Прибегала, садилась рядом, прижималась к боку, и начиналось все с плача по безвременно ушедшему отцу, приходилось утешать, а заканчивалось все одинаково тем, что просила она меня спеть 'Вечную любовь'.

Потом как-то осмелела и на сеновал ко мне ночью

прошмыгнула. Разбудила. Опять ее утешай…

Залезла ко мне под тулуп, поплакала немного, потерлась об меня всем телом, потом целоваться вздумала. Решил я, что попробую просто петингом отделаться, но… требование юной чертовки было категоричным и императивным.

— В дырочку!

Так конечно долго продолжаться не могло, но месяц с небольшим мы продержались, тая наши новые отношения от остальной семьи.

Потом попались.

Точнее она попалась, когда очередной раз ночью в сенях с дядей столкнулась, который до ветру выйти намылился не вовремя.

Меня с нее никто не снимал, так что только подозрениями, хотя и суровыми, со стороны хозяина я легко отделался. Кузнец только глазами сверкал, но коли не пойман, как говориться, то и не вор… А по их понятиям за конкретную предъяву надо ответ держать по всей строгости. Только работой меня нагрузили сильнее, чтобы на ночь сил не оставалось. Но это он по своему возрасту судил, сам упахивался вместе со мной так, что к вечеру его ноги не держали. Я тоже сильно уставал, но юный организм бабу хотел больше, чем сна.

Продолжалось бы так и дальше, встречи только хитроумнее обставлять пришлось, да и тепло настало, в лесу зеленый лист вылез. Пришло время собирать ранние травки и дикий чеснок. Так что, поставив силки, приходил я в условленное место в густых кустах лещины, где и любились мы с Эликой, никого уже не опасаясь. Потом порознь расходились и приходили домой по одному — она с корзиной, я с двумя — тремя кроликами. А то и облезлым енотом. С виду все чинно и благородно.

В конце мая поехали мы с кузнецом на ярмарку в долину только вдвоем почему-то.

Расторговались быстро, в два дня.

Закупили что нам в горах потребно.

И повел он меня в казенный дом, как сказал: документ мне выправлять. Я и пошел спокойно, так как никакой подлянки от него не ожидал. А зря.

Где-то полчаса я ждал кузнеца в унылом коридоре присутствия на жестком стуле. Потом и меня вызвали к местному начальству в убогий кабинет, где единственным ярким пятном был ростовой портрет императора в золоченой раме.

Тучный усатый начальник в мундире, смутно напоминающий иллюстрации Йозефа Лады к 'Бравому солдату Швейку', долго тряс мне руку, чуть кисть не оторвал, и нудно восхвалял мои

мнимые достоинства и имперский патриотизм, пока до меня не дошло, что я, стараниями кузнеца, записался добровольцем в армию. Уже.

Вот облом, так облом… И отказаться вроде как нельзя… Отказаться от такой почетной обязанности верного подданного императора, это вроде как отказаться от семьи кузнеца, которая была для меня единственным источником легитимации в этом обществе. Да мне и времени не дали на раздумья.

Дали только провожатого, у которого на плече висела длинная винтовка с примкнутым ножевым штыком.

Кузнец мне выдал из телеги заранее приготовленную им втайне от меня котомку с запасным бельем, бритвой и онучами, корзинку с харчами и кошелек в виде мошонки с завязками с дюжиной серебряных и тремя десятками медных монет. Помявшись, сказал.

— Это тебе на первое время. Потом тебе жалование будут платить. Все твои вещи мы сохраним в целости, за них, Савва, ты не бойся, — я на ярмарку приехал во всем домашнем, во что меня уже тут одели, а московские вещи лежали в сундуке, моем, отдельном. — Как и за долю свою не бойся — сохраним. Служи честно. Выслужишь через три года полное гражданство, тогда и возвращайся на мою племянницу залазить. С полным правом.

И подмигнул мне глумливо, паршивец.

А меня под конвоем отвели на окраину города, где размещался за забором армейский сборный пункт, который, наверное, в любом конце галактики будет одинаковым, где и поселили не в душной казарме для рекрутов, а в прохладной и комфортной шестиместной палатке, которые предназначались для добровольцев, как льгота.

Там я от соседей и узнал, что уже неделя как началась война империи с южным соседом.

Здравствуй, опа, Новый год! К чему мне еще и чужая война? За что?

3

Долго мне бичевать на пересылке не пришлось. Тут в империи, хоть и армия, но порядок в ней был.

После обеда всех добровольцев помыли в бане. И потом долго гоняли в голом виде по врачам в длинном бараке. Некоторых отсеяли по медицинским показаниям, на что те очень обиделись на эскулапов и к моему удивлению громко требовали пересмотра такого решения.

Пока стоял в очередях этой медкомиссии я выяснил весьма любопытные подробности имперских порядков. Лет так за десять до моего попаданства в этот мир император Отоний Второй провел очень прогрессивные реформы. Особенно государственной службы. Все окружающие империю страны уже перешли от небольшой профессиональной армии к массовой армии по призыву, основной задачей которой в мирное время была подготовка обученного резерва на случай большой войны. Не отстала от них и империя. Но к хорошему кнуту — каторги на такой же срок за уклонение от призыва, император добавил несколько очень заманчивых печенюшек не только в виде некоторых льгот для добровольцев.

Все население империи теперь делилось не на дворян, мещан и крестьян, а на подданных и граждан. Причем представители любых сословий (которые никто не отменял) могли оказаться и в той и в другой категории. Но подданные имели только обязанности перед короной, а граждане еще и права. Право государственной службы, право избирать и быть избранным, как на муниципальные должности, так и депутатами в провинциальные сеймы. Избирать и быть избранным можно было только после трех лет военной службы в любых чинах.

Служба по призыву имела двухлетний срок и гражданства не давала — оставайся на сверхсрочную еще на два года, если приспичило стать гражданином. Таким образом, поощрялось и мотивировалась добровольчество. И пункт в биографии о том, что человек служил в армии добровольно, при прочих равных, имел преимущество во всем в последующей жизни.

Дворяне, даже имеющие высокий образовательный ценз начинали военную службу с рядового — сроком на год. После чего они могли поступать в офицерские училища или дослуживать свой срок в чине фельдюнкера еще два года помощниками офицеров в ротах, если настроились на гражданскую жизнь. Такие уходили на дембель лейтенантами военного времени и составляли офицерский резерв ротных

субалтернов на случай большой войны и массовой мобилизации. Но для этого надо было иметь полное среднее образование. Иначе — служи как все, даже если твой род насчитывает больше тысячи лет. Героические предки за тебя служить не будут.

Студентам технических специальностей без различия сословий давали спокойно доучиться и призывали их только после защиты дипломной работы на тех же основаниях, что и дворян. Что часто приводило к таким, на мой взгляд, курьезам как воинское звание инженер — ефрейтора. Они также после года солдатской лямки могли пойти на краткие офицерские курсы и продолжить службу уже в корпусе военных инженеров или дослужить оставшиеся два года инженер — юнкером с выходом в отставку инженер — лейтенантом. Но таких высоколобых солдат чаще можно было встретить на флоте, чем в пехотной казарме.

Гуманитарии служили также как и необразованные, кроме переводчиков и юристов, которые со второго года служили по специальности.

В первый год службы ни дворянам, ни бывшим студентам никаких поблажек не давали — гоняли и в хвост и в гриву, как и всех. Император считал, что не понюхавший портянок в казарме изначально плохой офицер, так как солдатской жизни не знает. А как можно успешно командовать теми, кого не знаешь?

Ни титул, ни древность рода, ни образовательный ценз, ни размер состояния значения не имели.

А по поводу активных возмущений решениям медкомиссии, то ларчик открывался просто — для государственной службы требовалось такое же наличие здоровья, как и для армии. При этом никаких ограничений для частной инициативы в империи не было. Только для госслужбы.

Но гражданин всегда и везде имел преимущество перед подданным. Даже государственные заказы при прочих равных условиях передавали гражданам. Такое вот стимулирование полновесным кройцером.

Как императору удалось таким образом прижать не только родовитых дворян, но и толстосумов третьего сословия ума не приложу. Но ведь сумел. Сроку на реформу госслужбы было положено пятнадцать лет. Таким образом, через пятилетку удалялись в отставку все чиновники, не служившие в армии, и заменялись дембелями.

Так что при очередном уточнении списка налогоплательщиков, которые в империи составлялись каждые в пять лет, меня все равно бы призвали в армию. Но добровольцы имели десятипроцентную льготу по налогам всю оставшуюся жизнь. Кузнец меня фактически облагодетельствовал, только я

еще этого не понимал и был на него очень зол, хотя и понимал его мотивы.

Медкомиссию я прошел на ура и был признан годным к службе без ограничений.

Потом нас всех переодели в хлопчатобумажную униформу светлогорчичного цвета. Выдали сапоги, щетку, ваксу, ремни и ранцы, подворотнички, иголки и нитки. Все пока без знаков различий. И дали время привести себя в порядок до ужина.

Подворотнички оказались у всех одного размера, для меня короткого. И чуя предстоящую раздачу звиздюлей от сержантов, я просто оторвал полоску от чистого носового платка и подшил ее к воротнику на найденный около палатки кусок конопляной бечевки. Получилось аккуратно и даже красиво. Главное, что бечевка не проволока, щупай ее не щупай она мягкая.

Иголки с нитками я прикрепил за отворот кепи. И подписал все свои вещи химическим карандашом по — русски 'Кобчик'. А то знаю я, как могут 'гулять' в армии неподписанные вещи. Я бы и хлоркой их подписал — что надежнее, но не было ее в досягаемости.

На ужин мы шагали пока еще толпой, но уже в форме, вызывая приступы зависти у рекрутов, которые на нашем фоне выглядели разномастной толпой беженцев.

Накормили нас по меркам российской армии неплохо. Кашей со щедрой мясной подливой, типа татарского азу. И на запивку выдали что-то отдаленно напоминающее какао. И вкусный свежеиспеченный хлеб.

После ужина выдали по куску дерюжного полотна и приказали все домашние вещи зашить в него. Их отправят домой почтой. Вот каждый и сидел перед палаткой и сортировал свое барахло, мучительно думая, что оставить, а что домой отослать. Я себе из домашнего кроме носовых платков и мыльно — рыльного оставил только нож, запасные портянки, бритву, да кресало — лишнее барахло солдату только в тягость. Еще харчи домашние. Помню сам, что по первой в армии как ни корми — все одно чувство голода будет неистребимо месяца три.

Ну, и нож не забыл. Он у меня еще с Москвы — китайская подделка под испанскую складную наваху. Железо — дрянь, хотя точиться хорошо до бритвенного состояния, но держит заточку недолго.

Потом пришел интендантский фельдфебель и с ним два солдата прикатили ручную тележку. И все наши посылки покидали в нее. Неграмотным, в том числе и мне, адреса написали на них с наших слов.

А дальше была самая желанная команда для солдата —

'отбой'. Ее продудел невидимый отсюда горнист. И я заснул с чистой совестью на чистой простыни, пусть теперь о моей судьбе командиры думают. Им за это большое жалование платят.

На следующий день на каждые две палатки нам прикрепили по старослужащему ефрейтору в качестве командира отделения. И после завтрака, наскоро сбив взводные колонны, всех обмундированных добровольцев — чуть за сотню голов, под командой высокого горилообразного фельдфебеля повели пешком в летние лагеря на курс молодого бойца, как я понял. Мне повезло попасть на сборный пункт в последний день перед отправкой учебной роты. А то бы куковал там еще две недели, пока не сформируют новую.

Что-либо нам объяснять никто не удосуживался. Приказали идти — вот, и выбиваем пыль из дороги. Никаких политинформаций про войну нам никто не проводил, как будто ее и не было.

Топали долго, до обеда, отмахав километров пятнадцать. Не сильно-то и устали — налегке шли по хорошо укатанной дороге при прекрасной еще не жаркой погоде. Воздух чист все горы окрест видно. Ранец только вещь для меня непривычная — ни разу не сидор тряпочный. Но на первом привале я его лямки подогнал поудобней, и стало легче.

По сторонам шоссе цвели какие-то цитрусовые сады, уходили на косогоры шпалерами виноградники, и поля уже зеленели первыми всходами. В этой долине, наверное, нет ни одного клочка земли, к которому бы не приложились трудолюбивые крестьянские руки. И щедрая земля долины на труд отзывалась сторицей.

Когда проходили поселками, то народ нам улыбался, девчонки слали воздушные поцелуи, а мальчишки — дошколята пристраивались за колонной, пародируя строевой шаг. Чувствовалось, что здесь свою армию любят. И это неожиданно грело и заставляло подтягиваться.

Поселки эти я бы не назвал богатыми — у нас в горах дом был намного больше и кузнецы строились просторней. Но и косых нищих халуп замечено не было. Дворы в цветущих фруктовых садах вообще создавали праздничную атмосферу. Заборы имелись, но, на мой взгляд, несерьезные такие… У нас в России таким штакетником разве что палисадник огородят. Так что это даже не забор, а так… вид забора, символ.

Прибыли в летний лагерь, который неожиданно для меня огородили от окружающего пространства не двухметровым забором, а таким же низеньким штакетником.

На воротах со шлагбаумом 'грибок' с одиноким часовым,

мявшим плечо длинной винтовкой. Ворота настежь, шлагбаум опущен. Нет, вру… Еще один встречающий нас офицер тут был, который тут же повел нас по усыпанным речным песком дорожкам к стройным рядам шатров на кирпичном основании.

Внутри брезентового шатра обнаружились центральный опорный столб, деревянные полати буквой 'Г', матрасы стопкой, подушки на них. В каждый шатер влезало отделение — дюжина рыл.

Тут мы оставили ранцы и нас повели на кухню, к которой была пристроена летняя столовая под навесом с двумя рядами длинных столов с лавками — каждая на шесть седалищ. Всего такая столовая вмещала сотни четыре человек. И не все столы в обед были заняты.

Назначили методом тыка бачкового и всем приказали сесть. Бачковым в нашем отделении выпало быть мне. Показали где получить дюжину мисок и ложек, буханку хлеба на всех и бачок с гороховым супом одуряюще пахнувший копченостями.

Когда дружно смолотили суп, то пришлось мне опять бежать, менять пустой бачек на кастрюлю с макаронами по — флотски.

Потом еще метнуться за большим чайником с неистребимым, наверное, в любой армии компотом из сухофруктов и дюжиной кружек.

А когда все поели, то отнести грязную посуду на мойку предстояло тоже мне. Нормальный расклад для дежурного. Завтра другой так же шуршать будет.

А дальше началось… С того, что всех постригли под ноль ручной машинкой. Механической. Электричества я тут пока в быту не видел.

И строевая, строевая и еще раз строевая подготовка до седьмого пота и отлетания стальных подковок с сапогов. Тут и мне пришлось попотеть, потому как и ходили в этой армии строевым шагом несколько по другому и честь воинскую отдавали другим манером. И туева хуча других нюансов которые отличали эту армию от российской. Вместо 'есть', тут говорили старшему по званию 'слушаюсь'. Вместо 'разрешите обратиться?' — 'осмелюсь обратиться…' и т. п. мелочи, но которые надо в себя вбивать на уровне рефлексов. Так что КМБ этот и для меня — российского дембеля, оказался настоящим КМБ, как и для любого другого новобранца. Может быть даже труднее, потому как мне приходилось переучиваться.

И еще одно суровое отличие от российской армии. Передвижение по лагерю хоть в одиночку, хоть в группе исключительно бегом или парадным строевым шагом. Вот так вот. Поймали на обычном прогулочном шаге — залет. А

залётчики по вечерам, когда у всех краткое свободное время, подновляли дорожки, таская песок носилками с речки. Меня пока эта стезя не коснулась. Не был я 'курсант Образцов', но и не ходил в 'курсантах Разгильдяевых'. Так крепкий середнячок. Еще Пушкиным в 'Капитанской дочке' завещано: 'На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся'. Вот я старался соответствовать древней русской мудрости. Все равно этот курс молодого бойца всего на месяц, а там нас раскидают по разным частям — прокатила такая параша по личному составу. Ну и стоит ли в таком разрезе анус драть на британский флаг?

На вторую неделю немного сократив строевую подготовку добавили начальники занятия по изучению винтовки.

Ефрейтор Бут держа в руках изумительно изящный агрегат, кое — где еще с латунными частями, наставительно произнес.

— Вот господа новобранцы наше основное оружие пехоты — малокалиберная однозарядна винтовка системы инженера Кадоша. Ее вы должны будете изучить от мушки до последней антабки и должны знать ее особенности и конструкцию лучше, чем прыщи на заднице своей подружки. Ясно всем?

Дождавшись нестройного ответа и сдержанных смешков, переспросил.

— Ясно всем? Не понял?

— Все ясно, господин ефрейтор, — на это раз все гаркнули дружно, зная уже, что будут отвечать до тех пор, пока ефрейтору не надоест задавать свой вопрос.

— Ну, коли всем все ясно, то приступим к занятиям. Слушать внимательно. Отдельно повторять не буду. Сами вечером на песочке повторите.

Никому вечером таскать песок, пока остальные отдыхают, не захотелось. В учебной беседке настала мертвая тишина.

Винтовка была длинной — больше полутора метров. По сравнению с трехлинейкой — тонкой и стильной. К ней еще длинный штык — нож прилагался с сорокасантиметровым лезвием. Нижняя сторона клинка заточена, верхняя изображала собой пилу. По центру лезвия 'сток для крови', но на самом деле такие выемки в клинках делаются всего лишь для его облегчения. Носят его в обшитых кожей деревянных ножнах на поясе, рядом с подсумком для патронов, ближе к боку. Скорее всего, из-за его длины.

— Вот унитарный патрон для этой винтовки, — продолжал свою лекцию ефрейтор, показывая нам сей гаджет в распяленных пальцах. — Гильза латунная с толстым рантом, который работает как капсюль бокового воспламенения. Пуля свинцовая с медной полуоболочкой, что с одной стороны не дает забивать нарезы

ствола свинцом, а с другой сохраняет сильное убойное действие на всей дистанции выстрела. Это понятно?

— Так точно, господин ефрейтор, — дружно гаркнуло отделение.

Довольный эффектом командир отделения по — доброму так улыбнулся. Знаю я такие добрые сержантские улыбочки… Ну, вот… накаркал…

— Новобранец Кобчик.

— Здесь, господин ефрейтор, — подорвался я с лавки.

— Чем отличается винтовка от ружья? — задал он, по его мнению, каверзный вопрос неграмотной деревенщине.

— Осмелюсь доложить, господин ефрейтор, — затарабанил я, не уставая 'есть глазами начальство', как то здесь и положено. — Тем, что в стволе винтовки есть закручивающиеся нарезы, которые сообщают при выстреле пуле вращательное движение, чем достигается повышенная меткость и усиленная дальность при одинаковом пороховом заряде и весе пули. А у ружья внутренние стенки ствола гладкие.

— У — м–м — м, — ефрейтор несколько раз удивленно кивнул головой, подтверждая мои слова. — Горец?

— Так точно, господин ефрейтор. С горы Бадон.

— Егерь?

— Никак нет, господин ефрейтор, я кузнец. Но на охоту ходил часто и подрабатывал егерем у охотников с долины. Они на нашей земле свою заимку держали.

— Дома у тебя оружие какое?

— Гладкоствольное дульнозарядное капсюльное ружье. Чья система не ведаю.

— А из винтовки стрелять приходилось?

— Так точно, господин ефрейтор, только не из такой системы. Та винтовка была с поворотно — скользящим затвором, — припомнил я оставшуюся дома свою драгунскую 'мосинку', которую батя мне подарил на шестнадцатилетние, — как на оконном шпингалете.

— Откуда тебе в руки попала армейская винтовка Островного королевства? — в голосе ефрейтора прорезалось подозрение.

От, блин, чуть не спалился, Штирлиц недобитый.

— Дык… господин ефрейтор… Охотники дали как-то раз из такой стрельнуть в козочку, — соврал я на голубом глазу.

— Садись, — отпустил меня ефрейтор.

А я сам себя вовсю внутренне материл за несдержанность. Мне оно надо? Попадать на карандаш к контрразведке как потенциальному шпиону Островного королевства? Что такая тут есть, я голову заложу. Не может в массовой армии не быть

контриков и особистов, по определению.

— Калибр винтовки системы инженера Кадоша составляет шесть с половиной миллиметра, — продолжил свою лекцию ефрейтор. — Кажется мало, если сравнивать с нашими соседями, у которых винтовки калибром восемь, а то и одиннадцать миллиметров. Но это только кажется. На самом деле малый калибр обеспечивает лучшую настильность выстрела, а соответственно и увеличивает прицельную дальность прямого выстрела. А неполная оболочка пули еще и хорошее останавливающее действие при меньшем весе самой пули. Новобранец Гримат, повторить, что я только что сказал!

Дальше пошло обычное армейское занятие, где информация вдалбливалась пополам с моральными звиздюлями. На моих глазах тут еще ни к кому не применили ни телесных наказаний, ни мордобоя. Нас даже по уставу наказать не смели, потому, как мы еще не приняли присяги и считались пока гражданскими лицами. Самое страшное, что могло с нами приключиться это отчисление из добровольцев по дискредитирующим армию мотивам. Но это сурово. Бывший доброволец второй раз добровольцем стать не мог. И его в следующий призыв просто забривали как обычного рекрута, со всеми вытекающими. Впрочем, любой из нас в любое время мог выйти на плац около столовой и позвонить в колокол, который созывал нас на обед, и беспрепятственно после этого выйти за ворота снова гражданским человеком. До очередного призыва… В нашу смену таких желающих не нашлось, хотя об этом нам напоминали каждую неделю.

Сама же винтовка оказалась проста и безотказна как кузнечная кувалда. В стволе имелось четыре правых нареза. На вес она чуть тяжелее 'калаша'.

И мы все по очереди усваивали последовательность действий при стрельбе.

Чуть оттянуть на себя ручку затвора размером не шире пальца и затвор непривычно откидывался вверх.

Вложить рукой патрон.

Закрыть затвор до щелчка.

Взвести открытый курок.

Все готово — стреляй. Только прицелиться не забудь. Целик сдвижной размечен на 1500 метров. Прицельная линия длинная. На охоте бы такое ружжо было бы бесценно. Особенно с тупой полуоболочечной пулей, которая тут за основную. Козла горного можно снять с соседней горки. Правда, потом замучаешься его искать и доставать.

Но и без косяков не обошлось. При открывании затвора

стреляная гильза экстрагируется лишь наполовину, так что полностью вынимать ее приходиться пальчиками, что не айс, а просто горячо.

Заметил еще, что при открытом затворе эту винтовку очень легко чистить с казенной части, что откровенно порадовало. Даже неполной разборки не требовалось. Но часто чистить мне ее не пришлось.

Дали нам за весь КМБ пару раз отстрелять по десять патронов на разные дистанции. И хватит с нас. Мало? Это с какой стороны посмотреть, если на весь день боя у солдата тутошнего боезапас всего в тридцать патронов. Начальство посчитало, что этого достаточно.

Зачет по матчасти принят.

Зачет по стрельбе принят.

Занятия по оружию вели отделенные ефрейтора, а вот зачеты принимали офицеры, которых обычно мы видели как ясное солнышко дождливым ноябрем. Не баловали они нас своими присутствием.

Вместе с винтовкой появилась и так называемая 'словесность', которую вели уже непосредственно офицеры. Всякое бла — бла — бла про 'священный долг защиты родины и императора', 'верности династии' и 'стойкого преодоления тягот и лишений военной службы'… Эти занятия новобранцы в массе воспринимали, как возможность лишний раз отдохнуть от строевых занятий, а я ловил крохи информации об окружающем меня обществе. Мне тут еще три года жить.

По мере нашего освоения строевого шага стали появляться и другие занятия. Я со всем отделением поспорил на компот, что первым делом пойдет у нас изучение Дисциплинарного устава и выиграл. Впрочем, что с новобранцев взять? Зато следующие полторы недели я пил каждый день двойную порцию компота. Из принципа.

Месяц пролетел быстро. К новой армии я адаптировался быстро и практически легко, все же второй раз служу. Но что меня до глубины души поразило, так это то, что имперские офицеры — дворяне и аристократы в массе своей, были намного ближе к солдатам, чем в рабоче — крестьянской Красной армии и наследнице ее традиций — армии Российской. Такого запредельного чинодральства и командирского чванства я тут не увидел. Не говоря уже о принуждении солдат к труду на личное благо офицеров. Это еще не значит, что не было между солдатами и офицерами четкой уставной дистанции, но командиры умели ее держать, не унижая и не оскорбляя солдата. Солдат империи — это человек имеющий честь и посягать на нее никто не вправе,

ибо он слуга императора. Тут даже из армии увольняли только по двум статьям, даже комиссованных по здоровью, 'с почетом' или 'с позором'. Увольнение 'с позором' поражало даже выслуженные гражданские права.

Как, впрочем, не заметил я и откровенного пьянства офицеров. Как тут не вспомнить мне своего ротного в уральской мотострелковой бригаде, который через раз на вечерней поверке появлялся в казарме никакой, разве что на ногах еще стоял. Здесь если офицер на вечерней поверке тусуется, значит в роте ЧП.

Основные рабочие лошадки службы войск здесь ефрейтора и унтер — офицеры. Доверие со стороны командования к ним полное, как и спрос за службу. Даже фельдфебель для рядового уже почти недосягаемая фигура. И если ефрейтора еще встречаются из старослужащих, то унтера и фельдфебели практического поголовно сверхсрочники, дядьки в возрасте. Причем им искренне нужно было, чтобы мы именно служили, а не мучились. И воинскую науку вбивали в нас крепко. Килограмм шесть — семь живого веса за эти лагеря я потерял точно. И это еще без кроссов, которых тут не было, только на строевой с ружейными приемами от взятия 'на караул' до 'штыком коли — прикладом бей'.

Если командира своей учебной роты капитана барона Зандерфорта (кстати, щеголявшего в петлице мундира ленточкой 'Солдатского креста'!) мы видели редко, это еще не означает, что он нас не знал. На третьей неделе ротный практически всех окликал по фамилиям и не путался. И к концу срока обучения дал нам всем вполне объективные характеристики, причем нам же на руки в письменном виде, что меня откровенно потрясло. Но не все зависело от него.

На третьей неделе приехали из города два майора из строевой части гарнизона с бричкой, полной наших личных дел и взвода снова перетасовали так, что в одних оказались сплошь неграмотные новобранцы, а в других умеющие хотя бы читать и писать на рецком. В один взвод собрали всех тех, кто еще знал общеимперский язык. Для меня это был четкий разведпризнак, что скоро набегут 'покупатели' за пополнением для своих полков и батальонов.

На тридцатый день лагерей, нас снова построили в ротную колонну и пешком отправили в город, тем же маршрутом, только в обратном направлении. После усиленного издевательства над нашими тушками, именуемым курсом молодого бойца, этот поход воспринимался нами как увеселительная прогулка, хотя жара за это время существенно усилилась. Лето пришло в долины.

4

По дороге в город встретили такую же учебную роту, которая навстречу нам направлялась в те лагеря, которые мы покинули.

Фельдфебель громко скомандовал.

— Отдать честь добровольцам.

И вся наша рота, пока мы не разошлись с новобранцами, шагала по пыльному проселку высоким строевым шагом, сцепив в шеренгах мизинцы и повернув головы в сторону 'желторотиков'.

Впрочем, нам после десяти километров дороги кило пыли больше, кило пыли меньше — все равно, а новобранцам приятно. Да и нам это серьезно подняло самомнение.

В гарнизонном военном городке нас первым делом отвели в нормальную баню (в лагерях мы мылись исключительно в холодной речке) и накормили обедом, а потом забрали нашу полевую униформу в прачечную, а нам выдали чистую подменку второго срока, и завертелись приятные хлопоты по выдаче и подгонке парадного обмундирования. Помимо гарнизонной швальни, наверное, еще всех городских портных временно призвали на военную службу. Много крутилось вокруг нас гражданских с портняжными метрами и иглой. Но зато и выглядели мы уже к вечеру красавцами, а не чучелами.

Поменяли нам все, кроме сапог.

Парадный мундир выглядел красиво, но для меня непривычно. Черные брюки были параллельные, с возможностью носить под них ботинки (которых нам не дали), и на них запрещено было заглаживать стрелки. Сам мундир был так называемого 'лацканного' кроя светло серого цвета. Узкий в талии, двубортный, в котором борта расходился к плечам. На животе два ряда ясных посеребренных пуговиц по четыре штуки в ряд — одна ниже пояса, остальные выше, до грудины. И две по две пуговицы на верхний срез лацкана, почти на плечах. Декоративные на правом плече. Реально застегивающиеся на левом. Я еще удивился, что застежки на 'женскую' сторону, но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, поэтому промолчал, подтверждая наработанную репутацию угрюмого и малоразговорчивого горца.

Карманов у этого мундира не было предусмотрено. Вот так.

Канты цветные нам вроде также не были положены, но вот обшлага рукавов достались нам цветные. В основном черные, кроме рецких 'грамотных' взводов — у тех они были темно — зеленого цвета, присвоенного горным стрелкам. На обшлаге клапан на три пуговицы, причем две из них застегнутые, а нижняя

— нет. Почему так? Мне никто так и не мог внятно объяснить, в смысле наши ефрейтора, к офицерам я с такими вопросами благоразумно не лез.

Воротник был гибридом стойки и отложного. Внутри шла мягкая стойка на два крючка, а от нее уже шел отложной ворот, на который мы потом пришивали большие трапециевидные петлицы. В цвет обшлагов.

И кепи. Смешное такое… Донце тульи маленькое, смещенное ко лбу. Черный квадратный козырек лакированной кожи.

Потом раздали петлицы, эмблемы, кокарды и ефрейтора проследили, чтобы мы все это пришили правильно.

Кокарда была маленьким жестяным кружочком, выдавленным штампом в подражание златошвейной вышивки. Внутри черная точка, которую обрамлял красный круг и снаружи ничем не закрашенная светлая жесть.

Эмблема нашему взводу досталась знаковая — перекрещенные кирка и лопата. А куда еще посылать неграмотных 'джамшутов' с гор? Только в стройбат.

Думаете, меня это огорчило? Вот нисколько. Это чужая для меня война, чтобы идти кровь проливать неизвестно за что. В полный рост на пулеметы.

Наши ефрейтора также переоделись в парадку, только их обшлага и петлицы были темно — малиновые, а эмблемой на кепи две скрещенные винтовки. Также темно — малиновым были донышки тулий их головных уборов. На рукавах по два серебряных шеврона один в другом. Наш отделенный был старшим ефрейтором, у него внутри шевронов располагалась еще ромбическая звездочка.

Ротный фельдфебель был обмундирован аналогично ефрейторам, только в его петлицах сияло по две ромбических звездочки.

Построив после ужина роту, фельдфебель неожиданно распорядился.

— Всем отбой. По — тихому.

Не дожидаясь вопросов из строя, пояснил.

— Завтра вас ожидает суровый день — подготовка к принятию присяги на верность императору и отечеству. Так что гонять вас будут так, как в лагерях и не снилось. Поэтому приказ: никому не колобродить и хорошо выспаться. Ясно всем?

Однако следующий день принес нам очередной сюрприз. Вместо того чтобы усиленно топтать брусчатку плаца, нас выстроили на стрелковом полигоне, где был сооружен дощатый помост на который взошли трое гладко выбритых военных чиновника, у которых вместо кокарды на кепи располагался столб

увенчанный короной, и расселись за стол покрытый зеленым сукном.

Председательствующий с тремя звездами на серебряных петлицах позвонил в колокольчик и, привычно дождавшись полной тишины, заявил.

— Выездное заседание военно — полевого суда Рецкого военного округа объявляю открытым. Ввести обвиняемых.

Конвоиры с винтовками вывели на помост малорослого толстого офицера в мундире с темно — синими обшлагами и длинного худого штатского. Последний был одет дорого и с претензией, но его платье было сильно помято, будто он в нем несколько суток подряд спал.

— Обвинение присутствует на заседании? — спросил председатель суда в пространство.

— Так точно, ваша честь, — по ступенькам вбежал моложавый военный прокурор с кожаной папкой под мышкой, которая зажала эфес его прямой шпаги и оттопырила ее под неестественным углом к телу.

В отличие от поголовно усатых строевых офицеров этот тоже был гладко, как тут говорили 'по — артистически' выбрит.

— Приступайте, — разрешил председатель суда.

Прокурор раскрыл свою папку и стал с некоторым артистизмом зачитывать.

— Капитан интендантской службы имперской армии Рой Шаргол и фабрикант Салмон Арш обвиняются в преступном сговоре, произведенном с корыстной целью. Мошенническим образом они нанесли имперской казне материальный вред на сумму в сто двадцать две тысячи золотых кройцеров.

Тут строй солдат непроизвольно ахнул услышав про такую огромную сумму которую каждые девяносто девять солдат из ста себе даже представить не могли в натуре.

А прокурор продолжал вести дозволенную судом речь.

— Преступное деяние вышеозначенных господ полностью изобличено, доказано и обвинение требует…

— Попрошу уважаемого прокурора не частить, — прервал его председатель суда довольно скучным тоном. — Судебное присутствие должно само разобраться в вашем обвинении беспристрастно и невзирая на лица. Наше дело судить, а не штамповать бумаги из военной прокуратуры. Давайте подробнее, советник… И по сути дела.

— Вы позволите, ваша честь, предоставить суду вещественный результат преступного деяния обвиняемых?

— Не имеем ничего против. Даже настаиваем на этом. Суду нужны доказательства, а не голословные обвинения, —

председатель суда откинулся на спинку кресла.

По знаку прокурора солдат с такими же светло зелеными, почти салатовыми обшлагами мундира, как и у остальных судейских, внес на помост пару обыкновенных сапог.

Прокурор кивнул и солдат поставил сапоги на судейский стол.

— Это все? Только пара сапог? — спросил удивленный председатель.

— Тем более что оба они на левую ногу, — заметил левый заседатель с коротким смешком.

— Действительно, — поддакнул ему правый заседатель.

— Ваша честь, уважаемый суд, — прокурор театральным жестом указал рукой на сапоги. — Я вас прошу сравнить подошвы этих сапог.

Пока судейские щелкали ногтями по подметкам, прокурор окинул взглядом публику, то есть нас, стоящих рядами в партере, если можно так выразиться, и гордо вскинул голову, красуясь перед нами.

— Господин прокурор, может, вы не будете загадывать нам ребусы с обувью, а объясните существо дела, — обратился к нему левый заседатель.

— В том-то и дело, ваша честь, что именно в этом и состоит рассматриваемое дело. Вот вы, трое опытных людей, с богатым жизненным багажом, не обнаружили никакой разницы, то что тогда можно сказать о ежегодных инспекциях мобилизационных складов в нашем городе, когда инспектора лишь лениво проводят взором по стеллажам с сапогами и главное в их работе состоит в том чтобы количество единиц хранения совпадало с таковым числом в отчетных бумагах интендантства. Между тем подошва одного сапога нормальная, кожаная. А другого — картонная! Хотя внешне они на ощупь и на взгляд просто идентичны.

Прокурор сделал паузу, дождался того что высказанный им факт усвоен и судом и публикой, продолжил, указывая пальцем на фабриканта.

— Этот вот господин по имени Салмон Арш, тридцати семи лет, подданный империи, предприниматель, владелец картонажной фабрики из соседнего города, изобрел такой замечательный картон, который не отличить от красивого терракотового оттенка новой полированной подметочной кожи. Но… Данный картон не обладает свойствами кожи и в дождь, и мокрую грязь ведет себя соответственно, как бумага. То есть раскисает и разваливается. Довольно быстро. Справедливости ради надо отметить, что изобретая столь занятную вещицу господин Арш имел ввиду пустить ее на благую цель —

переплетное дело, однако с этим прогорел. Издательства в империи первыми в мире перешли на выпуск книг не в бумажной обложке с последующим их переплетением в частных мастерских по желанию клиента, как то до сих пор делается во всем мире, а стали сразу переплетать книги в типографиях, разоряя переплетчиков и производителей бумажных ножей для разрезания книг. И с каждым годом все больше изданий выпускаются в таком виде. Но… типографии используют нынче более тонкий и дешевый картон с оклейкой его коленкоровой тканью с пропиткой, что делает фабричные книжные переплеты намного долговечней кустарных. И господин Арш остался со своим изобретение не у дел. Казалось бы ничего страшного не произошло. Не каждое изобретение в империи находит свое применение, да и свободная конкуренция среди изобретателей высока в наше прогрессивное время, а рисковый капитал желает иметь приемлемую отдачу от вложений. Но господин Арш остался не только с этим, никому не нужным изобретением на руках… Он остался обременный долгами за уже закупленное им новое оборудование и сырые материалы для массового производства такого картона. Что его характеризует как плохого предпринимателя, который обязан просчитывать риски своего дела…

Что-то это все действо мне напомнило реалии из Российской истории… Точно. Крымскую войну середины девятнадцатого века. Сапоги с картонными подметками, которые поставлял в русскую армию знаменитый в будущем археолог Генрих Шлиман, 'открыватель гомеровской Трои'. Но Шлиману удалось сбежать от уголовной ответственности из Петербурга через Сибирь в Америку, бросив жену и троих детей без средств к существованию. А тут этого афериста успели поймать за руку. Бог мой, миры разные, а деловые перцы везде одинаковые. И сусальный образ империи, сложившийся у мена за время курса молодого бойца основательно потускнел.

— И вот в одно прекрасное время, восемь лет назад, — витийствовал прокурор, — жизненная стезя господина Арша пересеклась с поприщем капитана Шаргола, любителя эффектных женщин и красивой жизни. Но… при своей непрезентабельной и несимпатичной внешности, чтобы добиться предметов своей порочной страсти тогда еще старший лейтенант Шаргол пошел по пути тайных хищений с мобилизационных складов имперской армии. Но все равно денег на распутную жизнь ему катастрофически не хватало. Как до того не хватало на нее офицерского жалования. И тут два афериста находят друг друга и преступно сговариваются поправить свои финансы за счет казны

империи. Капитан Шаргол заменял на вверенных его попечению императором мобилизационных складах хорошие солдатские сапоги на творения господина Арша с его картонными подметками, которые не отличить от настоящих до эксплуатации сапог в мокрую погоду. И как уже ранее мной говорилось за восемь лет — а именно столько продолжалась безнаказанной их афера, они нанесли имперской казне денежный ущерб, оцениваемый финансовыми экспертами в сто двадцать две тысячи золотых кройцеров. И еще предстоят расходы, по замене многочисленных картонных подметок в этих сапогах на настоящие, кожаные. Ваша честь, я подозреваю, что данная афера так бы и продолжалась, если бы не наступившая война, которая потребовала распечатать эти склады и часть хранимых фальсифицированных сапог попала в маршевые роты в первые же дни войны. Началось следствие, которое все и установило. Учитывая тяжесть содеянного, по законам военного времени прокуратура требует смертной казни аферистов, наживающихся на крови наших доблестных солдат. У меня все, ваша честь.

Потом был опрос подсудимых, которые во всем признались, что их 'бес попутал'.

Потом суд, сбившись в тесную кучку за столом, вполголоса совещался.

Потом левый заседатель что-то писал, а председатель его писанину правил. И набело переписывал все уже правый заседатель.

И когда мы уже совсем озверели неподвижно стоять под солнцем в неудобных парадных мундирах, встал председатель суда и зачитал приговор.

— Выездная сессия военно — полевого суда Рецкого округа в составе советника военной юстиции первого ранга Бонварка, председатель суда, и его заседателей: советника военной юстиции третьего ранга Сасебворка, и военного юриста первого ранга Марцога внимательно рассмотрела дело обвиняемых в афере против военного ведомства империи капитана интендантской службы Роя Шаргола и частного фабриканта Салмона Арша нашел обвинения, выдвинутые против них военной прокуратурой обоснованными и полностью доказанными…

Расслабляющая волна пробежала по рядам солдат с надеждой, что все это достаточно поднадоевшее представление скоро кончится. А председатель все бубнил особой судейской скороговоркой, которая вырабатывается долгими упражнениями в зачитке таких бумаг.

— … именем его августейшего величества, императора Отония Второго суд приговорил. Параграф первый: капитана

Шаргола лишить воинского звания и уволить из имперской армии с позором, а также лишить его прав имперского гражданства. Параграф второй: над подданными империи Шарголом и Аршем согласно законам военного времени произвести экзекуцию в виде повешения их за шею до смерти. Параграф третий: конфисковать принадлежащее им все движимое и недвижимое имущество в покрытие расходов на возмещение того материального ущерба которое они нанесли военному ведомству империи. Параграф четвертый: приговор окончательный, обжалованию не подлежит, экзекуцию провести безотлагательно в присутствии войск гарнизона.

Пока у интендантского капитана с мясом срывали петлицы со знаками различия, фабрикант ползал по помосту на коленях и, заламывая руки, умолял не конфисковывать уж все его имущество, иначе четверо его детей пойдут по миру.

— Об этих последствиях думать тебе надо было раньше, когда только собрался пить кровь имперских солдат, и пособничать врагам империи, — громко возразил ему прокурор, чтобы его реплика дошла до самых задних рядов нашей строевой коробочки.

Саму казнь описывать не буду. Нет в ней ничего эстетического. Скажу только, что нас заставили досмотреть все до конца, пока у повешенных не закончились конвульсии. И только тогда строем повели со стрельбища на обед, который после казни мне в рот не полез. Хотя многие мои сослуживцы рубали обед, как ни в чем не бывало. Аж писк стоял за ушами.

Я прекрасно понимал, что данный спектакль с выездным заседанием военно — полевого суда был рассчитан на осознание солдатами той мысли, что власть, высшая власть в империи, неустанно о них заботитьсяи ждет от них ответного чувства на поле брани. И тут же подумал, что для вящего закрепления эффекта требовалось еще расстрелять перед строем дезертира, но видимо такового не оказалось у организаторов под руками. Мне не было жалко этих аферистов, но все же… все же какое-то чувство гадливости это действие в моей душе оставили. Не знаю, как у других… Никто своими переживаниями с соседями не делился, демонстрируя знаменитую в империи рецкую молчаливость. Тут надо либо патриотические лозунги орать, либо молчать в тряпочку.

Однако сухие формулировки Дисциплинарного устава приобрели свою выпуклость.

5

Главная площадь Втуца — наконец-то я узнал, как называется этот город — непритязательно названная Плац — майор, приняла нас празднично.

Чисто вымытая брусчатка.

Цветочные гирлянды вьющиеся по балконам плотно забитыми любопытствующей публикой.

Трепещущие флаги империи и Реции.

Колокольный звон.

Нарядно одетые горожане. Многие в народных костюмах.

Все же Втуц столица большой провинции империи, бывшей феодальной марки. И последний маркграф Реции почтил сегодня нас своим присутствием, сидя в резном кресле на задрапированном тканью патриотических цветов временном помосте. Он сегодня в пышном генеральском мундире и черной лакированной каске украшенной на макушке золоченым орлом и 'буденовскими' усами на лице, только седыми, представляет здесь особу императора и от его лица принимает у рецких добровольцев присягу, превратив эту церемонию в праздник для всего города.

А вот призывники примут присягу в рабочем порядке в казармах. Им праздника не положено. Заметил я уже, что каждая мелочь тут работает на поощрение добровольчества в следующем поколении солдат. Казалось бы, какая разница, где присягать, но… возможность покрасоваться в парадном мундире перед родственниками дорого стоит. Тем более что присягнувший доброволец, хотя еще не гражданин империи, но уже не подданный императора, а его слуга. Статус! А к статусу, как я понял за месяц обучения, тут трепетно относятся. Человеку свойственно стремиться к тому что его возвысит над толпой. Древний Рим был грозой всего мира, когда служба в легионе давала ветерану права полного римского гражданства. А вот когда император Каракалла ради повышения сбора налогов все население Римской империи сделал гражданами, то начался закат не только империи но и всего римского мира. Массам не к чему стало стремиться.

Даже то, что нам выдали парадную форму, а призывники отправятся в маршевые роты в полевой, резко показывает разницу в нашем положении и чуется мне, что это может нам — добровольцам, это еще аукнуться по службе мелкими подлянками от призывников. Зависть очень нехорошее чувство, но такое естественное для человека.

После выездного военно — полевого суда нас два дня с утра до вечера сурово гоняли с ружейными приемами, предписанными при принятии присяги с оружием в руках. И ничего так вбили за столь короткий срок несколько движений до автоматизма. Скорее всего, наложилось кумулятивно на прошлый месяц интенсивного обучения. Шагистике тут придают первостепенное значение.

Когда мы — наша рота и еще две, проходившие курс молодого бойца в других лагерях, промаршировали взводными колоннами по главной улице на Плац — майор, то вся толпа горожан и на площади, и по тротуарам улицы устроила нам бурную овацию как оперным примадоннам в театре. Не скрою, такое внимание было приятно. И это мне… А каково ребятам с глухих горных хуторов? Тех просто перло от чувства собственного величия, аж штыки слегка закачались над строем.

За спиной кресла маркграфа на помосте стоял весь городской и провинциальный бомонд.

Перед помостом строй нарядных барабанщиков в высоких киверах с красным плюмажем.

Звучит горн, призывая всех к тишине.

Под мерный рокот барабанов знаменная группа из трех рослых офицеров выносит знамя империи и четким шагом направляется к нам. По обе стороны знамени офицеры с саблями наголо, готовые рубить любого покусившегося на святыню.

Началась сама церемония.

Знамя останавливается перед каждым взводом.

И мы по очереди выходим к нему. Делаем четыре приема ружьем — выданным каждому, но только на один день старым длинным капсюльным карамультуком с трехгранным штыком с положения 'на плечо' через положение 'на караул' к положению 'к ноге'. Встаем на одно колено, отводя праву руку с оружием в строну. В левую руку берется край знамени, и произносятся слова присяги.

— Я, Савва Кобчик с горы Бадон, добровольно вступая в имперскую армию клянусь отдать все свои силы, а если потребуется то и саму жизнь служению нашему отечеству и его императору Отонию Второму. Я торжественно обязуюсь, как слуга императора исполнять все приказы и распоряжения начальников, каковых сочтет поставить надо мной мой император.

Краткая тут она, и что мне удивительно, нет в ней совсем суицидального обещания самопокараться в случае измены. Измена добровольца тут даже в принципе не предусматривается. Пасторальное время.

После чего поцеловав край знамени, встаю обратно в строй. Теперь я полноценный солдат. Со всеми вытекающими.

И тут же к знамени выходит следующий доброволец.

И все. Никаких подписей от нас не требуется. Человеку, который имеет честь, тут верят на слово.

Долгая эта церемония принять индивидуальную присягу от каждого из почти четырехсот новобранцев. Но когда-нибудь и она заканчивается.

Краткая напутственная речь маркграфа, напирающего в основном на то, что мы не должны осрамить Рецию. И увеличить количество граждан в провинции. Особо бывший всесильный феодал обратился к горцам.

— Я знаю, что вы, дети наших прекрасных гор, ни сколько по своей воле, сколько в силу сложившихся обстоятельств не умеете ни читать, ни писать. Так используйте же годы службы в армии, чтобы освоить грамоту. Больше такой возможности сделать это бесплатно у вас не будет. Потому как военная служба не вечная, а родина, наша родина, наша возлюбленная Реция очень нуждается в грамотных людях в наше стремительное время развития прогресса. Помните это. И пусть осияет вас своими крылами Победа. Рецы на протяжении всей истории были грозой любых врагов. Не посрамите же славу своих предков.

И нас под барабанный бой отвели обратно на сборный пункт, где накормили праздничным обедом.

Перед обедом объявили нам увольнительную до завтрашнего вечера, точнее до вечерней поверки.

— Кому негде в городе спать, может вернуться сюда, в свою палатку и с утра снова отгуливать свой законный отдых, — закруглил свою речь фельдфебель. — Разойдись!

Народ и ломанул сразу в ворота, прямо из оружейки, куда сдавал карамультуки.

Я же по своей крестьянской сущности решил не шибко тратиться в городе и на обед пошел. И не прогадал. Обед был выше всяческих похвал. С вином! И пирожными!!! А народу за столами… Из моего отделения всего три человека из дюжины, но которые чувствовали себя как члены одной масонской ложи, обмениваясь понимающими взглядами.

Обожравшись всяких вкусняшек как паук мухами я лениво вышел за ворота расположения и от неожиданности очешуел… Меня, оказывается, встречали. Нарядно одетая семья кузнеца с горы со всем своим выводком юных хулиганов. И Элика в красивом народном платье с обилием ручной вышивки.

Неожиданно меня чуть на слезу не пробило. Куда-то вдруг улетучилась злость на кузнеца за его подставу с армией. Оказывается, и в этом мире есть у меня близкие люди, которые за меня переживают и мной гордятся. Расчувствовавшись, я спросил

с ходу.

— А кто дома остался, кроме старого деда?

— Молотобойца я нанял, — ответил мне кузнец. — Не беспокойся, Савва, он за всем присмотрит. А у нас у всех праздник — ты присягу принял, так что не мог я никого из семьи обделить.

Увольнение прошло как в угаре. Все что пожелаю, было к моим услугам, кроме как оставить меня наедине с Эликой. Тут или кузнец, или его жена, или кто-либо из их малолетних шалопаев обязательно крутились рядом. Сторожили у девушки то, чего уже нет.

Ужинали всей семьей на главной улице в самом настоящем ресторане под названием 'У графского колодца'. Солидный высокий зал с белеными стенами и потемневшими от времени деревянными балками. Газовые светильники полированной бронзы с зеркалами для усиления света часто развешены по стенам вперемешку с картинами неплохой кисти. Массивные столы с белыми скатертями, столовое серебро и фарфор. Резные вешалки для верхней одежды, головных уборов и зонтов. Аккуратные и услужливые официанты в белых передниках 'в пол'. Однако кормили там не так вкусно как из армейского котла, при всем разнообразии блюд. Парадокс.

Кузнец здесь столик заранее заказал, иначе бы мы сюда не попали — аншлаг полный. В основном семьи с добровольцами в увольнении.

Подпивший кузнец требовал, чтобы я называл его не иначе как дядей Оле и все рассказывал нам, как он сам в свое время отслужил до реформы десять лет кузнецом в обозе бригады конной артиллерии, где каждую пушку таскали разом по восемь стерхов цугом, как карету какого-нибудь барона. И все давал советы как мне служить, которые, впрочем, не поднимались выше вечной солдатской мудрости о том, что надо всегда быть подальше от начальства и поближе к кухне.

Да я и сам не мог наговориться после месяца добровольной исихии, когда я, зажав собственное естество в тиски, изображал недалекого молчаливого горца, потому как жутко боялся проколоться на оговорках. Потому и не сходился я коротко ни с кем из сослуживцев. Что толку, когда мы вместе только на один месяц? А тут свои люди, не только знающие меня как облупленного, но также знающие кто я и откуда я. Но при всем при этом принимающие меня как родного. Как это здорово — иметь семью. Хотя бы приемную.

Наедине с Эликой удалось побыть только на карусели, которую крутили на ярмарочной площади через блок три стерха.

И разговор наш начался, как у баб то водиться с упреков. О том, что я такой подлый соблазнил невинную девушку и бросил ее, удрав в армию. Вот так вот. Ни больше, ни меньше. Пришлось наобещать ей, что я обязательно к ней вернусь, как отслужу. При этом про себя подумал, что три года срок долгий. Там или шах, или ишак…

— Смотри, не обмани… А я тебя обязательно дождусь, — в свою очередь пообещала она.

— С чего ты решила, что я тебя должен обмануть?

— Кто вас знает… — тихо проговорила девушка.

— Кого нас? Не понял?

Элика немного помолчала, а потом, на что-то решившись, выпалила.

— Вас. Пришельцев из тех миров, в которые от нас ушли наши боги, — выпалила она.

Отсидеться в тылу на какой-либо важной стратегической стройке мне не выпало. Нас все-таки отправили на войну.

После того как империя потеснив южных соседей все же вышла к так вожделенному теплому морю, причем в месте удобном для строительства крупного порта, ей войну объявила Винетия — юго — западный сосед по горному массиву. Не понравилось тамошнему герцогу, что империя может в южных морях иметь свой собственный флот. А попросту испугались винеты конкурентов на своих традиционных торговых путях.

Вот нас и бросают на пограничный горный перевал.

Следующий после увольнения день ознаменовался массовым приездом 'покупателей'. Традиционные горные стрелки, стройбат и служба военных сообщений, куда отобрали тех грамотных, кто знал общеимперский язык. Судя по цветам обшлагов выданных нам мундиров, такое решение по нам было принято заранее, кроме железнодорожников, которым только сейчас выдали на кепи серебряное вагонное колесо с крылышками и молниями.

Горным стрелкам их новый белобрысый фельдфебель дал полчаса на сборы и вскоре счастливчики радостно утопали за ним в раскрытые ворота. Сборный пункт всем уже порядком надоел, если честно. Скучно тут после лагерей.

Шибко грамотных оставили в городе еще на полгода изучать телеграф. Ходил завистливый слух, что после этой учебки они сразу выйдут унтер — офицерами и служить будут как белые люди на станциях железной дороги. С буфетом. Вот говорила мама мне: учи общеимперский… как бы заранее знать…

За оставшимися стройбатовцами, то есть нами уже, привалила целая толпа унтеров и ефрейторов, да такая, что им новобранцев на всех не хватило. И смех и грех… Чуть до

мордобоя среди них не дошло. Бурный спор разрешило местное начальство, разделив нас на квоты, по пять человек, а квоты предложили тянуть по жребию, чтобы никому не было обидно.

Недовольных таким решением послали в летние лагеря. Готовить пополнение себе самим. И некоторые унтера на такое согласились.

Остальные тянули жребий. Мы достались худому рыжему унтер — офицеру по фамилии Зрвезз, которого между собой сразу же окрестили Зверем, чтобы язык не ломать. Он был коренным имперцем с нижних земель, но рецкую речь понимал. И даже говорил… ну… как 'джамшут' по — русски на московской стройке. Может даже немного лучше.

Первое что бы от него услышали, была фраза.

— Расправить головной уборы. А то на голове не кепка, а женский половой член.

В общем, Зверь нам сразу понравился. Особенно тем, что он никогда никуда не торопился и что удивительно везде успевал. И никогда никого не грузил сверх необходимого.

Время собраться он нам дал до обеда и куда-то ушел.

Снова мы Зверя мы увидели уже в столовой, где он с удовольствием уплетал супчик от нашего повара и просил добавки. Повар на сборном пункте всегда готовил вкусно, но после того как в расположении повесили интенданта еда на нашем столе еще и обильней.

Довольный сытый унтер повел нас куда-то на задворки железнодорожных пакгаузов, где нас дожидались два ефрейтора, которые сразу же доложились, что все заказанное для батальона уже подобрано. Осталось только расписаться и погрузить.

Подогнали десяток фур с ездовыми. Каждая запряженная парой стерхов. И следующие три часа мы провели в увлекательном армейском занятии: круглое таскать, квадратное катать. Получали кирки, лопаты, черенки для них, треноги, какие-то приборы в деревянных коробках с лямками для ношения на спине, длинные складные линейки шириной в шесть сантиметров. Напоследок жвачное довольствие на себя и стерхов, посуду и котел.

Прокрутились меж шести пакгаузов почти до вечера, и я уже грешным делом подумал, что сейчас вернемся обратно в город на ужин, но обломился. Зверь выстроил обоз и покатил сам на первой повозке из города на запад. Туда где не было железной дороги.

Кстати заметить, что ни у кого из нас оружия не было. Ни у новичков, ни у старичков.

Уже в сумерках, отъехав от города километров шесть,

наткнулись на костер в лесопосадке. У костра на седле сидел целый инженер — капитан и что-то кашеварил на огне. Его верховая лошадь (настоящая соловая лошадь, не стерх) стреноженная паслась неподалеку.

Встретил нас с претензией, высказанной на рецком.

— Зрвезз, что так долго? Кулеш вот — вот перестоит.

— Осмелюсь заметить, господин инженер — капитан, — ответил ему унтер на том же языке, — горячий сырой не бывает.

Кулешик на вкус был так себе, но мы их подхалимажа его похвалили.

— А теперь по очереди рассказывайте о себе, — приказал капитан, когда мы облизали ложки. — А Зрвезз пока нам чай поставит по — рыбачьему. Надеюсь, сахар получили?

— Так точно, — хором гаркнули ефрейтора.

И началась моя служба с того что меня поставили часовым в первую смену. Наверное, чтобы лопаты у нас не сперли, пока мы тут в лесопосадке дрыхнем.

Я грешным делом думал, что это и есть весь наш отряд: один офицер, один унтер, два ефрейтора, девять ездовых и пять новобранцев, но обломался в своих предположениях.

Петляя по дорогам предгорий, останавливаясь на отдых в зажиточных деревнях, мы посетили еще пяток аккуратных городков, в которых приняли в свой коллектив пару юных юнкеров из военно — инженерной академии на своих лошадях, трех свежих только — только выпущенных из учебки унтеров, и два взвода призывников, но этих уже за пределами Реции нам навязали. Не все они были рецами, но объединяло всех знание рецкого языка.

Юнкера по направлению были приписаны к батальону на летнюю войсковую практику. Да и унтера оказались не просто унтера, а целыми техник — унтер — офицерами, потому как что-то успели закончить на гражданке с квалификацией техника — строителя.

Империя вообще тут как я понял весьма и весьма лоскутная, народов и языков в ней много, как и диалектов общеимперского. И по возможности формируются в армии такие вот 'национальные' образования, для лучшего понимания военными друг друга в боевой обстановке. А офицеры в обязательном порядке должны знать как язык своих солдат, так и общеимперский. Наша часть как я выяснил, имеет наименование Рецкий военно — строительный горный батальон и дислоцируется где-то на границе с Хельуэцкой горной республикой.

Еще в обоз добавилась специализированная фура с новенькой

полевой кузней. Управлял повозкой сам батальонный кузнец — старший ефрейтор Гоц. Его напарника мы оставили с паховой грыжей в больничке того городка где прихватили кузню. Я и пересел к нему, поближе к знакомым железкам. По первой своей армейской службе я уже твердо знаю, что солдату везде хорошо, если у него есть отдельное от остальных помещение. Вот и решил я зацепиться за кузню, раз там образовалась вакансия. Кузня по традиции всегда ставится на отшибе, поскольку от нее пожароопасность высокая.

На правах старожилов мы, вступившие в армию во Втуце, и унтер Зверзз ехали на фурах рядом с возницами. Благородные путешествовали верхом, остальные топали пехом. Однако оружия у нас только и было что сабля у капитана и палаши в никелированных ножнах юнкеров. И это мы идем на войну, как сказал капитан. Ню — ню…

Будем воевать как в старом анекдоте. Пулемет замолк. Комиссар бежит по траншее с криком: 'Почему прекратил стрельбу?!'. Ему резонно отвечают: 'Так патроны кончились, товарищ комиссар'. На что комиссар с пафосом внушает пулеметчику: 'Но ты же коммунист!'. И пулемет застучал вновь.

Я катался с кузнецом вдвоем на облучке, по ходу учился у него управлять двойкой стерхов и наслаждался неторопливым сентиментальным путешествием. Лето в самом разгаре. Птицы поют. В предгорьях красота и приятная прохлада, не то, что жара внизу. А старший ефрейтор проявил себя как неплохой собеседник, тем более с земляком. Гоц был горцем, можно сказать соседом — через две горы. Ему стукнуло двадцать четыре. Свои три года он уже выслужил, даже грамоту на гражданство успел получить, но началась война и ему дембель замылили до ее окончания. Дома его ждала кузня, жена и сын, который родился еще до призыва. Еще одного ребенка он сделал, когда приезжал домой в отпуск. Дочку, которую еще в глаза не видел.

— Из запаса меня, когда бы еще призвали… — сокрушался он, — Мог бы дома хоть полгода да отгулеванить. А тут сам под рукой у полковника оказался — рессору ему на шарабане чинил. Меня он цап — царап, ступай Гоц в другой батальон, родина в опасности. Кстати, Савва, поможешь, узкий галун мне на обшлага пришить, а то у меня сам видишь руки — крюки. Самый тонкий инструмент — большой напильник, — засмеялся он в конце длинной речи.

Узкий витой галун на обшлаг был положен для всех сверхсрочникам из нижних чинов.

— Нет вопросов, — отозвался я на первый встреченный мною в империи элемент армейской дедовщины. — Но с условием, что

возьмешь меня к себе помощником.

Гоц посмотрел на меня с прищуром, ритуально отмахнул от лица рукой злых духов и заключил.

— Далеко пойдешь, паря, — и засмеялся.

Отсмеявшись, он согласился на такой обмен. Возможно, свою роль сыграла репутация — дядю Оле и его хитрые замки знала вся Реция.

Как по заказу появилась возможность отличиться. У второй фуры лопнула железная шина на колесе. Капитан собирался уже вставать на дневку и слать юнкеров к ближайшему кузнецу за новым железным ободом.

Но тут вылез я.

— Господин инженер — капитан, осмелюсь доложить, что тут работы всего на полчаса. И сделать ее можно здесь, а не возить колесо в деревню и обратно, теряя время.

Капитан посмотрел поверх меня на Гоца.

Тот только махнул рукой, типа… а пусть его делает.

— Делай, — разрешил мне капитан.

Но гонцов в деревню он все же отправил, подстраховался. Вслух решил, что запасная шина нам в дороге не повредит.

В полчаса я конечно не уложился. Запас древесного угля в фуре был маленький, и пришлось на угли пережигать не самые сухие дрова. Сама сварка обода — тьфу, десять взмахов кувалдой, но чтобы снова натянуть слегка усохшую в диаметре шину на колесо требовалось ее нагреть на костре докрасна и ждать пока металл расширится. Дождавшись нужного цвета металла, мы вдвоем с Гоцем длинными клещами раскидали кольцевой костер, уместили шину на колесо по месту, подбили кувалдой и полили водой. Все. Шина села намертво. Дело мастера боится, особенно его ноу — хау.

Самое интересное, что закончил я работу одновременно с прибытием юнкеров, которые купили в деревне не шину, а целое колесо в сборе. Тут надо отметить, не знаю как по всей империи, а вот в наших горах и предгорьях издревле всего два типоразмера тележных колес и один диаметр осей в ступицах, так, что они взаимозаменяемы.

Капитан приказал новое колесо складировать в повозку, а на фуру ставить отремонтированное мной. Проверить решил, не иначе. Проверяй… я такую работу уже дважды делал на телеге дяди Оле.

На вечернем привале, когда все поели, я пихнул Гоца в бок, и он пошел выклянчивать меня у капитана себе в помощники. Возражений у начальства не последовало.

Вздохнув, я при свете костра принялся пришивать галуны на

гоцевские обшлага. Уговор дороже денег.

6

Наш обоз догнал батальон только на перевале, где тот должен построить укрепления для горных стрелков. Горная дорога представляла собой сплошной серпантин с пологим подъемом: километр вправо — три километра влево и наоборот. С одной стороны обтесанная гора, с другой крутой склон до нижнего витка серпантина. Но это была дорога построенная людьми, а не горная тропа. На ней вполне могли разъехаться без напряжения две повозки, следующие в разных направлениях. Как представишь себе, сколько сюда вбухано ручного труда, так страшно становиться.

— Десять лет эту Горно — винетскую дорогу строили, — пояснил мне юнкер Клевфорт, когда перед сном мы вместе любовались красивым горным закатом. — Она имела статус общеимперской стройки под личным патронажем императора. Все для того чтобы не возить южные товары морем в обход всего континента, да еще чужими кораблями. Хотя бы только для южных районов страны. Да, ты прав, ручками все ручками возвели, а горы рвали черным порохом. Поначалу сюда согнали каторжан, но потом поняли, что каторжники будут ее строить до возврата богов. На этой дороге и родились военно — строительные батальоны. Как раз реформа прошла о всеобщей воинской повинности, а требования к человеческому материалу в боевых частях повысилось. Куда-то надо было деть толпу безграмотных призывников, желательно с пользой. Но теперь нас будут использовать не только для строительства таких стратегических объектов в тылу, но и для полевой фортификации, как говорят штабисты готовить так называемые 'заранее подготовленные позиции'.

— Осмелюсь спросить, господин юнкер, а какова ваша инженерная специальность? — задал я давно меня интересующий вопрос.

— Я архитектор от фортификации, а товарищ мой будет инженер по возведению воинских зданий и сооружений. Через год, когда дипломный проект в академии защитим, — не чинясь, ответил Клевфорт. — Просто пойти производителем работ на стройку мне семья бы не дала. Даже под офицерскими петлицами. Невместно это старой имперской аристократии иметь дело с грязной стройкой, как простому купцу — подрядчику. А архитектор это даже где-то благородно, — засмеялся он. — Замки там проектировать… Воздушные на песке. Романтика рыцарских времен. Что еще хочешь спросить, я же твой вопрос в глазах

вижу?

— На присяге наш маркграф сказал, что мы можем в армии бесплатно обучиться грамоте. Это правда? — выпалил я.

— Истинная правда, Савва. Как обустроимся, так и начнем заниматься с теми, кто желает. Это наша юнкерская обязанность помимо инженерной практики. А когда нет юнкера, то все зависит от желания офицеров роты взять на себя такую дополнительную нагрузку. Как прибудем в расположение, так через денька три — четыре подходи… Что-нибудь придумаем. Только учти… Вся учеба будет за счет твоего свободного времени, которого у солдата и так негусто. Так что большого наплыва в классы я не ожидаю.

— Тогда не забудьте, господин юнкер, — столбил я халяву, — я первый на очереди за грамотой. Не только рецкой. Желательно было бы мне еще и общеимперский язык освоить.

— Желаешь сделать карьеру после получения гражданства? — поднял юнкер бровь.

— Карьеру? — удивился я. — Не думал пока над этим. Я кузнец, пока меня это устраивает, раз мои изделия востребованы.

— Понимаешь, Савва, — просвещал меня аристократ, — последние десять лет, пока росла армия все простые фабричные изделия: подковы, пилы, лопаты, топоры… шли только на мобилизационные склады. Но когда-то они заполнятся, и поток фабричных кузнечных изделии хлынет на рынок. И многих кузнецов фабриканты разорят низкими ценами. Такова правда жизни.

— Осмелюсь возразить, господин юнкер, — вставил я свою монетку, — видел я эти фабричные подковы на наших стерхах в обозе. Никакого сравнения с моей работой. Железо мягкое, качество ковки паршивое. Особенно зимних подков, с ввинчивающимися шипами. Мои подковы стоят всего в два раза дороже, но зато ходят минимум в четыре раза дольше. А крестьянин деньги считать умеет.

— Это пока… пока большинство фабричных изделий казна забирает прямо со станка, — возразил юнкер, — А потом, когда дойка казны закончиться фабриканты цены резко снизят. Вот увидишь. И имперское правительство их в этом поддержит. Потому как пока армия на гужевом транспорте, то на случай войны правительству необходимо иметь в стране налаженное производство сразу, а не через некоторое время. По крайней мере, пока не перейдем на другой транспорт.

— А что, есть и другой транспорт?

— Есть, — просветил меня юнкер. — И это не только железная дорога, которая уже разорила многих ломовых

извозчиков промышлявших перевозками между городами. Появились рутьеры — паровые машины, которые ходят по обычным дорогам и везут за один раз груза столько сколько и дюжине стерхов не потащить. Однако, — обратил юнкер мое внимание на заходящее солнце, — скоро резко стемнеет. Пора нам укладываться, а то в темноте как бы с горки не сверзиться.

Ночевали прямо на дороге, потому как движение по ней в любую сторону прекратилось с момента объявления империи войны со стороны Винетии. А говорят, что оно было достаточно оживленным. И каждую половину дневного переходы были обустроены в скалах 'карманы' и гроты для отдыха проезжающих. Чтобы они не мешали движению. Но мы спешили на соединение с батальоном и не всегда наши стоянки совпадали с такими удобствами.

Кузнец — мой прямой начальник, когда я ему пересказал свою беседу с юнкером, вообще меня озадачил, когда заявил, что эту дорогу построили прямо на древней контрабандной тропе, чем кучу горцев если не разорили, то сильно обездолили.

— Пришлось многим переквалифицироваться в обычных торговцев и платить эти проклятые пошлины, придуманные подземными демонами, — сплюнул Гоц тягучую бурую слюну от жеваного табака.

Первое, что я увидел на отведенном в расположении для кузни месте, когда мы наконец-то догнали батальон, так это кучу поломанного и покореженного шанцевого инструмента ожидающего ремонта.

— Вот я и дома, — радостно заявил Гоц.

— Не вижу чему радоваться, — почесал я затылок под кепи, оглядывая будущий фронт работ.

— Тому, паря, что не придется нам долбить камень, пока у нас есть работа по специальности. — Гоц поднял указательный палец в зенит. — Учись, пока я жив, как надо устраиваться в армии. На сегодня у нас только одна забота — обустроить свой быт и разобрать фуру. Но завтра нам уже придется показывать усердие в труде. Повторяю для тех, кто только что с горы за солью спустился: не усердно трудиться, а показывать усердие. Усек?

'Вот блин… — усмехнулся я. — Миры разные, а армии везде одинаковые'.

Начав разбирать на следующее утро нуждающийся в ремонте шанцевый инструмент, немало поразился, как это вообще можно так железо руками погнуть? Ну ладно еще лопаты, хотя они тут еще не штампованные, а кованые. Но кирку?..

Взял, перевернул инструмент неповрежденным концом и,

отойдя метров на пять от полевой кузни, воткнул эту кирку в землю. Мдя… Земелька-то как в горном Крыму. Пополам с камнем и будто ее еще утрамбовали тяжелым таким асфальтоукладчиком. То-то тут нормальные деревья не растут, только колючие кусты.

Кирка была типа обушок — с обоих концов острая. Подумал — все равно нагревать и ковать — и переделал ее в привычную для русского человека кирку — мотыгу.

Пришел Гоц. Посмотрел на мое изделие. Почесал затылок и спросил.

— А расплющил на кирке конец зачем?

Пришлось объяснять, что острым концом можно в таком грунте только неглубокие дырки наделать, а вот мотыгой все это потом очень удобно отколупывается, что остается только совковой лопатой подобрать.

— Сам придумал? — посмотрел на меня ефрейтор с подозрением.

— А то, — ответил я не без гордости, потому как на бадонском хуторе самолично переделал аналогичный инструмент после похорон брата кузнеца. — Думаешь на нашей горе земля лучше?

— Ладно, — согласился со мной батальонный кузнец, взявшись раздувать меха горна. — Хуже не будет. Один же конец остается по — прежнему острым. Работаем. — И тут же выдал нечто обратное. — И не так как ты взялся, словно тебе сдельно платят, а так как я сказал вчера. Изображаем… Нам этой кучи ломаного струмента надолго хватит, а там еще подбросят. А служба между тем каждый день идет. Где смысл надрываться?

— Не получится, — ответил я ефрейтору. — Было бы мирное время, я бы со всей душой с тобой согласился, но сейчас идет война. Не построим вовремя укрепления на перевале, вынесут отсюда винетские горные стрелки наши войска, и будем мы с тобой ударно вкалывать, но уже в плену за пайку скудную. Ты этого хочешь?

Кузнец забрался под кепи всей пятерней.

— Мда… Не рассматривал я этот вопрос с такой стороны.

И мы впряглись в починку. Раскалить, выпрямить, конец расплющить, сформовать и закалить. И так двадцать три раза до сигнала горниста, который созывал на обед. Нормальная работа никакого показного усердия. Глянули на кучу покореженного инструмента, которая и не подумала уменьшаться, махнули рукой, сняли кожаные фартуки, умылись и пошли трапезничать. Святое дело для солдата срочной службы.

Питались мы в батальонной столовой вместе со штабными

унтерами. Юнкера с офицерами вкушали отдельно для них приготовленную пищу в палатке комбата. Остальные в ротах, каждая отдельно. Впрочем, кормили неплохо, хотя гороховый суп был не со свежей убоиной, а с отмоченной солониной. Повар батальонный призывался из пафосного ресторана во Втуце где, несмотря на молодость, трудился уже помощником шефа на кухне. Видать, ушедшие боги отпустили мне и здесь толику везения. Но только на год, потому как гражданство этому талантливому работнику общепита было до одной дверцы, а почти год он уже отслужил.

Ну, вот… Сглазил.

На третий день приперся в кузню унтер — офицер Прёмзель с претензией. Конкретно ко мне.

— Это ты что ль у меня во взводе подснежником числишься?

— Может и я, — пожал плечами. — Откуда мне знать штабные заморочки, когда работы навал. Только в столовую и в сортир сходить есть свободное время.

— Бросай работу и иди за мной, — сказал унтер. — Тебя командир роты требует поставить пред его ясные очи. И это… В порядок свой внешний вид приведи, а то ротный неаккуратных солдат не любит.

— А он чё, большой начальник? — запустил я русский армейской прикол. С него обычно хохлы офигевали. Наши, российские. С украинскими хохлами послужить мне как-то не довелось.

Но Прёмзель оказался стрессоустойчивым унтером.

— Щас он тебе сам разъяснит, кто тут большой начальник, а кто маленький, — усмехнулся он. — Дам только один совет. Называй его не 'господин капитан', а 'ваша милость'. Он это любит, потому как барон.

— Это, с какого — такого бодуна? Я ему не крепостной, а такой же слуга императора, как и он, — набычился я.

И очень удивился. Встреченные мною в стройбате инженеры и инженерные юнкера из аристократов снобизмом не отличались.

— Ну, мое дело предупредить, а там как сам захочешь, — осклабился унтер. — Умылся, пошли… Хотя нет. Сапоги еще раз почисть. Особенно задники. Чтоб блестели как у кота яйца.

Командир первой роты капитан барон Тортфорт, низкорослый рано лысеющий толстяк лет тридцати пяти, начал наше знакомство с того, что обозвал меня дезертиром. И минут пять разорялся на недисциплинированность так называемых добровольцев с гор, которые сбегают при первом удобном случае куда полегче, а на линии работать некому.

— Прёмзель, это твой солдат, — заключил капитан, — Тебе

его и воспитывать. Поставь его на самый трудный участок, и дай кайло в руки. Нечего ему при штабе 'придурком' околачиваться, раз он у нас в списочном составе.

Так я оказался в стройбате на общих работах поработав батальонным 'придурком' всего-то три дня.

— Тебе ясно все? — ткнул ротный мне в грудь волосатым пальцем, напоминающим сардельку.

— Так точно, господин капитан, — рявкнул я, приняв четкую уставную стойку, как в лагерях учили.

— Ко мне обращаются не 'господин капитан', а ' ваша милость', — нажал на меня ротный, но ласково так, как на ребенка.

— Никак нет, — изобразил я собой солдата Швейка. — Осмелюсь доложить, что согласно Уставу внутренней службы имперской армии младший военнослужащий обращается к старшему военнослужащему исключительно по воинскому званию или чину с прибавлением эпитета 'господин'.

Капитан обошел меня со всех сторон, как бы разглядывая, потом повернулся к унтеру и заявил.

— Устрой ему жизнь по уставу, Прёмзель. Раз так ему этого хочется.

И лениво так махнул нам рукой на выход.

— Будет исполнено, ваша милость, — гаркнул унтер.

И уже мне.

— За мной. Шагом марш.

Каблуки Прёмзель стаптывал внутрь. Отец как-то давно мне сказал, что это признак вредного человека.

Указал мне унтер место в палатке, дал полчаса на перетаскивание вещей и время на обустройство до обеда и ушел.

Гоц встретил меня в кузне с разведенными в стороны руками и весьма удрученной мордой. Он уже успел сбегать с жалобой к батальонному инженеру, но тот сказал ему, что это распоряжение комбата по жалобе командира первой роты и что он тут поделать ничего уже не может.

— Одна беда с этой интеллигенцией, Савва. Дал инженер распоряжение о тебе и забыл, что надо его через штаб проводить, — сокрушался кузнец. — Вот тебя и раскидали со всем пополнением по списку… в первую роту. Не глядя.

Когда я собрал свой ранец, Гоц участливо посоветовал самому отобрать себе инвентарь получше и обязательно его пометить.

— А то что, спрут? — вот ни на столечко не удивился я такому совету.

— Нет. Спереть не сопрут, но поменяют на плохой или

ломаный легко.

Пользуясь дружеским советом, отобрал я себе из отремонтированного шанцевого инвентаря нормальную кирку — мотыгу, штыковую и совковую лопаты. И на каждой ручке нарисовал красивую такую кнопку — отличительный знак. Не думаю, что у других такой же может быть.

На обеде унтер заставил весь взвод три раза заходить в столовую палатку и снова выходить из нее строиться, пока не добился правильного поведения подчиненных согласно Уставу.

Солдаты глухо бухтели, но Прёмзель перевел все стрелки на меня.

— Этот крендель, по фамилии Кобчик, сегодня отказался нашего ротного величать 'его милостью' да еще капитану уставом в нос ткнул, что так не положено. Вот теперь мы все вместе с ним и живем по уставу. Приказ его милости. А ты, Кобчик, вон туда садись, за третий стол в отделение старшего сапера по фамилии Ноль.

— Унтер он теперь с нами работает? — спросил старший сапер Ноль.

— Нет, — усмехнулся унтер — офицер. — У военного строителя Кобчика, пока он не дорос еще до высокого звания имперского сапера, особое задание будет на правом фланге. Индивидуальный так сказать подряд. Особо важный объект от господина инженер — капитана.

Взвод дружно заржал. А я в непонятках только и понял, что взводный мне все же подложил какую-то подлянку.

— Ну и напоследок хорошая новость для вас, — продолжил унтер. — Савва Кобчик — кузнец. И с этого дня он еще и ответственный за рабочее состояние шанцевого инвентаря во всем взводе.

Одобрительный гул был ему ответом.

— А теперь сесть и приступить к приему пищи. Кстати, Кобчик, а зачем ты на своих черенках дырку нарисовал, уже соскучился по домашней лохматке?

Все опять гаденько заухмылялись.

— Нет, господин унтер — офицер, — ответил я, — это обозначение малой механизации.

Народ безмолвствовал. С одной стороны, какая такая механизация может быть в насквозь знакомой лопате, а с другой… кузнец же… колдун по определению…

— Это как? — не выдержал первым мой новый отделенный.

— Каком кверху… Очень просто господа — товарищи, кнопку нажал — вся спина мокрая, — заявил я с полной серьезностью моды.

— А кнопка где?

— Да на черенке нарисованная, чтобы не промахнуться по месту, — ответил я и заржал.

Вот так вот. Мы-то дураки, а вы-то нет?

Ночью я ждал 'темной'. Все же весь взвод из-за меня наказали 'жизнью по уставам'. Некоторые дембеля в сельхозакадемии на полном серьезе утверждали что 'уставщина' хуже 'дедовщины'. Но пронесло… Как оказалось, если бы я работал с ними рядом и их постоянно из-за меня дрючили, то неверное несдобровать было бы моим бокам. А так… Только на прием пищи ходили строем перед ротным. И все…

Особое задание для особо борзых военных состояло в обустройстве позиции для пулемета. Охудеть, не встать. Магазинных винтовок тут нет, а пулеметы уже есть. Ну и времечко мне досталось в этом мире. Сплошняком сюрпризы попёрли, стоило только в армию загреметь.

Техник — фельдюнкер нашей роты по фамилии Або, худой и мосластый студиозус откуда-то с севера, чуть ли не с островов холодного моря на которых живут только рыбаки, в маленьких кругленьких очёчках — велосипедах и жиденьким рыжим пухом над верхней губой привел меня на правый фланг строящихся укреплений и показал вбитые в землю колышки.

— А почему позиция круглая? — искренне удивился я.

— Это чтобы лафет было удобнее поворачивать, — пояснил мне юнкер

— Лафет у пулемета? — воскликнул я и подумал, что Штирлиц никогда не был так близко к провалу. — Сколько же он весит?

— Чуть меньше тонны. Это со бронещитом. Расчет восемь человек, — не заметил студент моих оговорок. — Только одна загвоздка для такой позиции… площадка должна быть выровнена если не идеально, то приближенно к тому.

— Тогда нивелир нужен, — ляпнул я.

— Умеешь пользоваться нивелиром? — поднял юнкер очки на лоб, внимательно меня рассматривая.

— Смотря, какой конструкции… — уклончиво ответил я. — Но без нивелира ровной площадки не будет. Так что нивелир сюда и чучело с рейкой. И будет тебе ровная площадка. Вот еще… — продолжил я грузить юнкера. — На какой высоте стоит на лафете тело пулемета, и какой отрицательный наклон позволяет выставить лафет. Стрелять-то вниз придется.

Удивление прошло быстро. Во мне проснулся башенный пулеметчик БТР, которому в учебке показывали фотографию пулемета времен русско — японской войны на орудийном лафете.

Большая дура…

— Начинай пока, а я нивелир принесу, — бросил юнкер и побежал в расположение батальона, где вся такая тонкая строительная машинерия хранилась у инженера в палатке.

А я посмотрел вниз, куда стрелять придется и понял что размеченная позиция просто бездарная. Не знаю, какой горизонтальный угол у этого пушечного лафета с пулеметом, но навряд ли большой. Градусов пять — семь, не больше, а позицию расчертили стрелять хоть и во фланг, но в противника, который будет двигаться гуськом по горной дороге, которая перед нами как сцена в театре. Это считай, что с фронта по цепи лупить. Что не есть гуд, как говорил нам инструктор по стрелковому делу. Лучший пулеметный огонь — фланговый, когда одной пулей можно задеть сразу нескольких солдат противника. Даже если промажешь, то чуть дальше пуля свою жертву найдет. А по фронту цепи бить, так большинство пуль в 'молоко'.

Походил — посмотрел на этот спускающийся с перевала серпантин дороги и понял, что для себя я бы позицию сметил еще вправо метров на пять и пару метров вперед. И это без разницы, что из совершенного пулемета Калашникова стрелять, что из митральезы с ручкой.

Наметил сектора обстрела, взял кайло, 'нажал на кнопку' и стал ковырять лунки под новые колышки.

И еще отметил, что тут никто окопов не копает, не говоря уже о траншеях. Вся фортеция полевая для стрелков строится на ровном грунте вверх, как дома. Так что понятно стало, где стройбатовцы кирки погнули — камни добывали для строительства. И носят камень на носилках и возят его на телегах стрехами… а другие туры плетут из вымоченной лозы что с долины добыли. Эти корзинки камнем и забивают, устраивая в ряд. Ну, просто оборона Севастополя в девятнадцатом веке. Хотя… лично я не сильно желал бы долбить в такой земле траншеи полного профиля. Пуля такой тур не пробьет по определению. Так что еще надо?

Когда прибыл юнкер с коробкой нивелира в руках, солдатом с мерной рейкой на плече и треногой за спиной на лямке, и инженер — капитаном на пристежке с папкой под мышкой, я уже все колышки переставил по — новому.

— Так… это что за самодеятельность? — инженер — капитан был хоть и интеллигентен, но в данный момент грозен. — Кто разрешил отступать от проекта?

— Осмелюсь доложить, господин капитан — инженер, — вытянулся я во фрунт, манипулируя лопатой как винтовкой. — Определили новую позицию здравый смысл и распределение

секторов обстрела.

Далее я подробно объяснил, что пять метров вправо… и можно простреливать часть дороги, которая для нас идет в фас, а фактически по глубокой колонне противника. А со старой позиции ее не видно, увал загораживает. И в то же время всегда можно повернуть сам пулемет влево и обстрелять непосредственно нападающих на наши укрепления вдоль них.

— А по тому куску дороги, что прямо перед нами видно, пусть стрелки в меткости упражняются. А для пулемета будет только лишний расход боеприпаса и мало толку, — закончил я свой спич.

Инженер уже стоял на размеченной мной позиции и одновременно смотрел то на пейзаж, то на свой план в папке.

— Кобчик, покажи мне на плане сектора обстрела, про которые ты говорил, — позвал меня инженер.

— Господин инженер — капитан, давайте я вам лучше всю позицию нарисую.

Взял я у капитана карандаш и тетрадь, начертал укрепление для пулемета, как я его сам вижу, а потом провел на плане два конуса из одной точки.

— Вот так, господин инженер — капитан, — протянул я ему свой план позиций.

Офицер еще несколько раз кивнул головой и выдал.

— Умно. И рука у тебя твердая. А ты сам пулемет системы Леве хоть видел?

— Это такой на большом артиллерийском лафете? — переспросил я и тут же ответил. — В живую… нет, господин инженер — капитан, не видел.

— А как же ты сектора обстрела для него вычислил?

— А что тут сложного, господин инженер — капитан, — пожал я плечами. — Что с винтовки, что с пулемета сектора обстрела одинаковые и подчиняются только полету пули и ее отклонению от прямого выстрела. А также наличием для нее естественных препятствий.

Техник — фельдюнкер стоял рядом с отвисшим ртом. У него был когнитивный диссонанс. Спустился с гор неграмотный неандерталец и дает советы самому батальонному инженеру по фортификации новейшего оружия.

— А… ну, да… ты же охотник… — задумчиво проговорил офицер, что-то прикидывая в уме.

— Так точно, — не стал я запираться, — и охотился я в горах.

— Учиться тебе надо, Кобчик, — сделал свое заключение инженер.

— Так я не против…

— Тогда так… Словесность вам юнкера преподадут. А ко мне приходи математикой заниматься. Ну, счетом… — пояснил он для моей понятливости.

— Премного благодарен, господин инженер — капитан. Разрешите приступить к нивелировке местности?

7

Через две с половиной недели мы передали построенные нами на перевале укрепления горным стрелкам, и нас перебросили на другой участок фронта. На восток.

Обстановка менялась стремительно и война к этому времени для империи шла уже под девизом 'одина простив всех'. Только горная республика хранила нейтралитет, но она по настоявшему никогда и не воевала уже лет как пятьсот, разве что наемников поставляла по всему континенту, всем кто готов был хорошо за это заплатить. Да еще страны Скандии в северном море не были расположены ввязываться в бойню. Выгодную торговлю со всеми сторонами конфликта разом они нашли более предпочтительной, нежели какие-либо сомнительные территориальные захваты. А нейтральных флаг им уже гарантировали все стороны разгорающегося конфликта.

Последним в войну против империи ввязалось Восточное царство — такое же лоскутное образование разных племен и народов, как и сама империя. А Островное королевство как всегда попыталось решить все проблемы морской блокадой нашего побережья северного моря. Но поздно, империя заранее вышла к южным морям. Там расширялись порты и к ним тянули железную дорогу. Большую часть военного флота открытого моря генштаб заранее перебросил в те акватории, и броненосцы успешно сдерживали потуги винетского флота вернуть там свою гегемонию. К тому же имперский флот первым делом взял под свой контроль проливы, и получить помощь от союзников Винетия не могла по определению. Остальные же страны циркумпонтийского региона винетов давно, мягко говоря, не любили и где явно, а где и тайно но все поддерживали империю.

Наиболее важные грузы, пока не построена железная дорога перебрасывались в империю дирижаблями. Я даже видел один такой гигантский аппарат, который безумно храбрые воздухоплаватели провели между гор прямо над нашей стройкой. Вся работа на два часа встала, потому как военные строители прыгали, свистели, кричали здравницы и кидались в небо головными уборами, гордясь неторопливо проплывающей над ними имперской мощью. Вернулись к труду только после того как дирижабль исчез из поля нашего зрения.

Но самым большим моим охудением стало то, что дирижабль шел на паровой машине.

— Куда они там уголь грузят? — удивился я.

Юнкер граф Клевфорт пояснил мне, что запитывали баллоны

дирижаблей искусственным светильным газом, который и служил для этой паровой машины топливом. А сама паровая машина сделана весьма компактной, но три винта разом крутит. Убиться мало — воздухоплаватели здесь просто смертники. Они бы еще двигатель внешнего сгорания себе поставили для полного счастья.

Вот тут-то я в восторге чувств и высказал идею того, что с таких дирижаблей можно весьма эффективно бомбить врагов. Юнкер надо мной посмеялся, но уже много позже я узнал, что эту идею он у меня нагло украл и под собственным авторством представил такой проект в генеральный штаб. Графа сняли с нашего поезда на полпути и с курьером доставили в столицу, где досрочно и без экзаменов присвоили ему чин инженер — лейтенанта. И всю войну он прослужил на заводе, где изготовляли бомбы для авиации. А вы говорите: аристократ…

Ладно, все равно ему спасибо, что научил меня рецкому и имперскому алфавитам и основам грамматики. Письмо я уже сам потом освоил, купив по дороге на станции учебник для начальной школы.

А вот горные стрелки мне не показались. Больно они были с нами надменны. Элита, блин. А мы для них — быдло. Хотя большинство стрелков набиралось из таких же горцев как мы, и говорили они на том же рецком диалекте. Но у них были винтовки, а у нас нет, и только поэтому они нас считали неполноценными солдатами. Так — обслугой настоящих бойцов.

Горцы — стройбатовцы после первых же словесных унижений вытащили из ранцев дедовские кинжалы и нацепили себе на пояса. Офицеры этому не препятствовали, понимали ситуацию. Да и стрелки после этой демонстрации словесно перестали цеплять стройбат, зримо увидав, что такое поведение чревато суровой горской дуэлью на ножах с завязанными глазами под барабан. Но молчаливой спеси и презрения к нам у них стало даже больше.

Так что врага империи в горах я так и не увидел. Только беженцев из долин, которые последние пять дней тянулись на наш перевал со своим скарбом не только в телегах, запряженных стерхами но и просто влекомого на ручных тележках. Винетская армия занимал наши долины с той стороны хребта.

Мы успели возвести укрепления впритык по срокам.

Пулемет местный я все-таки увидал. Ржать уходил в сторонку. Типичная семиствольная десяти миллиметровая митральеза с ручным приводом автоматики. Ручку попеременно крутили два здоровых амбала из расчета. Скорострельность четыре сотни выстрелов в минуту. Боепитание из коробчатых

магазинов. Один магазин — сорок патронов. На разборном пушечном лафете. Весь аппарат в разборе занимал восемь стерховых вьюков. Да… и патроны к нему на дымном порохе… Тот еще пулемет… Правда, лучше иметь такой пулемет, чем вообще никакого.

Позицию мою пулеметчики оценили и долго за нее благодарили… батальонного инженера.

С гор мы уходили пешком, везя за собой батальонное имущество на повозках, влачимых терпеливыми стерхами. Мы же не пехота. У нас разного скарба намного больше.

Через три дня неспешного марша мы вышли на равнину, где я впервые увидел железные дороги этого мира. Ну… чугунка как чугунка. Что тут можно выдумать принципиально нового? Разве что рельсы тут клали шире, чем у нас — ширина колеи в рост человека, примерно метр семьдесят пять. И сами рельсы были короче и толще. А так все то же самое, что и у нас. Разве что дизайн всего несколько другой.

Соответственно и вагоны были шире. Крашеные суриком двуосные примитивные теплушки типа 'сорок человечков иль восемь лошадей' вмещали по пять десятков солдатских рыл с носимым скарбом. А так как селили нас по плутонгу на вагон, то получалось даже несколько просторно, так как наши взвода были примерно по сорок человек.

Железная дорога была однопутной и на этой конечной станции имелись в наличии водокачка, кольцевой разъезд и два тупика. Наш эшелон уже ждал нас в одном из этих тупиков, около которого в навал кто-то сложил длинные бревна. Тут же стояла примитивная ручная лесопилка для роспуска бревен на доски.

Товарные вагоны, предназначенные для нас, совсем не были оборудованы под людей. Нам выдали неошкуренные необрезанные доски пополам с горбылем, и мы сами сколотили для себя в вагонах нары в два этажа. Благо любой потребный инструмент в строительной роте был в наличии, даже рубанки. Хорошо оборудовались, в том числе и отхожую дыру в полу огородили дощатыми щитами.

Хотя вру… Первым делом мы построили в сорока метрах от железнодорожного полотна отхожие места из горбыля на весь батальон. На этом сразу особо настаивало путейское начальство, важно кивавшее красными шапками нашему начальству, ссылаясь на неведомые нам циркуляры.

Под повозки подали открытые платформы, а ездовые устроились с комфортом в вагонах со своей гужевой скотиной.

Офицеры роскошествовали в спальном купейном вагоне. На что я только ухмыльнулся: миры разные, а армия везде

одинаковая. Хоть сословная, где офицеры из дворян, хоть Красная, где командиры их таких же пролетариев, как и ты. Любое начальство любит комфорт и привилегии.

Простояли мы на этом полустанке дня четыре. И за это время нас всех повзводно сводили в баню. Ну, как баню… Так — мыльня, без парной, но горячая вода имелась в наличии и без ограничений, и это было благо для солдата, который три недели из промывочных процедур имел только горный водопад.

Кроме бани и котельной на станции еще стояло три домика, два сарая, и барак какой-то недостроенный. И все — никакого поселка при ней не наблюдалось. Хотя, думается мне, он появится обязательно. Только позже. Не зря именно в этом месте образовалась тропа контрабандистов.

Потом всем эшелоном кололи дрова и аккуратно укладывали их в тендер паровоза, поразившего меня обилием цветного металла. Трубы, патрубки, приборы и даже ручки и поручни — все сделано из латуни и надраено до солнечных зайчиков как на военном корабле. Смотрелось красиво, но расточительно.

На пятый день заправившийся водой и дровами черный паровоз с красными колесами подцепил наш эшелон и куда-то, пыхтя, потащил. Может, наши офицеры и знали, куда мы едем, но нам это сообщить не удосужились.

И последнее по месту, но не по важности. На крайнем построении меня произвели в старшие саперы и дали под начало звено в пять человек. Причем попали в это звено все, кто умел читать чертежи и вообще чертить. Хотя бы копировать. Большинство же нашего стройбата вообще неграмотно, что не мешало им при этом быть хорошими плотниками или каменщиками. Профессии они учились как пастушьи собаки — от родителей. А кирку и лопату умел в руках держать каждый с детства.

Из плюшек, кроме серебристой птички на рукаве, у меня удвоилось жалование. Увеличились порции сахара с кофе. А также обломилась кожаная офицерская планшетка с тетрадками, карандашами и ластиком. И отдельная палатка для работы.

И еще узнал, что мое звено непосредственно подчиняется командиру роты. И фельдфебелю, конечно. Но остальные унтера уже для меня не были начальством, что откровенно грело душу. Забыл я как-то старую солдатскую мудрость, что надо стремиться подальше от начальства и поближе к кухне.

Так что, прикинув к носу, чем предстоит мне заниматься дальше, по дороге 'изобретал' я разборный походный кульман, какой видел еще на Земле в полку у вертолетчиков, поелику предвидел, что чертить нам придется много. Скорее всего —

красиво копировать, что начальство второпях накарябает. Ксероксов тут еще долго не предвидится.

Железнодорожный пейзаж империи мало отличался от привычного для меня земного: мосты, реки, поля, леса, придорожные поселки с аккуратными домиками и садами при них. Деревни вдалеке. Возделанные поля, на которых активно убирали урожай. Города с большими пафосными вокзалами и целыми районами деревянных пакгаузов. На станциях дежурные путейские в красных шапках и жандармы в лакированных касках с саблями на боку револьверами в белых кобурах. Торговки нехитрой снедью для тех проезжающих, которых в вокзальные буфеты для чистой публики не пускали, пока паровоз заправлялся водой. Для тех же пассажиров и бесплатный кипяток на каждой станции из титана в общем зале. Кран через стену выведен на улицу. Все это хорошо наблюдалось в открытую по теплому времени сдвижную дверь теплушки.

Паровоз свистел, периодически приветствуя кого-то нам неведомого, дымил и колеса наматывали километры. А мы отдыхали от трудов праведных. Воистину: лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Особенно солдату. Выспались за время пути на год вперед.

Батальонный инженер и в пути продолжал со мной заниматься математикой, с восторгом удивляясь тому, как я легко щелкаю задачки для начальной школы. Вызывал каждый день вестовым меня к себе в купе и натаскивал минимум до следующей большой станции часа полтора — два, а то и дольше. Видать ему и самому в пути было скучно. А не дай ушедшие боги нам где-то в тупичке постоять сутки, так и весь день был посвящен математике и черчению.

К арифметике инженер быстро подключил геометрию, и я в очередной раз решал простые теоремы, в том числе и знаменитые 'пифагоровы штаны' только тут они по — другому назывались — 'детской распашонкой'. В общем, полный курс землеустроения с армейским уклоном в меня активно вдалбливали. Никакой особой теории, только практические задачи. А цифры тут хоть и другого начертания, но десятичные, как наши арабские. С ними проблем не было.

Чуял я, что у инженер — капитана на меня какие-то далеко идущие виды образовались, только он мне об этом не говорил. Но я и сам знал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И то для второй по очереди мышки. Но знания, точнее их официальное происхождение, были для меня важнее.

Если время позволяло, то и имперский язык в ход шел и осваивался он у меня не то чтобы легко но без напряга. По

крайней мере, в устной форме. Все-таки пятый язык за свою жизнь изучаю. Но без засад не обошлось. В письменном имперском филологи от большого ума навтыкали дофигища всяких дивтонгов и прочих мерзостей, когда три — четыре буквы обозначают один звук, чего в рецком совсем не было. Там на каждый звук одна буква. К тому же алфавиты практически одинаковые. Так что поначалу я путался.

Читал я уже совсем неплохо по — рецки и по слогам еще на имперском. Пока этот процесс больше напоминал дешифровку, чем свободное чтение.

Дорвавшись до местных газет на станциях, поднакопив за дорогу впечатлений, сделал я вывод, что развитие этого мира находится, если сравнивать с нашей Европой, где-то в последней четверти XIX века. Вроде как пулемет тут уже есть, броненосный флот на паровой тяге, а двигателя внутреннего сгорания еще нет, как нет и авиации — сплошное воздухоплавание. Повсюду господство гужевого транспорта. И винтовки у горных стрелков однозарядные, хотя и под унитарный патрон латунный. У офицеров револьверы уже есть: тяжелые, большие и длинноствольные. Типа киношных ковбойских. И калибр соответствующий. Пуля размером с желудь, наполовину в медной оболочке, из которой тупая головка торчит свинцовая. Останавливающее действие, наверное, рассчитывали на лошадь.

8

Новое место, на котором мы строили полевой укрепрайон, было уже не гористым, но вполне себе равнинным, разве что слегка всхолмленным и поросшим сосновым лесом. Часто между болот. В чем и проявилась главная засада. Сосняк всегда любит пристраиваться на песочке, а нам этот песок копать. Что удивительно: копать траншеи полного профиля, про которые я грешным делом думал, что их тут еще не изобрели. Так вот… Мы копаем, а песочек, сцуко, высыхает на солнышке и обсыпается со стенок. Но все равно это намного легче, чем долбить кайлом камень в горах.

На эти срочные работы выгнали всех, даже штабных писарей, не говоря уже о нас — чертежниках. И половину отправили в ближайшие леса жерди и колья выламывать для укрепления окопов плетенками. И все цигель — цигель — ай — лю — лю.

Я оказался пророком, вангуя себе ударный труд на ниве черчения, чем мы и занимались весь световой день. Но потом и нас бросили в этот песчаный прорыв, когда красивый отчет о выполненной работе для высокого начальства был уже готов. В двух экземплярах. В туши. Хотя на месте еще и конь не валялся, как следует. Даже разборный походный кульман, хоть он и был у меня в чертеже готов, делать стало некогда.

— Ниче… — подмигнул мне ротный, принимая от меня склейку листов ватмана с чертежом. — На то у нас пехота — царица полей. Ей все по плечу. Все переделки пойдут у них по графе обустраивания себе полевых удобств. А для нас главное вовремя и красиво отчитаться.

— Но ведь на месте ничего еще не сделано толком, господин капитан, — возразил я.

Ротный недовольно поморщился. Он у нас был барон и очень любил, когда его называли 'ваша милость'. Но ко мне больше не придрался, так как я его титулую все же в полном соответствии с новым Уставом и хожу в любимчиках у батальонного инженера. А с инженером в инженерных войсках простому командиру ссориться себе дороже.

Но если подчиненного нельзя наказать, то припахать можно везде и всегда. Легко!

— Спасибо, что напомнил, Кобчик, — ехидно улыбнулся ротный. — Бери свое звено бездельников, получай лопаты у фельдфебеля и топайте в распоряжение инженер — капитана. Будешь копать ему любимые свои пулеметные позиции.

Вскоре прикатило пяток колясок, запряженных настоящими

лошадьми, из которых повылезала толпа старших офицеров, двое так вообще в 'полосатых штанах' с лампасами. Думал — генералы, но меня быстро просветили, что лампасы малиновые… знать это офицеры генштаба. Часа четыре они ходили по этому укрепрайону все осматривали в бинокли, что-то записывали. Даже прокатились на километр вперед и оттуда любопытствовали на нас в окуляры.

Потом надавали ценных указаний батальонному инженеру и укатили, даже не оставшись на обед, на который их зазывал комбат.

После чего нам досталось копать вторую линию траншей, соединяя их ходами сообщений. В некоторых местах разметили места под блиндажи, но их приказали копать только после того как будут готовы все окопы. А то лес валить на перекрытия слишком много народа требовалось.

На следующий день после визита генштабистов нам привезли примитивную лесопилку, и большие бухты колючей проволоки, обычно употребляемых крестьянами для временных загонов крупного рогатого скота. Целый взвод отправили в ближайший лиственный лес вырубать толстые колья. А потом целую роту заставили натягивать эту проволоку на эти колья в два ряда перед траншеями.

Фельдюнкер Або шепнул мне, что фронт планомерно отступает, и наш укрепрайон и есть настоящая заранее подготовленная позиция для отступающей дивизии.

— Не хватает нам пока войск на все три фронта. Мобилизацию запасных провели, но их понимаешь сам по — новой обучать надо тому, что они давно забыли.

— Тогда двух кольев проволоки будет мало, — заявил я, припомнив документальные фильмы про первую мировую войну. — Три ряда надо делать. Побьют проволоку артиллерией.

— Не побьют, — уверенно завил техник — фельдюнкер. — У восточного царства снаряды только шрапнельные. Поэтому тут и закапываемся в землю, а не строим люнеты. Ты блиндаж когда-нибудь копал?

— А что в нем такого сложного? От шрапнели перекрытие и в один накат делать можно. Диаметр бревна только не меньше двадцати сантиметров надо брать. Кстати неплохо бы было и пулеметные точки перекрыть бревнами с грунтом, чтоб шрапнелью не выкосило расчеты.

— Это идея, — подорвался фельдюнкер побежал с ней к инженеру.

Сплюнул я в окопчик… да пользуйтесь, не жалко… лишь бы с толком сделано было и пехтуру от обстрела спасло.

Однако Або батальонного инженера притащил ко мне и идею не притырил. Честный парень оказался.

— Нарисовать такой пулеметный блиндаж в плане и разрезе можешь? — спросил меня инженер.

— Легко, — ответил я, ибо чертить — это не лопатой махать.

— Тогда черти. Как следует. С земляных работ я тебя на сегодня снимаю.

До самого вечера сидел у себя в палатке и рисовал разнообразные ДЗОТы. И для пулеметов и для малокалиберных пушек, типа горных. Потом все красиво вычертил в туши, не забыв нарезать сектора обстрела. И в углу небольшой план на местности.

Любопытный ротный заявлялся, желал меня припахать куда-то, но я сослался на строгий приказ инженера все задание сделать до вечера и барон от меня нехотя отстал.

После ужина, ожидая подлянок от ротного, ради прикола начертил даже двухэтажный бетонный ДОТ с толщиной стенок в полтора метра. Артиллерийским орудием трехдюймового калибра, фланговыми пулеметными амбразурами и выносными бронеколпаками для снайперов. Время тянул до отбоя.

Потом с батальонным инженером обсуждали различные варианты проектов моих ДЗОТов. Отобрали два и наметили места их строительства.

— Ваяй завтра прямо с утра, — приказал Вахрумка. — Лесом я тебя обеспечу, а в подсобники возьми свое звено. Больше тебе дать мне дать некого. Видел, сколько лишней работы генштабисты навалили.

— Осмелюсь заметить, господин инженер — капитан, вряд ли эта работа лишняя. Скорее всего, это не их прихоть, а уже обобщенный опыт позиционной войны на каком-то участке фронта.

— Да… что-то они говорили между собой о западном фронте… — задумался Вахрумка. — Впрочем, меня в академии учили, что лишней обороны не бывает. Вот только сроки — будь они неладны, нам не увеличили. И людей не добавили.

— Господин инженер — капитан, нам еще скобы железные понадобятся бревна крепить. Штук сорок как минимум. Все же эта позиция будет подвергаться артиллерийскому обстрелу дивизионным калибром.

— Я прикажу Гоцу. — обнадежил меня инженер. — Иди спать. Да… еще вопрос: что это за надпись на твоем чертеже — ДЗОТ?

— Это сокращение, господин инженер — капитан, для краткости. Полностью звучит как 'деревоземляная огневая точка'.

— Оригинальное название. И язык не ломать, — согласился со мной инженер. — Путь остается.

Однако и страданиях бывает облегчение. На следующий день Зверь пригнал от станции целую маршевую роту рецких рекрутов. Сто двадцать здоровых рыл и их повзводно раскидали по ротам. Но это не освободило меня от места производителя работ на пулеметном гнезде, которое быстро углублялось и также быстро росло с такой-то помощью — только успевай приказывать, куда бревна складывать и на сколько их обрезать.

Дня за три справились вчерне.

Чуть позже я подкинул инженеру идейку собрать всех ротных чертежников в его отделе штаба батальона. Все равно ротные командиры тут только передаточная инстанция и работает он с ними напрямую. А если и кидать нас на земляные работы, то на что-то ответственное, типа того же ДЗОТа.

Оргвывод меня поразил, хотя на такое я даже не надеялся, желал лишь только скипнуть из роты этого придурка — барона, который до меня доцепился от безделья. По представлению инженера комбат произвел меня перед строем в ефрейторы. Ротного аж перекосило. Опять все мимо него прошло.

Но пока мы оставались все в ротах.

9

В тот роковой для меня день я вдвоем с бойцом — чертежником Йозе Страшлипкой укрепляли перекрытие практически готового ДЗОТа изнутри. Те самые знаменитые 'в три наката'. Точнее в два, так как фугасного обстрела не ожидалось. И все самое интересное я пропустил. А когда выглянул из окопа на бруствер, увидел над собой только щеголеватые хромовые сапоги со шпорами и черные лакированные ножны сабли. Подняв глаза выше, увидел офицера в незнакомой мне синей форме при красных бриджах, который в левой руке на отлете держал саблю, а правой целился из револьвера в моих соратников. При этом залетный крендель кричал с чудовищным акцентом на том общеимперском языке, который здесь учат в школе.

— Первый, кто сунется, пуля в живот! Все кто стоит на месте, живут!

Меня он не видел, так как я оказался у него за спиной.

Метрах в десяти от нас еще двое незнакомых мне синих солдат, закинув винтовки за спину тащили, заломив руки, пытающегося упираться ногами Вахмурку.

'Если с винтовками — то это не наши, — прикинул я, — у наших оружия нет'.

А дальше все произошло практически на автомате без участия собственных мозгов и переживаний. Точнее переживания были, но за Вахрумку, который ко мне относился с симпатией и я не желал терять в батальоне такого покровителя.

Штыковая лопата с разворота врубилась под правое колено залетного диверсанта.

Тот, ойкнув, выпустил из руки револьвер и повалился на меня в окоп, где я его и принял, как родного, двинув кулаком по затылку и освободив от сабли.

Приказал Страшлипке:

— Держи и вяжи.

А сам выпрыгнул на бруствер, где подобрал выпавший у врага револьвер.

Крутанул барабан — полный. Это по — нашему.

Только вот Вахрумку почти до леса доволокли. Метров пятнадцать — шестнадцать от меня уже. Еще шагов десять и их скроют деревья.

Но лиха беда — начало. Я с такого расстояния, даже большего, даже из 'макарки' в армии двадцать восемь очков вышибал из тридцати. Взял револьвер двумя руками — по — американски, для устойчивости. Взвел курок, чтобы на

самовзводе револьвер в руке не 'клевал'. Выдохнул, слегка присел, прицелился…

Есть! Один злоумышленник по ходу движения отпустил Вахрумку и упал носом в хвою. Как поц. Вот стоял и упал.

Второй не нашел ничего лучшего, чем бросить пленника и потянуть через голову винтовку. Ну, ему и прилетело пулей прямо в грудь. А не стой как мишень на стрельбище.

Дальше дело техники, как учили.

Догнал.

Произвел контроль. Уже по откровенному трупу. Со страху, наверное.

Засунул револьвер за пояс, отцепил флягу с водой и подал ее капитану — ему в себя придти. Это же стресс какой для человека, когда его ворует вражеская разведка.

А сам занялся мародеркой.

Результат особо не очаровал. Бедновато.

Две короткие винтовки, скорее — карабины. Новенькие, что характерно — магазинные. В магазине четыре патрона. Сам магазин заряжался пачкой.

У каждого на поясе восемь кожаных подсумков. В каждом пачка. Тридцать шесть тупорылых патронов с длинной гильзой. Гильза с небольшой закраиной. А вот капсюль уже для центрального боя. Продвинутый девайс.

Две сабли с латунными креплениями для винтовочного штыка на ножнах. И сами штыки длинные игольчатые в этих креплениях. Трехгранные.

Два серебряных портсигара с фабричными папиросами. Тут же еще и два кисета с табаком. Огнива. Портсигары, видать, трофей.

Немного незнакомых монет, завязанных узелком в платочек.

Письма какие-то на незнакомом мне языке.

И никаких документов.

Форма на диверсантах странная. Ничего вообще похожего не только на камуфляж, даже на защитные цвета. Ярко — синяя с красными погонами и выпушками. На погонах трафаретом набит желтой краской номер — '14'. Ясные золотистые пуговицы на однобортном мундире. Красные штаны, заправленные в справные кожаные сапоги из юфти, которые я тут же стянул с покойничков — им-то уже они без надобности. Кепки хипповые такие… с красным околышем и высокой синей тульей надвинутой на лоб. Козырек из черной лакированной кожи. Все натуральное, никаких эрзацев, никакой химии.

Все, кроме винтовок покидал в трофейную шапку.

— Оклемались, господин инженер — капитан, —

поинтересовался я у Вахрумки.

А сам в это время винт рассматривал. Ничего особенного. Болт, он и в Африке болт. То есть поворотно — скользяйщий затвор. Дома у нас такие были. И как у охотников — с лицензией, и для самообороны — подпольные. А тут… трудно сказать, на хорошо знакомую мне 'мосинку', да и на 'маузер' похожи они только принципом конструкции затвора, а так различий больше, чем общего.

— Спасибо, ефрейтор, — ответил мне инженер, оторвавшись от фляги. — Я вам если не жизнью, то избавлением от позорного плена обязан.

— На том свете сочтемся угольками, господин инженер — капитан, — улыбнулся я. — Нужно по лесу поискать, там у них лежка должна быть. Не пешие же они сюда притопали, — показал я на сабли. — Кто они хоть такие?

— Это, ефрейтор, цугульские драгуны восточного царя, — подтвердил мои подозрения инженер. — Четырнадцатый полк. Они конные, но могут и пеши воевать.

— Вот и славненько, — осклабился я плотоядно, — думаю, вам лошадь не помешает в качестве моральной компенсации за попытку пленения? А то вы все, господин инженер — капитан, ножками да ножками целый день по объекту, а он большой.

Одна пара сапог мне подошла по размеру и я, недолго думая, поменял на них свои уже разбитые горами, перемотав свои портянки на сухую сторону.

С цугульского офицера, который активно ругался незнаемым мне матом, порой сбиваясь на имперские ругательства, уже стащили сапоги, разрезали его щегольские подшитые кожей 'революционные' штаны и перебинтовали разбитое колено.

Я взглядом спросил ротного санинструктора.

Тот только рукой махнул.

— Хромой теперь на всю жизнь.

— Язык-то у него целый? — спросил уже голосом.

— Цел. Даже не прикушен.

— А больше нам от него ничего не надо. В штабе допросят. Несите его в батальон.

Говорил, а сам при этом обшмонал все его карманы.

Картонная пачка револьверных патронов.

Золотые часы с цепочкой и двумя крышками. Золотой же тяжелый портсигар.

Деньги бумажные и монетами.

Ташка с какими-то бумагами.

Опять-таки никаких документов.

Все, кроме часов, покидал в его ташку. Еще приватизировал с

него двойную портупею с кобурой. К ранее захваченному револьверу, который никому я отдавать не собирался.

Саблю пленного офицера я отдал Вахрумке.

— По праву она ваша, господин инженер — капитан.

— Да я и свою-то не ношу, — слегка замялся интеллигентный инженер, и тут же принял облик офицера. — Что собрался делать, ефрейтор? Я же вижу, что ты что-то задумал, — озаботился инженер, перейдя на 'ты'.

— Так точно, господин инженер — капитан, задумал, — сказал я, застегивая на себе трофейную портупею. — Гнездо их накрыть в лесу. Разрешите кликнуть охотников? Двух лесовиков мне будет достаточно. — И видя, что инженер в чем-то сомневается, добавил. — Тут по горячему следу действовать надо, иначе можем опоздать. Тогда лошадки тю — тю… ускачут. А с ними и разведдонесение противнику о наших укреплениях.

Пока инженер размышлял, я перезарядил револьвер. Был этот вороненый аппарат намного короче и легче тех, что стояли на вооружении наших у горных стрелков. И в руке сидел удобней. Прогрессивной конструкции — барабан из рамки откидывался вправо, что несколько непривычно, но с экстрактором. У того американского револьвера, что нелегально завел себе отец после наезда чечен, барабан откидывался влево. В барабане восемь гнезд. Калибр где-то восемь миллиметров. Но вот спуск одинарный. Хорош я был бы с ним в бою, понадеявшись на самовзвод? Вынул стреляные гильзы и дозарядил барабан запасными патронами из специального кармашка в кобуре.

— Действуй, ефрейтор, — наконец решился инженер, глядя на мои уверенные манипуляции с оружием.

Оба мои добровольца из нового пополнения действительно оказались хорошими лесовиками, ходили по чаще намного тише меня и следы читать хорошо умели.

Вооружил я их, с молчаливого согласия инженера, трофейными винтовками.

Вывели меня наши 'чингачгуки' на место дневки вражеской разведывательно — диверсионной группы довольно быстро, минут за сорок. Время я засекал по своим новым часам. В то место где сосняк сменялся лиственным лесом.

Схоронились враги в нашем лесу грамотно, в неглубоком овражке, сверху заросшему густыми кустами лещины, а по лысому дну с бойким узким ручейком. Костерок развели неприметный — в ямке. Обед там готовил на всю команду цугульских киднеперов молодой безусый драгун, лет семнадцати.

Я остался на месте — кашевара караулить, а лесовики разбрелись по округе следы читать.

— Господин ефрейтор, дозвольте обратиться, — неожиданно зашептали мне в ухо.

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности, на лету развернувшись с готовым к стрельбе револьвером.

— Ты меня так больше не пугай, ладно… — прошептал я лесовику, когда сердце перестало колотиться. — А то так и до греха недалеко. Стрельнул бы я с испуга, что делать стал бы?

— Виноват, господин ефрейтор, — криво улыбнулся солдат. — Только тут такое дело. Не один он в овражке сидит. По следам пятеро их, врагов. Троих вы порешили, да один кашеварит. Где еще организм?

— Не знаю где, — честно ответил я. — Может, гадит где-то в кустах. А может в секрете сидит. Сколько у них лошадей?

— Семь. Одна под вьюком. И одну, я так мыслю, они под пленного заранее приготовили. Седло вьючное. Поперек положат. Привяжут к седлу и только их и видели… Лови конский топот…

— Какие лошади? Стерхи?

— Не — е–ет… — довольно осклабился лесовик. — Дорогие кони. Заводские аргамаки. Высокие. Такие быстро скачут.

— Где твой товарищ?

— С другой стороны оврага караулит. Он надежный. Не сомневайтесь, господин ефрейтор.

— Тогда я тут посторожу. А ты топай за медалью. Только мальчишку в живых оставь.

— Зачем?

— Жалко его. Сопляк еще совсем. А так войну в плену перебедует, мать обрадует.

— Как прикажете, господин ефрейтор, — отозвался лесовик и тихо скрылся в, казалось бы, непроходимых кустах.

До чего противно вот так лежать без дела в кустах. Тягомотно. Понял я, что разведка — это не мое дело. Лучше уж кайлом махать.

Минут через пятнадцать пришел другой драгун, в возрасте уже дядька, старослужащий, а то и сверхсрочник. На погоне широкая лычка поперек, а на лице большой нос и черные усы подковой. Круглая медаль на шее. Что-то спросил парня, тот ему что-то ответил и усердно принялся помешивать в котелке. И вражеский унтер сел. Прислонившись к стене оврага. Вынул кисет, свернул цигарку из обрывка газеты и с наслаждением закурил.

Драгун взяли, когда каша уже была готова, и враги накрывали полевой достархан для своих диверсантов.

Лесовики без винтовок просто спрыгнули им на головы. Парнишку оглушили, а вот дядьку с медалью с ходу закололи

длинным трофейным штыком в левую ключицу — наповал. Оглушенного пацана лесовики споро связали и высвистали меня вниз условным криком удода.

И когда я не торопясь спустился в овраг, дружно гаркнули, дурачась.

— Обед готов, господин ефрейтор.

10

Командир батальона Кароль Готварк у нас был не фон — барон какой, а вполне себе нормальный человек мещанского происхождения — сын дорожного подрядчика. Дворянство свое выслужил с майорским чином.

Тут в империи вообще интересная такая вещь, что до майора все чины и звания вроде как временные — пока служишь, а от майора и выше — уже пожизненные. Так тебя титулуют, даже когда ты в армии перестал служить. И таким простолюдинам выслужившим свое имперское потомственное дворянство приставляется к фамилии концовка не 'форт', как у столбовых феодальных дворян, а 'варк'. Стоит еще заметить, что если в армии для обращения в Герольдию за новым фамильным гербом достаточно стать майором, то на гражданской службе, куда приравнивают и всех военных чиновников, требуется стать имперским советником третьего ранга, что приравнивается к генерал — майору. Еще можно дворянство получить, заслужив за храбрость 'рыцарский крест', но только личное, не передающееся по наследству. Так как и раньше звание рыцаря по наследству не передавалось даже среди герцогов и королей. Имперскому рыцарю никаких добавок к фамилии не положено также по давней традиции.

Так что майор Готварк — сам себя сделавший человек, но, похоже, выслужил он уже свой предельный потолок. Выше батальона строительных, да и вообще любых инженерных частей у империи не было. Выше только инженеры поднимались в большие штабы. А наш комбат, как и большинство строевых командиров, диплома инженера не имел. Он вообще в офицеры выбился из унтеров, как сплетничали.

Стоит он сейчас передо мной в этом щелястом продуваемом всеми ветрами сарае, раскачиваясь с носка на пятку. Смотрит на меня внимательно и говорит задумчиво

— Знаешь, что завтра тебя повезут на военно — полевой суд?

— Так точно, господин майор. Знаю, — ответил я.

— Обидно?

— Обидно, господин майор, скрывать не стану.

Обидно, конечно мне, но плетью обуха не перешибешь. Закон! Мародер подлежит военно — полевому суду, согласно Имперскому уложению о военных преступлениях. Мне уже шепнули часовые мои, когда хлеб и воду приносили, что на самом деле все можно, хвалиться только этим нельзя.

— Тортфорт настаивал на выездной сессии военно —

полевого суда в расположении батальона, но ее не будет, — продолжил свою речь комбат. — Мне не по душе, чтобы первого героя в батальоне на этой войне судили перед строем. Это плохой пример для солдат.

Ну да…

Барон Тотфорт…

О нем-то я и забыл… Расслабился от эйфории победы над разведчиками противника. Славы жаждал…

Когда мы притащили пленного, еще две винтовки, сабли и коней, инженера на месте уже не было. А пленённый мной ранее вражеский офицер вольготно сидел в распахнутой палатке нашего ротного, отставив в сторону перевязанную ногу и пил с капитаном Тортфортом красное вино их хрустальных фужеров, одновременно ведя приятную светскую беседу на имперском языке.

— А, Кобчик… — отмахнулся от моего доклада ротный. — Что это ты себе позволяешь? Украл часы у МОЕГО ПЛЕННИКА корнета графа Пшездецки. Ты в своем уме?

— Осмелюсь доложить, господин капитан, — гордо ответил я. — Часы есть трофей, взятый в бою. Как и оружие врага, который пытался пленить нашего батальонного инженера.

— Какой такой трофей? — недоуменно поднял борон бровь. — Военным строителям никакие трофеи не положены.

— Что с бою взято, то свято, — брякнул я с детства въевшуюся в подкорку фразу.

— Так ты еще и упорствуешь в своем преступлении… — покачал головой барон, и развел руками, тем показывая вражескому графу, мол, с какими дикарями ему приходится иметь дело. — Так вот что, Кобчик, верни его сиятельству золотые часы, которые ты у него украл и сдай не положенное тебе по Уставу оружие.

Все-таки отомстил ротный мне с Уставом, злопамятный аристократишка. И видя, что ничего я ему сдавать не собираюсь, хлопнул в ладоши.

В палатку ввалилось четверо унтеров во главе с ротным фельдфебелем, и взяли меня в коробочку

— Как это знакомо все, ваша милость, — вальяжно протянул пленный офицер. — У нас в южных горах у теплого моря горцы такие же дикари.

В это время унтера сняли с меня портупею с револьвером, споро обшмонали, вынув из карманов часы и наваху. Все это положили ротному на стол.

— Ты арестован, ефрейтор Кобчик, — барон ехидно выделил интонацией слово 'ефрейтор'. — И за твое воинское преступление

тебя будет судить военно — полевой суд. Империя — цивилизованная страна и поощрять дикие нравы отдельных народностей ее населяющих не собирается. Увести его.

Вроде ротный это все мне говорил, но не для меня…

И вот я уже третий день сижу в этом сарае под замком на хлебе и воде. Ну, почти… Гостинцами меня, считай, завалили. И лесовики, и Гоц, и инженер… Мои подчиненные чертежники… И даже унтер Прёмзель, который меня по приказу ротного арестовывал, и тот приперся ко мне на тайную свиданку с маленькой фляжкой водки в кармане. Я и не догадывался, сколько людей в батальоне мне искренне симпатизируют. Или ротного не любят. Одно из двух…

Прёмзель меня и просветил, как мой пленник стал пленником ротного. Пока я лазил по лесу в поисках остатков вражеской разведки прибежал из лагеря на позиции барон, увидел вражеского офицера и представился ему полным титулом, а тот в ответ и заявил.

— Я граф Пшездецки. Ваш пленник, барон.

И ведь, собака фон — барон теперь в полном своем феодальном праве на пленного. Старые феодальные статуты пока еще никто не отменял. А я как последний лох не произнес нужных ритуальных фраз корнету о пленении… и в пролете.

— А что инженер сказал на это? — спросил я взводного.

— А что инженер? Интеллигенция… — унтер даже сплюнул в угол. — Отдал барону саблю этого графа.

И повторил презрительно.

— Интеллигенция… Помнит она, что отцы их крепостными был у такого же барона. Вот и сократился. Поротая задница долгую память имеет. Вам — горцам этого не понять. Вы всегда были свободные.

— А что со мной теперь будет? Расстреляют? — попытался я узнать свою судьбу.

— Вряд ли… — почесал затылок Прёмзель. — Но мимо арестантских рот не пройдешь. И с будущим гражданством заранее простись.

— Ладно… — облегченно выдохнул я. — И в арестантских ротах люди живут.

И допил из фляжки последний глоток водки.

А теперь вот майор решает мою судьбу.

— Так вот… — наконец-то прервал затянувшуюся паузу комбат. — И суд сюда не приедет, и ты к нему не поедешь.

Удивил, так удивил. Нечего даже сказать. А майор продолжил.

— За попытку мародерства на поле боя я тебя уже разжаловал

из ефрейторов, и об этом уже объявлено перед строем. Тут такая тонкость есть, что за одно и то же преступление по Императорскому указу от прошлого года дважды не наказывают, — видя откровенное замешательство на моей морде комбат усмехнулся. — Но… по бумагам ты и не становился ефрейтором вообще. Ты уж прости, но так получилось, что не успели мы это в штабе как следует все оформить… Так что держи свои 'чистые' документы, старший сапер военно — строительного батальона Савва Кобчик, а заодно направление в школу унтер — офицеров и литер на поезд до Вольфберга. И мой тебе настоятельный совет, выбери там, на выпуске, себе другой род войск. Не возвращайся к нам. Барон мстителен. Тебя будет сопровождать инженер батальона и двое конвоиров… с оружием. Ты их знаешь, сам им оружие вручал. Проводят тебя до вокзала и сами уедут в школу полевых разведчиков. А для всех остальных в батальоне тебя увезут как арестованного в трибунал.

— А мне дадут выбрать род войск? — только и спросил я, сомневаясь.

— Тебе дадут, — убежденно сказал майор. — Сам увидишь. И это еще…

Командир батальона протянул мне мой же трофейный револьвер, но уже с серебряной пластинкой на рукояти, на которой было выгравировано четким рубленым шрифтом: 'старшему саперу Савве Кобчику за спасение офицера на поле боя'. Дата. Подпись. Когда только успел?

— Носи с гордостью на законных основаниях. Вот приказ о награждении тебя именным оружием, как командир отдельной части я имею на это право. Жаль только что из-за интриг аристократии не могу этого сделать перед строем. Удачи тебе, Савва.

И ушел.

А я остался в 'камере'.

По — прежнему под замком…

Арестованный…

С заряженным наградным револьвером в руках.

Очешуеть!

Утром меня специально провели под вооруженным трофейными винтовками конвоем без ремня по всему лагерю мимо палатки ротного. Этим зрелищем моего унижения насладились как сам барон, так и его сиятельный пленник, находившийся в окружении хлопотавших над ним гражданских врачей, вызванных в наше расположение из ближайшего города. Нашего батальонного фельдшера аристократам было мало или не по чину. Судя по их довольным рожам зрелище моего позора фон

— баронам понравилось.

'Да, — подумал я, кто еще тут будет больший интриган, если прикинуть к носу… комбат или барон, я не знаю. Но вряд ли бы комбат так высоко поднялся, если бы не было у него таких способностей'.

Потом меня посадили с конвоирами на инструментальную повозку и повезли к станции. На телегу заранее были уложены наши ранцы, большой медный чайник и еще какой-то вещмешок.

Возница щелкнул вожжами и пара стерхов неторопливо порысила по проселку.

Инженер нас встретил у лагерного шлагбаума верхом на трофейной вороной кобыле. А свою лошадь он вел под вьюками на чембуре. Махнул нам, чтобы мы ехали за ним и коротким галопчиком поскакал по дороге.

Дорога до станции прошла скучно. Все мои попытки начать разговор конвоирующие меня лесовики пресекали одной фразой 'разговаривать не положено'. На третий раз для большего моего понимания кивнули на спину возницы, и я замолк, оставаясь в полных непонятках.

На станции мы минут двадцать ожидали инженера у фигурно выстроенного деревянного дебаркадера с резными колоннами. Сам инженер скрылся в кабинете военного коменданта, расположенного в деревянном же здании вокзала.

Затем с сопровождающим нас унтером службы военных сообщений получили в распоряжение стоящую в тупике теплушку, уже оборудованную с одной стороны вагона нарами. Завели в вагон по сходням офицерских коней и, отпустив обратно возницу, стали устраиваться.

Один конвоир сбегал на станцию за кипятком, и мы заварили местный аналог кофе, судя по вкусу эрзац из жареных желудей.

— Давайте знакомиться что ли… — сказал я после первого глотка. — Кто я такой вы знаете. А вас как зовут?

Парни, не чинясь, представились.

— Йозе Футц.

— Кароль Колбас.

— И куда вы меня конвоировать будете? — поинтересовался я своим будущим.

— А это знают только ушедшие боги, — осклабился Колбас. — Нам комбат утром вручил бумаги на старших саперов, а времени пришить на рукава птички не дал. Зато дал еще один пакет, заклеенный, который должны вскрыть те, куда мы прибудем, потому как в батальоне мы больше не служим. Откомандировали нас.

— О как… Это почему? — удивился я.

— Шепнул нам Зверзз, что отправили нас в школу полевых разведчиков. Раз у нас это так хорошо получается драгун резать, — сказал Йозе. — Так что спасибо тебе, Кобчик, что именно нас выбрал цугульскую разведку гонять. Теперь служить будем как люди, с оружием.

И поднял жестяную кружку, как бы говоря 'прозит'.

— И что? Даже не посмотрели на то, что вы неграмотные? — удивился я.

— Как это неграмотные, — возмутился Йозе. — Я к примеру подпись свою начертать могу. Очень даже разборчиво. А Кароль еще читать умеет… по слогам.

И оба заржали.

— Так что числимся мы уже в грамотных рецах, — поддержал напарника Кароль. — А ты, Кобчик, правда, живешь на той горе, как сказывали, откуда боги из нашего мира ушли?

— Правда, если они ушли именно с горы Бадон, — честно ответил я.

— И как оно выглядит это место?

— Старый сумрачный лес хвойный на плато. Очень неприятное место. Не хочется там оставаться больше необходимого. Как бы выталкивает тебя, — описал я место своего появления в этом мире.

— Вот оно как… — задумался Йозе.

А Кароль уже рылся в своем ранце и выкладывал на импровизированный из чурбаков и широкой доски стол какие-то свертки, замотанные с чистые портянки.

— Что это?

— Твоя часть трофеев, командир, — пояснил Йозе.

— И как же вы их сохранили?

— Да пока ты пленного в лагерь вез, мы вьюки на опушке скинули и слегка прикопали. Достали ночью уже. Не беспокойся, тут твоя двойная доля от всего. Все по нашему обычаю.

— А почему двойная?

— Ты же командир. Одна доля участника и одна доля командира. Меньше нельзя — больше можно.

И смотрит на меня, потребую я себе большую долю или нет.

Но я только махнул рукой.

— Ладно. Как решили, пусть так и будет.

— Вот это по — нашему, — довольно осклабились лесовики. — Прячь быстрее в ранец, а то инженер придет… Не знаем мы, как он к этому отнесется.

— А в мешке что? — спросил я, укладывая свертки в свой ранец.

— Харчи. И цугульские, и те, что нам на троих в дорогу

выдали, — пояснил Кароль. — Йозе, ты как самый молодой, иди, расседлай офицерских коней и обиходь. На ходу это труднее будет сделать.

— Так вы меня в трибунал не повезете? — спросил я, все еще не веря своему счастью.

Комбат мне еще на губе вроде все пояснил, но кто его знает… это начальство. Могло и передумать из каких-либо высших соображений карьеры. Что для него какой-то горец? После того как меня без ремня под конвоем провели по всему лагерю, я уже любого исхода ожидал.

— Это для барона тебя повезли в трибунал, чтобы он не вонял сильно и жалоб родне не писал.

К открытой створке вагона подошел инженер, прикрикнул с насыпи.

— Кто-нибудь там… Руку дайте.

Кароль протянул офицеру ладонь, и тот ловко за нее уцепившись, в одно касание оказался в теплушке.

— А разве вы, господин инженер — капитан, не в классном вагоне поедете? — спросил я.

— Вот еще… — ухмыльнулся инженер. — Буду я свои деньги доплачивать за классность. Что-то я проголодался, что там нам батальонный ресторатор в дорогу собрал, мечите на стол.

— А долго нам ехать, господин офицер, — подал голос Йозе из-за лошадиных тушек.

— Чистого времени в пути часа три, — удовлетворил его любопытство инженер. — Но когда нас к эшелону подцепят… Кто его знает? Комендант сказал, что как только, так сразу. В первую очередь. Но после санитарных поездов.

— Много раненых? — спросил Кароль, не забывая ножом пластать свежий хлеб, буженину, сало и кровяную колбасу.

— Очень много, — ответил офицер, прихлебывая из кружки уже остывший эрзац — кофе. — Пока я у коменданта был, так за это недолгое время три санитарных эшелона пропустили без очереди. Прёт восточный царь как паровой каток, а у нас тут только завеса пока, а не полноценный фронт. Каждая дивизия воюет на участке, который в обороне армейский корпус должен держать. К югу от нас цугульский корпус прорвался, там теперь всем чем можно этот прорыв затыкают. Везу вот в штаб фронта требование от комбата вооружить батальон на всякий случай, хотя бы только винтовками. Все же мы теперь не тыловая, а фронтовая часть. Приказ вышел о переименовании нашего строительного батальона в саперный. Что ты смеешься, Кобчик?

— Осмелюсь доложить, господин инженер — капитан, мы-то грешным делом думали, что в больших штабах считают, что

рецкие горцы такие звери, что им оружие и давать опасно, — ответил я, удавливая смех.

Ржали уже все. Йозе так вообще слезы вытирал от смеха и приседал на корточки.

Тут шипя, свистя и попыхивая толстой расширяющейся кверху трубой, подъехал к нам маленький маневровый паровозик. Вагон тряхнуло, лязгнули буфера. Потом также в другую сторону и нас потихоньку потащили, подпрыгивая на стрелках. Через десять минут подцепили последним вагоном к какому-то эшелону.

Маневровый паровоз, отцепившись от нас, укатил.

Зазвонил колокол на станции.

И поезд, медленно ускоряясь, покатил в тыл. Подальше от диких цугульских драгун восточного царя, про которых уже и слухи поползли, что они младенцев жареных едят.

11

Город, в который мы прибыли был первый большой, по настоящему большой город который я увидел в империи. До того все попадались пряничные провинциальные аккуратные городки живущие в основном торговлей. А тут… Высокие трубы мощно коптят по окраинам. Заводы… Фабрики… Мастерские… Прежде чем попасть на вокзал мы проехали промышленные и складские пригороды, обширный железнодорожный отстойник и большое депо даже с круговым механизмом поворота в паровозном 'гараже'.

Кроме того, как пояснил нам Вахмурка, здесь на востоке империи это место крупный железнодорожный узел.

А за каменным двухэтажным вокзалом высились, уходя в перспективу веера улиц местные 'небоскребы' в пять — шесть этажей приятных для глаза проектов с 'архитектурными излишествами' и балюстрадами на крышах. Улицы и тротуары выложены аккуратной брусчаткой 'веером'. На площади работал фонтан, в котором пускали струи позеленевшие бронзовые тритоны не тритоны, но кто-то из местного морского бестиария. По тротуарам фланировала публика, любуясь красивыми витринами многочисленных магазинов, все больше мелких и специализированных ни одного универмага за все пребывание здесь мне не встретилось. Сновали лотошники с товаром вразнос. Словно и нет войны всего в нескольких часах хода по железной дороге, настолько это было спокойное и умиротворяющее зрелище.

Конка еще впечатлила: пара, а то и четверка стерхов тянула вполне себе нарядный трамвайный вагон красного цвета, если не обращать внимания на пассажиров, расположившихся на крыше. Пользовались горожане таким транспортом охотно и ходили такие конские трамваи часто. Рельсовая колея была неширокой — чуть больше полуметра, причем рельсы укладывались сразу секциями с готовыми железными шпалами — что меня сильно потрясло оригинальностью решения, а промежуток между ними забивался круглым булыжником для удобства цепляния копыт 'горбуньков'.

На улицах много колясок, запряженных самыми настоящими рысаками. Даже кареты встречались с гербами, запряженные четверкой красивых крупных коней. И извозчики в лаковых пролетках на резиновом ходу — куда в таком мегаполисе без таксёров?

Назывался город Будвиц и был он столицей королевства

Ольмюц — давней части империи, сохранившей, однако, у себя на троне природного короля — фактически бутафорского, полностью подчиненного императору, но и определенная автономия у этой страны была. Как политическая — имелся собственный двухпалатный сейм, определяющий местные законы, налоги и бюджет, так и финансовая, что делало Будвиц одной из культурных столиц империи. Два драматических театра, опера, оперетта и десяток балаганов для публики повульгарней. Библиотеки. Университет. Политехнический институт. Даже цирк и тот тут был. Сам афишу видел на тумбе с каким-то хищником, пролетающим сквозь горящее кольцо.

Перед самим въездом в город мы, почистившись от дорожной пыли, нацепили на себя всю положенную амуницию. Я револьвер на пояс. Лесовики сабли трофейные привесили и винтовки за плечо закинули. На спинах ранцы, а мешок с оставшейся провизией Вахрумка разрешил навьючить на свою запасную лошадь.

Сам офицер поехал верхом, но шагом, чтобы мы не шибко от него отставали. Заводную лошадь вел в поводу Йозе, замыкая нашу колонну. Так и плелись гуськом по обочине мостовой, не заступая за поребрик тротуара, по краям которого редко рассажены старые липы, взятые у корней в чугунные фигурные решетки.

Не торопясь добрались до монументальных каменных казарм с выкрашенными в желтый цвет оштукатуренными стенами. В три этажа домина. Стена длиной в квартал. Там отвели лошадей на конюшни внутреннего двора. Помогли инженеру отнести его тюки в офицерский корпус, а потом и нас устроили на третий этаж в большом дортуаре, рассчитанном человек на сорок, но пустом. Койка отдельная железная с пружинной сеткой и сундук под койкой для личных вещей. Обширный умывальник с водопроводом и 'вокзальным' ватерклозетом на этаже — о большем не приходилось и мечтать. Разве что о горячей воде.

Поставили нас на довольствие и неплохо покормили обедом. Жаль поваляться на кроватях не разрешалось до отбоя — а так вообще курорт. Сидим на табуретах и играем в 'железку' — время убиваем и в окно поглядываем, как местные королевские гвардейцы в красивой яркой форме тренируются в шагистике. Прямо рота почетного караула в натуре. Но им на войну не ходить, им короля охранять.

Через пару часов прибежал за нами посыльный от инженера, и мы понуро поплелись за ним в Главный штаб Ольмюцкой армии. Сачкануть не удалось. А так хотелось…

Я уже упоминал, что армия империи строилась по принципу

национальных частей, потому как языков и диалектов в этом государстве не просто много, а очень много. И политически империя представляла собой монархическую конфедерацию, где у нескольких земель оставались многие признаки самостоятельной государственности. В том числе и армия, которая по факту подчинялась имперскому генеральному штабу, но содержалась королем.

Император сколачивал свою державу мягкими лапами, и деление ВСЕГО населения в империи на имперских граждан и подданных тут играло не последнюю роль. Гражданин в империи везде был у себя дома, а вот подданный ольмюцкого короля не был подданным императора. Подданным императора был сам ольмюцкий монарх. А дальше все насквозь знакомое: вассал моего вассала не мой вассал. Публичное законодательство тут вообще очень запутанное и строится не столько на стройных кодексах, сколько на заключенных императорами с разными землями договорах… лет так за тысячу.

Даже крепостное право тут отменяли не разом по империи, а по отдельным землям и в разное время. Процесс этот растянулся, как говорили, на полвека. А начался именно в Ольмюце двести лет назад крупными антифеодальными выступлениями. Сравнительно ранняя отмена крепостничества сделала это королевство традиционным местом сосредоточения крупной промышленности и одним из центров военно — промышленного комплекса империи. Так что, какие бы дела на фронте не разворачивались, Будвиц врагу не отдадут. А вот то, что он оказался фактически прифронтовым городом, чувствовалось, местное начальство нервировало.

Армия этого королевства была небольшой, и большинство частей в мирное время работало как учебный комбинат военных специалистов запаса. Однако три армейских корпуса и отдельный кавалерийский корпус королевство выставляло по мобилизации, объявленной императором. Не считая строительного, понтонного, саперного и инженерных батальонов и прочих частей усиления в виде отдельной конноартиллерийской бригады, трех полков тяжелой полевой артиллерии и отдельных гаубичных батарей в каждом пехотном полку. Телеграфистов — телефонистов, обозной службы, полевых госпиталей и прочего много всего по мелочи, в том числе и такая экзотика как самокатный стрелковый батальон на велосипедах. И полевая конная жандармерия, которая тут вовсе не 'кровавая гебня', а военная дорожная инспекция и военная полиция в одном флаконе. Третье по численности войско у местного короля после собственно императорского и королевства Оногур, также имевшего в империи автономию.

Привели нас в большой красивый двухэтажный дворец, утопленный в глубине парка за чугунной решеткой. Сопроводили мимо часовых на второй этаж по широкой мраморной лестнице и втолкнули в большую приемную.

На бронзовой табличке рядом с дверью выгравировано на двух языках: 'Начальник инженерной службы Ольмюцкой армии генерал — адъютант, инженер — генерал — лейтенант А. Штур'.

Сидящий за столом в 'предбаннике' генеральский адъютант в серебряных аксельбантах и чине инженер — лейтенанта спросил наши фамилии, сверился с какой-то бумагой и показал большим пальцем на оббитую кожей дверь.

— Вас ждут.

В кабинете за большим темным столом сидел медведеобразный мужик с коротким седым ежиком на голове и седыми усами. На стуле, слегка сбоку от стола пристроился Вахрумка, который при нашем появлении радостно возвопил.

— А вот и наши герои, ваше превосходительство.

И уже нам.

— Проходите, не стесняйтесь. Я уже вкратце обрисовал экселенцу ваш подвиг. Но его превосходительство желает знать подробности из первых рук.

После того, как мы закончили наш рассказ о спасении Вахрумки и ликвидации цугульской разведки (кроме моего ареста) и кратко ответили на все возникшие вопросы, а также продемонстрировали новейшую вражескую винтовку, генерал отпустил лесовиков, подписав им литеры и сделав отметку на их предписаниях о задержке в Будвице по уважительной причине. При этом загадочно сказал.

— Готовьте парадную форму к утру, как на императорский смотр, — чем ввел лесовиков в некоторое уныние.

— Осмелюсь доложить экселенцу, — смущенно произнес Кароль на правах старшего в их паре, — мы солдаты, призванные на срочную службу и парадной формы нам не выдавали. Сказали положено в линейных частях ее иметь только добровольцам.

Генерал крякнул, покрутил головой и позвонил в колокольчик с длинной ручкой, что стоял у него на столе.

Мягко втек в кабинет адъютант с блокнотом в руках.

— Этих двоих срочно обмундировать в парадную форму рецких сапер, — приказал генерал. — В гарнизонной швальне, пусть все бросят, но к утру чтобы представили этих молодцов в полной красе.

— Будет исполнено, экселенц. — лейтенант черканул что-то карандашом в блокноте. — Прошу за мной.

Я также четко повернулся через левое плечо, но генерал дал

новую вводную.

— Вас, Кобчик, я попрошу остаться вместе со всем трофейным оружием. Насколько понимаю, у вас парадная форма есть, раз вы доброволец.

— Так точно, ваше превосходительство, — вытянулся я в струнку, обернувшись.

— Вот и хорошо. Берите у окна стул и садитесь напротив Вахрумки. Не робейте. Не в пехоте служите.

Удивляясь демократичности генерала, я притаранил к его столу от окна стул и сел на него с прямой спиной.

— Кобчик, вы сколько уже служите в армии? — продолжил генерал опрос.

— С этой весны, ваше превосходительство. Все время в строительном батальоне. Инженер — капитан Вахрумка сам меня из учебной команды добровольцев во Втуце забирал.

— Кем вы были до службы?

— Кузнец и слесарь, ваше превосходительство.

— Слесарь?

— Так точно, ваше превосходительство. Замки делали.

— Экселенц, могу подтвердить, что замки его семейного предприятия пользуются популярностью у населения в Реции. К ним трудно подобрать ключи или отмычку.

— В чем секрет? — поинтересовался генерал.

— Осмелюсь возразить, ваше превосходительство, но это секрет семейной фирмы и разглашению не подлежит.

Во. Мля… язык мой — враг мой. А что я еще мог сказать, если это секрет Оле, а вовсе даже не мой. К итоговой сборке замков он меня не подпускал. Так… точил я отдельные детали.

— О! Каков! — воскликнул генерал, распушив усы. — Ты был прав, Вахрумка. Не прост твой сапер. Далеко не прост.

— Экселенц, — вставил свою реплику инженер, — если бы я сам не учил его грамоте, то подумал бы, что старший сапер Кобчик получил, по крайней мере, среднее техническое образование. А так да… самородок.

— Гордитесь, Кобчик. Вахрумка не просто инженер, а большой инженер. С именем… Его похвала дорогого стоит. Он мне сегодня много чего порассказал о ваших 'странных' идеях насчет полевой фортификации. У вас еще такие 'странные идеи' есть?

— Странных больше нет, ваше превосходительство. Остались только бредовые фантазии, — выпалил я.

— И?.. — сделал генерал круглые глаза, но быстро взял себя в руки и перешел на доверительный тон. — Понимаешь, сапер, город наш, наша столица… фактически превратился в

прифронтовой. Царские войска генерал — фельдмаршала Смигла огромными силами навалились на нашу приграничную завесу, когда основные имперские войска заняты на Западном фронте, а военная мобилизация запасных еще не закончилась. И мы вынуждены пока отступать. Просто никто не ожидал в больших штабах, что Восточное царство вступит в эту войну. Причин не просматривалось. Однако они вступили… Но этот город, как центр оружейной промышленности, сдать врагу… мы просто не имеем такого права. Тем более что поступил приказ имперского Генерального штаба о 'бронировании' от призыва квалифицированных рабочих на заводах… и наш мобилизационный ресурс существенно усох. А пока прибудут новые имперские части сюда, много может случиться непоправимого за это время. Так что я готов выслушать любое твое бредовое предложение, пусть даже оно и не пригодиться нам. Просто… а вдруг? Так что не стесняйся и неси нам свой бред, солдат, а мы уж сами решим, что там бред, а что имеет рациональное зерно.

— Можно карандаш и бумагу? — спросил я хриплым голосом.

Генерал снова позвонил в колокольчик и явившемуся адъютанту приказал.

— Альбом и чертежные принадлежности.

Вахрумка, прислушавшись к моему хрипу, добавил.

— И чаю с лимоном. На всех.

Когда принесли чертежные принадлежности, то первым позывом рука потянулась нарисовать штурмовик Ил-2, как радикальное решение ликвидации походных колонн врага, но я быстро затер ластиком первые линии, пока мои собеседники не поняли еще, что именно я собрался изобразить. Эту супербредовую фантазию… не потянут они. Еще лет сто пройдет, пока смогут тут такой аппарат скомстролить.

Спросил.

Сколько к городу подходит железных дорог?

— Три, — ответил мне Вахрумка. — И еще есть кольцевая дорога вокруг самого города.

— Тогда так… — я отхлебнул горячего ароматного напитка с легкой кислинкой, и нарисовал длинное орудие на железнодорожной платформе, а к нему маневровый паровоз и платформу с боезапасом. — Только это должно быть морское орудие, ваше превосходительство, очень дальнобойное и крупного калибра, не меньше шести, а то и восьми дюймов. А офицер связи от артиллеристов должен сидеть в окопах вместе с пехотой и по телефону командовать огнем. Выдавать поправки.

Цели для таких пушек может выискивать дирижабль с безопасной высоты от огня противника.

Примерно такое орудие стоит на Поклонной горе в Москве, калибром в 180 миллиметров, так что получилось у меня весьма выразительно, даже художественно несколько.

— А где взять шрапнель такого большого калибра? — задумчиво спросил меня Вахрумка.

— Не нужна тут шрапнель. Нужен фугасный снаряд, который при взрыве дает много осколков. Вот такая у меня фантазия.

— Давай еще, — это уже генерал включился, пока не показывая своего отношения к моему футуристическому творчеству.

Оторвал лист из альбома, отдал его начальникам, а сам нарисовал бронепоезд. Короткий. Концевые вагоны с пушками, пулеметные платформы и в центре состава блиндированный паровоз. Такие БеПо что красные, что белые в Гражданскую войну ваяли, можно сказать 'на коленке'. Так что должны справиться.

— Можно еще проще… — увлекшись, я тратил уже третий лист. — Если нет времени клепать железо на вагоны, то можно бронировать вагоны железнодорожными шпалами. И лист котельного железа устанавливать между ними. Пуля не пробьет. А пушки ставить полевые. Но это от безысходности. Еще можно тюки хлопка по бортам ставить — в них пуля вязнет.

— Сам возьмешься, такое сделать? — заинтересованно спросил генерал. — На настоящем заводе.

— Нет, ваше превосходительство, я не инженер. А тут надо нагрузки рассчитывать, чтобы вагон при выстреле орудия с рельс не сошел. Это выше моего разумения.

— И так тебе такое в голову пришло, — спросил Вахрумка, очень удивленный.

— Не поверите… Но во сне приснилось, что я на таком от врага отбиваюсь. Там еще, в лагере под арестом, — а что я еще мог сказать?

— Под каким еще арестом? — удивленно спросил генерал.

Вахрумка смутившись, рассказал мою эпопею с ротным и про часы трофейные. И как они с комбатом обвели ротного вокруг пальца.

— Давай свое предписание, — приказал генерал.

Я вытащил из планшетки бумаги, которые мне вручил комбат и положил их на стол.

Генерал их внимательно просмотрел и сказал Вахрумке.

— Дураки вы с комбатом. Мало каши ели для серьезных интриг. Вольфберг — вотчина старшей линии Тортфортов.

— Не знал… — протянул инженер. — Но только там

Имперская школа унтер — офицеров инженерных войск. Не могли же мы его послать учиться в другие войска. К тому же внутри инженерных войск выбор специальностей богатый, так что он к нам бы обратно не попал.

— Зато Торфорты могли возобновить там против него судебное преследование прямо в унтер — офицерской школе. Они мстительные…

Генерал задумался, постучал пальцами по столешнице. Потом спросил меня.

— А еще бредовые идеи у тебя есть?

— Будут, ваше превосходительство. Мне часто дурные сны снятся.

— Вот как… И с какого времени тебе снятся ТАКИЕ сны?

— А с тех пор, как я переночевал в лесу на том месте, откуда из нашего мира ушли боги, — погнал я пургу на голубом глазу.

— Это где такое место? — заинтересовался генерал.

— На горе Бадон, — ответил я честно.

— Фантастика! — воскликнул Вахрумка. — Горские легенды это что-то…

— Да какая разница, где он получил свой дар, — отмахнулся от инженера генерал. — Главное, что блиндированный шпалами поезд мы можем сделать за несколько дней. И не один. А там Кобчику еще что-нибудь приснится полезного.

И припечатал ладонью по столешнице.

— Приказывать я тебе не могу, сапер. Но у меня есть для тебя предложение. Вкусное такое… Вот Вахрумка, к примеру, опять переводится из имперской армии в королевскую. Могу и тебя пропустить тем же приказом. Соглашайся… а унтер — офицера я тебе присвою и сам, без школы. Рекомендация такое инженера как Вахрумка, как я уже говорил, дорого стоит.

— Осмелюсь спросить, ваше превосходительство, чем я буду тут заниматься?

— Тем же что и стройбате — командовать чертежниками. И по возможности видеть полезные для нас сны. Почаще.

Я подумал, что от такого перевода ничего не теряю, так как рецким патриотизмом не обременен.

— Еще один вопрос, ваше превосходительство…

— Задавай, сапер, не стесняйся.

— Я знаю только рецкий язык и немного имперский… вашего языка я не знаю… Как мне командовать людьми, которые говорят на непонятном не языке?

Генерал повернулся к Вахрумке.

— За сколько времени он с тобой имперский выучил?

— За месяц где-то, экселенц.

— Талант… — протянул генерал. — И с таким талантом к языкам он еще и прибедняется…

И резко повернулся от инженера ко мне.

— Ну, ты и нахал, сапер. Выучил имперский… Выучишь и нашу мову за то же время. А командовать чертежниками будешь пока на имперском…

Сделал паузу и лукаво спросил.

— Так каков будет твой положительный ответ?

12

Вечером, когда я начистился, наблистился и уже гладил через мокрую тряпку тяжеленным чугунным утюгом на угольном нагреве парадку перед наведением на нее последнего лоска, появились в дортуаре довольные лесовики в парадной форме 'с иголочки', которая сидела на них как хороший фрак на денди из английского кино. Даже завидно стало… У меня-то стандартный фабричный крой, даже не индпошив, а у них формы от гвардейских кутюрье. Не хухры — мухры…

Довольные сослуживцы по секрету сообщили мне, то, что начальство от нас утаило, решив видимо сделать сюрприз. Но что можно утаить от гарнизонных портных? Вот и мне лесовики шепчут сразу в два уха.

— Завтра, Савва у нас аудиенция у самого ольмюцкого короля Бисера Восемнадцатого. Говорят, нас награждать будут, типа того, что мы первые герои на земле королевства в этой войне.

— Чем награждать-то? — не понял я. — В любом случае я бы предпочел деньгами.

Ну, как не понял. Понял. Хотелось конкретики.

— Это только ушедшие боги знают, чем наградят. А ты сам-то как? Потом с нами дальше едешь?

— Нет, — просветил я товарищей по поводу моих дальнейших планов. — Я оформил перевод в ольмюцкую армию. Буду тут теперь при штабе груши околачивать. С Вахрумкой.

— Тю — ю–ю — ю–ю… — разочарованно протянул Йозе. — Это не интересно. Никакой тебе героики… Никаких трофеев… Никаких наград…

— Сам сказал, что завтра нас наградят, — пожал я плечами.

— Этого мне мало, — глаза молодого заблестели от азарта и алчности. — Я 'Рыцарский крест' хочу. Чтоб на шее болтался и всем сразу виден был. Да чтобы с мечами и бриллиантами. Да 'трофеем'. И к фамилии чтоб добавили 'верт'.

Кароль дал подзатыльник Йозе.

— Охолонись, малыш, а то быстрее получишь десятиграммовый свинцовый привет на лоб, чем 'Рыцарский крест' на шею. До него еще две степени 'Солдатского креста' надо выслужить. А их просто так никто не дает.

— А 'Солдатский крест' нам завтра дадут. Я это чую — ю–ю — ююю!!! — воскликнул Йозе. — Мужики, вы только представьте, как нам все парни завидовать станут, а все девки сразу ноги раздвигать будут, как только нас увидят.

— Орден Сутулого с закруткой на спине ты получишь, — усмехнулся я и обратился к старшему. — Кароль, ты сводил бы односельчанина тут в городе в бордель, а то ему моча в голову ударяет не по — детски.

— Вот еще, деньги на шлюх тратить, — насупился Кароль. — Все равно, что в речку выбросить. А податливую прачку найти, времени у нас нет.

— Ну, коли ты не желаешь, так я его сам свожу, — отставил я утюг на подставку. — Сам уже давно без бабы. Напрягает это и на нехорошие подвиги тянет. Утюг кому-нибудь нужен, пока в нем угли горячие? Если да, то сами каптенармусу этажа потом отнесёте, — и стал развешивать китель на плечики, а штаны на спинку кровати. — Спать хочу, силы нет…

— Так еще отбоя не было? — заметил Кароль.

— А у нас и фельдфебеля нет, чтобы его прокричать, — возразил я. — Вечер поздний. Тремать нас в казарме некому. Вы как хотите, парни, а я на боковую. Только лампу со стены снимите, чтоб мне в глаза не била.

Снилось мне, что я бегу, извиваясь под разрывами снарядов взметывающих в небо фонтаны земли, лезу через колючую проволоку по накинутой шинели, а винтовка — гадина длинная все цепляется ремнем за колючку.

Наконец перелез и сразу обеими ногами попал в 'путанку' тонкой проволоки на земле и я упал как подкошенный. А над головой ударил вражеский пулемет и пули, чирикая воробышками, густо летят над моей головой.

И такой меня ужас пробрал, что еще в два кола впереди колючки гадской осталось. А у меня ноги стреноженные.

Наши откатились назад. Атака захлебнулась. Один я остался между кольев колючего заграждения перед самыми вражескими траншеями.

А мне по — русски кричат из ближних окопов:

— Эй, имперец — перец, ползи сюда. Тебе у нас в плену хорошо будет: каша березовая, сало козлиное и молоко из-под бешеной коровки. Зато кажон деть по три раза!

И здоровый солдатский ржач вдогон…

Тут наша артиллерия как дала шрапнелью, и в мою спину штук десять пуль вонзилось одновременно. Больно так…

Проснулся в холодном поту. Перекрестился машинально. И первый раз в этом мире молитвенно подумал о таком.

— Господи, а кто там с той стороны фронта-то? Вдруг русские? И вообще есть ли здесь Россия как таковая? И если есть, то я получается власовец?

Грустно стало от такой перспективы.

В конце концов, решил, что пора заняться мне местной географией, а там… будет день — будет пища.

Королевский дворец ничего особого собой не представлял, разве что большой он. Но далеко не Зимний… не Царское село… и даже не Гатчина. Вот дворец армейского штаба, в котором мы были вчера — тот точно в будущем станет памятником архитектуры уровня списка ЮНЕСКО.

Королевский дворец в Будвице — это двух с половиной этажное здание с полуподвалом. На уровне мостовой невысокие вытянутые окошки с решетками. Высокий первый этаж — до окон голова не достает и сами стрельчатые окна не меньше трех метров в высоту. Нормальный второй этаж. И квадратненькие оконца низенького третьего этажа — помещения для слуг. С улицы дворец неказист, разве что веселенько окрашен по штукатурке в нечто оптимистически бирюзовое на фоне былых оконных простенков. Даже не скажешь, что тут король живет.

В плане дворец напоминает букву 'П' или как говорили в старину 'построен покоем' в три корпуса. Внутри 'буквы' не парк, а ровный плац, уложенный большими квадратными плитами похожим на диабаз камнем. На этом плацу ежедневно происходит развод королевской гвардии. Сам не видел, но шепчут что это красивое зрелище. Наверное что-то типа того что в Лондоне у английской королевы — видел как-то по телику. Пафосно. Для привлечения туристов самое то.

От казармы нас везли как больших бар, на пролетке с кучером в гвардейском лазоревом мундире, фетровой треуголке с галунами и белых штанах. В сопровождении также обмундированного фельдфебеля. Фактически — лейтенанта, учитывая, что в королевской гвардии чины считаются старшинством на два класса выше перед армейскими. Все чинно, благородно. Извините… Подвиньтесь… Только после вас… Даже строить нас фельдфебель не пытался. Удивительно…

Высадив нас внутри дворцового плаца около ажурных чугунных ворот, фельдфебель приказал нам идти за ним одной шеренгой и повел по широкой наружной лестнице на главный этаж между двумя рядами гвардейцев в красных мундирах. Те, как только мы заступили на лестницу, взяли винтовки с примкнутыми штыками 'на караул' и где-то за нашими спинами глухо забили барабаны и вскоре к ним визгливо присоединились фанфары.

Однако почет нам оказали даже не по первому классу, а люксу.

Войдя же внутрь дворца, я сильно удивился, как внутреннее убранство не соответствует внешней скромности здания. Внутри

была даже не роскошь, а самое отвязанное расточительство, которого я никогда не понимал. Однако, все со вкусом и очень красиво.

В тронном зале нас поставил в центре зала в один ряд с двумя генералами и капитаном… простите, уже инженер — майором Вахрумкой.

А многочисленная расфуфыренная 'до немогу' придворная публика жалась к стенам и окнам. Причем женщин в этой толпе наблюдалось больше чем мужчин.

Сам выход монарха по сравнению с придворным окружением показался даже обыденным. Низенький, толстенький с обвисшими щеками старик в красной мантии поверх синего гвардейского мундира, на ногах белые панталоны до колен, белые чулки и черные башмаки на высоких каблуках с золотыми пряжками. Король вышел, держа спину настолько прямой, что казалось, он аршин проглотил. Но посмотрев на большую массивную корону, со сверкающими на золоте крупными самоцветами, я подумал, что и сам бы так вышагивал, чтобы ее с головы не потерять.

В глазах у меня рябило. Несмотря на высокий расписной потолок и большую кубатуру зала чувствовалась некоторая духота. И вообще я был несколько не в своей тарелке. Не знал как себя вести, куда наступать и что говорить… Даже не сразу отреагировал на шепот, раздавшийся около моего уха.

Высокий человек в обильно расшитом золотом белом мундире до колен, с золоченым посохом в руках из-за спины шептал мне инструкции.

— На короля сверху вниз не смотреть, за руку его не хватать, руку не лобызать. Если король протянет ладонь для рукопожатия, то ответить на него нежно. Вас много, а он один. Если все будут его величеству давить ладонь, то отдавите ее напрочь. Если понятно, то не кивайте мне, а только моргните глазами.

Я моргнул.

— Прекрасно. Когда вас назовут, то вы четко выходите на середину зала и останавливаетесь в трех шагах от трона. Особо топать не следует… Вы не на плацу.

Я снова моргнул.

— Молодец. Удачи, — и он уже что-то шептал уже Йозе, видимо те же инструкции, что и мне.

Когда король вышел в зал, то дамы присели в глубоком реверансе, а мужчины склонили головы. И оставались в такой позе до того как монарх не занял своего места перед троном. Садиться на него монарх не стал.

Следом за королем, дождавшись, когда тот займет свое

место, вышла королева Недвига — сухонькая преждевременно состарившаяся женщина с морщинистой шеей, торчащей из ключиц. Драгоценностей на ней висело не меньше килограмма. И все блестело.

Ей оказали те же почести, что и монарху.

Третьим вышел наследник престола — тридцатилетний кронпринц с 'оригинальным' для Ольмюцской династии именем Бисер. В белом мундире гвардейского генерала. С землистым цветом лица и заметными мешками под глазами.

Ему также оказали положенные почести.

'Бедные дамы, — подумал я. — Им постоянно приходится не только приседать, но и стоять в этой неудобной раскоряке, пока августейшая фигура не займет свое место у трона'. И я пожалел их.

Первым для награждения зычным голосом, напоминающим эхо из бочки, вызвали из нашего ряда генерала с языколомательной фамилией, и король надел на него через плечо широкую бело — красную ленту командора ордена Бисера Великого с мечами. Как я понял из поздравлений короля это был командир отогузского армейского корпуса, которому удалось остановить прорыв цугульской армии восточного царя, что произошло буквально на днях к югу от того места где я строил полевой укрепрайон.

Вторым наградили Вахрумку. Тоже орденом Бисера Великого, но только на шею. 'За новаторство в области полевой фортификации и создание в рекордные сроки прекрасного укрепрайона, который уже получил положительные отзывы от обживающей его ольмюцкой пехоты'. Не знал что наши окопы уже сдали в эксплуатацию… Знать, враг приближается, сбивая имперские завесы.

Третьим был я, вышедший на негнущихся ногах, излишне громко топающий по драгоценному узорному паркету и вообще немного не в себе.

Король обычной английской булавкой приколол мне на грудь треугольную черно — белую ленточку, на которой болталась бронзовая фитюлька, именуемая 'Крестом военных заслуг' с мечами с объяснением, что сия награда дадена 'за спасение офицера на поле боя и ликвидацию вражеской разведки'. Вот так вот ни много ни мало — 'ликвидации вражеской разведки'. Бедный враг, смирись и ляг! Кобчик на подлете!

После вручения ордена король спросил меня.

— Я слышал: ты перевелся в мою армию?

— Так точно, ваше величество, — гаркнул я, стараясь, чтобы прозвучало браво.

Возможно, даже несколько громче, чем полагалось, потому что король, скривив рот в улыбке, демонстративно поковырял в правом ухе указательным пальцем.

— О! — воскликнул король, вынув из уха палец и подняв его вверх. — Точно также орал на меня мой фельдфебель в мои кадетские годы.

Придворные подхалимски захихикали. А некоторые дамы зааплодировали веерами по ладоням.

— Так тому и быть, — продолжил король свою речь. — Поздравляю тебя фельдфебелем… э — э–э… Кобчик.

— Рад стараться, ваше величество, — рявкнула моя тушка, ожидая продолжения беседы.

Но король уже махнул рукой, подгоняя следующего награждаемого.

Оба лесовика получили по такому же кресту, как и я. С той же формулировкой.

Справедливо. Воевали мы вместе.

Последним вышел к трону второй генерал из нашей шеренги. Но этого король просто поздравил генерал — лейтенантом. И руку пожал.

Каждое награждение сопровождалось магниевой вспышкой фотографа, который скрывался под черной тканью за треногой своего аппарата.

Затем всем награжденным и августейшей семье расфуфыренный лакей в бордовой бархатной ливрее с золотыми галунами предложил на золотом подносе по бокалу белого вина. Удивительно, но больше никому в зале такого не досталось и мы все выпили за здоровье короля и за ту честь, которую он нам оказал. Говорил от всех награжденных отогузский генерал на хорошем имперском языке.

На этом все закончилось.

Лакей осторожно, но настойчиво отобрал у нас хрустальные бокалы и испарился.

Дамы присели в раскоряку.

Мужчины склонили головы.

Королевская семья в обратном порядке удалилась в двери, расположенные за тронным возвышением.

Церемониймейстер своим золоченым посохом указал нам на дверь.

На внешней лестнице снова ударили барабаны, загудели фанфары, жахнули холостым залпом две медные мортирки на крыльях лестницы и гвардейцы вновь взяли винтовки в нашу честь 'на караул'.

Генерал чем-то отвлек Вахмурку на крыльце, а все тот же

гвардейский фельдфебель, торопливо посадил нас в ту же коляску, на которой мы приехали сюда. Но на это раз спросил.

— Куда вас доставить, господа кавалеры?

Я, недолго думая, брякнул.

— В хороший бордель по вашему вкусу.

Фельдфебель удовлетворенно хмыкнул и приказал кучеру доставить нас в 'Круазанский приют', но сам остался на месте. С нами в карету не сел.

— Ох, и напьюсь я сегодня… — заванговал Кароль под перестук копыт по брусчатке, когда мы выезжали с плаца на проспект.

— Ты, главное, зеркала не бей, — посоветовал я ему.

13

Адъютант начальника инженерных войск королевства, склонив, как примерный ученик голову к левому плечу, вписывал стальным перышком наши награды в солдатские книжки. Название. Номер и дата указа. Кратко 'за что' дадено.

— И еще, господа кавалеры, — сказал он, отложив перо на специальную мраморную подставку при чернильнице. — Указом короля с сегодняшнего дня на всей территории королевства нижним чинам по — прежнему запрещен вход в рестораны для чистой публики… — он сделал многозначительную паузу и продолжил. — Кроме кавалеров 'Солдатского креста' и 'Креста военных заслуг'. Так что поздравляю вас с новыми возможностями. И замечу, что ресторан на нашем вокзале очень даже не плох. И цены в нем умеренные.

И поставил каждому в книжку печать.

Потом достал из стола четыре семилучевые серебряные звездочки и вывалил их из ладони на стол.

— Вам, Кобчик, следует привести свою форму в порядок. Это же просто безобразие, когда фельдфебель щеголяет птичкой старшего сапера на рукаве. Птичку спороть, звездочки вставить в петлицы. Еще раз увижу в таком виде — сидеть тебе на гауптвахте за нарушение формы одежды. Ясно?

— Так точно, все ясно, господин инженер — лейтенант.

— Не торопись, я еще повышение в звании тебе в книжку не вписал, — и адъютант снова взялся за перо и, склонив голову к плечу, выводил тушью ровные строчки.

Звание. Указ. Номер. Число.

— Вот… Теперь ты полноправный фельдфебель и можешь 'строить' встречных солдат на улице по собственной прихоти, — коротко хохотнул адъютант. — И это… почему орден до сих пор приколот на булавке?

— Осмелюсь пояснить, господин инженер — лейтенант; как повесил его на эту грудь сам король, так и ношу, — ответил я.

— Кобчик, — усмехнулся адъютант. — Я тебя умнее считал. Неужели ты думал что король будет тебе орденскую ленточку в торжественной обстановке самолично пришивать?

И адъютант генерала Штура звонко захохотал, видимо представив себе такую картинку.

— Булавка тут для скорости и удобства короля. Но не тебя… Так что пришей.

— Осмелюсь спросить господина лейтенанта, — спросил любопытный Йозе. — Теперь нам каждый раз перешивать орден с

мундира на мундир. То есть с парадного на полевой… и обратно?

— Нет. Зайдешь к ювелиру, закажешь себе дубликат и пришьешь его на полевой китель. В таком случае его и утратить не будет жалко. А на парадном мундире у тебя останется настоящий орден, хранящий в себе тепло щедрых августейших рук.

Чувствовалось, что адъютанту скучно в отсутствие большого начальства, и он с удовольствием играл роль нашего учителя в дебрях униформологии.

— Теперь другие бумаги… — протянул адъютант. — Литера при вас?

Лесовики синхронно кивнули.

— Вот вам две плацкарты до места. Негоже нашим кавалерам по дорогам империи в теплушках бедствовать.

На стол легли два маленьких картонных прямоугольника.

— Не забудьте в кассе их прокомпостировать. И сдать коменданту станции назначения.

Плацкарты исчезли в карманах лесовиков.

— А тебе, Кобчик, увольнительная на двое полных суток. Начиная с сегодняшнего утра, — на стол лег розовый листочек с печатью размером с солдатскую книжку. — Гуляй, заслужил. Утром третьего дня к восьми часам как штык на первом этаже штаба в отделе инженер — майора Вахрумки. Озадачивать тебя по службе теперь будет он. Если кто другой из офицеров попытается тебя припахать — посылай всех… к Вахрумке, — улыбнулся он.

Он глядел нас по очереди, как будто увидел в первый раз. И как на плацу скомандовал.

— Ну?.. Что стоите тут болванами? Свободны.

Мы еще выходили из приемной, а адъютант уже про нас забыл и самозабвенно крутил ручку телефона, что стоял на его столе в полированной деревянной коробке.

Выйдя из штаба под тень деревьев от разжаревшего солнца, мы хором заявили.

— Пива хочу.

И хором же рассмеялись.

Да погудели мы вчера в борделе. Даже почти забыли, зачем туда пришли. Но Йозе напомнил. Так что мы там и заночевали, а с утра сразу в штаб приперлись.

— Господа военные, — раздалось от штабного крыльца тонким фальцетом по — имперски. — Господа военные, я вас все утро разыскиваю по поручению министра двора.

Гладко выбритый человек в светло — коричневой, почти бежевой тройке и шоколадного цвета велюровом котелке на

голове быстрым шагом приближался к нам. Под мышкой он зажимал стопку картонок.

— И что вам от нас надо? — недовольным голосом высказался Кароль.

— Я вам должен передать фотографические снимки с награждения, — он протянул нам картонные папки, вынув их из-под мышки. — А за сим позвольте мне откланяться.

— Погоди, — попридержал я его за локоть. — Мы тебя угостим за хлопоты пивом, если ты нам покажешь, где тут есть хороший прохладный погребок с этим напитком приемлемого качества.

— Вам, просто пиво или пиво с сосисками и кнедликами?

— Креветки тоже подойдут, — кивнул я головой.

— Креветок в городе летом нет, только зимой подвозят. Раки есть живые. Отварят по первому требованию.

— Веди, Вергилий и не будь Сусаниным, — сказал я по — русски, но мужик меня понял.

В полутемном прохладном погребке мы не только власть напились светлого пива со свежевареными раками, но фотографии внимательно рассмотрели.

Фотографии были на диво… Четкие и ракурс точный: и короля хорошо видно, как он нам кресты на грудь вешает, и наши рожи не смазаны. Это по отдельности. Вторая фортка для всех одинаковая — все награждаемые в рядок стоят: и мы, и генералы! И размер фоток соответствующий — 30 на 20 сантиметров. Вставляй в рамку и вешай на стену, чтоб соседей жаба прихватывала от того, что… Уровень-то какой, уровень!

— Так что если захотите сделать себе парадный фотографический портрет или даже дагерротип, то милости прошу ко мне в ателье, — вкрадчиво ворковал фотограф, раздавая нам визитные карточки, на которых кроме адреса значилось 'Данко Шибз. Фотографический художник. Поставщик двора его королевского величества'. — Могу даже раскрасить карточки анилиновыми красителями. От натуры не отличите.

— Не — е–е… Мы сегодня уезжаем, — Кароль отерев с усов пивную пену, отодвинул от себя карточку.

— Когда уезжаете?

— В три часа поезд.

— Так еще у вас уйма времени, — обрадовался фотограф. — А моя студия расположена на соседней улице. Буквально два шага. Много времени не займет. Парадный портрет в парадной форме. Или на фоне задника, изображающего битву со взрывами. А вы с саблей, поднимаете солдат в атаку… Солдаты на заднем плане. Как?

— Сабли нет, — огорченно произнес Йозе.

— Саблю я вам дам, — убежденно произнес фотограф.

— Скажи главное, — втерся я в разговор, ополаскивая руки в чаше с лимоном от липкого мяса раков. — Сколько это нам будет стоить?

Данко посмотрел на блюдо с красными раковыми панцирями и разгрызенными клешнями, что-то прикинул и ответил.

— Только для вас… Просто парадный портрет всего полтора серебряных кройцера, а постановочный — пять. С использованием реквизита — шесть с половиной. Если оставите адрес, то я перешлю вам карточки, куда скажете. Тут цена увеличится только на почтовый тариф, не больше.

— Да ну еще такие деньжищи тратить, — возмутился Кароль. — И так вчера на шлюх по золотому выбросили.

— Кароль, — обратился я к нему. — Вот представь себе, приходит к тебе домой налоговый инспектор, или еще какая шишка из волости с претензиями,… а у тебя на стене твой парадный портрет с орденом на груди. Рядом фотография как этот орден тебе вручает САМ король. И еще дальше как ты стоишь среди генералов… Так вот без большого парадного портрета они могут на эти фотки, где твоя голова чуть больше ногтя и внимания не обратить… А большой парадный портрет сразу их внимание привлечет и заставит остальные карточки внимательно рассмотреть. Впечатлятся они до той самой черты, что их сзади делит и охудеют… Какие люди тебя знают! А!?

И добил его последним аргументом.

— Платишь всего один раз, а память тебе на всю оставшуюся жизнь! И не только тебе, а даже внукам и правнукам.

— Ладно, допиваем пиво и пошли. Не будем время терять, — решился Кароль. — Значит, говоришь полтора кройцера с пересылкой? — Кароль ткнул указательным пальцем в грудь фотографического художника.

Йозе только радостно подпрыгнул на лавке.

Много времени фотографирование действительно не заняло.

— Чуть повернитесь вправо…

— Глаза в объектив…

— Сделайте умное лицо…

— Сейчас вылетит птичка!

Так и хотелось мне пошутить над Йозе, типа, не делай, паря, умного лица — ты будущий ефрейтор. Но я сдержался.

Заодно мы с Йозе заказали переслать нам карточки уже в рамках — в ателье был приличный выбор с любовью сделанных остекленных рамок, как из ценных пород дерева, так и просто отбеленных. Только Кароль заявил.

— Я сам себе рамки сделаю. Стусло дома есть.

Адреса для фотографа писал я со слов лесовиков. И на имперском, и на рецком. Сам я отослал свои фотки на гору Бадон. А куда еще?

Да, совсем забыл… Перед позированием взял я у Данко шило и вставил в петлицы фельдфебельские звездочки. Пусть Оле погордится.

Последний вагон поезда уносил моих друзей в центр империи, и мне стало немного грустно от расставания. Стою теперь в полном одиночестве в суетящейся вокзальной толпе. Все же проверенные были ребята и в походе, и в бою. Даже в борделе.

В борделе особенно. Тюль. Бархат. Ковры. Полированная бронза. Чуть приглушенный свет. Любые напитки. Закуска без ограничений. Чистое постельное белье и вполне приличные девочки, не старухи, но и не малолетки… И на внешность привлекательные. Камасутру они не читали, но работали с огоньком. Только дорого для солдата — спускать за ночь целый золотой. Но воспоминания приятные. Думается мне, что гвардейский фельдфебель над нами так посмеялся, отправив в самое дорогое заведение города. Спасибо ему. Но второй раз посещать этот пафосный дом терпимости жаба расход не подписывает.

В общем, делать мне тут пока нечего, и решил я устроить себе тихий час — ночью поспать практически не пришлось. Но облом. В казарме каптенармус этажа сообщил, что поступило распоряжение перевести меня в офицерский корпус. В итоге вместо сна собирал я свои манатки, сдавал матрасы — подушки — полотенца.

Кстати, обнаружил на тумбочке новую кобуру к револьверу. Открытую. Только кожаный хлястик на кобурной кнопке придерживает стреляющую машинку и хорошо всем видна наградная табличка на рукоятке. Внутри кобуры оказалась записка от Вахрумки. 'Не застал. Но думаю, что мой подарок тебе понравится'. И подпись.

Спасибо тебе, дорогой начальник, за нашу спокойную службу в тылу. Но подозреваю, что от меня за такие ништяки потребуют еще много — много работы. Но… я же все новинки вижу только во сне… Так? Вот и не чепайте меня, когда я сплю. А снов у меня много. Надо, кстати, не только рациональное что-то генералу нашему инженерному подкидывать, но и откровенной фантастикой разбавить, чтобы не смотрели на меня как на оракула. Или стремно такое?..

В офицерском корпусе отвели мне отдельную комнату под черной лестницей. Фактически шкаф. Без окна. Потолок косой, в

ширину особо ноги не протянуть… Но длинная. Я доволен. В армии иметь отдельное помещение, которое еще и на ключ закрывается — это всегда хорошо. Правда, теперь мне будильник покупать придется. Есть ли они тут?

14

И началась моя штабная служба, навыков к которой у меня не было никаких, кроме одной подслушанной в курилке фразы. Еще в той — Российской армии, когда пожилой полковник, жадно затягиваясь, выговаривал молодому майору.

— В войсках ты все знаешь, все уже сам прошел. В батальоне сам себе хозяин. А большие штабы это для тебя сплошное минное поле. Там надо знать: с какой стороны, какие двери открывать надо и через кого конкретного вопрос проталкивать. Там прапор, что возит жену заместителя начальника штаба, по влиянию может оказаться круче любого полковника. А впрочем, думай сам — тебе жить. Для себя я давно решил, что лучше ко мне будут в этом занюханном гарнизоне обращаться 'товарищ полковник', чем в высоком штабе 'эй, ты — полковник'.

А припомнив, сообразил, что на первое время надо сократиться и внимательно озираться по сторонам. А там будем посмотреть…

Вахрумка встретил меня недовольным взглядом.

— Почему ты до сих пор в рецкой униформе?

— Осмелюсь доложить, господин инженер — майор, но другой мне не выдавали.

— А для чего я тебе два дня давал? — вперил в меня свое белесые глаза майор.

— Адъютант генерала выдал мне увольнительную и сказал что у меня два дня отпуска, — попытался я оправдаться.

Но уже понимал, что косяка я упорол солидного. И никого не колебет по какой причине. Армия…

— Виноват, господин инженер — майор. Исправлюсь.

— Вот… так-то лучше, — подобрел инженер и накарябал несколько строк на тетрадном листе. — Иди, получи хотя бы полевую форму — ее подогнать быстро. С остальной амуницией по ходу дела разберешься. Работы много.

Он осмотрел меня еще раз внимательно.

— А кобура, я смотрю, к месту пришлась. Хорошо смотрится.

— Спасибо вам, господин инженер — майор, мне она тоже понравилась, — решил я проявить вежливость по отношению к дарителю.

На вещевом складе старый седоусый старший фельдфебель с тремя медалями на груди и без головного убора только спросил, разглядывая записку.

— Это какой Вахрумка писал?

— Инженер — майор, — ответил я.

— А — а–а — а–а… — протянул кладовщик. — Тогда пошли в закрома, кавалер.

— А что есть еще какой-то Вахрумка? — спросил я на ходу.

— Есть Вахрумки и Вахрумки… — загадочно произнес фельдфебель и повел меня внутрь склада

И в глубине склада, подальше от окна раздачи, он выдал мне под роспись две пары брюк, приталенный китель типа френча на восьми пуговицах с застежкой под горло, отложным воротником и четырьмя накладными карманами. Мягкое кепи. Все серо — песочного цвета в отличие от грязно — горчичного, принятого в рецких частях. Выдали мне по два комплекта белья. Летние с семейными трусами и майкой — алкоголичкой. Другие — с кальсонами нижней рубашкой с длинными рукавами. Полдюжины пар носков. Ремень и портупею черной кожи. Запасные пуговицы с гербом королевства, петлицы черные с белым кантом, звездочки на них и круглые желто — красно — черные кокарды, такого же небольшого размера, как и на рецкой форме. И связку подковок на обувь с коробочкой гвоздей. Иголки, нитки трех цветов. Даже дюжину английских булавок.

А дальше пошли непонятки. Сапоги я получил хромовые, офицерские, с приятным уху скрипом. И еще ботинки до щиколотки из шевровой кожи на шнурках. Еще один странный головной убор — черную пилотку с белыми кантами, типа эсэсовской (видел, что в такой по штабу ходили, но не понял пока кто). Эмблема также досталась с новой арматурой: перекрещенные серебряные топор и разводной ключ, и наложенный на них полураскрытый циркуль. Побольше — на кепи, поменьше — на пилотку (на ней эмблему носили сбоку).

Еще по моей просьбе сверх лимита получил я отрез тонкого полотна вместо подворотничков, да бязи на портянки

— Кобура я смотрю у тебя есть… — протянул фельдфебель, что-то соображая свое, — Пафосная. Но сойдет.

— Закрытая кобура у меня тоже есть, — сказал я. — Только рыжая. Как и портупея к ней.

— Что-то револьвер у тебя мне незнакомой системы.

— Трофейный. Цугульский. Наградной, — похвалился я.

— Так, значит, ты у нас выходит не блатной, а вовсе даже боевой, — удивился кладовщик, будто не видел ранее крест с мечами на моей груди. — А в штабе как оказался?

— Я Вахрумку от плена спас. Он меня сюда за собой и потянул, — вынул я из кобуры револьвер и показал старому служаке надпись на серебряной табличке.

— Отчаянный я, смотрю, ты хлопец, — одобрительно прогудел мой собеседник, возвращая мне оружие. — Но патроны

к этому револьверу достать тяжело будет. Но если будет нужно — найдем. Обращайся.

После того как все мне выданное увязали в аккуратный тючек, кладовщик выдал.

— Ты это… вечерами заходи в трактир 'У бочки'. На соседней улице третий переулок. Любого спроси — покажут. Там у нас фельдфебельский клуб гарнизонный. Офицеры туда не ходят. Солдат с унтерами мы сами не пускаем. По стаканчику пропустим. Расскажешь нам, как там на фронте…

— Да я только в одном бою и побывал, — заскромничал я.

— Уже неплохо, — возразил мне старик. — У других и этого за спиной нет. Им полезно будет послушать.

— Осмелюсь спросить: что у вас за медали?

— Это… — показал он ладонью на свою грудь. — 'За усердие в службе', 'За четверть века беспорочной службы' и 'За храбрость на поле боя'. Ее я получил в твоем возрасте за дело под Аграмом. Только теперь вместо нее дают такой вот крест как у тебя.

И напоследок я получил в подарок брошюру 'Правила ношения формы одежды в Ольмюцкой армии'.

На свое служебное место попал только после обеда. Примерки в гарнизонной швальне тоже заняли времени неслабо, хотя, казалось бы, что там мерить? Но записка от Вахрумки оказала на портных и их начальство просто магическое действие…

Так как я еще не знал, где питаются в штабе — то обедать сходил знакомой дорожкой в казармы. Заодно все лишнее туда отнес к себе под лестницу.

И вот я весь из себя красивый такой стою на первом этаже дворца перед массивной дверью с табличкой 'Чертежное бюро Отдела особых проектов. Начальник бюро фельдфебель С. Кобчик'.

— Млядь! Лаврентия Палыча на вас нет, — ругнулся я по — русски на такое раздолбайство начальства, устроившего облегчение в страданиях шпионов.

И подумал, а вдруг?.. Вполне возможно так контрразведка ловит шпионов на живца. Что также меня не обрадовало… такое приглашение на рыбалку.

Резко выдохнул и открыл дверь.

Попал в довольно просторный предбанник.

Гнутая напольная вешалка справа у двери.

Два дубовых письменных стола. На них по одинаковому чернильному прибору зеленого камня совмещенного с бронзовой керосиновой лампой под зеленым абажуром — массивное сооружение. Четыре стула.

Сейф типа железный шкаф. На нем простой стеклянный графин с водой литра на три. И пара стаканов.

Мощная решетка в окне между рамами.

Люстра бронзовая же на длинной цепи в три светильника.

Стены покрашены масляной краской в приятный такой для глаза фисташковой колер. На высоту, примерно, чуть выше плеча. Остальное побелено как потолок.

На стене висит большая карта королевства. И еще одна масштабом помельче — всей империи. Между ними телефон в фигурной деревянной коробке с резьбой.

Дверь в смежное помещение оббита войлоком и черной кожей. Из-за нее не слышно ни звука.

Сидящий за столом штаб — ефрейтор, бросил газету, вскочил и доложил, как положено.

— Господин фельдфебель, за время вашего отсутствия никаких происшествий не произошло. Личный состав занят черчением. В наличии все пять чертежников. Они в смежном помещении корпят над исполнением задания инженер — майора Вахрумки. Доложил штаб — ефрейтор Пуляк.

— Вольно, — скомандовал я. — Список личного состава есть?

— Так можно же лично с ними познакомиться, — возразил ефрейтор и показал на дверь.

— Я не понял… — добавил металла в голос. — Ты будешь препираться, или все же выполнять приказ непосредственного начальника.

Мухой метнулся он к сейфу и достал оттуда требуемое. Толк будет из парня. Вменяем.

Засада! Все пять чертежников имели звания инженер — сапер. Это все равно, что инженер — рядовой. Все из свежего призыва из города. Ефрейтор чертежником не был и исполнял в бюро функцию материально — снабженческую. Служил он уже почти три года при штабе и все по снабжению.

— Живут чертежники в какой казарме? — спросил я для проформы.

— Никак нет, господин фельдфебель. Дома они квартируют.

— От кого им такие лихие преференции?

— Генерал распорядился.

— Понятно. Сильно блатные перцы?

Ефрейтор только воздух выпустил с силой, сложив губы трубочкой, разведя при этом руками.

— Сам-то из каковских будешь?

— Я, господин фельдфебель, из самых, что ни на есть простых. Сирота я с десяти лет. С детства мальчонкой при складах оптовых на побегушках. Перед призывом в приказчики

вышел. Вот в армии решил на сверхсрочную службу остаться. А тут война…

— Почему до сих пор ефрейтор?

— По причине незаменимости, господин фельдфебель. Некогда было унтерскую школу кончать. Я в этом городе все достать могу, даже то чего нет, — улыбается. — И от вас меня на такие же поручения дергать будут, вы не обижайтесь. Вас я также не забуду.

— Кто дергать будет?

— Теперь только адъютант генерала и майор Вахрумка. А к вам меня приставили, чтобы у вас в бюро не было ни в чем нужды, и избавить вас от беготни по инстанциям.

— Кто ж ты такой, Вахрумка? — подумал я, но как оказалось высказался вслух.

— Так вы, господин фельдфебель, этого не знаете? — округлил глаза ефрейтор до полной невозможности. — У нас это каждая собака в городе знает.

— Так и кто он? Я его знаю только как инженера строительного батальона.

Ефрейтор, понизив голос, как бы сообщая мне пикантную сплетню, выдал просто убойную информацию.

— Мать майора Вахрумки — кормилица кронпринца. По нашим обычаям кронпринц ему молочный брат. А кормилица — член семьи. Кормилицам со всем их нисходящим потомством даруется дворянское достоинство.

— А почему тогда у него фамилия не заканчивается на ' — форт'?

— Нет такой традиции у огемцев. Это у вас, в империи, такие заморочки. А у нас все по — простому. Что у дворян, что у простецов одни и те же фамилии.

— Кто такие огемцы? — удивился я

— Основная народность королевства. Меня кстати уполномочили научить вас огемскому языку, который в королевстве государственный, после имперского. За месяц, — опять развел руками, показывая, что он тут не причем.

— Ладно, ефрейтор, пошли знакомиться с личным составом.

— Один момент. Я только майору позвоню. Он желает лично вас представить чертежникам.

— Что ж, это правильное решение, — пробормотал я под стрекот ручки телефона конструкции 'барышня, две тыщи две нули'.

Представление личному составу прошло кратко и штатно. Вахрумка объявил, что с этого момента я им царь и бог, воинский начальник и мать родная в одном флаконе. И как им повезло

служить под началом такого геройского фельдфебеля, отмеченного самим королем.

Мажоры вежливо выслушали офицера, не перебивая его. Вот и все.

Почему мажоры? А как еще обозвать солдат, только что призванных из вчерашних студентов, которые одеты хоть и в солдатский покрой, но не в хлопчатую бумагу, а тонкий генеральский габардин. Сапоги на них офицерские хромовые индивидуального пошива и фурнитура с пуговицами из натурального серебра? Прически фасонные. Парни все мне ровесники, но… как бы это точнее сказать? Желторотики и маменькины сынки.

Ох, и намучаюсь я с ними, пятой точкой чую.

Выведя меня снова в предбанник из чертежной комнаты, Вахрумка мне посоветовал, даже не приказал. Скорее вообще попросил.

— Савва, ты их два дня не дергай. Они мне для доклада командованию плакаты чертят. И изменений никаких, даже гениальных, не вноси пока, потому что на полигоне в это же время по этому проекту укрепрайон строят. И будут его обстреливать в высочайшем присутствии из трофейных пушек. Серьезный экзамен для меня. А улучшения в проект мы сможем внести и потом в рабочем порядке. Нам с тобой еще наставление по новой полевой фортификации писать.

Я проникся.

После ухода Вахмурки зазвонил телефон, и приятный женский голос попросил позвать 'к аппарату' Найгеля Хила.

Прикрыв 'говорливую' трубку рукой, я спросил у ефрейтора.

— Кто такой Найгель Хил?

— Момент, господин фельдфебель. Сейчас позову, — и Пуляк скрылся в чертежной.

Появившемуся блондинистому пухлощекому мажору и передал 'слуховую' трубку и приказал.

— Сорок секунд.

И тот радостно застрекотал в трубку, торчащую из аппарата. Не обратив никакого внимания на мое высказывание.

— Да не, мам, чертим только… ничего страшного… конечно буду… пусть приготовит, как всегда… — вальяжно ворковал он на имперском языке.

Когда отсчитанные мною сорок секунд прошло, я крутанул ручку аппарата, обрывая разговор.

— Что вы себе позволяете? — взвизгнул мажор. — Я разговаривал с МАМОЙ!

— Сорок секунд вышло, — ответил я нейтральным тоном. —

Вернитесь на свое рабочее место и продолжайте выполнять особое задание командования.

— Ваше поведение… ни в какие рамки не лезет?! В приличном обществе так не поступают… — начал заводиться солдат, так и не понявший что он уже в армии.

— Встать смирно! — рявкнул я. — Вы находитесь в армии, а не на танцульках в городском саду. И приказание непосредственного начальника должно выполняться точно и в срок, без пререканий. Что это за солдат, ефрейтор? Он даже нормально встать по стойке 'смирно' не может. Здесь вам не тут, Хил. Кругом! Марш на место!

Когда за чертежником закрылась дверь, я приказал ефрейтору больше никого из чертежников к телефону не подзывать. И организовать ужин всем нам прямо на рабочем месте. Сегодня будем работать до упора.

А сам пошел в чертежную, которая гудела как улей. Надо же… сколько гула могут воспроизвести всего пять тушек.

При моем появлении замолкли и разбежались по своим столам.

— При появлении в помещении старшего начальника личный состав его приветствует стоя на том же месте, где находится, — процитировал я устав. — Кто не понял, будет тренироваться. Если не понял кто-то один, то тренироваться будут все равно все. Не увижу я у вас усердия, переведу всех на казарменное положение и солдатскую столовую. Особо одаренные поедут на полигон — лопатами по земле рисовать. Ясно всем?

Ответили тихо и в разнобой.

— Не слышу. Ясно всем?

Ну, прямо как дети, право слово…

— Будем тренироваться отвечать, как правильно пока не научитесь. Итак… Ясно всем? О! Уже лучше, но недостаточно. Еще раз: ясно всем?

Поглядел на притихших цыплят… Точно ведь жаловаться мамкам побегут. Как только так сразу.

— У нас для выполнения особого… подчеркиваю… ОСОБОГО задания командования остался только завтрашний день и сегодняшний вечер. Возможно еще и ночь. Кто провалит это ваше первое БОЕВОЕ задание, тот первой же маршевой ротой вылетит на самую передовую, благо она недалеко — три часа на поезде. И окопы для вас там мною уже выкопаны. Не надейтесь на покровительство, никто вас от окопов не отмажет, потому что от вашей плохой работы очень большие генералы сядут в лужу перед глазами его величества. Ясно всем?

На этот раз ответили, по крайней мере, стройным хором.

— А теперь посмотрим, что вы тут наваяли… — взял я со стеллажа готовый эскиз блиндажа в косом разрезе, изображенный в изометрии.

Чертежи мы сдали вовремя. Только чего мне это стоило… Ага… Особенно если учесть что нервные клетки не восстанавливаются.

Для начала я столкнулся с тем, что местные чертежные правила совсем не соответствуют нашим ГОСТам. Быстро свернул свои нравоучения дипломированным инженерам и озадачился информацией. Ефрейтор как по волшебству, куда-то смотавшись на четверть часа, достал мне брошюру на имперском языке по этому вопросу и я некоторое время я офигевал только от формулировок, расплывчатых и излишне велеречивых. Это все по строительству. А вот по машиностроению все было весьма близко к тому, что у нас. Ну да… Строить-то можно и на глазок. А вот машина такого не попустит, работать откажется.

Чтобы отвлечься от этого головняка подошел к карте.

— Ефрейтор, а где столица Восточного царства?

Тот посмотрел на меня как-то странно.

— Да не пялься ты на меня так. Я рецкий горец. И в школе не учился, — отмазался я.

— Тут ее нет на этой карте, господин фельдфебель. Она намного дальше на восток. Называется Туром. Здесь только Раков изображен. Это там, где у врага ставка главного командования.

— Ага… — провел я пальцем по карте. — Близко от фронта.

— Ну, они же пока наступают, — развел руками ефрейтор.

— А как называется народ, который живет в этом царстве?

— Их много там, господин фельдфебель, всех не перечислишь.

— А основные?

— Цугулы, ухна, пацинаки, лякиты, озовши, обдоры и обры. Остальные народы там мелкие и незначительные.

— Главные кто там из них? Ну как у нас имперцы?

— Озовши. Раньше были обры. А общий язык у них до сих пор там оборский.

— А русы, русские есть? Или украинцы какие свидомые?

— Нет. Про таких я даже не слышал. На островах в Северном море какие-то руги у них живут, морского зверя бьют, но те у царя на флоте служат. А вот про тех, что вы назвали, мне никогда не встречались.

— А ты точно всех знаешь? — усомнился я.

— Господин фельдфебель, — с некоторой укоризной заявил ефрейтор, — если бы вы прослужили как я десять лет при оптовых складах на железной дороге, то наверняка бы знали

больше меня. Кого там только не встретишь по мирному времени.

И я успокоился. А то мне сон давешний все покоя не давал, что воюю я против своих. Да и, правда, кто здесь в этом мире мне свои? Выбросил я из головы эти переживания.

Отложил в сторону 'правила' черчения, взялся внимательно читать задание Вахрумки. С чего, кстати, и надо было начинать…

Вроде успеваем, но впритык. Никакого ефрейторского зазора.

Мажоры в тот вечер у меня солдатской кашей питались из штабной столовой, но на рабочем месте.

Все их возмущения я зарубил на корню, заявив, что в следующий раз кашка будет из котла маршевой роты с вокзала. Ну и то, что мы с ефрейтором точно из таких же котелков вместе с ними рубали… Поспособствовало в общем процессу воспитания.

И после ужина дал каждому мажору по одной минуте телефонного звонка домой с предупреждением для родных, что они задержатся на службе. Не хватало мне еще звонков от дежурного офицера с нагоняем: какого — такого длинного родители этих оболтусов беспокоят большое начальство из-за идиота фельдфебеля.

Хотя, если положить руку на сердце, не дело это чертить при мерцающем свете керосиновой лампы. Пусть даже хватило их на каждый стол.

Разошлись в полночь.

На следующий день я сам сел за стол — 'изобретать' стоячий кульман и рейсшину. А заодно такую простую вещь как канцелярскую кнопку. А то ватман к столу мажоры по студенческой привычке сапожными гвоздиками прибивают.

Естественно до обеда не успел все сделать. И поев в столовой вместе с бойцами, проверил исполнение ими задания и ушел в штабной тир в подвале.

Расстрелял там все патроны из своего трофейного револьвера кроме одной зарядки барабана.

Показалось мне мало и ефрейтор, заведующий тиром, выдал мне большой имперский табельный револьвер и кучу патронов, которые я с таким же остервенением сжег довольно быстро.

На мишени даже не смотрел особо. Попадал в них и ладно. Оружие-то незнакомое. Тогда на опушке мне просто повезло. Могло быть и хуже. Вахмурку, к примеру, пулей задеть. Тренинг нужен.

Отпустило слегка вроде напряжение. Все же первый раз такими проблемными солдатами командую, что с ними постоянно озираться требуется: не вздрючат ли меня самого за них. Как говориться: оглянись вокруг себя… И вот тут устав это наше все…

Вернувшись на рабочее место, я поставил на стол перед ефрейтором блеснувший латунью трофейный патрон.

— Можешь такие достать?

— Сколько вам их нужно? — повертел мой снабженец патрон в пальцах.

— Хотя бы сотню для начала. Тренироваться мне нужно, чтобы револьвер стал продолжением руки. Но для такого умения сотни патронов сжечь очень даже мало, но хоть что-то…

— Попробуем, — он вынул потрепанную записную книжку из кармана.

— Кто там у нас на трофейном складе… — листал он захватанные страницы. — Есть такой. Отпустите меня до ужина?

— Беги. На ужин не опаздывай.

А сам пошел мягонько подгонять своих мажоров. Пугая их работой до утра, если вовремя мне все не сдадут. Нашел я у них мягкое вымя, дергая за которое получаешь питательное молоко работоспособности. Комфорт они любят, буржуи.

15

Артиллерийский полигон располагался в двадцати километрах к западу от города. Старый полигон, давно оборудованный не только уставными позициями, но и деревянными павильонами для отдыха и работы офицеров.

В одном из таких павильонов, пока вся толпа генералов и офицеров осматривает на позициях трофейные орудия, мы сейчас развешиваем наше коллективное творчество на веревочках, привязанных к заранее прибитым к чертежам рейкам. Расставляем лавки и украшаем трибуну оратора указкой и графином с водой.

В соседнем павильоне заранее расставляют столы для банкета 'придурки' из штабной столовой. Получится, не получится у Вахмурки начальство поразить, а на природу господа уже выехали… Разве что специалиста по шашлыкам не хватает, для полной картины сходства с российской армией. Не едят в королевстве шашлыки, вместо них заранее приготовлены тушеные свиные рульки. Их останется только разогреть.

Пушки на позициях имели архаический вид. Достаточно сказать, что на них не было никаких накатников, но зато с тылу у каждой построен из хороших досок вогнутый крутой и высокий пандус, который под действием силы тяжести возвращал откатившийся на него хобот станины обратно на позицию автоматически.

И началось. Бах… бах… бах… бах… по ушам. Хлопки в небе белыми облачками. Вот визга шрапнели из-за дальности слышно не было. И так около часа. Согласно принятого в восточном царстве регламента артподготовки пехотного наступления.

Орудийная прислуга носилась как наскипидаренная, выдавая максимально возможную скорострельность орудий. Пустые ящики от снарядов только отлетали с орудийных двориков на боковые брустверы, откуда их полигонные помогальнки утаскивали в неизвестном мне направлении. А на позиции притаскивали в восемь рук новые ящики. И все бегом с соблюдением самых жестких нормативов.

Командир батареи — крепенький майор, не выпускающий их рук бинокль, периодически давал указания о переносе огня вглубь цели или перемещения его по фронту.

Наконец установилась тишина, осязаемая такая, хоть ножом ее режь. И вся инспектирующая стая полковников во главе с тремя генералами через полигонную грязь поперлась пешкодралом смотреть результат обстрела.

И мы за ними по знаку Вахрумки.

Я лишь поблагодарил небо, что по недостатку времени так и не обиходил новые хромовые сапоги и ходил еще в старых юфтевых. Застарелая жидкая грязь временами стояла выше щиколотки.

Обстреливаемая позиция с полевым инженерным обеспечением была поделена на три равные части.

Новации Вахрумки.

Обычные имперские полевые окопы.

И надземные люнеты и флеши, которые кто-то по ретроградности отстаивал в применении, как я краем уха слышал.

Укрепления ниже уровня земли все созданы в две 'нитки'.

Кто-то шибко умный понаставил в позициях обычные магазинные голые манекены из папье — маше. И это было весьма наглядно.

В люнетах и флешах шрапнель выкосила девяносто процентов личного состава манекенов.

В уставных окопах почти половину.

В окопах Вахрумки с козырьками, перекрытиями, блиндажами и ДЗОТами только четверть и только из тех, кого поставили на открытое место. Все пулеметы на его позиции сохранили свою условную работоспособность.

Пехотный генерал с побагровевшим лицом мрачно ходил по позициям, приказывая адъютантам перевернуть ему, то один, то другой манекен. И все больше мрачнел. Потом подошел к генерал — адъютанту Штуру и громко заявил, так чтобы все остальные слышали.

— Тот, кто это все придумал, заслужил 'Имперский крест', ибо это заслуга перед всей империей. Готовьте представление императору, я его подпишу. Это просто феноменально по своей незамысловатости, а сколько солдатских жизней сохраняет. А вы что думаете?

— Я согласен с вами, — поддержал пехотного и артиллерийский генерал. — Шрапнель перестала быть панацеей победы на поле боя. Теперь нужны другие снаряды для прорыва пехотных укреплений. Толи дело в прошлую войну с республикой… — мечтательно закатил он глаза под кустистые брови. — Те в красных штанах и голубых мундирах прут на нас как на параде плотными колоннами, а мы их сверху шрапнелью посыпаем… Кончилось золотое время артиллерии. Пишите, Штур, представление. Я его тоже подпишу, кто бы этот гений ни был.

Довольный Штур только руки поднял, как бы сдаваясь перед авторитетом двух полных имперских генералов.

— Представление непременно будет уже завтра, господа. Вы

его увезете с собой к императору. А сейчас я всех прошу вернуться в павильон, где автор этих новых полевых укреплений прочитает нам свой доклад. Надеюсь, что он будет краткий, и на обед мы не опоздаем, — и при этом Штур выразительно посмотрел на майора Вахрумку. — А после обеда для вас приготовлен сюрприз… Какой, сейчас не скажу — сами увидите.

Доклад прошел на ура. Вахрумка уложился в двадцать минут и сорвал генеральские аплодисменты, а также заключительные уверения какого-то инженер — полковника (как подсказали — из штаба Западного фронта), что теперь война с Республикой, временно перешедшая в позиционную фазу, получит новое дыхание.

— Ибо сохранение личного состава в траншеях это сохранение рабочих в тылу, следовательно — произойдет повышение нашего экономического и военного потенциала. Ибо нынешние войны, как бы нам от этого не становилось грустно, выигрывают не столько солдаты, сколько заводы и транспорт. Даже самый стойкий солдат с самым совершенным пулеметом не выиграет битву, если ему вовремя не подвезут патроны, — закончил он свою речь.

Наглядные пособия, изготовленные в моем бюро, пришлись очень даже в кассу. И мысленно я себе поставил плюсик по службе. По крайней мере, выдержал экзамен на руководителя структурного подразделения. До этого я служил в штабе как бы в аванс.

Потом для высоких чинов был банкет в павильоне, а нас покормили на полигонной кухне, чем мои мажоры были очень недовольны. Пришлось им напомнить, что солдат должен стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы. А для банкетного стола с генералами они все, несмотря на высокопоставленную родню, рылом не вышли, то есть чинами.

— Так что служите и обрящете, — закончил я свое нравоучение. — И учтите, вам еще павильон, где доклад делался от грязи отмывать, что полковники сапогами нанесли.

О — о–о — о–о! такого охудения в глазах человеков я дано не видел. Даже если на это выделят полигонных помогальников, то я откажусь — пусть мажоры грязной тряпкой елозят… в габардине. Им полезно.

За время генеральского банкета, полигонная обслуга, заклеив обрывками газет 'ранения' манекенов вновь расставила тех по позициям, едва успев по времени, когда слегка поддавшая коньяка сытая и добрая высокая комиссия вновь нарисовалась на орудийных позициях.

— Ну и где ваш сюрприз? — спросил генерал артиллерии

Штура.

Тот вытянул за цепочку из нагрудного кармана кителя плоские золотые часы, щелкнул крышкой, с удовольствием прослушал пять музыкальных тактов, и лишь потом ответил.

— Да с минуту на минуту ожидается. С запада. Отсюда хорошо будет видно. Проявите воинское терпение, господа.

И точно через пять минут на фоне кучерявых облаков сначала появилась хорошо различимая точка, которая по мере увеличения превращалась в розовый дирижабль полужесткой конструкции.

Плавно спустившись на две сотни метров от земли, дирижабль прошел над опытовыми позициями и сбросил на каждую по два десятка шариков. И вскоре над позициями раздалось два десятка взрывов.

— Вот чего только для убийства человека не придумают, а на скотину один нож, — озадаченно произнес генерал пехоты.

— Впечатляет? — спросил генерал Штур.

— Да не то слово. Выходит теперь и окопы нам не помогут?

После бомбардировки дирижабль отошел к дальнему восточному углу полигона и сбросил у мачты причальный конец, обильно полив с неба водой подбежавших к канату полигонных помогальников.

Я сразу своих чертежников погнал, чтобы они, взяв у полигонной обслуги шесты, отметили на разбомбленной позиции самые крайние попадания по центрам воронок. А потом промерили рулеткой расстояние между ними. И все записали и зарисовали. С каждой воронкой.

— Ты что-то задумал, фельдфебель, признавайся, — навис надо мной Вахрумка, незаметно отойдя от генералов, и глядя на то, как мои мажоры бегут по полигону.

— Так точно, господин инженер — майор, хочу доказать неэффективность такого бомбометания на ваши позиции, — прогнулся я перед непосредственным начальством.

— Это ты здорово придумал, хвалю, — заулыбался инженер, который как оказалось, также ничего не знал о сюрпризе генерала Штура. — А почему ты думаешь, что бомбардировка с воздуха оказалась неэффективной? Отсюда же ничего не видно.

— Осмелюсь пояснить, господин инженер — майор, просто я внимательно смотрел, как летят эти шарики к земле. С большим рассеиванием от воображаемой вертикали. Эти… гм — гм… на дирижабле, посчитали, что кидают свои снаряды в безвоздушном пространстве, а воздух имеет разную плотность на разной высоте. Это я вам как горец утверждаю по собственному опыту. Я часто видел, как камни в горах падают. Вы, прежде чем допускать летунов к своим позициям потребуйте от них указать на плане

точное место, в которое они целились. Думаю, обнаружиться много сюрпризов и для них.

— Резонно, — покачал головой Вахрумка. — Вот… бегут уже летуны докладывать об своих успехах.

К передней гондоле дирижабля прислонили лестницу, по которой спустились три офицера в черной коже и вполне себе привычных для меня фуражках с белым верхом и мелкой рысцой побежали к батарейной позиции. Где наверняка сверху заметили генералов.

Когда они подошли на расстояние, что можно было разглядеть их лица, то я не выдержал и засмеялся.

Вахрумка посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— Кругом знакомые все лица, господин инженер — майор, — пояснил я свое поведение. — Крайне левого не припоминаете?

Вахрумка не стал ломать свои глаза и посмотрел в бинокль. Хмыкнул пару раз и сказал мне, понижая голос.

— Его сиятельство собственной персоной… И уже лейтенант… Интересно. За какие такие заслуги его произвели раньше срока?

— Наверное, за вовремя украденную идею, — ляпнул я и осекся: язык мой — враг мой.

Вахрумка посмотрел на меня и ничего не сказал, только покачал осуждающе головой. Или мне так показалось.

— Когда ты успел ему подкинуть идею кидать бомбы с дирижаблей?

— Еще на перевале, господин инженер — майор, помните, над нами точно такой дирижабль проплывал. Еще вся работа в батальоне тогда встала.

— Да припоминаю что-то… Но при чем тут граф?

— Вот тогда я и подумал, что с такого грузоподъемного аппарата можно легко разбомбить все наши позиции, что мы настроили на перевале. И высказал это вслух. А рядом со мной кроме этого юнкера никого не было тогда.

— Подойдем поближе, фельдфебель, послушаем этих хвастунов.

— Господин инженер — майор, осмелюсь спросить: а в королевской армии свои дирижабли есть?

— Опять что-то придумал? — Весь его вид показывал: за что мне это наказание?

— Есть идеи, только я бы не хотел, чтобы слава досталась графу. Лучше уж нашему королевству.

— Есть у нас пара разведывательных аэростатов с одновинтовой машиной для корректировки огня артиллерии, но они намного меньше этого аппарата. И грузоподъемность у них

слабая. Дирижабль не может поднять в воздух вес больше половины собственного веса… — и тут инженера что-то озарило. — Есть еще один недостроенный… Сугубо экспериментальный… Но с начала войны на него перестали отпускать субсидии…

— А можно мне будет на него посмотреть?

— Все. Молчи, фельдфебель. Все разговоры такие потом, — оборвал меня Вахрумка, потому что мы уже подошли к свите.

Летуны гордо отчитались перед генералами об 'уничтожении полевых объектов бомбардировкой с воздуха, что является абсолютной новинкой в военном деле и может быть с успехом использовано против превосходящего врага для остановки его наступления'.

Но тут вылез вредный Вахрумка и попросил летунов показать на плане, куда они целились, когда бросали свои бомбы. Вахрумку поддержали генералы и капитан — старший из команды дирижабля, нехотя начертил на его схеме три кружочка.

— А вы с большей высоты бомбить можете, капитан? — спросил его генерал артиллерии. — А то на таком расстоянии с такой высотой цели я собью ваш пузырь с третьего шрапнельного выстрела. С этой вот позиции, — он похлопал рукой в перчатке по казеннику трофейной пушки. — Две сотни метров как раз подходящая высота для срабатывания вышибного заряда.

— Осмелюсь доложить господин генерал, — отчитался покрасневший капитан, — с большей высоты бомбить полевые позиции можно, но соответственно вырастает рассеивание падающих снарядов и падает точность бомбометания.

— А если по вашему аппарату, капитан, залпом выстрелит целая рота, а то и батальон. Что тогда? — это уже генерал пехоты вставил свои пять копеек. — С двухсот метров даже косорукие солдаты по такой большой цели не промажут.

— Ваше превосходительство, — четко ответил командир дирижабля, — мелкие дырки от пуль не нанесут большого вреда дирижаблю. Даже если весь батальон и попадет по баллону, то у нас все равно останется положительная плавучесть, и мы сможем уйти на безопасное расстояние. Небольшой ремонт и мы снова в строю.

— А если они будет стрелять по гондоле управления и выбьют весь экипаж? На таком расстоянии это вполне вероятно, — не отставал от него пехотный генерал.

— Тогда мы все умрем за нашу родину со словами верности нашему императору, ваше превосходительство, — вылез с ответом инженер — лейтенант граф Клевфорт.

— Никто не сомневается в вашей храбрости, лейтенант, —

заявил генерал Штур.

— Лучше пойдем смотреть причиненные вами разрушения на месте, — предложил генерал пехоты и как бы раскаиваясь, обратился к Штуру, — Если вы не против, конечно, как приглашающая сторона… раскрыть, так сказать… тайны вашего сюрприза.

— Я только 'за', — ответил генерал — адъютант короля, и повернулся к воздухоплавателям. — И вы все за нами не отставайте.

Летуны, наверное, матеря про себя всех возможных генералов на свете поперлись за свитой в грязь в своих щегольских ботинках с крагами. На что сухопутные офицеры только посмеивались — им в сапогах не затекало.

На позициях все выглядело откровенно жалко. А воткнутые в мелкие воронки шесты наглядно показали чудовищный разброс попаданий да еще вдалеке от того места куда воздухоплаватели целили. В сами траншеи попали только три бомбы, да и то вероятно случайно. И одна такая даже не взорвалась. Вообще неразорвавшихся снарядов оказалось почти четверть от сброшенного количества.

— Мда… — завил полковник с Западного фронта. — Не умеете пока.

— Господин полковник, — пылко воскликнул граф Клевфорт, — все дело в несовершенных терочных запалах сбрасываемых снарядов, но мы работаем над их усовершенствованием.

— И поэтому бомбите с двухсот метров, — утвердил генерал артиллерии. — Иначе они у вас в воздухе взрываются. Понятно… Лучше бы вы усердно работали над взрывателем, который срабатывает при ударе о землю. С моряками посоветуйтесь. У них давно есть такие взрыватели, что даже при соприкосновении с водой срабатывают. Им они не нравятся, а вот вам в самый цвет пойдут.

— Будет исполнено, ваше превосходительство, — граф вскинул руку к козырьку.

— Кобчик, — заметил меня генерал Штур и подмигнул мне левым глазом, — а ты что про это все скажешь?

И генерал обвел рукой рассматриваемые комиссией позиции.

— Осмелюсь доложить, ваше превосходительство, у меня пока нет дельных мыслей, так как я не знаю всех возможностей этого дирижабля, — вытянулся я в струнку. — Но судя по оставленным воронкам, инженерное оборудованные полевые позиции инженера — майора Вахрумки с честью выдержали и это испытание. Бомбы меньше пятидесяти килограмм весом и

применять по ним не стоит. А учитывая поражение манекенов… то очевидно, что осколочное действие от примененных бомб практически никакое. Даже слабее шрапнели. Пока это просто выброс ресурсов на ветер. Но это мое личное мнение, экселенц, которое может быть и неправильным.

Штур угукнул в ответ и покатал сапогом неразорвавшийся чугунный шарик.

— Это что? Гранаты со старых арсеналов времен республиканской революции у соседей? — грозно спросил он летунов. — От гладкоствольных пушек?

— Ничего другого нам не дали… — развел руками воздухоплавательный капитан.

— Начинка — черный порох?

— Так точно, экселенц, — на командира дирижабля стало неловко даже смотреть.

— Так, — подвел итог Штур. — Бомбардировку укрепленных позиций с воздуха до появления нормальных снарядов считаю преждевременной. Нечего врага смешить.

Генералы с ним согласились, а полковников с летунами никто и не спрашивал.

От как оно… нажил я сейчас врагов себе с этим Штуром на пустом месте. Как пить дать. 'Минуй нас пуще всех печалей, и барских гнев, и барская любовь'. Гениально сказано.

16

Я все же проявил твердость и убедил Вахрумку отправить моих мажоров в нормальный учебный лагерь на курс молодого бойца, чтобы хоть как-то привести их в военное состояние без постоянного ручного управления с моей стороны. Штаб все же воинская часть, а не детский сад. Прибегнул даже к шантажу: либо моя нормальная ударная работа с его наставлением по полевой фортификации либо мне самому дрючить мажоров до кондиции, что мое время отнимет почти все. А иллюстрации для граверов я и сам могу начертить. Легко. Особенно в отсутствие любимого личного состава.

Показал ему еще свой проект переоборудования чертежного бюро кульманами и прочей новой оргтехникой, что также требует времени на внедрение. В месяц как раз уложусь при должном финансировании.

Но, закралось у меня подозрение, что вопрос мажорами решился быстро и относительно легко только потому, что приезжие имперские генералы выразили Штуру свое неудовольствие по поводу их внешнего вида и возмутительно гражданского поведения. О чем с недовольным видом тот при случае выговорил мне же, как мою недоработку. Так что по горячим следам Штур охотно наложил на мое прошение свою грозную резолюцию. И, как я подозреваю, почти все разборки с их влиятельной родней взял на себя.

При попытках этой родни наехать лично на меня по телефону я включал тупого фельдфебеля — горца. Не положено. Устав. Дисциплина. Идет война. Родина в опасности… Для убедительности в свой имперский язык включал сильный рецкий акцент. Даже адъютант Штура впечатлился их жалобами на меня, о чем мне с восхищением высказал как-то.

На пятый день после полигонных страданий штаб — ефрейтор сопроводил всех моих мажоров по железной дороге в летний лагерь. Штур выбрал им место учебы, дислоцированное подальше от города, в сторону тыла, чтобы чадолюбивым маменькам туда было крайне неудобно ездить, а сердце за кровиночку не болело. И я вздохнул с облегчением. И вообще мне бы в подчиненные кого-нибудь попроще, повульгарнее…

И еще из приятного. Я получил нежданную премию в двадцать пять золотых кройцеров за идею железнодорожных орудий. Целое состояние для простого фельдфебеля, в месяц получающего жалования чуть меньше трех золотых.

Королевские инженеры оказались на высоте. За прошедшее

время в городском депо ударными темпами успели наваять пять вундервафлей железнодорожного хода из длинных 48–ми калиберных 120 миллиметровых морских скорострелок, оборудованных гидравлическими накатниками. Морская артиллерия в империи вообще развивалась с большим отрывом от сухопутной. Так что стволы королевским приказом взяли готовые с завода, решив, что новые орудия для строящегося минного крейсера еще успеют поставить на верфь, а оборона столицы важнее. Полевые испытания показали дальность стрельбы чугунной болванкой до девяти километров, а морским фугасным снарядом до двенадцати. Срочно ваяли на патронном заводе укороченный фугасный снаряд для сухопутного применения с усиленным осколочным действием. И большей дальностью выстрела — до девятнадцати километров.

Первое боевое применение вундервафлей на железном ходу прошло успешно, учитывая, что вся стратегия восточного фельдмаршала Смигла сводилась к наступлению его войск вдоль железных дорог, а остальные направления являлись как бы поддерживающими. Две железнодорожные пушки с безопасного для себя расстояния за полчаса превратили захваченную цугулами приграничную узловую станцию в мелкое крошево, чем сорвали новое наступление войск восточного царства, подняв на небо три состава с боеприпасами, которые, детонировав, разнесли в округе все, что не успели уничтожить большие морские снаряды. Командир дивизиона (а каждая такая пушка считалась батареей) стал кавалером 'Рыцарского креста'. О нем писали в газетах. Остальных также не обошли наградами только без излишней помпы.

С восьмидюймовой мортирой еще шли отладочные работы. Там какие-то проблемы вылезли с устойчивостью платформы из-за большей тяжести орудия. В итоге поставили ее на две многоосные ходовые части от списанных паровозов и нормально утащили на дальний полигон. Результаты пока не объявлялись.

Я не удержался и сказал Вахрумке, что такая мортира хороша будет только в наступлении при прорыве ну… очень серьезных укреплений. А в обороне города ей просто не найдется достойных целей.

На что майор лишь пожал плечами.

— Теперь это любимая игрушка короля.

И вопрос закрылся сам собой. Такая мортира пока была одна, но назвалась уже громко — Первый его королевского величества лейб — гвардии мортирный полк особого могущества. И шефом этого полка являлся сам король. Следует ли думать, что вторая железнодорожная мортира станет вторым таким гвардейским

полком, я не знал, но подозревал что такое вполне возможно. Пострелять во врага с безопасного расстояния и при этом числиться крутым фронтовиком немало желающих найдется в придворном окружении. Ну и высокие категории чинов там как бы в обязательном приложении — гвардия. А королю всегда можно будет потом хвастаться, что он даже свою гвардию не пожалел — кинул в прорыв.

Показывал адъютант Штура мне даже эскиз эмблемы новых гвардейских войск. Сквозь серебряное железнодорожное колесо просунуты золотые скрещенные пушки. Обшлага и петлицы черно — красные. Парадный мундир гвардейский уже шьют на первый расчет. К гарнизонной швальне не протолкнуться. Хорошо, что мои заказы успели сделать, а так бы я был хорош. Особенно без шинели в преддверии поздней осени.

Незаметно я солидно оброс барахлом, совсем лишним в быту солдата. Выкроив как-то вечерок, я собрал все шмотки, что у меня относились к рецкому стройбату, и вместе со старым ранцем отослал почтой на гору Бадон — там они целее будут.

За неделю наставление по применению новой полевой фортификации было ударными темпами написано инженер — майором, а я изготовил к тексту все многочисленные иллюстрации и чертежи. Добавил в текст только необходимость построения траншей зигзагом на случай флангового обстрела шрапнелью и обустройства заграждений третьим рядом кольев с колючей проволокой (послезнание — великая вещь). Вахрумка с добавлениями согласился, и поехало все в типографию за авторством инженер — майора Вахрумки, под редакцией генерал — адъютанта Штура. Ну и меня на последней странице упомянули мелким шрифтом там, где выходные данные — 'автор иллюстраций фельдфебель С. Кобчик'. Вот так вот ' в ЦК помирают, и мне нездоровится', как любил приговаривать мой дед.

В день выхода первого тиража 'наставления' Вахрумка подарил мне золотые часы плоской луковкой с двумя крышками. Один в один как мой отобранный бароном трофей. Символично. И приятно.

Но мне все не давала покоя нахлынувшая на меня еще на перевале любовь к дирижаблям и тот факт, что ставка главнокомандования восточного царства находится всего в трехстах километрах от линии фронта. Как соблазнительно все это совместить…

Случай часто решает все. В отдел к Вахрумке поступил списанный с флота по ранению моложавый капитан — лейтенант с 'Солдатским крестом' в петлице и протезом вместо левой руки

— последствиями первого морского сражения с островным флотом на северных морях. Победу в этом сражении каждая сторона приписывала себе. Но как я думаю, стороны просто разошлись каждая при своих повреждениях, когда кончился световой день.

Случайно разговорился со мной моряк в столовой, и что называется — зацепились языками, и результатом нашего совместного творчества стала нормальная авиабомба. Типовой шестидюймовый фугасный снаряд с приваренным к нему примитивным коробчатым стабилизатором. И тем самым бракованным снарядным взрывателем, который срабатывал от соприкосновения даже с водной поверхностью. Тех оказалось богато на складах и моряки сами не знали, что с ними делать. Преждевременный взрыв снаряда на поверхности толстого броневого листа линкора разве что пару заклепок выбивал. Эти взрыватели в настоящее время на флоте активно заменяли на более тугие, что взрывались после пробития броневого пояса корабля.

На заводе в шумном цеху под громкий стук парового молота старый инженер возразил только против газовой сварки на снаряженном снаряде.

— Проще и безопасней, господа, несколько сквозных отверстий на станке высверлить и закрепить на длинные болты заранее склепанный стабилизатор. На него же не обязательно пускать хорошую сталь? Пойдет любая. Изделие же одноразовое.

Ну да, а электрической сварки тут пока нет, — подумал я, — тут еще долго не будет. А газовая огнеопасна.

— Да хоть кроватное железо, — ответил я заводскому инженеру. — Тут главное чтобы этот стабилизатор в падении от сопротивления воздуха не сорвало.

Тем же вечером служебная записка с чертежами и описание нового типа авиабомбы легла на стол Штура. И тот дал добро на производство опытной партии, курирование которого возложил на нашего моряка. И правильно. Я для этой миссии и чином не вышел, и инженерной грамотейки у меня хрен да ни хрена. Все что я умею — внешний вид нарисовать.

Полигонные испытания с разведывательного аэростата показали вполне приемлемую точность и достаточное могущество нашей авиабомбы для разрушения полевой фортификации. Даже блиндажи в три наката не спасали манекенов от сорока восьми килограммового подарка с неба.

По незнанию реалий не отходя от полигона огребли мы с каплеем знатных звиздюлей от инспектора артиллерии королевства, потому как на складах, оказывается, полно хранится

старых семидюймовых снарядов от артсистем, которые уже лет десять как сняли с вооружения, а шестидюймовый калибр сейчас самый востребованный на флоте, да и в армии стоит на вооружении корпусной артиллерии.

Ну, нам-то все равно: семь, так семь… Больше оно не меньше. Хотя, как пояснил мне каплей, взрывчатка в старых снарядах сильно слабее по своей бризантности. Но это нам монопенисуально. Все равно переделки это временная мера. Почувствует генералитет вкус к бомбардировкам, станут заводы авиабомбы делать специально. Тут к бабке не ходи…

Бомбу в целом приняли к производству и выделили необходимые ресурсы. Назвали ее 'воздушным снарядом капитан — лейтенанта Плотто', а меня поздравили старшим фельдфебелем. Таким образом, с третьей звездочкой в петлицу достиг я своего потолка военной карьеры. Чуть больше, чем за полгода. Надо снова идти к Данко и слать 'родне' новый портрет.

Пользуясь случаем, я напомнил своим кураторам о недостроенном в городе большом дирижабле. Штур поморщил лицо, проехался по склочному характеру изобретателя, но дал добро на осмотр его пригодности переделке в бомбардировщик. Но при условии, что это займет разумное время.

В тот день с деревьев стали облетать первые желтые листья.

На восточном фронте образовался стратегический тяни — толкай по принципу 'сопка наша — сопка ваша' примерно на линии построенного Вахрумкой укрепрайона, который не давал врагу совершить обходной манер в тыл стационарным фортам, которые прикрывали железную дорогу и мост через реку Слави. Южнее отогузкая пехота не только остановила, но даже несколько потеснила цугулов обратно, хотя и не до границы. Севернее до самого берега моря простирались сплошные болота до зимы непроходимые. Да и то это если зима будет суровой и лед намерзнет достаточной толщины. Там пока даже разведчики не шарились. Ни наши, ни их. Каждая сторона считала этот участок непригодным для маневров сколь-нибудь значимых войск.

По — прежнему оповещение населения о происходящем на фронтах было весьма слабым и фрагментарном. Военных корреспондентов как таковых в местных газетах еще не было. Журналисты предпочитали осаждать только большие штабы.

Для обывателя пока не произошло никакой разницы в образе жизни по сравнению с мирным временем. Разве что людей в военной форме в городской толпе существенно прибавилось. И пару дворцов местная патриотическая аристократия выделила под госпитали. Раненых стало много. Ну и чисто гражданские поезда стали реже ходить. Сам видел, как вагоны третьего класса

брали штурмом. Первый и второй класс охраняла полиция, усиленная солдатскими патрулями.

Хорошее осеннее утро. Мешало им насладиться то, что я маялся с похмелья, так как вчера сознательно проставился в фельдфебельском клубе. Уже понял местную службу, где от фельдфебелей часто зависит намного больше, чем от самого высокого начальства. Особенно в части добычи всяческих ништяков и сбора информации. Просто идеальное место для шпиона. Контрразведки как таковой, как я разобрался, тут еще не существовало в принципе. А гриф секретности относился лишь к некоторым документам. Так что если входишь 'в круг', то знаешь много.

К тому же ничего особого от местного изобретателя я не ждал. Теплилась робкая надежда, что вдруг он окажется местным Цеппелином? Все что меня интересовало в его аппарате это дальность и грузоподъемность.

Мой ефрейтор как всегда был непробиваем. Направо — направо, налево — налево. Через задницу — и так ему сойдет.

Каплей Плотто был слегка в возбужденном состоянии, предвкушая что-то необычное.

И только Вахрумка выглядел недовольным тем обстоятельством, что и этот проект также посчитали особым и… повесили на него. А кто виноват? Один неугомонный фельдфебель.

Огромный ангар размещался на самой окраине города, за заводским поясом впритык к окружной железной дороге.

Наша коляска остановилась перед закрытыми воротами эллинга, и ефрейтор борзо побежал разыскивать хозяев.

Каплей, пользуясь паузой, набил свою трубку крепким морским табаком, на что некурящий Вахрумка поморщился, но ничего тому не сказал.

Вплотную к высокому ангару примыкало большое поле как два футбольных примерно. В его центре торчала ажурная деревянная вышка с площадкой и мачтой. С мачты свешивался красный вымпел, показывая безветренную погоду. Я подумал: стоит ли подсказывать применение аэродромного 'колдуна' для точного показателя направления ветра или путь и дальше так живут как жили? Вон Вахрумка мной недоволен, что я его законного отдыха лишил. Или планы я ему какие обломал, что он строил после издания 'Наставления'?

Ожидание затянулось потому, как ефрейтор нашел у ангара только сторожа — седого старого дядьку с одноствольным дробовиком в руках.

Мы слезли с коляски. Вахрумка набросал записку на листке

из блокнота. И отправили на экипаже ефрейтора по указанному сторожем адресу с приказом доставить этого чертова изобретателя на место, буде он даже с бабой спит.

— А для чего эта вышка посередине поля, господин капитан — лейтенант? — решил я скрасить ожидание беседой, а заодно хоть как-то залегендировать мои послезнания о дирижаблях.

— Понимаешь, Савва, — с удовольствием начал свои пояснения моряк, выпустив клубы сладковатого дыма ароматизированного медом табака, — воздухоплавательные аппараты легче воздуха легко мотает сильным ветром, когда они на привязи. Так что приходится ставить такие мачты для их причаливания, вокруг которых они могут свободно вращаться как флюгер…

Импровизированная лекция продолжалась больше получаса, и я почерпнул из нее много чего для себя нового, такого чего не было в тех книгах, которые я читал 'в прошлой жизни'. Видимо авторы этих книг посчитали такие сведения излишней 'полировкой заклепок', не интересной массовому читателю. Да и рассказчик каплей был очень хорошим. И я с сожалением встретил глазами коляску, которая привезла к ангару ожидаемого изобретателя — всклоченного язвительного человека среднего возраста по фамилии Гурвинек.

Ангар был огромным, но скелет дирижабля стоящий в нем казался еще больше. Он очень похож был на скелет кита, выброшенного на сушу.

— Сами видите… — довольно злобно проводил для нас изобретатель экскурсию по останкам своего детища. — Аппарат в семидесяти пяти процентной готовности. Осталось только сделать раздельные баллонеты для газа и оболочку. И можно взлетать. Хотя я бы предпочел еще новую компактную паровую машину. Она на треть меньше весит и мощность ее больше. Машину Айбаха, к примеру, которую он показывал в прошлом году на имперской сельскохозяйственной выставке.

— Машину для парового трактора? — уточнил Вахрумка.

— Да… ее. Это же не дефицит. А облетать готовый аппарат можно и на той машине, что стоит у меня.

Я постучал ногтем по кольцевой ферме.

— Алюминий?

— Нет. Алюминиевая бронза, — ответил мне создатель этого монстра. — Алюминий слишком мягок чтобы держать такую конструкцию без деформации. Но алюминиевая бронза также не без недостатков. В отличие от чистого алюминия она коррозирует и требуется анодировка всех деталей. Любое другое покрытие, к примеру, пропитанная лаком перкаль, ведет к увеличению веса

аппарата.

Вообще вид у мастера Гурвинека какой-то всклоченный. Он весь как дикобраз ощетинившийся иголками.

— Анодировка это что-то типа воронения в оружии? — задал я вопрос на публику, типа, не знаю я, что такое анодирование.

— Примерно так, если на пальцах объяснять, — отмахнулся от меня изобретатель.

Что ему какой-то фельдфебель. Пусть даже и старший.

— Каков будет подъемный вес вашего аппарата? — заинтересованно спросил каплей.

— Как всегда половина веса самого аппарата, — тут же ответил Гурвинек. — Это закон воздухоплавания. Объем газа в баллонах расчетный тридцать две тысячи кубических метров. Такой большой дирижабль еще никто не строил, — гордо добавил он.

— Простите, мастер, — вмешался я. — господина капитан — лейтенанта интересует полезная нагрузка, за вычетом необходимых грузов.

— Две тонны в гондолах. Максимум.

— А если использовать пространство под оболочкой между гондолами? — спросил я, припоминая историю цеппелинов в моем мире.

— Так никто еще не делал, — резко ответил мастер, как бы обрезая тему.

— Но у вас конструктивно предусмотрен переход между гондолами внутри оболочки? — не отставал я.

— Предусмотрен. В войлочной обуви.

— Почему же нельзя сделать там грузовой отсек?

— Потому что когда будет натянута оболочка на каркас, то не будет никакой возможности для погрузки — разгрузки в этом объеме. Только в гондолах. Можно конечно прицепить и третью гондолу, но ее вес почти весь дополнительный груз съест сам. Так что смысла не вижу.

— А если нужно будет только подвесить груз небольших габаритов? Но много. Снизу. Разгружать не потребуется. Он сам упадет с высоты.

— Бред, — сказал, как слово выплюнул Гурвинек.

— А я бы посоветовал вам, мастер, все же прислушаться к фельдфебелю и изыскать такую возможность. Ибо только от нее зависит, будет у вас дальнейшее финансирование от армии, или нет, — веско сказал Вахрумка, давя на самое больное яйцо изобретателя.

— А где я теперь достану кишки с сорока тысяч коров для оболочки баллонетов? Чтобы они газ не стравливали. Армия

обеспечит?

— Судя по тому, как в последнее время в империи развивается консервная промышленность, — ответил ему капитан — лейтенант, — армия вполне в силах такое количество обеспечить. Не за один подход, но в течение какого-то времени точно.

— Где мне расписаться кровью? — устало сказал мастер Гурвинек.

— Вот здесь, — спокойно ответил Вахрумка, доставая бумагу из планшета. — В подписке о неразглашении военной тайны.

Курировать это проект с удовольствием взялся каплей.

Через две недели прекрасным погожим днем под первые красивые редкие и пушистые снежинки состоялся на вокзале пафосный митинг и манифестация.

Король на фоне длинных орудийных жерл раздавал на перроне гвардейские знамена железнодорожным артиллеристам и принимал их торжественные клятвы.

Пушечные дивизионы также стали лейб — гвардией, как и мортирные полки. И также с эпитетом 'особого могущества'.

Как я и подозревал, когда склепали вторую восьмидюймовую мортиру, она тоже стала отдельным полком. Шушукались меж собой заводские, что им привезли в депо ствол аж десятидюймовой короткой пушки, снятой со старого, списанного уже броненосца. Спецом для переделки его в гаубицу на железном ходу.

Король развлекается или реально к наступлению готовятся?

Шеренги пушкарей в черной коже и красных штанах коленопреклоненные перед склоненными к королю знаменами со слезой на глазах клялись биться с врагом до последней капли крови. Свои кожаные шлемы, так похожие на советские танкистские середины тридцатых годов они повесили на сгиб левого локтя. На шее у каждого очки — консервы. Из холодного оружия у всех короткие морские кортики.

Потом король вручал боевые стяги знаменосцам своих полков и отдельных дивизионов.

Паровозы шипели и фыркали белым паром.

Орудия гордо старались проткнуть небо.

Король на этом фоне красиво позировал.

Фотографы изводили магний.

Экзальтированные дамочки падали в обморок от избытка чувств на руки сопровождающих их мужчин. Что удивительно ни одна не промахнулась.

Не хватало только берущей за душу и трясущей ее музыки типа 'Вставай страна огромная…' из черной тарелки репродуктора

над перроном.

Что-то сдвинулось в бюрократических шестеренках королевства в сторону активизации внутренней пропаганды. Скорее всего, то, что вопреки довоенным планам война все-таки затянулась. В штабе об этом половина разговоров в столовой.

Полагаю все же, что первым маленьким камешком, столкнувшем мощную лавину пропаганды, явился сопровождающий нас на укрепрайон Данко Шибз с треногой фотоаппарата, навязавшийся с нами в инспекцию укрепрайона. Брать его мы не хотели, но последовал звонок из дворца и скрепя сердце Вахрумка согласился. А по приезду обратно в город 'фотографический художник' разродился целой серией комиксов про войну. Иначе как назвать эту иллюстрированную публикацию длинной в недельный марафон на разворот ежедневной газеты с краткими емкими подписями? Завершающиеся каждый раз патриотическими призывами жертвовать деньги в 'Королевский фонд обороны' на организацию в окопах полевых бань и вошебоек.

И ведь сработало.

А потом все газеты обзавидовавшись 'Королевской хронике' вдруг решили, что не иметь на фронте собственных корреспондентов им западло. И понеслась вакханалия, закономерно приведшая к возникновению военной цензуры не только читающей письма солдат с фронта, но и читающей все газеты в империи. Появилось расхожее понятие военной тайны. Но, в общем, настрой пишущей братии был вполне патриотический. Даже критика командования была вполне конструктивной, требующая внимания к труженику войны, несущего основные тяготы фронтовой жизни — рядовому солдату.

Затем король на фоне особой гордости королевства — орудий особого могущества — раздавал награды.

С особой помпой награждали врачей санитарных поездов гражданскими орденами. Тут я с удивлением узнал, что большинство таких поездов частные и содержатся богатыми аристократами. Им также досталось по ордену.

Полковых фельдшеров впервые в истории возводили в кавалеры 'Креста военных заслуг' за исполнение профессиональных обязанностей в окопах под артиллерийским обстрелом. А солдат — санитаров, выносящих раненых с поля боя под пулями престижными 'Солдатскими крестами', которые всегда давались исключительно за личную храбрость. Даже норматив появился: за сотого раненого, вынесенного вместе с его оружием в безопасное место из-под огня противника — крест.

Имперские ордена подвезли по такому случаю из императорской резиденции, а вот раздавал их от имени императора ольмюцкий король.

Мне тоже обломилось от этого праздника. За идею железнодорожных орудий я получил из рук короля медаль 'За полезное'. А за воплощение моей идеи в металл инженеры депо — ордена Бисера Великого. Такую же медаль, как и мне, вручили и шести путейским мастерам, что было внове. Раньше простых рабочих такими наградами не баловали. Вот что значит быть причастным к любимой игрушке короля.

Интересно, что обещанного генералами 'Имперского креста' Вахрумка в тот день так и не получил. Я про себя даже не говорю. Это дворянская награда.

Обмывал медаль в фельдфебельском клубе, даже не заметив, как переместился оттуда в 'Круазанский приют'. Наутро мало что помнил, и это было обидно. Все же за полновесную золотую монету надо получать удовольствие запоминающееся надолго.

В борделе сплетничали, что скоро вместо золота введут в хождение бумажные билеты Имперского банка. На что я ответил словами Екатерины Великой: 'не важно, что бумажно, было бы денежно'. А сам призадумался над тем, что имеющееся золотишко надо бы придержать, и отменил многие давно запланированные покупки.

17

Вот — вот… Празненства. Красота. А до того нас с Вахрумкой погнали на наш же укрепрайон с инспекторской проверкой соответствия содержания пехотой полевой фортификации нашему же 'Наставлению'.

Погода стояла хуже не придумаешь. Про такую говорят, что хороший хозяин на улицу и собаку не выгонит. Еще золотой лист не облетел, а обложные дожди зарядили как в ноябре под Калугой — холодные и противные. И если бы не прорезиненные плащ — накидки нового образца, то быть бы нам насквозь мокрыми как мыши, еще до того, как мы сели в пустой санитарный поезд, выдвигавшийся на фронт за ранеными из полевого лазарета.

Вахрумка с 'фотографически художником' всю дорогу гоняли чай с коньяком в компании главного врача санитарного отряда — имперского советника третьего ранга графа Сендфорта, могучего на вид человека в котором о его интеллигентной профессии напоминала только седоватая бородка клинышком и золотое пенсне. Компанию им составили остальные врачи и сестры из аристократов.

А меня отправили на отсидку поскучать в соседний пустой вагон. Рылом я для такой компании не вышел. Увы…

Ну и болт с ними.

Скинул я плащ — накидку на просушку. Засунул ранец под полку. Скатал шинель в виде валика, приспособил вместо отсутствующей подушки и завалился на ближайшую койку, которые в три этажа расположили по стенам вагона. Вторые этажи были сложены, и мне было вполне комфортно.

Поезд тронулся, убаюкивая ритмичными перестуками колес на стыках. И только я решил придавить на массу по принципу 'солдат спит — служба идет', как меня подняли.

Проходящая по вагону сестра милосердия склонилась надо мной и участливо спросила.

— Вы себя хорошо чувствуете?

Я вскочил с койки, оправил под ремнем китель и непроизвольно выпятил грудь с орденом — девушка была чудо как хороша. Стройная, высокая, тоненькая… Крепкую грудь не скрывало даже балахонистое форменное платье с белым передником. А жгуче — черные глаза уроженки западной части империи, казалось, заглядывали в самые потаенные уголки моей души. На вид ей было лет двадцать пять.

— Со мной все в порядке, госпожа. Просто не знаю, куда девать время в этой внезапной поездке, — слегка смутился я.

Она потрогала изящным пальчиком пианистки мой орден. Эти руки не вязались с ее аристократически лицом. Это были сухие шершавые руки рабочей женщины, обожженные едкими растворами полевой аптеки и огрубевшие от физической работы.

— За что у вас такая высокая награда? — спросила она.

— В наградном листе сказано: 'за ликвидацию вражеской разведки', — честно ответил я, вынимая из кобуры револьвер. — А это… тут написано…

Я дурацки улыбнулся, чувствуя себя козликом на веревочке.

Девушка прочитала дарственную надпись на револьвере, дерзко посмотрела прямо в глаза и, не отдавая оружия, взяла меня за руку, потянула.

— Пойдемте со мной, вам сейчас все равно делать нечего.

В соседнем вагоне, похожем на классный спальный, но всего на четыре купе, она втолкнула меня в одно из них, весьма смахивающее на процедурный кабинет в поликлинике. Притянула к себе и стала жарко целовать, крепко обняв за шею и прижав к моему затылку мой же заряженный револьвер.

Я поначалу аж растерялся.

Вы когда-нибудь имели секс с женщиной на гинекологическом кресле? Особенно когда рядом с ним стоит примитивная ножная бормашина?

Нет?

Я тоже сподобился в первый раз. Но ощущения получил незабываемые по своей оригинальности, наслаждению и… удобству.

По крайней мере, даме подо мной с подколенными упорами специфического кресла подмахивать мне было намного сподручней. Видимый оргазм ее был вообще фееричным. Если бы она с силой не закусила губы то, наверное, орала бы как мартовская кошка в подворотне. И так ее стоны больше походили на придавленное рычание тигрицы, а размахивание заряженным револьвером перед самым моим носом добавляло некоторой перчинки в этой ситуации. Возбуждало и двигало на повторные подвиги почти без перерыва.

А поезд все стучал колесами как метроном, оставляя за собой драгоценные минуты.

Извивающаяся подо мной женщина смотрела на меня глазами новорожденной.

Наконец она издала последний протяжный стон и как бы нехотя выпустила меня из своего лона.

Продышавшись, сообщила, захлопнув глаза длинными пушистыми ресницами. Настолько черными, что не нужна им была никакая тушь.

— Всегда желала лечь под героя. А по жизни встречались либо брехуны, как мой муж, либо настолько калечные, что для постельных утех совсем не годились. Да и кого можно встретить в санитарном поезде — только раненых и увечных. Спасибо тебе, герой, за исполнение девичьих грез.

Я, лаково поглаживая плоский девичий животик, другой рукой нежно вывернул из ее кулачка свое оружие. И с облегчением выдохнул. Идиот, надо было хотя бы патроны вынуть заранее, а то стрельнула бы она в порыве страсти… и… даже думать не хочется, чтобы могло случиться.

— Одевайся и иди на свое место, — заявила девушка, по — прежнему не открывая глаз. — Сюда в любой момент могут придти.

Я натянул кальсоны и брюки, так и оставшиеся висеть все это время на сапогах. Огляделся в поисках остальной своей одежды. По всему большому купе раскиданы предметы дамского туалета. Я и не подозревал что их так много в это время. Наконец нашел свою нижнюю рубашку, китель и портупею и быстро оделся.

Девушка так и оставалась полулежать на кресле, не открывая глаз. Ее пробило на негу.

— Поцелуй меня и иди, — томно заявила незнакомка, которая так и не открыла мне своего имени.

Я выполнил ее просьбу, ощутив на кубах соленый привкус свежей крови, и она с охотой ответила на мой поцелуй и с сожалением оторвалась от моих губ.

— Встреч со мной больше не ищи… мой герой.

Выйдя в коридор, я осторожно прикрыл за собой дверь купе.

Переходя через вагонные тамбуры, овеваемый встречным потоком воздуха из широких щелей я впервые в жизни захотел закурить.

Паровоз протяжно загудел где-то впереди.

Я без сил плюхнулся на облюбованную ранее полку.

Что это было?

Укрепрайон раскис везде, кроме тех участков, которые приходились на хвойные леса с песчаным грунтом, там все более — менее хоть и сыро, но вполне терпимо — лишняя вода уходила в песок, оставляя слой жидкой грязи всего в несколько сантиметров. А вот там где окопы вырыты в суглинках, или вообще в глине — совсем беда.

Хорошо, что еще из-за плохой погоды наступило затишье на фронте. Ни наши войска, ни враг никаких резких телодвижений не делают, даже беспокоящего огня не ведут. Все дружно углубляют окопы дренажными канавами и водосборными колодцами. Чинят то, что было разрушено вражеской

артиллерией.

Дивизия, что заняла укрепрайон, выполняя вышестоящий приказ, стояла тут насмерть, но сама вперед не лезла. Ее боевая задача второстепенная — не дать обойти форты на линии железной дороги. Вот они и стоят по колено в воде. Блиндажи залило. Личный состав успел обовшиветь. Смены войск в поле не происходило четыре месяца подряд. Бардак…

Вахрумка по приезду на место, едва соскочив с патронной двуколки, сразу пошел представляться местному начальству.

Я же самостоятельно прошарился по окопам с местными унтерами, потом пил с ротным фельдфебелем в его блиндаже привезенный мной пунш. В результате Вахрумка о действительном положении дел знал не более четверти мной собранных сведений. Я солдатам свой. Первый награжденный на этом месте. Не фон — барон какой, такой же крестьянин, как и они. Чего меня стесняться? Так что языки солдат при мне не зажимались как при опросах солдат Вахрумкой в присутствии их ротных командиров.

Да и Вахрумку больше интересовал не солдатский быт, а тактическое применение инженерных сооружений. Зря он так… Еще месяц и накопится усталость. Солдатам осточертеет эта грязь, сырость и отсутствие нормального отдыха так, что… разное может случиться.

Однако опыта окопной войны тут пока не было… Ни у кого. Чтобы что-то менять, надо на собственной шкуре прочувствовать. Восточные генералы, усвоив опыт применения шрапнели, больше не кидают солдат в атаку батальонными колоннами как в самом начале войны. Но вот гнать солдат на убой под пулеметы плотными цепями у них пока здорово получается. Генералы видно считают, что у царя людей и так много, а бабы еще нарожают.

Результатом инспекции стали дополнения в нормативы и геометрию брустверов, окопов и блиндажей. Устройство пещерок в стенках траншей для складирования боеприпасов и бережения их от сырости. Оформление стрелковых ячеек, выдвинутых из траншеи, подсмотренных у толковых пехотинцев со ступенькой, бермой и пробитым сектором обстрела непосредственно в земляном бруствере. Солдатское творчество по улучшению позиций под себя казалось неисчерпаемым.

Давнее тактическое утверждение Вахрумки, что такие укрепления необходимо строить всегда и везде на возвышенности, уступая врагу любые низины, подтвердилось на практике. Полковые разведчики сообщили, что в окопах восточных, в низине, воды уже по пояс, а окружающее их траншеи пространство стремительно превращается в подобие мелкого

болота. Окружающие же наши позиции вековые болота по словам местных хуторян проходимы станут только после больших морозов. И то не везде.

По собственной инициативе пехота установила не только третий ряд кольев колючей проволоки, как предписывало наше наставление, но и четвертый. Была бы проволока они бы и пятый ряд поставили.

— Мы тут за это время выдержали около полусотни атак, — устало завил нам командир дивизии полковник Торверт, принявший нас в обшитом досками сухом штабном блиндаже в лесу. — С десяток атак было очень массированных. Против полка враг кидал на прорыв дивизию. Только проволока и пулеметы спасли нас от разгрома. Два раза приходилось частным образом договариваться с противником о перемирии, чтобы враг убрал от наших позиций свои трупы. Очень уж смердело. Настолько, что я опасался эпидемии. Мы даже им помогли в этом деле своими силами. Но я бы хотел, чтобы вы поставили перед командованием вопрос о том, что двух пулеметов на полтора километра фронта это мало. Я гарантирую, что если у меня будет по пулемету на каждую половину километра фронта, то никто мою оборону не прорвет. И требуется пулеметы облегчать.

— Применяли против вас какие-либо снаряды кроме шрапнели? — задал вопрос Вахрумка.

— Слава ушедшим богам, пока нет, — был ответ. — Только шрапнель.

В дивизионном лазарете в глубине хвойного бора старый врач в прожженном кострами халате настаивал на немедленной смене дивизии и отправке ее в тыл на санобработку, а то у него уже два случая сыпного тифа. Если дивизию не сменить, то тиф ее выкосит и без вражеской артиллерии.

Показал он нам полевую вошебойку — прожарку, которую сделали санитары его из старой бочки.

— Конечно, краска на ткани выжигается, и мундиры теряют свой вид, но видели бы вы сплошные 'кольчуги' на груди и животе солдат из белесых платяных вшей… Здоровье важнее внешнего вида. А баня у нас примитивная — вон в той большой палатке. Только что обмыться слегка теплой водой. Мыла простого и того не хватает. Жгу лес на щелок.

Я отловил Данко и потребовал, чтобы он сфотографировал 'волшебную' вошебойку и полевую баню. Даже солдата особо завшивленного, доставленного с передового пулеметного ДЗОТа. Начальству лучше один раз увидеть, чем сто раз слушать наши объяснения. Так что половину своего запаса фотопластинок Данко использовал по нашим указаниям.

Солдаты поначалу, увидев фотографа, старались позировать с бравым видом, но потом привыкли к нему и вели себя как обычно. На что Данко радовался как ребенок, утверждая, что так фотоснимки выглядят 'как живые'.

Уезжали обратно мы в удрученном настроении. Если война продлится в позиционном тупике еще больше года, то у людей произойдут необратимые изменения психике. Этот вывод также надо было отразить в докладе по инспекции, как и то обстоятельство что войска в полевых укреплениях необходимо регулярно сменять.

Ночевки в сырых палатках холодной осенью, хоть и в лучших условиях, чем в блиндажах у солдат, не остались без последствий. Домой все трое ехали, путаясь в соплях. И с большим облегчением, несмотря на полную необорудованность для людей теплушки поезда — подвозчика боеприпасов. Отнимать места в санитарном поезде у раненых и больных Вахрумка посчитал бесчестным поступком. Или тифа боялся.

Да и ехать тут всего ничего…

Как бы там ни было, добром такая командировка не кончилась. Я и Вахрумка слегли с жестокой простудой, а вот 'шибздику' как с гуся вода. Только нос потек. И пока мы валялись с высокой температурой он пек свои комиксы в королевской газете. Волшебная сила искусства, не иначе…

Вахрумку даже увезли в один из городских госпиталей.

Я же как-то не рвался покидать свое подлестничное пространство. Да и, откровенно говоря, мне никто и не предлагал койку в офицерском госпитале, обустроенном в княжеском дворце. А валяться в переполненной палате с солдатами особого желания не было. Да место чье-то занимать не стоило.

Спасал меня штаб — ефрейтор, вернувшийся из командировки в учебные лагеря и оставивший там мажоров на поживу страшным инструкторам. Он в мою каморку под лестницей каждый день таскал не только военных, но и гражданских врачей с именем, которые ему были чем-то обязаны. Забил парень на службу и, изображая из себя мать Терезу, поил меня кислым морсом и горькими порошками пока у меня не прошел жар. Даже ночной горшок за мной выносил безропотно. За это заставлял общаться с собой зловредностью исключительно на местном языке.

Избавившись от температуры, я рьяно взялся писать отчет о санитарном состоянии солдат в окопах и о том, что находящиеся на передовой части должны в обязательном порядке регулярно меняться для отдыха и санитарных мероприятий не то дивизия сама собой 'сточится' даже без соприкосновения с противником.

Вша съест.

Это еще трупные крысы в окопах не появились, которые были бичом западного фронта первой мировой в нашем мире. О возможном нашествии крыс я все же намекнул, указывая, что только удаленность от жилых поселков спасает от них дивизию.

Также отметил, что требуется оборудовать отдаленный от города предварительный пункт санобработки сменяемых с передовой солдат. Это чтобы вши не расползлись с вокзала по городу. И обрабатывать крутым кипятком вагоны, которые этих солдат привезут. С той же целью.

Отдельно предложил проект массового изготовления малых пехотных лопаток, коими необходимо вооружить каждого солдата, наравне со штыком и винтовкой в качестве основного оружия. Не то солдаты самовольно укорачивают черенки саперных лопат, потому как под обстрелом так действовать удобнее. А шанцевого инструмента в пехотных частях и так не хватает даже по довоенному штату, не говоря уже о возросших потребностях фронта в условиях войны массовых армий и полевой фортификации.

Штаб — ефрейтор по моей просьбе привел в казарму Шибза. И я отобрал к санитарному отчету из толстой пачки нужные фотографии. Деньги за них Шибз у меня брать отказался, снабдив первыми экземплярами прессы со своим творчеством. Но после нашего общения в газетных комиксах появились его призывы к населению жертвовать средства солдатам на нормальные фабричные 'вошебойки' в достаточных количествах.

Отчет этот я отправил Штуру с ефрейтором, еще не выздоровев окончательно. И как оказалось очень даже вовремя. Санитарный вопрос все же подняли в высоких инстанциях и без меня.

Свои соображения по фортификации я попридержал до выздоровления Вахрумки. Все же он менеджер этого проекта, а не я. Солдатам в окопах я свои взгляды напрямую уже высказал.

Но больше всего я боялся уподобиться лесковскому Левше с его: 'а в Англии ружья кирпичом не чистят!'.

18

С первым настоящим снегом, упавшим на город я выздоровел.

По дороге в штаб постоянно встречались дворники с фанерными лопатами, сгребающие еще рыхлый снег с мостовой в сугробы отделяющие тротуары от проезжей части. Тротуары они очистили раньше и даже посыпали от гололеда мелкой гранитной крошкой. Дворники тут старательные, потому что в этом королевстве они не только мастера чистоты, а самый что ни на есть полицейский чин. Самый младший чин, ниже даже патрульного городового, но все же, все же… С правом ареста нарушителя благочиния. И естественной обязанностью стучать в околоток по поводу любых нарушений среди жильцов вверенного ему участка. И пенсию получает он от полиции после тридцати лет службы. А будет плохо убирать — выгонят, и плакала пенсия. Видимо от такой системы и криминальная обстановка в столице слабенькая при небольшом сравнительно штате собственно полицейских.

Но в это утро чувствовалась в движениях дворников особая старательность. Да и белые фартуки на всех были удивительно чистые. А бляхи с номерами блестели как новые.

В штабе всем было не до меня. Офицеры носились по лестницам, как наскипидаренные, а из больших кабинетов раздавались рыки на три тона громче, чем обычно.

Пока я болел, в городе объявили большой кипеш. Приехал сам премьер — министр и канцлер империи герцог Лоефорт с большой свитой генералов и чиновников. А сама столица королевства была выбрана для съезда наиболее авторитетных промышленников со всей империи. Решали вопрос о переходе частной промышленности на военные рельсы в связи с затягиванием сроков войны.

Местом сходняка высших сфер определили наш оперный театр, как имеющий самый вместительный зал в стране.

От нашего штаба присутствовало начальство артиллеристов и инженеров. Ну и какие-то еще тыловики с руководством железнодорожных компаний 'на вере'.

Штур с собой это на мероприятие забрал своего адъютанта, а Вахрумка меня, для чего они нацепили и мне серебряный аксельбант, типа, я тоже временно если не адъютант, то ординарец. Штур сказал, что иначе меня даже в фойе театра не пустят.

— А ты нужен будешь нам в качестве курьера. Вдруг что

понадобиться срочного и неожиданного. Кто их знает? Высшее начальство непостижимо как демоны, — и он нервно пригладил свой седой ежик на черепе.

Оперный театр, в котором я оказался в первый раз поражал изысканной лепниной потолков, колоннами из поделочного камня — как в московском метро, большими газовыми люстрами в хрустале и расписными плафонами. На стенах висели в золоченых багетах ряды портретов в полный рост балетных этуалей прошлых времен, прославившие королевскую оперу. В эпоху длинных юбок балет, наверное, единственное приличное место, где можно полюбоваться на женские ножки и при этом остаться в рамках общественной морали. Но, несмотря на окружающий дворцовый антураж и служителей в бархатных ливреях под цвет кресел, театр выглядел как штаб политической партии в последнюю неделю перед выборами в Государственную Думу. Разве что для полного сходства не хватало смазливых девочек — волонтерш в мини — юбках беспорядочно порскающих с прижатыми к груди бумагами.

Настоящих адъютантов оставили в буфете, а нас — ординарцев посадили на втором этаже в коридоре, как сенных мальчиков — ожидать указаний.

Двери в зал в фойе первого этажа закрыли и поставили часовых, а на втором этаже оставили распахнутыми для вентиляции. А часовые стояли на лестнице. Так что нам в коридоре все происходящее на съезде было хорошо слышно — акустика в опере была феноменальной. Так я и воспринимал все это как радиопостановку.

Король, сказав краткое приветственное слово съезду, удалился, пригласив перед этим на трибуну имперского канцлера.

Тот слегка прокашлявшись неожиданно бодрым голосом (мне тут сказали, что старику за семьдесят) начал свой доклад просто и ясно без какой-либо казенщины в словах.

— Господа, я уполномочен передать вам личное приветствие императора и его надежду что вы все воспримете правильно и отреагируете по деловому. В стране с сегодняшнего дня введено военное положение не только в прифронтовой полосе, но и по всей территории империи. Так что я не буду размазывать овсяную кашу по столу, а начну сразу с главного. Со сложившейся в стране экономической ситуации, чтобы потом мы все, владея одинаково общей картиной, могли плодотворно обсудить создавшее положение и выработать действенные рекомендации для правительства. Этого требует от нас император, который как верховный главнокомандующий недоволен тем, что фронт не

получает всего для него потребного в достаточном количестве. Итак, господа…

Изготовление артиллерийского вооружения в довоенный период было сосредоточено на двух заводах в королевствах, а также в немногих имперских арсеналах. Война все расставила по местам и выявила непременную необходимость привлечения к этой работе гражданских машиностроительных заводов. Потребности войны оказались выше самых пессимистических прогнозов генерального штаба.

Предприятия металлообрабатывающей промышленности уже два месяца как начали изготовлять снаряды; заводы точного машиностроения получили заказы на трубки, капсюльные втулки, прицелы и другие предметы боевого снабжения, что позволило остановить надвигающийся на армию снарядный голод до того как будут исчерпаны мобилизационные запасы накопленные в мирное время. Тем более что фронт требует изменить и саму номенклатуру боеприпасов.

Вся химическая промышленность империи уже переведена на изготовление взрывчатых веществ, порохов и медикаментов для армии. Но нам по — прежнему недостает пироксилина, бензола, фенола, серной и азотной кислот. Даже формалина. В области фармакопеи должен отметить, что особо не хватает в должном количестве самых расхожих лекарств и перевязочного материала. И это несмотря на существенную патриотическую помощь нашей аристократии, как финансовую, так и организационную. По стране сотни дворцов и родовых замков отданы под начало Санитарного управления армии для устройства лечебных госпиталей и санаториев выздоравливающих. Столь большого наплыва раненых, откровенно сознаюсь, мы не ждали и к этому не были готовы. И если бы не организация силами представителей аристократии добровольческих санитарных поездов, то многие наши отважные герои первых месяцев войны не дожили бы до оказания им квалифицированной медицинской помощи. В то же время наблюдается отток гражданских врачей в военную сферу, как по мобилизации, так и по линии добровольчества, что создает критическое положение с оказанием медицинской помощи гражданскому населению. Но кое-что уже сделано. Созданы при университетах сокращенные курсы гражданских фельдшеров и для обучения туда стали принимать женщин на добровольной основе.

Шум в зале, выкрики — 'это невозможно', 'это недопустимо', 'это приведет к разврату в обществе' и тому подобные брызги рассерженного мужского шовинизма.

Из президиума зазвучал заливистый колокольчик, призывая к

тишине.

Переждав шум, докладчик продолжил.

— Мало того, 'невесты ушедших богов' прервали свое затворничество от мира и массово обучаются профессии фельдшера и сестры милосердия. И уже заявили, что работать божии нареченные будут только за еду. Даже так, господа. Правительство и император вынуждены идти на крайние меры, и никто не вправе останавливать патриотический порыв лучшей части нашего общества. Идущая война не имеет аналогов в истории и приобретает все признаки тотальной. Я не удивлюсь, если на некоторых предприятиях жены заменят мужей у станков, в то время когда их мужья отстаивают свободу и независимость нашей родины от восточных варваров, островных плутократов и западных смутьянов с оружием в руках. В связи с этим правительство империи считает, что пора уровнять в заработках мужчин и женщин, если те работают с той же производительностью и с тем же качеством. Особо это касается производства военной продукции.

Зал взорвался массовым возмущением, от которого зазвенели хрустальные висюльки люстр и даже у нас, отделенных от зала стеной слегка дрожали оконные стекла.

Успокаивать публику пришлось минут пять.

— Я продолжу… с вашего позволения… — подпустил канцлер иронии в голос. — Деревообделочная промышленность поставляет предметы обозного довольствия, укупорку, тару, рукоятки для шанцевого инструмента и тому подобные необходимые мелочи пока в необходимом количестве.

Шляпная и фетровая промышленность изготовляет фетровые покрышки для наших красивых и ярких кавалерийских касок. Многочисленные швейные предприятия практически с первого дня войны приступили к пошивке обмундирования для армии по усредненным лекалам, еще до войны выработанным нашими антропологами для массового фабричного пошива одежды. Суконная промышленность изготавливает военные сукна в достаточном количестве, но за счет сокращения номенклатуры мирного времени.

Промышленность высоких технологий перешла на изготовление военно — полевых телефонов, телефонного провода и металлических пуговиц и фурнитуры. Кстати, в области последней мы отказались от использования драгоценных металлов. Но если кто желает сделать это у ювелира в частном порядке, то препятствовать не будем.

Фабрики фото и киноаппаратов перешли на изготовление дистанционных трубок, фабрики граммофонных пластинок

изготовляют ведущие пояски для артиллерийских снарядов и лебедки для аэростатов. Велосипедные фабрики, виду того что самокатные части не оправдали тех надежд которые на них возлагались в мирное время, занялись производством железных кроватей для лазаретов, фабрики швейных машин попутно изготовляют шрапнель, рояльные — патронные гильзы…

Нахальный веселый выкрик из зала.

— У нас теперь патронные гильзы будут от Бёхера и Вея?

— В том числе и от них, но позвольте мне подложить доклад, — слышалось, как премьер налил себе из графина воды и отпил половину стакана. — Даже мастерские по выделке детских колясок стали работать на снабжение армии. Предприятия, изготовлявшие продукцию, которая используется одинаково как для гражданского, так и для военного потребления, как то: сахар, табак, кофейные напитки, консервы, макароны, белье, гуталин, предметы гигиены и тому подобные товары, с начала войны работают в том же режиме что в мирное время. Не меняя технологического процесса. Разве что даже увеличили выпуск продукции, в связи с чем на этих предприятиях возникла лишь потребность в расширении производственных площадей, в приобретении дополнительного оборудования и привлечения рабочей силы. И выйти из этого тупика можно только привлекая женский труд, потому как мобилизация извлекла из промышленности критическое количество работников мужского пола.

Так как военный заказ значительно превышает объем производства мирного времени, то некоторым мирным предприятиям, включившимся в военную гонку, пришлось полностью перестроиться минимум на выпуск попутной продукции. Они вынуждены перестраивать производственный процесс и в большинстве случаев приобретать новое оборудование, приспособленное для изготовления необходимого армии и флоту вида военных изделий. Таким предприятиям министерство финансов уже помогло беспроцентными кредитами. Однако стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев полностью или большей частью использовался основной капитал, рабочая и техническая сила, запасы сырья и топлива и оборотные средства самих мобилизуемых предприятий.

Таким образом, мы выдержали первый удар объединенных сил наших врагов на трех сухопутных фронтах и везде, кроме востока выиграли приграничные сражения, а на западе даже продвинулись вглубь вражеской территории. Честь и хвала союзу армии и тыла!

Теперь о том, с чем мы категорически не согласны. Мы — я

имею в виду императора и его правительство.

Первое — это слишком долгие сроки, которые предприниматели планируют на развертывание военного производства на гражданских заводах. От одного до полутора лет в среднем. Что не соответствует требованию фронта на промышленную продукцию, которая нужна даже не сейчас, а вчера. Да и враг ждать не будет, когда мы будем полностью готовы и перевооружены. Требуется ускорить этот процесс, даже если придется перейти на двухсменную круглосуточную работу по двенадцать часов. Но главное в том, что требуется преодолеть наметившуюся негативную тенденцию к выпуску частными предприятиями некомплектных изделий, что мы будем рассматривать как вредительство и измену. А то, как же? Ресурсы растрачены, финансы получены, а армия нужного ей не получила. Если это не прямое пособничество врагу, то это дурость и головотяпство, приравненное к нему.

Второе — это несоответствие капитальных затрат государства и промышленников по переоборудованию гражданских предприятий достигнутым результатам. Мало того, что продукции мало так она еще и дорогая. Дорогая даже не по причине аппетита фабрикантов к сверхприбыли — это было бы еще понятно, а по своей себестоимости. С этим что-то надо делать. Правительство считает, что на период войны необходимо ввести плановое распределение сырья, а патентное право империи должно быть свободным. Мы не должны держать свои предприятия в технологической узде, в то время как наши враги вовсю пользуются нашими патентами и не платят нам при этом никакого роялти.

Смех в зале.

— Но мы также теперь не связаны патентными запретами наших врагов. Министерство юстиции прекратило производство всех дел связанных с нарушением патентного права для военной продукции. Новые изобретения будут рассматриваться новосозданным имперским комитетом по изобретениям. Изобретатели вместо промышленного роялти будут получать разовую премию от императора, а собственность на такие изобретения отойдет государству. Подчеркиваю, это касается только предметов и технологий военного действия.

Развертывание военного производства без учета основных нужд фронта пока ведется хаотично для народного хозяйства и населения империи. И здесь мы также хотим с вами посоветоваться, как сделать так чтобы и фронт получал необходимое… и уровень жизни населения не падал.

Теперь по организации предпринимательства. Те, кто не

желает перестраиваться на военные рельсы у них предприятия будет мобилизованы и реквизированы до окончания войны. Компенсация будет выплачена государственными облигациями с разными сроками погашения, но только после победы. В виду того, что чем дальше, тем больше проявляется невозможность делать вооружения от начала до конца на одном заводе правительство вышло с определенными инициативами. Теперь заводы — смежники, выпускающие детали на сборку готовой продукции будут в своем производственном аппарате вертикально интегрированы с предприятием сборщиком на порядке соподчинения не только в технологической дисциплине, но в и дисциплине организационной. Сопротивляющиеся этому владельцы предприятий будут интернированы до конца войны как вражеские агенты, не желающие победы своему отечеству. Сами предприятия реквизированы без компенсации и возвращены им только после победы.

И еще один серьезнейший фактор, мешающий ритмичной работе тыла обеспечивать армию всем необходимым это перегрузка железнодорожного транспорта в прифронтовой зоне и его недогруз в глубоком тылу, что создает ощутимые препятствия в деле подвоза сырья, топлива и вывоза готовой продукции. Правительство пока видит выход в немедленном объединении всех железнодорожных компаний в единое министерство путей сообщения. Но может быть вы нам подскажете менее затратный способ, нежели все бюрократизировать.

И последнее. Резкий рост потребностей вооруженных сил вызвало резкое повышение цен на военную продукцию, часто необоснованное, и это создало не только благоприятные условия не только для развития военных отраслей промышленности, но и широчайшие возможности для тривиальной спекуляции и мошенничества. Предупреждаю, что за необоснованное повышение цен на военную продукцию будем расстреливать владельцев предприятий как за пособничество врагу. Такой указ лежит у императора на столе и ждет только его подписи. Игры кончились. Война идет на выживание. Или мы или нас.

У меня все, господа, теперь правительство хотело бы послушать ваши конструктивные предложения, для чего собственно мы вас здесь и собрали, оторвав от насущных дел.

— Так это что же получается, ваше превосходительство, — раздался мощный бас. — Пушки вместо масла?

— Да, именно так, — спокойно ответил премьер — Пушки вместо масла, пока мы не победим. Потому что если мы проиграем, то наше масло будет жрать оккупант, и нам оно все равно не достанется. А победим, так будет вам не только хлеб, но

толстый кусок масла на нем. Даже с колбасой.

Тут из зала вышел озабоченный Вахрумка и отправил меня с запиской в штаб, чтобы ему там срочно подобрали необходимые справки и поэтому саму дискуссию власти и бизнеса я пропустил. А жаль. Весьма интересно и познавательно. Да еще их первых рук.

В штабе меня посадили на попу ровно, дали в руки пачку свежих газет и приказали ждать.

На первых страницах всех газет напечатан указ о введении военного положения по всей территории империи. Отныне вся полнота власти сосредоточена в руках императора, как верховного главнокомандующего.

Ниже напечатали еще несколько разъясняющих указов.

О комендантском часе в темное время суток. О специальных пропусках, позволяющих гулять по ночам особо доверенным людям. Также об органах наделенных правом выдавать такие пропуска. И категории должностей, которым такие пропуска положены априори.

Об ускоренном военно — полевом судопроизводстве в тылу за гражданские уголовные преступления. Особо отметили грабителей, которых в тылу приравняли к мародерам, и они с сегодняшнего дня подлежали расстрелу на месте преступления без суда и следствия. Простым военным или полицейским патрулем. Полиция также получала расширенные права. Обычные уголовники вместо тюремной отсидки теперь получали каторгу с кандалами и должны были с кайлом в руках заслужить себе прощение на рудниках, где стал ощущаться недостаток рабочей силы.

О введении военной цензуры во всех печатных изданиях империи.

О приостановлении на время войны действия всех политических партий и их политической борьбы в империи. 'Осталось только две партии — патриоты и враги', писал император в указе. Все выборы на местах замораживаются до победы. Избранные до войны на местах сеймы работают до победы. Новые выборы состоятся только после окончания войны, ибо большинство граждан мобилизовано в армию, а армия в империи традиционно вне политики. С начала войны один день службы в действующей армии приравнивается к трем дням службы в мирное время. Соответственно количество имперских граждан существенно повысится в процентном отношении после победы. Когда их демобилизуют тогда и будут назначены новые выборы. Фактически по всей стране введено прямое правление императора, точнее его правительства.

О единоначалии армии и флота. Все королевские и

герцогские армии теперь напрямую подчинялись военному ведомству и генеральному штабу империи, как неотъемлемые части имперской армии. Короли и герцоги отныне не командующие своими армиями, а их шефы.

О шпионаже и пособничестве врагу. Основные тезисы этого указа уже прозвучали в речи канцлера. Для промышленников было два наказания за длинный список преступлений. Первое — предупреждение и гигантский денежный штраф. Второе — для гражданина потеря гражданства, а для подданного — расстрел с конфискацией всего имущества. Третье предупреждение — для бывшего гражданина расстрел с конфискацией.

О создании подчиненного лично императору Департамента имперской контрразведки для противодействия шпионажу, диверсиям, панике и пособничества врагу. Самый короткий указ. Больше в нем ничего не было.

О введении поста офицера контрразведки в отделах квартирмейстеров в дивизионных, корпусных и армейских штабов. С очень широкими полномочиями.

Круто взялись. Видимо действительно империя встала на край пропасти. И видимо что-то страшное произошло на западном фронте, так как у нас никаких условий для таких резких движений не наблюдалось.

В этих указах и проявилась дуалистичность имперской монархии в том, что весь либерализм и парламентская демократия и до войны были спущены на места, а центральная власть, объявив военное положение, получала по факту ничем не ограниченные диктаторские полномочия. Собрание глав субъектов империи — Имперский совет, старое феодальное образование и раньше-то имел только совещательный голос при императоре, а теперь и вовсе стал только декорацией.

В местной 'Королевской хронике' еще напечатаны указы ныне сидящего на троне Бисера о принятии на себя в этот трудный для отечества час должности командира Ольмюцкой Гвардейской артиллерийской дивизии особого могущества и вступлении его самого в имперскую службу в действующем чине генерал — лейтенанта, в каковом он пребывал со дня собственной коронации.

И еще указ — о назначении младшего Бисера, который кронпринц, начальником Ольмюцкого интендантского управления военного ведомства империи по согласованию с главнокомандующим, то бишь — императором.

Напоследок шел королевский указ о передаче штаба Ольмюцкой армии в непосредственное подчинение имперскому генеральному штабу, а не опосредованное, как было до того.

Теперь все кадровые перестановки у нас зависели от имперской столицы.

Тут увлекательное чтение пришлось мне прервать, так как принесли заказанные Вахрумкой справки, и я галопом помчался в оперу, зажав под мышкой планшетку с запечатанным пакетом.

Перемены не заставили себя ждать. Не прошло и двух недель от большого совещания в оперном театре, как у нас в штабе произошли большие перестановки. Можно сказать стратегические.

Штуру присвоили чин полного инженер — генерала и перевели в имперский генеральный штаб на повышение. Теперь он начальник штаба всех инженерных войск империи.

Капитан — лейтенант Плотто окончательно прописался в дирижабельном эллинге, но теперь как командир Королевского воздухоплавательного отряда и тоже покинул дворец. Пользуясь создавшейся кадровой неразберихой, мудрый моряк утащил с собой моего снабженца — ефрейтора.

Новая метла тщательно вымела места для своих ставленников. Единственно кто остался на местах — это мои мажоры, вернувшиеся из учебных лагерей.

Даже 'родственника' короля Вахрумку назначили командиром имперской военно — железнодорожной бригады на постройке важной в стратегическом плане железной дороги в горных бебенях от южного моря в Отогузию. Видимо кто-то очень влиятельный не просто убрал майора из штаба, но и двинул его на очередную ступень войсковой стажировки перед занятием более высокого штабного поста. Его величество ценз в офицерской карьере по — прежнему всем рулит.

Майор, уезжая, приватно пообещал меня к себе перетащить, как только сам устроиться на новом месте. Но как только Вахрумка уехал, то новый начальник королевских инженерных войск генерал — майор Штепке на следующий день сослал меня на полигон. Помощником начальника полигона по военно — технической части. Формально повышение, обер — офицерская должность, а фактически ссылка.

Когда провожали Вахрумку на вокзал, от перрона медленно отходил санитарный поезд.

В раскрытых дверях одного из вагонов стояла в небрежно накинутой на плечи длинной дорогой шубе знакомая мне чернявая незнакомка и курила черную пахитоску через длинный янтарный мундштук.

Дама с Вахрумкой любезно раскланялись, но они даже перекинуться словом не смогли из-за паровозных гудков.

Я все смотрел в хвост поезда и как наяву вспоминал

пляшущий перед моим носом заряженный револьвер под аккомпанемент сладострастного женского рычания. И ее расфокусированный взгляд новорожденной. И сладкое лоно ее…

Вахрумка потянул меня за плечо.

— А?.. — вздрогнул я, отрывая свой взгляд от далеко уже ушедшего от вокзала хвоста санитарного поезда.

— Понравилась? — усмехнулся майор, кивая на ушедший поезд.

— Понравилась, — не стал я лукавить. — Кто она?

— Она… — Вахрумка покрутил в пространстве распяленными пальцами. — Красивая женщина… Светская дама… Львица… И по совместительству супруга известного тебе барона Тортфорта.

19

Опять мне обшлага менять, теперь на красные. Не шить же, в самом деле, новый мундир каждые четыре месяца. На кепку скрещенные пушки цеплять. Я теперь артиллерист.

И опять фотографироваться на парадный портрет, тем более что с новым званием я этого еще не сделал. Семья Оле, наверное, уже не столько гордиться будет мной, сколько надо мной же смеяться. Там в горах любят стабильность во всем. А я с места на место службы как кузнечик прыгаю.

Далековато полигон от города — двадцать километров по проселочной дороге. На автомобиле добираться — плюнуть и растереть, а вот на неторопливом стерхе? С грузом так практически целый день ушел. Ровно столько понадобилось мне, чтобы добраться до полигона с оказией. В состоянии свежее замороженного бройлера.

Старый усталый капитан — начальник полигона, в жарко натопленном бревенчатом доме напоил меня горячим чаем, по косой пробежал глазами мои бумаги и языком поцыкал.

— Савва Кобчик… Рецкий горец… Из крестьян… Деревенский кузнец… Три языка… Арифметика… Алгебра… Геометрия… Землеустроение… Черчение… Рацпредложения… Две королевские награды… Два повышения в звании… Мне офицеров качеством похуже присылали. Ладно, — подписал он отрывной лист моего направления. — Поймешь службу, Савва, сработаемся. Ничего что я к тебе по имени?

— Что вы, господин капитан, вы же мне в отцы годитесь, — несколько смутился я.

— Это ты правильно подметил, сынок, — мелко захихикал мой новый начальник. — Гожусь.

Капитан Многан был действительно, если считать по военному, в пенсионном возрасте. Уже за полтинник мужику. А служить он начал как все в двадцать один год рядовым солдатом, еще до реформы, когда солдатчину тянули четверть века. Долго проходил в унтерах и офицером стал поздно — в тридцать семь, капризом короля. Но в отставку по выслуге он не выходил принципиально, так как надеялся выслужить майора и получить дворянство. Была у него такая мечта — идея.

От этого стремления у него две семьи распалось. Это при всем притом, что в империи разводы хоть и существуют, но не поощряются, ни властью, ни общественным мнением. Но торчать в полигонной глуши его избранницы не желали. Сам он из деревни, а вот баб себе выбирал исключительно городских…

балованных…

Неудовлетворенность собственным статусом у капитана выливалась в покровительстве выходцам из крестьянского сословия и излишнем цукании по службе офицеров из дворян. Они у него мухами по полигону летали и долго тут не задерживались. Но это я уже потом узнал.

Вот и меня сюда сослали на давно освободившееся место, которое не торопились занимать карьерные офицеры.

А пока капитан вызвал местного 'завхоза' — сорокалетнего фельдфебеля сверхсрочной службы Эллпе и приказал ему обмундировать нового помощника как то на полигоне положено. И поселить в своем домике, а то Эллпе целый коттедж на одного — жирно. И отпустил нас.

Но нет худа без добра. Эллпе, окормлявший все полигонные склады, из мелкого подхалимажа выдал мне кроме нового мундира вполне приличную белую бекешу и белую овчинную шапку с козырьком типа финской. И бурки из толстого войлока. Теперь морозы мне не были страшны. Хотя и без больших морозов задувало на полигоне знатно. А я только — только отболел.

— Ты как к бабам относишься? — спросил меня фельдфебель, выдавая мне это овчинное богатство. — Любишь женский пол?

— Пользовать люблю, а так нет, — перефразировал я старый грузинский анекдот.

Похихикав над шуткой, Эллпе пояснил.

— Я это о том, что ко мне тут иногда женщина ночевать приходит из деревни… и вот… постирать там… подшить… сготовить…

— Если для меня подружку приведет молодую и красивую, я в претензии не буду, — выставил я встречное предложение.

— Я так и предполагал, что мы с тобой сработаемся, — обрадовался Эллпе. — Одевайся и пошли заселяться. Завтра тебя представят подчиненным, а сегодня можно и по пять капель принять в связи с морозом. Ты как питаться будешь? Отдельно или вместе с солдатами из котла?

— А как солдат тут кормят?

— Так себе… Хорошего повара из срочников у нас забрали в действующую армию и прислали вместо него мобилизованного ополченца второго срока. Готовит он — есть можно, но однообразно.

— Вода с капустой, капуста без воды, вода без капусты? — пошутил я.

— Ну, не совсем чтобы так… Однако баба что ко мне приходит готовит вкуснее, чем в городском ресторане. Поэтому я свой порцион сырыми продуктами беру. По мелочи еще в деревне

покупаю — там дешево. Можешь влиться в кумпанство. На двоих оно дешевле выйдет.

— Извини, но сегодня я такие вопросы решать не в состоянии. Проснемся — разберемся. Оглядеться сначала надо, что почем…

— Я тебя не заставляю, — слегка обиделся фельдфебель.

— А я еще не отказался, — парировал я.

И началась служба. Нормальная строевая военная служба, не штабная, хотя и не совсем войсковая. В мое подчинение попали практически все рядовые и ефрейторы, которые делились на мишенную команду и команду обустройства полигонных сооружений — где-то два взвода организационно, по списочному составу восемьдесят три человека. Из них два старших ефрейтора и восемь просто ефрейторов, которые жили вместе с солдатами в казарме.

Второму помощнику коменданта — лейтенанту Милютину Щоличу подчинялись караульный и хозяйственный взвода.

Также на нем висела организация обучения 'переменного состава', то есть пришлых, тусующихся на полигоне временно для обучения или испытаний нового оружия. На мне — материальное обеспечение этого учебного процесса: мишени и препятствия.

В настоящее время в разгаре шло строительство проволочных заграждений по царскому типу и в плане уже стояло обучение пехоты их преодолению.

Плюс имелась нехилая команда кладовщиков под началом фельдфебеля Эллпе. Но они были на полигоне государством в государстве, даже казарма у них была отдельная. Потому как относились они к полигону опосредованно только в оперативном подчинении, а непосредственное его начальство сидело в городе и здесь показывалось редко. Два ряда одноэтажных длинных складов на краю полигона занимали приличную площадь, огороженную колючкой и вышками для часовых.

Фактически вся полигонная команда (без складов) представляла собой роту, хотя ротой не называлась. Зато роту учебную, в которой все должностные категории были на ранг выше линейных армейских, что позволяло начальнику полигона продолжать мечтать о майорском чине.

Должности полигонных субалтернов были прописаны по капитанской категории. Одним из двух таких субалтерн — офицеров по должности являлся и я. Немного не понимая еще в порядке ли вещей в имперской армии замещение обер — офицеров старшими фельдфебелями, которые все проходят по категории унтер — офицеров, или я являюсь неким исключением, попавшим сюда на зримое со стороны повышение по службе в

результате тонких штабных интриг. Чтобы, к примеру, генералу Штуру в имперскую столицу я не пожаловался, что со мной плохо поступили? Информации достаточной, а главное достоверной у меня не было и оставалось только гадать, что в армии совсем не продуктивно. Единственно, что меня отличало от других офицеров, так это то, что мне денщика не было положено. А так все ништяки и плюшки в наличии, в том числе и выезд: породистая рысистая лошадь, обученная ходить как под седлом, так и в оглоблях легкой двуколки.

От складского городка в одну сторону, перекрывая на него вид, стояли наш с Эллпе домик, конюшни, каретный сарай, казармы, солдатская столовая. По другую — дома офицерского состава, дом начальника полигона, штабной домик, дом — общежитие штабных унтеров и ефрейторов, гарнизонный чипок и два учебных павильона, в которых можно одновременно рассадить до ста человек. Именно в таком павильоне, как я помню, устраивался доклад Вахмурки, а во втором — банкет для начальства.

Замыкало все это пространство, образуя некое подобие плаца, казармы и хозблоки для переменного состава. Сейчас они пустовали, но в них наряд постоянно подтапливал печи, чтобы совсем уж до сосулек здания не выстужать. На отшибе, согласно уставу не меньше двадцати пяти метров от крайнего строения, имелись примитивные сортиры — солдатский и офицерский отдельно и баня, совмещенная с прачечной самообслуживания. Баня топилась круглосуточно, помывка и стирка по утвержденному графику. Между баней и казармой возвышался могучий штабель неокоренных бревен, которые наряд ежедневно распиливал и колол на дрова. Дров городок ел много. Но проблемой это не было — вокруг если не тайга начиналась, то близко к этому.

От учебных павильонов шли позиции, дальше них располагалось тактическое поле а за ним мишенные директрисы, между которыми оставили неширокие полоски леса. Директрисы постоянно удлинялись — на дрова, но выдавалось все это начальником как улучшение собственными силами материальной части полигона для возможности испытаний дальнобойных орудий.

Называлось все это 'Королевский артиллерийский полигон'. Он имел все права отдельной части, включая знамя, возле которого постоянно стоял вооруженный часовой в штабном домике.

Рядом со знаменем на простой тумбе располагался металлический денежный ящик, вскрывать который наш

полигонный писарь, одновременно местный начфин, имел право только вместе с караульным начальником, для чего в ящике имелось два замка. А у начфина в звании унтер — офицера в наличии только один ключ. Второй передавался начальниками караула друг другу при смене.

Именно эту сцену я и застал, явившись утром в штаб.

Мне показали кабинет субалтерн — офицеров, довольно просторную комнату, в которой сиротливо стояли всего два стола с простыми мраморными чернильными приборами, и представили сидевшему за своим столом Щоличу. Тот после дежурного 'рад знакомству' показал мне мой стол и мой шкаф, и отправился снимать пробу с завтрака на кухню.

После завтрака — чай, сахар, хлеб, масло, крутое куриное яйцо и пшенная каша, на плацу построили весь свободный от нарядов личный состав полигона и представили меня как второго помощника начальника. После этого капитан Многан отпустил подчиненных Щолича и сам ушел в штаб, бросив напоследок.

— Командуйте, фельдфебель.

Осмотрел я свои восемь десятков подчиненных, явно недовольных стоянием на морозе. В основном дядьки в возрасте из мобилизованных второго разряда. Оно понятно, кого помоложе на фронт отправляют. А вот ефрейтора все как на подбор не старше двадцати пяти. Как я потом выяснил, их оставили тут как обученных специалистов, когда солдат — срочников с полигона отправили в маршевую роту.

Прошелся вдоль строя, осмотрел своих новых подчиненных и сказал.

— Отложим все знакомства — представления на послеобеденное время. В казарме. В тепле. Сегодня всем заниматься по утвержденному ранее плану. Разойдись!

Заслужив довольные улыбки 'отцов' сам направил свои стопы в штаб. Всевозможные инструкции читать, заодно посмотреть внимательно какие бумаги остались тут от моего предшественника. А также выяснить главное, чем я сам обязан отчитываться, и с какой периодичностью.

Первым делом, стрельнув у писаря две толстые тетради, похожие на амбарные книги завел себе журнал движения личного состава и журнал — как его назвать? — боевых действий, в общем. С российской армии знаю, что главное это учет и контроль на бумаге. Если нет залетов любимого личного состава, проверки бумагами и ограничиваются. Главное не лениться.

В журнале учета личного состава ввел непредусмотренную графу — гражданская специальность. Это чтобы в случае необходимости не устраивать каждый раз опрос в спешке.

А там и писарь попросил меня зайти к себе через штабного вестового. Я грешным делом подумал, что 'штабной придурок' оборзел не по чину, но моментом сократился во взбухании, когда разговор пошел о деньгах.

Выдали мне подъемные, полевые на месяц вперед, расписался также за кормовые рационы для лошади и порционы за себя.

— С начала следующего месяца, господин старший фельдфебель, вы должны определиться, как вы будете питаться, — писарь сильно походил на киношного солдата Швейка, разве что баек не рассказывал по каждому поводу. — Из общего котла, брать паек на дом сырыми продуктами или деньгами вообще. Предупреждаю сразу, что деньгами невыгодно. Продуктовый паек у нас больше, чем в городе, а вот денежная компенсация наоборот меньше — сельская местность… Хотя до ближайшей деревни от нас совсем не близко. Да и деревень тут не так много. Все больше хутора. А пока до конца месяца я вас прикрепил к общему котлу, чтобы отчетность не портить. Давняя традиция. И еще… если поедете в город, то сообщите заранее, чтобы я вас на время отпуска или командировки снял с довольствия и выдал вам деньгами. В том числе и на рацион для вашей лошади.

Похоже, для первой встречи мы другу понравились, и никто из нас пальцев гнуть не стал. К чему? Нам вместе еще служить и служить.

Затем первым делом проведал на конюшне свою кобылу, угостив ее подсоленной горбушкой. С ней также надо дружить.

Старший конюх, похлопывая высокую кобылку по черной шее, все ее мне нахваливал.

— Ласку вместе со мной с графского ипподрома мобилизовали. По возрасту, — улыбнулся он в короткую бородку, — Мне сорок, ей — тринадцать с хвостиком. Из племенного разведения она уже выбывает, рекордов больше ей не ставить, на то молодняк по брони остался, а так она еще очень даже резва, господин старший фельдфебель, особенно в санках. Это же отогузский рысак! У нее родословная длиннее, чем у нашего графа была. Главное ее больше получаса на максимальных аллюрах не гнать. Давать роздых. Тогда она целый день в оглоблях бегать может.

— А верхом?

— Выучена. Но в оглоблях она лучше. Призы брала.

Масть у лошадки была нечастая — караковая. То есть вся лошадь вороная, но с подпалами, как у добермана в пахах и на морде. Разве что не так ярко выражена граница этих подпалов. Кобыла во время разговора все иронично косила на меня

фиолетовым глазом, типа, видали мы карликов и покрупнее.

Ухожены все лошади в конюшне все были хорошо, о чем не преминул похвалить старшего конюха.

— А как оно могло быть иначе, если я с десяти лет на ипподромной конюшне, — с достоинством ответил он.

Осмотрев подковы, только покачал головой.

— Они все тут фабричные?

— Других нет, господин фельдфебель, — пожал плечами конюх. — Вот на ипподроме рецкого горца в кузнецах держали, тот знатные подковы ковал. Легкие и прочные.

— А кузня есть?

— Кузня есть. За конюшней на отшибе.

— Показывай.

Кузня была хоть и невелика, но все необходимое в ней было. Только вымерзжена очень. Видно, что давно ей не пользовались. Подумал, что первым делом я откую своей красавице нормальную зимнюю обувь железную. И трензеля перекую на более щадящие лошадиные губы.

Зашел в каретный сарай, где мою двуколку три кренделя уже переставляли на полозья. Спросил про полость…

— Нет такой, да и не было, — ответили.

Непорядок. Так и вымерзнуть в дороге недолго. Надо будет Эллпе потрясти на предмет старых тулупов. Не ходить же, в самом деле, из-за такой ерунды на медвежью охоту.

После обеда прохаживался фазаньим шагом в казарме перед строем своей полуроты.

Порядок, чувствуется, ефрейтора за утро навели. Уставной. По сравнению с помещением другой полуроты, что напротив, разительная разница.

А то, как же? Начальник он ведь демон, никогда не знаешь, какая вожжа ему под хвост попадет. Тем более начальник новый, неизведанный. Так что по уставу не промахнуться. Да и придраться мне не к чему: все чисто, кровати стоят по ниточке, шинели и полушубки на вешалках выровнены. Дощатая 'взлетка' крашеная марганцовкой натерта с мастикой. В сушилке печка топится. Умывальник чист. В каптерке относительный порядок. Дневальный на тумбочке стоит вместе с телефоном. Ого! Тут прогресс, однако.

Была еще одна моя хитрость, почему я перевел эту встречу с открытого воздуха, кроме того как посмотреть на что похожа казарма после ударного аврала. Ненавязчиво показать личному составу свои награды, которых под полушубком не видать. Ведь на нижнем луче 'Креста военных заслуг' выбита дата начала текущей войны. Как это обаятельно для тех, кто понимает…

В общем, по разным мелким признакам понял я, что дядьки в моей полуроте на фронт совсем не стремятся и за место свое на полигоне держаться будут. И это главное. Остальное все приложится в рабочем порядке. Сработаемся.

Я тоже на фронт не рвусь. Это чужая для меня война.

Без раскачки втянулся я в службу и единственное новшество, которое на первых порах внедрил, так это, отобрав в своей полуроте пару жестянщиков и лудильщика, смастерили мы из медного листа большой четырех ведерный цилиндрический тульский самовар. Все же на морозе работа и кипяточком погреться солдатам самое оно. Топили самовар как положено — древесным углем и шишками, благо их в окрестных лесах видимо — невидимо.

Дядьки заботу о себе оценили и трудились на совесть.

Затем и для себя сделал полуведерный самоварчик — дома вечерком чайком побаловаться. Эллпе от радости чуть не танцевал, когда в технологию автономной варки воды въехал. Он в самовар просто влюбился и все его мелом надраивал, чтоб, значит, блестел как золотой.

А потом пошли делегация за делегацией и трое моих помощников только этим все время в кузне и промышляла.

В штаб самовар надо?

В караулку надо?

В казармы надо?

Это святое.

А вот частные заказы я не торопился исполнять, кроме командирского. Тому просто из моего уважения. А остальные путь свои предложения на обмен приносят. А мы посмотрим…

А тут еще и олово у лудильщика закончилось.

В город надо…

Вот так лишняя увольнительная и образовалась.

20

Не въезжая в город первым делом лихо подкатил, красуясь, к дирижабельному эллингу. Но тут облом… стоит такой с винтовкой в руках, вокруг всего поля колючка и шлагбаум у ворот. 'Не велено… Не положено… Не могу знать…' Пришлось требовать подать сюда самого капитан — лейтенанта, хотя нужен мне был всего лишь штаб — ефрейтор.

Не сводя с меня штыка винтовки, часовой откуда-то вынул серебряный свисток и на пронзительной ноте три раза в него дунул. Я еще машинально заметил, что штык у него без пилы на обухе.

Скрипя сапогами по утоптанному снегу, из-за угла эллинга на торопливых рысях прибежала группа поддержки. Ефрейтор с большим револьвером старого образца в порыжелой кобуре и три бойца с длинностволом — штыки примкнуты. Все по — взрослому.

'Бодрянка, наверное… — подумалось мне. — Однако караул тут выставили по всем правилам. Война диктует…'

После недолгого препирательства одного бойца послали в эллинг и вскоре оттуда, на ходу застегивая здоровой рукой черную шинель, выкатилась фигура знакомого моряка.

В молчании подождали, пока тот доберется в сопровождении солдата до ворот.

— Имперского флота капитан — лейтенант Плотто. С кем имею честь… Савва? — удивился он.

— Старший фельдфебель артиллерии Савва Кобчик, — передразнил я его, но в рамках приличий, вскинув руку к шапке в воинском приветствии. — Прибыл с визитом вежливости для обмена опытом. А также представляюсь вам по случаю назначения на пост помощника Королевского артиллерийского полигона.

— Это вовремя, — улыбнулся каплей. — У меня как раз к тебе вопросы накопились.

Офицер пожал мне руку и повернулся к разводящему.

— Пропустить.

— Но, господин капитан — лейтенант, а как же пропуск? Без него не положено… — возмутился ефрейтор.

— Пропустить под мою ответственность. Немедленно. Выполнять, — в голосе Плотто зазвенела сталь.

— Садитесь в санки, господин капитан — лейтенант, — пригласил я. — До ангара все ж далече топать.

— Как мне эта тупая пехтура уже надоела, — пожаловался

мне каплей, когда мы отъехали от ворот. — Скорее бы уж морячки прибыли. Тогда и порядок будет.

— А зачем тут моряки? — удивился я. — Тут моря нет. Одни болота.

— Отряд принадлежит флоту, — убежденно высказался офицер, — и обслуживать его должны матросы. На такой большой дирижабль только наземной команды должно быть не менее сотни человек. Обученных… И двойной комплект экипажа. А тут только колючку натянули, болвана у ворот поставили и считают что все в порядке. И самое ужасное в том, что они здесь приданные. Я им не командир.

У ворот эллинга, на всякий случай накинул на кобылу попону от ветра и прошел за моряком в прорезанную в стене эллинга калитку.

Внутри ангара холод чувствовался едва ли не сильнее, чем снаружи. И в многочисленные щели немилосердно задувало, как в аэродинамическую трубу.

Скелет дирижабля был все таким же. Но только на первый взгляд. Изменились очертания задней гондолы, которая обзавелась дополнительными винтами по бокам на выносных фермах.

Несколько человек в овчинных куртках и валенках лазали по этому скелету и что-то в нем крутили, не обращая на нас внимания.

Каплей, несмотря на увечье, быстро сменил шинель на такую же куртку и вязаную шапочку.

— Мда — а–а — а… — протянул я. — Этак война быстрее закончиться, нежели этот летающий слон полетит.

— Я, Савва, надеюсь все же отбомбиться с него по врагу еще до конца войны. И это не летающий слон, а 'воздушный крейсер'. Теперь у него такое официальное наименование в реестре императорского флота, — показал каплей свою довольную улыбку.

А то как же? Понимаю. Для флотского командир крейсера это вам не командир какого-то дирижабля. Уважение априори, сразу и зримо.

— Вот смотри… — подвел меня каплей к середине скелета летательного аппарата легче воздуха, если говорить официально. — Вот на всем этом пространстве между гондолами, что очень важно внутри оболочки можно установить до двух тонн бомб. Это как минимум, а то и больше. Все зависит от дальности полета, ибо, чем дальше, тем больше съедают полезный вес сопутствующие, а не боевые грузы.

— Так в чем вопрос?

— В креплениях. Взрыватель приходится настораживать еще на земле при подвесе, а наверху так мотает ветром, что в квадратных коробах под твой стабилизатор снаряд раскачивает… и… Сам понимаешь… взрыватель очень чуткий. Боимся, что при ударе стенки снаряда о короб взрыватель может сработать. На самом дирижабле…

— Осмелюсь заметить, бомбы надо выделывать специально, — ответил я. — Переделки старых снарядов — паллиатив, — ввернул я умное слово. — Не одно, так другое вылезет при переделках обязательно. И вряд ли на выходе при всем старании и умении получим то, что желаем.

— Я поднимал этот вопрос. Бесполезно. Сказали, пока старые снаряды со складов не израсходуем, новых воздушных бомб заводы делать не будут. Начальство тоже понять можно, — махнул рукой каплей. — Столько складов занимают старые запасы… И лежат они там мертвым грузом. Да же в крепостных фортах пришлось срочно менять старые орудия на новые. Дальнобойные. А бомбежка с воздуха пока только в теории. Ее еще нельзя включить в реальные боевые планы.

— Я подумаю над этим, — пообещал я. — Если сможете, то через недельку добро пожаловать ко мне на полигон.

И я еще раз осмотрел скелет дирижабля.

— А как у вас на флоте с этим обстоит? С безопасностью от таких взрывателей.

— При хранении они инертны. Комендор особым ключом взводит взрыватель непосредственно, перед тем как вложит снаряд в казенник орудия.

— Уже интересно… — протянул я. — А если расположить в креплениях дирижабля бомбу горизонтально и взводить взрыватель в полете, непосредственно перед тем, как ее сбросить? Почти как у вас на флоте. А то тут у вас во — о–о — он сколько свободного места.

— Придется менять всю систему креплений снарядов, — возразил каплей. — Столько работы под хвост стерху.

— Но можно, по крайне мере, попробовать на разведывательном аэростате сделать парочку опытовых креплений. И на полигоне у меня испытать конструкцию. И не одну… Зачем сразу весь крейсер переделывать?

— Мысль! — осклабился моряк. — Голова у тебя, Савва, варит очень качественное масло. Учиться тебе надо.

— Мне и Вахрумка то же самое говорил, — не стал я отрицать очевидного факта.

— Теперь задавай свой вопрос. Зачем приехал?

— Тут такое дело, господин капитан — лейтенант, что

родилось у меня несколько изобретений. И… неясно мне как их оформлять положено в соответствии с новым указом императора. Куда обращаться… В какой форме подавать… Да и боюсь обманут, как это в обычае у городских по отношению к деревенским.

Каплей на минуту задумался и уверенно сказал.

— Это поправимо. Есть такие специалисты среди поверенных по юстиции. Но стоит денег…

— Я готов поделиться императорской премией. Лучше получить часть, чем ничего.

— Никто не будет работать на тебя в надежде на эту премию. Ее дадут только за утвержденное оригинальное изобретение. Вместе с хартией, в которую впишут имя автора. За действительно что-то новое, а не за то, что ты 'изобрел' по незнанию то, что уже существует. Такое тоже бывает. Поэтому патентный комитет все заявки проверяет на новизну по своему архиву. Это не быстро.

— Осмелюсь спросить: сколько это будет стоить? — мысленно прикинул я свои финансы.

— Точно не знаю… Но, думаю, не меньше золотого кройцера за одну заявку. А то и двух. Поверенному детей надо кормить каждый день и по возможности вкусно. А почему ты не хочешь провести этот вопрос через штаб? Там бесплатно.

Я лукаво, но твердо посмотрел на капитан — лейтенанта, да так, что он смутился. Вспомнил, что идея стабилизатора для бомбы была моя, а названа бомба его именем.

— Кто я для штаба? — наконец произнес я. — Малограмотный дикий горец? Да еще в чинах невеликих. Кто я такой чтобы отбивать хлеб у дипломированных чертежников с 'волосатой лапой' в верхах?

Однако первые мои городские траты были совсем сторонние. Забрав штаб — ефрейтора из воздухоплавательного отряда, я попросил его первым делом отвезти меня в то место, где торгуют дешевыми книгами. И тот показал мне неприметный букинистический магазин в узком кривоколенном переулке почти в самом центре города. Сам бы я эту торговую точку вряд ли бы нашел. Тем паче, что и вывески никакой на улице не было.

В уютном, пропахшем книжной пылью небольшом подвальчике у старого ссохшегося старичка в бархатной шапочке 'менингитке' на распущенных седых волосах я при свидетеле купил учебники по физике, химии, механике и высшим разделам математики. Местному и имперскому языкам. Не только за среднюю школу, но и за курс технического училища. Все на имперском языке. Дешево до безобразия. Наверное, от того что

эти книги поменяли за свою жизнь не одного и даже не двух хозяев. Переплеты потрепанные, углы листов захватаны, почеркушки какие-то на полях.

Толковый технический словарь также не избежал моего внимания.

Подумав, купил также активно навязываемый продавцом толстый учебник по ольмюцкой литературе. Тот совсем копейки стоил. Дешевле только даром.

Знаю я это все или не знаю, но купить обязан. Мне крайне необходима железная отмазка о моем ударном самообразовании. А то вот каплей Плотто сегодня на слово 'паллиатив' из моих уст аж стойку сделал не хуже пойнтера на вальдшнепа.

Да и вечерами на полигоне делать совсем нечего — почитаю. Может, и экзамены за среднюю школу сдам экстерном…

На что я действительно разорился, так это на большую бронзовую готовальню в коробке из полированного красного дерева. Очень уж понравилось мне, как благородно отблескивают эти инструменты в гнездах темного вишневого бархата. К ней вдобавок пару качественных линеек — большую деревянную и маленькую бронзовую. Транспортир. Угольник. Чертежную доску. Все секонд — хенд. Все подержано, но в приличном состоянии.

Из того на чем муха не сидела, добрал набор карандашей разной твердости в картонной коробке, стопку больших ватманских листов — сколько в тубус влезло, несколько тетрадок в клеточку и черную тушь.

Если подавать заявки на патентные привилегии то делать это надо все по взрослому, как тут принято. А не абы как…

Да и еще одну забавную для меня толстую книжку углядел и тут же схватил ее, не глядя на цену. 'Двигатели внешнего сгорания и машины, построенные на них' было написано на корешке местным языком. И издана она всего два года назад как учебник для Политехнического института. А уж какие там были качественные гравюры и как их много… Отдал мне ее старик совсем даром в качестве комплимента мелкооптовому покупателю и приглашал заходить к нему чаще, сдавать на комиссию ему книги, которые стали мне не нужны.

Штаб — ефрейтор Пуляк только головой качал, глядя на мои безумные, по его мнению траты. Только что языком осуждающе не цыкал. Это хорошо. Значит, качественная сплетня обеспечена.

— Что так осуждающе смотришь, — подмигнул я ему. — На полигоне у меня ничего нет из того что было в Чертежном бюро.

— Да, сказал бы раньше… — махнул он рукой, помогая мне укладывать покупки в санки. — Я бы тебе ватман и так достал бы… Причем намного дешевле. Полная пачка тебе обошлась бы

всего в две бутылки сливянки.

— Кончиться этот, обращусь, — на полном серьезе пообещал я. — Кстати, ты не знаешь, где можно сдать экстерном экзамены за начальную школу?

Комиссия по приему квалификационных экзаменов в размере средней школы находилась в больших казармах, в которых я квартировал осенью под лестницей. Там у меня приняли заявление на испытания и выдали график экзаменов. Если бы не ефрейтор, я бы, наверное, в жизни не догадался, что такое присутствие есть в обычных казармах.

В графе 'откуда получены знания' написал 'прошел обучение у юнкеров и офицеров тех подразделений, в которых служил и самообразование'.

Так я получил еще один законный повод отлучаться с полигона. И это есть гуд.

Лошадь и санки пристроил в конюшне. Дал серебрушку дневальному, чтобы присмотрел за моим грузом. А то там не только мало кому нужные учебники, но и медные листы, латунные трубки и полпуда олова в кусках — ефрейтор достал по цене металлического лома. Как? Не спрашивайте. Сам не знаю.

Встал на довольствие в столовой при казармах и отправился с ефрейтором ужинать в ближайший кабачок по его выбору. Из простых, но чистых. Ничем мне не обязанный человек для меня старался, так что угостить я его обязан по любому.

Угостились в тот вечер мы не только вином и стряпней, но и солдатским борделем, который мне совсем не понравился. Бабы там все в возрасте потасканные и вульгарные. Накрашенные как клоуны в цирке, курят и очень много пьют. Но умелые, не отнять… Пуляк остался доволен, а это в данный момент главное. Так что плевать, мне туда больше не ходить.

Что там Йозе говаривал про податливых прачек?..

21

На полигон притопала пешкодралом маршевая рота в полтораста рыл мобилизованных сосунков.

Вот и прошлось побегать моей команде, сооружая и обслуживая 'батальонную колонну' по которой пехотинцы учились стрелять ротным залпом на километр.

Как по мне так это бесполезное занятие в современной войне — залповая стрельба на дальние дистанции, когда чуть что все на землю падают и окапываются как кроты. Так можно было воевать до появления пулеметов, когда враг давил массой больших батальонов в плотном строю.

А так… дальше четырехсот метров мушка почти перекрывает ростовую цель. Тут главная задача, наверное, не стрельбы, а офицеру покомандовать и солдат приучить слушаться.

Ради интереса после первого такого занятия послал своего ефрейтора посчитать попадания в новенькие мишени. Одиннадцать процентов от сожженных патронов получилось… Ну, и кто им доктор?

Ротный фельдфебель, дядька за сорок, сходу меня озадачил.

— Где расписаться у тебя за расход патронов?

— Так еще стрельбы не кончились, — возразил я. — Закончатся — подсчитаем. Тогда и распишетесь.

— Ты мне вола не крути, старшой, — поправил фельдфебель мизинцем свои пышные усы с подусниками, которые были очень модные в прошлое царствование — король так ходил Бисер предыдущий, и усмехнулся. — Считать он тут будет,… Ты мне лишний ящик патронов в повозку положи, и я тебе подписываю чистую ведомость. Списывай потом, сколько тебе надо.

Посмотрел внимательно на мое недоумение и спросил.

— Ты новенький, что ли здесь?

Я кивнул.

— Вот и учись у старших как надо службу нести, — хохотнул он.

Когда эту же маршевую роту обкатали на преодолении проволочных заграждений… Стало грустно.

Заграждение 'в три кола' пехота даже снабженная на каждый взвод большими ножницами для резки проволоки и без какого-либо поражающего огня со стороны 'противника' преодолевала эти три нитки колючки почти двадцать минут.

Лейтенант Щолич, на котором висела эта учебная программа, только изощренно матерился на местном языке.

Когда я захлопнул крышку часов и объявил, что его роты

больше не существует, то пехотный командир, ничтоже сумняшися, просто обвинил мою команду в моем лице, что она построила 'нереальные в жизни препятствия'.

На что мы переглянулись со Щоличем, и с апломбом заявив, что на первый раз они штурмовали как раз 'учебные' заграждения перевели их на участок, где проволока была натянута в пять рядов. И потребовали, чтобы сам ротный возглавил учебную атаку. Что самое удивительное так это то, что пехотного капитана и это не проняло. И мне жутко стало жаль этих молодых жизнерадостных парней, участь которых состояла в том, чтобы не пережить первую в своей жизни атаку.

— Ускоряйте движение роты в атаке на препятствие, капитан, — мрачно выговорил ему Щолич. — Каждая лишняя минута это двести выстрелов из пулемета по вашей роте.

Когда приехал из штаба проверяющий полковник принимать зачеты у маршевой роты, то капитан пехотский ему на нас нажаловался, что это специально так его гнобят на полигоне. Основным его аргументом выдвигался тот тезис, что без артподготовки пехота в атаку не ходит.

Наш капитан Многан спокойно пожал плечами и заявил на инсинуацию, что пушку и снаряды к ней он обеспечит — на складах это есть, только вот на полигоне нет постоянного артиллерийского расчета.

Полковник поспособствовал, отправил в город с приказом своего адъютанта и на следующий день на полигон пригнали восемь канониров во главе с фейерверкером в качестве длительно прикомандированных в нашу часть. Очень недовольных такой ссылкой в лесную глушь.

Эллпе из своего хозяйства выделил трофейное орудие и телегу снарядов. Кстати, артиллеристов Многан сразу приписал к нему в хозяйство — по нахождению материальной части. И пусть он теперь за их дисциплину и отвечает. Фельдфебель упираться не стал и, недолго думая, закрепил за ними в своем хозяйстве холодный артсклад. Чтоб служба медом не казалась.

— Вот сейчас и проверим все на условиях приближенных к боевым, — удовлетворенно потер полковник ухоженные ладошки, как муха лапками перед обедом.

Меня как чертик дернул.

— Осмелюсь спросить, господин полковник, наступающую роту обстреливать из пулеметов мишенной команде также прикажете?

Тяжелый взгляд полковника меня просто ударил.

— Не умничайте, фельдфебель, без особого на то приказа.

Я и сократился.

Как и следовало ожидать, обстрел проволочных заграждений шрапнелью ничего не дал.

А впереди таких рот нами ожидалось на полигонную учебу много. Для которых колючая проволока перед окопами становилась прочней крепостной стены.

С этим надо было что-то делать, но как устроен 'Змей Горыныч' который применяется для такого разграждения в Российской армии, я не знал. Видел один раз из башни БТР его действие на учениях и впечатлился. За пять минут мы получили вполне сносный проход для бронетранспортеров всей мотострелковой роты в пяти рядах минированной колючей проволоки.

И совсем я не помнил, как такие заграждения преодолевалось в моем мире в первую мировую войну. Это вообще самая малоизвестная война для нашего населения. Наверное, оттого что большевики ее тупо слили, завершив ее, по словам самого Ленина 'позорным и похабным' Брестским миром, предав в этой войне всех своих союзников буквально накануне общей победы.

Помнил только, что отравляющие газы не принесли желаемого эффекта.

Впрочем, как и первые танки.

Даже артиллерия крупных калибров оказалась бессильной против обороны с глубоко эшелонированной полевой фортификацией.

Сумели преодолеть такой позиционный тупик только ко второй мировой войне созданием специальных штурмовых саперных частей и предельной концентрацией артиллерии на участке прорыва. Но опять-таки вначале была идея глубокой операции и только потом стали считать потребные на нее ресурсы. А здесь пока все ресурсы усиления размазывают ровным слоем по фронту. Каждой сестре по серьге, чтоб не обижалась.

Поэтому, плюнув на лысины стратегов из генерального штаба, я по вечерам взялся за облегчение фронтового быта простого солдата.

Первым моим делом на ниве изобретательства стал проект нормальной ременно — плечевой системы по принципу старой советской — 'Y'-образной. С дополнением второго патронного подсумка.

Затем облегчение ранца, для чего предлагал толстую тяжелую кожу заменить плотным легким брезентом. Телячья шкура с шерстью на его крышке оставалась — она хорошо работала в дождь, отводя потоки воды от носимых вещей, не давая ранцу промокнуть. Даже собственноручно сшил образец. В качестве наглядного примера предельно тотальной экономии

сшил также нормальный русский сидор, только с ремешками по бокам для шинельной скатки.

Предложил укоротить штык, как избыточно длинный и неудобный для разворота в окопах, и вместе с ножнами особой конструкции дать каждому солдату разборные ножницы для резки проволоки, по примеру штыка от автомата Калашникова. С той самой знаменитой квадратной дыркой. Потому как одни уставные кусачки на взвод — это заранее списать половину взвода в убитые.

И, конечно же, проект малой пехотной лопатки, которую многие ошибочно называют саперной. И написал и обоснование, почему ей необходимо вооружить каждого рядового бойца.

Узнав от бывших городских работяг в своей команде, что паровые молоты в этом мире давно существуют, но используются странно — только на фасонной вырубке фурнитурного металла и монетном производстве, предложил не ковать вручную шанцевый инструмент, а штамповать его на таких молотах. И вычертил проект такой лопаты состоящей из четырех деталей — трех клепаных и зажимного кольца на черенке.

Не знал я только, насколько глубокий штамп могут делать эти паровые молоты — нужна экскурсия на завод, который изготовляет кастрюли. Поэтому проект пехотного стального шлема с сожалением отложил до получения необходимой информации.

Когда эта напряженная работа по вечерам закончилась, мне страшно захотелось напиться. Но рота эта маршевая — будь она неладна — на своем хвосте принесла к нам новый императорский указ о запрещении продажи в гарнизонных кафе и гаштетах любого спиртного. Так вот у нас в полигонном чипке даже пиво пропало.

И что тут началось…

До открытого бунта, слава богу, не дошло, но тихие бурления плохо пахнущих субстанций в солдатской массе изрядно нервировали командиров.

И что для меня удивительно, больше всего солдат огорчила пропажа из гаштетного меню даже не водки, а… пива. Точнее возможность в свое свободное время пропустить накоротке кружечку, реже — две… Народ тут экономный и в возрасте. И главное для него не сам напиток, а привычное вечернее времяпровождение.

Мне же хотелось нажраться именно водки. Потому как посетивший меня с визитом по наводке капитан — лейтенанта Плотто поверенный от юстиции для начала долго меня мурыжил параграфами и статьями с подпунктами, а потом смиловался и

кратко объяснил, чем отличается изобретение от рационализации.

Все что я наваял, оказывается, изобретением не являлось, разве что сидор. Да и тот имел в империи крестьянские аналоги среди бедноты — мешок, веревка да две луковицы по углам. Империя большая и разнообразия в ней много.

— Заявку от вашего имени я подать могу, уважаемый Савва, но ничего не могу вам гарантировать… — развел руками прилично одетый господин, просто излучающий доверие к себе. — И императорская премия за рационализацию будет на порядок меньше. Это если еще военное ведомство такую рационализацию одобрит, что никогда еще не делалось быстро.

Забрал с собой мои чертежи, четыре золотых и отбыл восвояси. На один золотой он мне сделал оптовую скидку.

Вот я и взвыл. Выручил меня хозяйственный Эллпе, доставший из загашника бутылку сливянки. Но сообщил что она у него последняя. Так что нажраться не получилось, только снять стресс.

Да, совсем забыл, чай из самовара поверенному понравился. Вот этот агрегат он готов был запатентовать на мое имя быстро и брался торговать лицензиями на патент за долю малую. Всего двадцать пять процентов. И еще сообщил, что есть на рынке необходимость в простых переносных экономических печках.

22

Капитан у нас мужик оказался мировой, долго прослуживший и все понимающий. Он просто своим приказом по части разделил торговую точку на полигоне на чипок для всех вообще и гаштет только для постоянного состава, куда переменный не пускали. Вот в последнем снова стали подавать пиво, основываясь на императорском указе о запрещении крепких спиртных напитков в гарнизонной торговле. Крепких… Понимать надо. Но также запретил продавать пиво на вынос.

Первые из солдат, кто умудрился до бровей набраться пивом, отправились с ближайшей маршевой ротой на фронт. И все вошло снова в культурное русло.

Артиллерийское обеспечение учебного процесса вынудило меня ознакомиться с тем, что есть в наличии на складах. Так вот… Полигонные склады оказались той еще барахолкой различных образцов не принятых в разное время на вооружение. В том числе и многочисленных трофеев или еще как либо выкраденного у врага оружия. И не только последней войны. Хоть музей открывай. И что самое смешное все они проходили по описи хранения, как боевые образцы. Бардак, право слово.

На что Эллпе мне спокойно сказал.

— В бардаке порядка больше, чем на армейских складах. Не удивляйся.

Обязанности мои были на полигоне не шибко обременительные. С утра построить мишенную команду, проверить исполнение солдатами задания на текущий день, вздрючить ефрейторов для профилактики и дать пришлому фельдфебелю под роспись ведомость выдачи патронов что я подгадывал под самый обед, когда у того слюна уже выделилась как у собаки Павлова и пальцы от мороза еле гнутся.

Хуже пришлось с артиллеристами. Тут надо было не только им орудия выкатывать на позиции, но проследить, чтобы они их нормально после стрельб почистили и закатили обратно в парк. С переменным составом канониров было проще — тех дрючили собственные офицеры.

А в пустые дни гонял свои команды закапывать на полигоне воронки от гранат, которыми начали снабжать полевые калибры королевской артиллерии. А также чинить разбитые колья и искусанную пехотой проволоку.

Попутно из чего я тут только сам не настрелялся. До одури. Патронов-то не меряно. И все легко списывается на любую роту, которая приперлась на полигон отрабатывать залповую стрельбу

на длинные дистанции.

На складах оказались в товарном количестве патроны даже к моему револьверу. Я сразу ящик к себе под кровать заныкал, на будущее. И тренировался с трофейными образцами, чтобы ствол собственного револьвера в хлам не расстрелять.

С полигонным 'завхозом' фельдфебелем Данко Эллпе мы как-то сразу спелись.

Да и с кем еще мне тут пить? Офицеры в свою компанию меня не берут. А с солдатами и ефрейторами нельзя. Субординация

Для экономии жалования отчеканил я в полигонной кузне и спаял где надо русский портативный самогонный аппарат. Как самовар — на шишках. А то после холодрыги в поле отогреваться у печки никакого жалования не хватит, тем более что ближайший винный подвал теперь только в городе. А деревенское плодово — ягодное вино на табаке у меня печень не принимала.

Змеевик под удивленным взглядом Эллпе я примитивно выбил молотком из латунной трубки вокруг ствола трехдюймовой трофейной пушки подальше от чужих глаз на холодном артскладе. Засыпав предварительно в эту трубку песка.

И вот тут-то мне и открылась пещера Алладина. Безо всякого сезама. Сразу после снятия нами первой пробы первача с Эллпе.

Полная складская неучтёнка в закромах родины. Еще в пушечном сале и заводской упаковке.

Пьяненький Эллпе предложил мне что угодно забрать из этого загашника. На выбор. Безвозмездно. В обмен на самогонный аппарат в его личное пользование.

Мне-то что? Надо будет, я себе еще один сделаю. А вот то, что я там захомячил мне нигде не достать. Разве что только 'за очень дополнительные деньги'.

Меховые шапки, полушубки, тулупы, овчинные жилеты и войлочные сапоги — типа наших валенок, но не цельноваляных, а сшитых из белого войлочного кроя. Кожаные ботинки с крагами или гамашами. Выгреб я оттуда все, что было маленьких неходовых размеров. Совершено не ношеные вещи, но давно списанные по времени хранения за невостребованностью. Но никем из поколений начальников складов не выброшенных.

Отобрал сразу на всех сынков Оле и на Элику. Не забыл и самого кузнеца с его женой и дедом. Ну, и себе новье на послеармейское будущее припас… Экономия — есть прямая прибыль.

Еще штука темно синего сукна приборного, интендантского. И штука порятночной бязи. И штука плотного полотна кальсонного из хлопчатой бумаги… И по мелочи там: иголки,

нитки, галун, тесьма, ремни…

Отправлял все это домой я почтовыми посылками каждое увольнение в город по расписанию экзаменов уже заранее зашитыми в мешковину. Оставалось только адрес написать и печати сургучные на швы поставить у почтмейстера. Но такая лафа продолжалась всего полтора месяца. Потом почтовики стали требовать у всех военных опись содержимого посылки и сверять наличие с описью. И в случае нахождения военного имущества сразу вызывали патруль из комендатуры. Разобраться… Не один видимо я такой умный.

А вот поди докажи потом судейским, что это все мною не украдено, а фактически взято со свалки никому не принадлежащим? И по документам в природе не существующим.

Как всегда выручил штаб — ефрейтор, который обладая в городе обширными знакомствами, свел с нужными людьми, которые за долю малую все отправили мимо поста контроля. Хочешь — не хочешь, а пришлось Пуляка вести в 'Круазанский приют' где с начала войны только добавилось красивых девочек.

Я ведь еще оружие на хутор отправлял и патроны цинками. Ага…

Оружие… Какого там только не было. Кроме запасов штатного вооружения, в наличии огромное разнообразие попыток переделки стоящей на вооружении однозарядной винтовки Кадоша в магазинную многозарядку. С приставными магазинами со всех сторон и снизу, и сверху, и сбоку. Магазины в прикладе. Магазины подствольные, как в цевье, так и снаружи цевья, привычные для меня магазины под затвором впереди спусковой скобы, магазины барабанные как в револьверах и вообще полная экзотика, которую и сравнить с чем-то сложно мне было. Это все разнообразие не было принято на вооружение по разным причинам и место ему, откровенно говоря, в музее.

Эллпе ухмыльнулся.

— Тебе, наверное, в учебке по ушам терли, что магазинные винтовки практически не имеют преимуществ перед однозарядной…

— Так и есть, — сознался я.

— Просто сделать не смогли надежную систему, вот и выдают желаемое за действительное. Пять лет мы все это испытывали. А…. — махнул он рукой, приглашая за собой за штабеля ящиков.

— Вот здесь надежные и оригинальные конструкции, но по незнаемым для меня причинам армия от них отказалась. Смотри, — он откинул крышку ящика и передал мне в руки короткое ружье.

Мне сразу понравился этот карабин под револьверный патрон

с затвором типа скобы Генри.

Фельдфебель снова покопался в ящиках и достал по виду практически винтовку Кадоша, которая стоит на вооружении, но с рычажным затвором и постоянным магазином на шесть патронов, похожим на мосинский.

— Остальное, Савва, можешь даже не вертеть в руках, — сказал фельдфебель, — Все так себе…

— Ты что, сам отстреливал? — поинтересовался я.

Фельдфебель надулся от важности.

— А то? И с комиссией настрелялись по зачету, и после комиссии для собственного уже интересу. А потом все оптом списали как пришедшее в негодность.

Эллпе заразительно засмеялся.

Я взял в руки левер с подствольным магазином очень похожим на киношный 'ковбойский винчестер'. Даже скоба перезарядки была похожа, только размером побольше, чтобы рука в толстой перчатке взезла. Изящная машинка, прикладистая и легкая. И новая. Еще в заводском пушечном сале.

— И эту списали? — удивился я.

— И эту… И не только ее. Это карабин Фолта. Десять зарядов. Калибр одиннадцать миллиметров, патрон стандартный револьверный, — продолжил экскурсию Данко. — На сто, сто пятьдесят метров очень даже убойная штука. Правда, патрон — дымарь.

— Что же их для гражданского-то рынка не делают, раз армия от такой прелести отказалась?

— Почему не делают? — округлил глаза интендантский фельдфебель. — Делают. Просто ты в охотничий лабаз никогда не заходил. Все делают, даже очень красиво с серебряной насечкой и гравировкой. Ложа ценных пород дерева. Инкрустация перламутром и рыбьим зубом. Некоторые экземпляры хромируют до зеркального состояния так, что от солнца в глаз зайчики от ствола. Охотиться с таким ружьем невозможно, а вот на стене под рогами оно красиво висит. Статусно.

— Да некогда мне все было по магазинам бегать, — огорчился я. — Вот все собирался да откладывал. Дооткладывался…

— А дома охотишься? — поинтересовался Эллпе.

— А как же… В горах, — похвастал я.

— Тогда бери… и отсылай домой пока на почте бардак. Все равно все это списано давно на разрушения при испытаниях. И в природе они не существуют. Только с одним условием… С тебя еще десять рецептов облагороженного самогона.

О, как понравилась ему настаивать самогон на сосновых

орешках местных типа кедровых. Ладно… запустим ему рецепт кальвадоса, яблок по округе растет не меряно.

— А патроны? — закинул я удочку.

— Ящика хватит? — посмотрел он на меня. — Не хватит, бери два.

Видя мое оторопение, быстро добавил.

— И набор для домашнего кручения патронов получишь от меня в довесок. Каждую гильзу латунную раз по десять переснарядить можно. Капсюля и пули я тебе дам, тут навалом. А порох черный везде купить можно.

Я почесал репу…

— Тогда давай… пять таких вот карабинов Фолта, одну вот эту магазинку из опытной партии с оптикой под стандартный винтовочный патрон и одну длинную винтовку Кадоша. И я передаю тебе все, что сам знаю о самогоноварении. А знаю я много.

— Куда тебе столько? У вас там, в горах война кланов?

— Слушай больше сплетни. Охота там у нас. А у меня четыре племянника подрастают, жена и тесть — стрелки. И сам пострелять не дурак. А на всех одна дульнозарядная шомполка времен ушедших богов.

О так вот. Само вырвалось… Взял и назвал Элику женой. От этого взял и окончательно добил кладовщика.

— И всегда у нас на охоте в горах ты желанный гость. После войны. В любое время.

Фельдфебель немного подумал и вдруг так чисто по — русски сорвал с головы шапку и кинул ее на землю.

— А идет! Тебе экономия на патронах и мне экономия на спиртном. Но в придачу самовар…

— Сделаю, — пообещал я.

— Не сделаешь, а отдашь тот, который есть. Он мне полюбился.

23

Стою как дурак посередине казарменного плаца в городе и таращусь на простой лист типографского текста под названием АТТЕСТАТ, в который от руки вписано 'Савва Кобчик' а ниже типографским шрифтом обозначено 'окончил экстерном полный курс неполной средней школы при гарнизоне города Будвиц Королевской ольмюцкой армии'. Далее был перечень учебных дисциплин и мои итоговые отметки в них. Неплохие отметки. Аналогов наших троек всего три — по огемскому языку, географии и по истории империи. Подписи. Печати. Последних две — гарнизонная и Комитета народного просвещения королевства.

Особенно порадовала меня формулировка 'полный курс неполной школы'. Задорнова, блин, на вас нет.

Каждый экзамен без какой-либо подготовки для испытуемого принимала комиссия из трех офицеров, каждый раз разных. Отношение к испытуемым было самое доброжелательное, но просто так хорошие оценки не ставили. Сам видел, как солдат твердо заворачивали на переподготовку, выставляя жирную двойку.

Я также чуть не завалил огемский язык, особенно его грамматику, но помогла та букинистическая книга по литературе Ольмюцкого королевства, которую я почитывал на сон грядущий. Почерпнутые мною из нее знания, даже без чтения самих текстов, очень умилили экзаменаторов, которые сами все были огемцами.

Председательствующий в комиссии подполковник высказался в том ключе, что не ожидал от рецкого горца такого пристального интереса к его родной литературе, особенно к ее древней части и предложил мне поставить трояк в общем зачете. А вот если бы литературу и язык сдавали порознь, пролетел бы как швед под Полтавой.

Кто бы год назад сказал мне, лицу, имеющему незаконченное высшее образование, что я так буду радоваться этому листочку как мальчишка? Однако стою и тупо радуюсь.

— Кобчик, что стоишь, как засватанный? — раздалось за спиной.

Резко повернулся и на автомате отдал воинское приветствие.

— Здравие желаю, господин капитан — лейтенант. Старший фельдфебель Савва Кобчик, представляюсь по поводу получения аттестата о неполном среднем образовании.

И уже нормальным голосом.

— Спасибо вам, господин капитан — лейтенант, что

направили меня на путь истинный. Все оказалось не так страшно, как казалось.

Плотто посмотрел в мой аттестат и хмыкнул, отметив пятерки по математике, физике и химии и заметил.

— Не ошибся в тебе Вахрумка.

— Осмелюсь спросить, у вас нет о нем каких-либо сведений? А то я как расстался с ним тогда, когда нас всех из штаба наладили, так ничего о нем и не знаю.

— На юге он. Воюет с камнем и снегом в горах. Представляешь, что он придумал? Строить дорогу даже не с двух концов, а практически одновременно. Скорость прокладки трассы даже не утроилась, а… Талантище Вахрумка, что и говорить. Сейчас для него специальные горные паровозы строят с двумя машинами, смотрящими в разные стороны и одной кабиной. Мощные. На жидком топливе.

— Зачем так? — удивился я.

— А чтобы не строить разворотов лишних, в горах это неудобно, а при случае дать мощь сразу двух машин на тягу, к примеру, на сложном подъеме. Ты сейчас куда? На полигон?

— Так точно.

— Подбросишь меня в свое хозяйство. Надо ваши мишени заранее проверить, а то завтра мой аэростат прилетит вас бомбить.

— Прошу обождать, господин капитан — лейтенант. Я только лошадь заберу с конюшни.

Плотто я также привел в букинистический подвальчик, с его разрешения, естественно, где я при нем сдавал учебники по сданным уже дисциплинам и спрашивал у хозяина лавки книги по двигателям внутреннего сгорания. Таковых не оказалось. Книг я имею в виду.

Потом заезжали на квартиру к каплею за его шмотками, которые вынес краснощекий матрос, служивший у Плотто денщиком.

Сам офицер вышел налегке, держа в руке тонкую книгу довольно большого формата.

— Это тебе, — протянул он мне этот томик.

Книга называлась 'Новинки в двигателестроении. Альманах'

— Все, что есть у меня дома по этой теме, — сказал он как бы извиняясь. — Но будет время, сведу тебя с энтузиастами этого дела в Политехническом институте. Кстати не откроешь секрета, что именно заинтересовало тебя в двигателях внутреннего сгорания?

— Безопасность дирижабля. Ибо все процессы горения происходят внутри двигателя.

И тронул слегка кобылку вожжами. Ее никогда не надо было принуждать к движению. Порода!

— Тяжелые они… — протянул офицер. — И прожорливые. А топливо для них солидно весит. А так мы пока топим машину тем же газом, на котором летим, кругом экономия.

— Но с двигателем внутреннего сгорания можно заполнять дирижабль не светильным газом, а водородом, у которого подъемная сила больше.

Про гелий я умолчал, так как не нашел про него здесь никаких упоминаний и сознательно опустил титулование офицера, пробуя его на зубок чванливости. Прошло.

— Савва, Савва, пока нам нет нужды подниматься выше трех тысяч метров, значит, не стоит ничего менять, — заверил меня каплей.

Мы выехали уже из города, и я дал застоявшейся лошадке пойти в полную рысь, что она проделала с большой охотой.

А я не унимался.

— Я вот что думаю… После первой же бомбардировке с дирижабля… Противник же у нас не дурак совсем… Найдет он способ как задрать ствол у пушки в зенит и долбанет шрапнелью. А то и брандкугелем. Хочешь, не хочешь, а придется забираться выше в небо. Тогда и паровую машину мы вынуждены будем кормить жидким топливом, а коэффициент полезного действия как я слышал у двигателей внутреннего сгорания в четыре раза выше.

— Умеешь ты, Савва, озадачить вопросом, — с легким недовольством отозвался капитан — лейтенант. — Только почувствуешь, что все идет хорошо, как появляется Кобчик и задает невинный вопрос… И все летит к ушедшим богам. Нет пока таких пушек, которые так задирали бы стволы в небо. Нет.

— Нет, так будут. На всякое действие найдется противодействие. Всегда так было. Человек изобретателен, господин капитан — лейтенант.

— Даже у мортиры нет такого угла возвышения, — убежденно высказался офицер. — Нет пока у врага оружия против бомбардировки с неба.

— Пока нет. Но после первых бомбардировок что-либо придумают, — не унимался я. — Вот увидите, господин капитан — лейтенант, так и будет.

— Не убедил.

— А если я натурно покажу?

— А давай, есть у меня старый аэростат на списание. Пригоню его к тебе на полигон и показывай. Убедишь, покажешь тогда я тебе…

— Возьмете меня к себе в отряд, — выставил я условие спора, не дослушав предложения награды.

— Но… ты же не моряк? — возмутился капитан — лейтенант.

— А что только у моряков есть привилегия подниматься в воздух? Я и артиллеристом не был, как помните. Однако сейчас есть, — хохотнул я коротко. — Долго ли человека в новую форму переодеть.

Не доезжая пяти километров до полигона, из придорожных зарослей, осыпая с ветвей пушистый снег, выскочила дородная фигура в белом полушубке и шапке отдаленно напоминавшей кубанку и в прыжке ухватила мою кобылу за узду. Да так, что лошадь встала, оторопев, и поднялась на дыбы в оглоблях, поднимая с земли за собой тяжелую тушу нападающего.

Ввиду хорошей вышколенности и послушности лошади кнута я с собой никогда не возил. За ненадобностью. Так что огреть как следует этого нахала было нечем. Да и спорно это: кнутом по полушубку.

Тут сзади пронзительно свистнули.

Я оглянулся. На дорогу метрах в тридцати от нас выходили еще два бородача в коротких полушубках, малахаях и с винтовками в руках.

Плотто закричал мне.

— Гони, Савва!

Куда гони, когда на лошадиной морде такой облом висит и ею же прикрывается, подельников ждет.

Спрыгнул я с санок, вынимая на ходу револьвер, и с криком.

— Ты чего это себе позволяешь, быдло!? — шагнул вперед и, держась за оглоблю левой рукой, правой выстрелил в хорошо видные отсюда ноги залетного варнака в стоптанных валенках.

Попал. Не зря столько патронов сжег на тренировках.

Противник ойкнул и упал, и уже с земли громко заорал.

За спиной раздались хлипкие хлопки карманного бульдога офицера. Это не мой револьвер, который басовито грохочет. У Плотто оказался короткоствольный пятизарядный револьверчик калибра 6,5 миллиметров, который производили в городе для гражданского рынка из бракованных винтовочных стволов. Единственное достоинство этого стрелядла — в кармане можно носить, не выпирает.

Успокоившись за свою спину, вскочил я на оглоблю и наконец-то увидел как разбойник — а кому еще могла принадлежать такая бородатая мерзкая рожа, упасть упал, но узды лошадиной не выпустил и тянет голову Ласки к земле. Упертый гад оказался.

Пришлось стрелять еще раз. Прямо в его оскаленную рожу,

скулящую на тонкой ноте.

Потом запрыгнул я на спину лошади и, полулежа на ней ударил каблуками бурок по ее спине, закричав.

— Ну, милая, вывози, Ласка. На все что способна. Гони! Выручай!

И умная лошадь рванула с места сразу хорошим галопом.

Тут-то мне в спину как кувалдой ударили. Еле удержался на лошадиной спине, припав к шее и держась как черт за душу грешную за упряжь.

Револьвер мой именной выпал в снег.

Сзади еще раздавались редкие выстрелы, но Ласка шла в оглоблях таким широким намётом, что я стал беспокоиться за Плотто, как бы он с санок не сверзился.

Превознемогая резкую боль я обернулся и с облегчением увидел в санях черное пятно офицерской шинели моряка.

Вскоре дорога ушла за поворот и отделила нас от нападавших густым лесом.

Я придержал лошадь и, когда она перешла на неторопливый шаг, просто свалился с ее спины в снег. Сил держаться не было никаких.

Спина болела и жгла, в глазах двоилось, помню только, как Плотто тащил меня в сани, а я упирался почему-то и все порывался идти обратно искать свой наградной револьвер, который дорог мне как память. Но моряк, хоть и однорукий, со мной справился, и вскоре мы въезжали в открытые ворота полигона.

Не останавливая лошадь, Плотто орал благим матом на весь плац.

— Тревога! В ружье! Вражеское нападение на дороге.

А потом все помутилось.

24

Очнулся я уже в светлой комнате с высоким потолком, расписанным на тему пейзанской любви пастушков и пастушек. В зеленых холмах, среди белых овечьих отар и больших лохматых рыжих собак — волкодавов. Никакой порнографии, но талант художника в каждом движении персонажей передал неподдельный флер эротизма.

Вспомнил слышанное когда-то в общаге филологического факультета МГУ на проспекте Вернадского утверждение из красиво очерченных губ утонченной интеллигентной филологини отчаянно умничающей перед неизбежным сексом с 'колхозником' из Тимирязевки про закон французской литературы. Маркизы любят читать про апашей, а апаши про маркиз. И про роль темы пасторальной любви в дворянских воззрениях восемнадцатого века непосредственно перед Французской революцией. И про теорию 'благородного дикаря' тоже что-то было, но я уже начал ее раздевать и не дослушал, чем это дикарь таким благороден.

К чему я это? Общага университетская была обшарпана, давно без ремонта и по ней гуляли толпы тараканов. А вот, поди ты… ассоциацию именно с таким дворцовым интерьером создала у меня та 'юная богиня, светлячок, филологиня, все познавшая уже…'. Магия слова. Не иначе…

Стены гладко оштукатурены под вычурный разноцветный 'искусственный мрамор'. Похоже, что когда-то на них висели картины, крюки еще торчат, но хозяева видимо сняли их, отдавая здание под госпиталь. А вот тяжелые газовые бра с хрустальными висюльками, изображающие непонятные мне аллегории, остались.

В комнате, точнее уже госпитальной палате, стояли еще три кровати, но они были пустые, даже без матрасов.

На прикроватной тумбочке фарфоровый чайник с очень длинным носиком, но мне не дотянуться — очень больно крутиться, а пить хочется.

Тихо вошла молчаливая милосердная сестра, очень деловитая. До бровей упакованная в сестринскую косынку. Лет тридцати. На внешность — никакая, бесцветная очень… Но понятливая… сразу сунула мне этот чайник носиком в рот и оттуда полилась живительная влага. Простая кипяченая вода. Блаженство…

Потом она беззастенчиво откинула одеяло и вставила мне в анус с градусник. Неприятное ощущение, я вам скажу.

— Не дергайтесь, больной, — окрикнула она. — Расслабьтесь.

Не хватало еще вам там градусник сломать. Ртуть она вредная. Не говоря уже о стеклянных осколках. Мало вам одной операции?

— Где я?

— В госпитале. Где еще быть раненому офицеру.

— Я не офицер. Я старший фельдфебель артиллерии.

— Тогда вам просто повезло попасть в офицерский госпиталь графа Гота. Это его городской дом. Тут хорошие хирурги и все будет прекрасно с вами. Опасности для вашей жизни уже нет. Пулю вынули. Просто вы потеряли много крови. И трещина еще у вас в левой лопатке от пули, которая ее не пробила. Так что лежите смирно. Не делайте себе хуже, чем есть на самом деле.

Она вынула градусник, посмотрела на него, и что-то записала на фанерке, прикрепленной к спинке кровати.

— У вас странный акцент, — констатировала она.

— Я из Реции.

— Да? Странно… А почему вы не блондин?

— Не все горцы блондины. Бывают и исключения. Я, например.

— Еще пить хотите? Или наоборот?

— Сейчас нет. Но обязательно захочу. Если вы уйдете, то поставьте чайник на стул под правую руку, а то я влево вертеться не могу.

— Как скажете, — и она выполнила мою просьбу. — Есть еще не захотели?

— Нет.

— Это наркоз отходит. Нормально. Но если захотите, то вам вскипятят бульон. Над головой у вас шнурок, дерните — колокольчик зазвонит, и к вам подойдут. Но все же постарайтесь еще поспать. Сон — лучшее лекарство.

И накрыв меня одной простыней — в палате было довольно жарко натоплено, она ушла, закрыв за собой высокую дверь. И я остался один.

Делать нечего, кроме как рассматривать расписной потолок и вспоминать ту стройную до жалости филологиню из Ташкента. А что? Тоже занятие. А то старая Земля стала подергиваться в воспоминаниях какой-то полупрозрачной дымкой. Словно все там было не со мной, а в кино посмотрел.

Так я провел еще полчаса вынужденного моего досуга, когда меня от двери окликнул до боли знакомый голос с легкой эротической хрипотцой.

— Здравствуй, мой герой, я очень рада, что в тебе не ошиблась. Ты уже второго офицера спасаешь от верной смерти.

В дверях опершись левой рукой о косяк, стояла моя незнакомка из санитарного поезда. В отличие от первой

посетительницы она была яркой. Даже излишне. И очень красивой.

Она неторопливо подошла ко мне, провела руками по своему животу, как бы оправляя белый передник сестры милосердия. Наклонилась с прямой спиной и жарко поцеловала меня в губы.

Несмотря на слабость моего тела, естество мое решило вздыбиться.

Незнакомка, узрев это, весело засмеялась.

— Я рада, что мои женские чары действуют даже на полумертвых.

И еще раз наклонилась и поцеловала меня, но уже как-то по — доброму что ли, без эротического призыва.

— Выздоравливай, герой, а я пошла. Пора мне.

Я с надеждой окликнул ее прямую узкую спину.

— Баронесса, а вы еще придете ко мне?

Она обернулась, и мне показалось, что ей неприятно то, что ее инкогнито раскрыто.

— Нет, мой герой, не приду. Я сегодня уезжаю на поезде в глубокий тыл. И мы вряд ли больше увидимся когда-нибудь, мое самое яркое фронтовое приключение, — при этом она загадочно полуулыбнулась, прямо как монна Лиза на картине у да Винчи. — Выздоравливай… Я уверена, что ты очень нужен своей семье. Так что постарайся впредь остаться целым.

И она тихо прикрыла за собой высокую белую дверь с позолоченными финтифлюшками.

Ну, за что мне такой облом?

Принял я как данность свое ранение и вел себя как образцовый больной. А куда деваться? Какой есть выбор? Хоть и ранили меня совсем не ко времени. Просто от слова совсем. А ведь планов-то было громадьё. Прощай теперь мечта о небе.

Давал я себя санитаркам поить бульончиком с сухариками, терпел неприятные перевязки, а к вечеру трясся в лихорадке с большой температурой. Да так что мне персональную хожалочку выделили — тетку в возрасте из простых мещанок. Толстую и добрую. Порошками меня поить, судно за мной выносить и задницу подтирать. Шевелиться мне категорически запретили.

На другой день ко мне пустили судебного следователя — снять предварительные показания. Сухонького такого вежливого Порфирия Петровича из кинофильма 'Преступление и наказание' в потертом мундире. Даже чем-то актера Смоктуновского он внешностью напоминал. Врач дал ему десять минут, но мы быстрее управились. Что там особо показывать-то за скоротечностью стычки. Тем более что схема боестолкновения у него уже была составлена от Плотто.

Особо попросил я его разыскать на дороге мой наградной револьвер — он приметный. Жалко мне его, все же первая награда…

— Я передам вашу просьбу на полигон, — заверил меня следователь. — Им это сподручнее, да и людей там много. Не то, что у нас.

За оставшееся время он мне рассказал про напавшую на нас банду. Оказались они простые крестьяне с дальнего лесного хутора, которые решили так поправить свое благосостояние за наш счет. Все братья родные. Двое от призыва скрывались, а третий еще в возраст не вошел. Особо их лошадка моя привлекла. Долго они меня выпасали, даже покупателя на кобылу заранее нашли. Вот так вот непритязательно и просто.

— Убитого вами бандита сельский околоточный надзиратель опознал. Дальше дело уже рутина. Только вот вашего револьвера у них не нашли, — завершил он свой рассказ.

— И что дальше? — спросил я.

— Дальше будет суд и веревка. По законам военного времени. Их же, считайте с поличным взяли с двумя армейскими винтовками на руках. Хоть они и запираются, кричат, что не виновны, но по номерам эти стволы принадлежали двум еще осенью пропавшим без вести солдатам из патруля с окружной железной дороги, которых числили в дезертирах. Хоть позор с солдатиков смоем. И то хлеб.

— Я думаю, вы не все у них нашли… — задумался я.

— Почему вы так думаете? Хутор лесной — все в одном месте. Они дегтем промышляли, как в сказке Налогового департамента записано.

— Осмелюсь вам заметить, господин следователь, как сельский житель… деготь никто и никогда не гонит дома — вонючее это занятие. Ищите их смолокурню в лесу или заимку охотничью. Там они могут нужные вам улики хранить, если совсем дурные, но если умные, то есть у них потайной схрон в лесу. Только тот тяжело будет найти не зная примет. А кто их повязал?

— Лейтенант Щолич. Он поставил караульный взвод на лыжи, выдал патроны и выступил через десять минут по вашему прибытию на полигон. Прямо по бандитским следам на хутор и вышел. Заарестовал там всех, повязал и околоточного вызвал. У них, у лесовиков этих, в банде баба была за атамана. Мать ихняя. Куда катится мир?.. Вот здесь, господин фельдфебель, распишитесь под протоколом и я вас больше не побеспокою. Выздоравливайте. Честь имею.

Двое санитаров вошли в мою палату и, не проронив ни слова,

в три приема вынесли из нее лишние койки.

— А почему эта палата совсем пустая? — спросил я санитарку, которая в очередной раз меня обмывала.

— Распоряжение такое вышло: отдельно вас держать. Доктор этим страшно недоволен, так как мест не хватает. Ранетые с фортов потоком прут. Давит там нас царь, но наши форты ему не отдают.

— Странно все это, — задумался я. — И кто так распорядился?

— А я знаю? — пожала она полными плечами.

Уже почти неделя прошла, как лежу я в этой палате как в одиночке. За это время мне еще раз чистили рану, которая по ощущениям у меня на полспины. Ну, да… я же почти лежал на лошадиной спине, когда по мне пуля попала. Пробила лядунку с револьверными патронами, вспорола полушубок, чиркнула по спине, ударила в лопатку и ушла в сторону, застряв под кожей. Был бы калибр винтовки покрупнее я бы так легко не отделался. После чистки мне еще примотали плотно левую руку к туловищу. В принципе я и вставать уже мог, только дышать было больно почему-то еще. А вот температуры и лихорадки больше нет.

И вообще ощущение нехорошее, будто забыли про меня все.

— А с полигона ко мне кто-нибудь приходил? — поинтересовался я у санитарки, несколько обижаясь в душе на сослуживцев.

— А то? Только их никого до вас не допускают. Вон в колидоре даже солдата поставили с ружьем. Значит, никого не пущать сюда.

— Вот оно как… А записку вы передать сможете?

— Зазнобе, небось? — улыбнулась женщина по — доброму.

— И ей я тоже напишу, только настоящее письмо, потому как она у меня на другом конце империи живет, — вру напропалую. — А сейчас надо моему другу записку передать, чтобы привез мне мыльно — рыльное и другое что мне потребное. А то… — провел я правой рукой по подбородку, — зарос я как пугало.

В обед хожалочка принесла мне на подносе под салфеткой вместе с судками несколько листов бумаги и карандаш. А после обеда унесла мои записки Пуляку и Плотто.

А я с нечего делать стал вспоминать каким образом приспосабливали в первую мировую полевые орудия в зенитные. Рана — не рана, но когда-нибудь я из госпиталя выйду. И докажу на натуре капитан — лейтенанту что сбить его дирижабль не так уж и сложно если постараться. Иначе прощай небо…

И от такой перспективы мне стало грустно.

Небо мне всегда нравилось. С детства. С того самого момента когда я впервые поднялся в воздух на старом кукурузнике летчик которого прилетал опрыскивать наши поля и на высоте тогда я буквально задохнулся от восторга переполнявших меня чувств. Лет тогда мне было десять или одиннадцать. Потом летал в современном реактивном лайнере на Всероссийскую школьную олимпиаду по химии в Новосибирск. И был разочарован. Совсем не те ощущения. Не было чувства полета и слитности с небом в закрытом комфортабельном салоне. Не говоря уже о восторге. А в окошке земля слишком далеко, чтобы ее видом наслаждаться. И после этого первого полета на современном самолете во мне угасла моя потаенная мечта о поступлении в летное училище. Ведь оставаясь фермером, я могу иметь собственный кукурузник. А научиться летать на таком можно было и не отрываясь от учебы в академии. В Мячково, под Москвой, к примеру. По выходным. Чем я и собирался заняться с будущей весны. Вот… с прошлой уже весны.

Но когда я увидел на перевале дирижабль, то мечта в душе поднялась вновь. Но кто я был тогда? Неграмотный горец из стройбата. А сейчас… один аттестат уже есть в кармане и другой будет. Не так уж это и сложно тут сдавать экзамены экстерном.

Обидно было другое… Я ведь почти уломал Плотто на мой перевод в воздухоплавательный отряд… Можно сказать 'на слабо' взял… И тут эти дурацкие грабители… и не менее дурацкая рана.

А ведь уже все было так близко, лишь руку протяни…

Сижу, приспособив под чертежную доску фанерку температурного листа, рисую круглый заглубленный орудийный дворик с коническими стенами и плоским дном. С кольцевой канавой на дне, фиксирующей станину лафета. Само орудие — трехдюймовая длинноствольная дивизионка — у нее дальность выстрела больше, стоит на усеченной пирамиде из железнодорожных шпал. Параллельно прикидываю, как это все скрепить металлическими полосами и скобами, чтобы вся эта деревянная конструкция не разлетелась от первого же выстрела. Но это все можно в нашей полигонной кузне сковать, не сложное дело.

Осталось только придумать, как на таком станке все это вертеть на 360 градусов. Двое за сошник, к примеру, тащат станину за хобот по кругу. Им еще двое помогают крутить пару бревен на вершине пирамиды, к которым прибиты колеса пушки. А вот сам механизм кручения… Штырь да деготь?.. Ладно… может, еще что полезного местные инженера подскажут? Вряд ли тут забыли деревянные конструкции.

Пока чертил классический вариант, вспомнил про образец

русской смекалки времен первой мировой — в интернете фотку видел: две длинные лаги под лафет и укрепленный бревнами круг вокруг конического дворика. Солдатики приподнимают лаги с пушкой и ворочают 'на пятке' лафет на нужный горизонтальный градус. Только в этом случае очень большая 'мертвая воронка' над орудием образуется из-за меньшего градуса подъема ствола. Но соорудить такое подручными средствами быстрее и проще.

Но все равно все это нормальную зенитку не заменит. Максимум… показать что можно и так. Для нормальной зенитки нужен и ствол длиннее и скорострельность выше. Соответственно накатники гидравлические а не пружинные… И лафет совсем другой. Ну, ради прикола нарисуем еще тележку — прицеп четырехколесную с тумбовым лафетом. Вроде, похожие на такой на кораблях флот пользует?

Интересно… вот гатлинги местные можно приспособить для зенитной стрельбы? Или для этого надо изобретать новый подпружиненный магазин. Сейчас же патроны с него подаются просто силой тяжести сверху.

Вот так всегда тут… куда ни кинь, то клин… То этого нет, то того… А может и есть, только я о том не знаю. Впрочем, возможно именно это незнание и помогает мне убедительно изображать дикого горца со странными идеями.

25

Рисунки мои, спрятав под температурным листом, няня Йозе, или как она просила себя называть — Иза, вынесла из палаты вместе с фанеркой, якобы на проверку к доктору. Часовой у дверей в медицине не разбирался и пропустил ее без досмотра. И где-то уже вне стен госпиталя она передала их Плотто. Как раньше передавала она краткие записки от меня к нему и от него ко мне.

Судя по довольному выражению некрасивого лица хожалочки, она не осталась без награды со стороны капитан — лейтенанта. Мне же ей заплатить было нечем. Как очнулся я тут в одном исподнем, так и нахожусь.

Бритву и остальное мыльно — рыльное, а также хорошую бумагу и карандаши нянечка принесла мне от Плотто. И брила меня сама, весьма умело. А вот про судьбу моих вещей, которые были на мне на момент ранения, она не знала.

Доктор также хранил молчание, буркнув только.

— Вот когда поправитесь, фельдфебель, вам все обратно выдадут. А сейчас не положено.

Странные, однако, порядки в этом офицерском госпитале. Ну, деньги забрать на хранение — это я еще понимаю, это чтоб господа офицеры со скуки не пьянствовали в лечебном учреждении и режим лечебного питания не нарушали. Но часы-то отбирать зачем? И документы с планшеткой?

К тому же взгляд доктора, которым он стал на меня смотреть, мне откровенно не понравился. Холодный какой-то и отстраненный. На перевязках моих он как повинность отбывать стал. Все, что от него требовалось делал, но как-то… Не передать словами. Это только чуется.

Может это потому, что я — 'крестьянское быдло' в этом шикарном дворце дворянское место занимаю? Понимаю, что не по чину и сам в догадках теряюсь. Пока списываю мое попадание в этот дворец на то, что должность у меня обер — офицерская. Но даже это не объясняет отдельной палаты.

Сейчас бы мне учебники как раз пригодились бы, раз время свободное образовалось. Но доктор остался непреклонен. Нет, и все…

В начале третьей недели (я на стуле карандашом черточки ставил, чтоб счет дням не потерять) мордатые санитары внесли стол и простой канцелярский стул и поставили их на место унесенных кроватей.

На столе появился очень простенький стеклянный

чернильный прибор.

И напоследок уже один санитаров вернулся и из литровой бутыли налил в чернильницу фиолетовых чернил.

— Слышь, браток, как там дела на фронте? — попробовал его я разговорить.

— Воюют, — буркнул он, даже не поглядев на меня, и ушел.

Вот, сволочь… Жалко, что ли ему раненому воину новости пересказать, раз тут радио нет.

А после обеда сразу зашел он… Сразу по морде заметно отнюдь не инквизитор, а просто чернильная душа. Высокий такой, худой, сутулый, морда лошадиная, зубы крупные, руки холеные. На среднем пальце характерная мозоль от перьевой ручки. Мундир на нем чиновничий Департамента военной юстиции со светло — зелеными обшлагами.

Сел за стол. Вынул из кармана синие сатиновые нарукавники и неторопливо их надел. Переложил ручки на приборе и представился.

— Я, Грибан Гагар, военный юрист второго ранга, нахожусь здесь с разрешения вашего лечащего врача, чтобы снять с вас дознание. Вам понятно, о чем я говорю?

— Не совсем. С меня уже снимали подробные показания люди из полиции. Ничего большего я сообщить не могу.

— Полиция это одно — ее дело гражданские лица, а военная юстиция это другое, — завил чиновник наставительно. — Поэтому прежде чем ваше дело закрыть, я обязан составить все бумаги как положено. И так приступим. Ваше имя и фамилия?

— Савва Кобчик.

— Национальность?

— Рец. Горец.

— Подданство?

— Имперское.

— Сколько вам полных лет?

— Двадцать два.

— Семейное положение?

— Холост.

— Родственники имеются?

— Я сирота.

— Прописаны ли вы в сказках Налогового департамента?

— Нет. Работал по найму подмастерьем.

— Гражданская специальность?

— Кузнец.

— Образование есть?

— Неполное среднее.

— С какого времени находитесь на действительной военной

службе?

— С мая прошлого года. Доброволец.

— Чин?

— Старший фельдфебель артиллерии.

Чиновник впервые оторвал свой взгляд от бумаг и внимательно посмотрел на меня.

— Однако стремительная у вас, молодой человек, карьера, — но быстро справился с чувствами и снова затараторил как автомат. — Нынешняя ваша должность?

— Помощник начальника Королевского артиллерийского полигона.

— Имеете награды?

— Имею. 'Крест военных заслуг' с мечами и медаль ' За полезное' от Ольмюцкого короля.

— А теперь расскажите в свободной форме то, что с вами произошло на дороге, когда на вас напали и вас при этом ранили.

Я вздохнул и принялся рассказывать, а он скрипел перышком, успевая все за мной записывать. Опыт большой видать у него в таких делах.

На утренней перевязке доктор холодно меня поздравил с успешным ходом выздоровления и переводе меня в санаторий для выздоравливающих воинов.

— Наконец-то у меня снова появится палата для четверых раненых на фронте, — последнее слово он выделил особой интонацией.

Доктор ушел, и вскоре санитары мне принесли мои вещи.

Заставили все их осмотреть, сверить с описью и за них расписаться на той же описи.

Слава ушедшим богам наградные золотые часы от Вахрумки оказались на месте, как и кошелек. В планшетке находились аттестат, солдатская книжка и тетрадь. И прочие мелочи оказались на своих местах. Ничего не украдено, что удивительно.

Полушубок и китель оказались тщательно отстираны от крови, но не зашиты.

Ленточки ордена и медали аккуратно отпороты от кителя и заложены в карман. (Иза моментом достала иголку и пришила мои награды на их законное место).

Даже искореженная пулей лядунка с патронами никуда не пропала.

Я оделся с помощью няни Изы, которой с благодарностью вручил за заботу обо мне золотой кройцер, введя ее в смущение. Постарался привести себя в бравый военный вид, насколько это возможно с примотанной к телу левой рукой. Все же меня еще несколько шатало. Не совсем я видимо выздоровел.

Ладно, будем посмотреть, что это за санаторий для выздоравливающих. О том, что есть за городом такие заведения в аристократических усадьбах, я уже слышал.

Меня, поддерживая под руки, сопроводили санитар и часовой, который стоял в коридоре около двери в мою палату к выходу из дворца. Пафосный некогда дворец, производил впечатление захваченного революцией, экспроприированного и превращенного в ночлежку обилием плотно стоящих коек с валявшимися на них телами. Спустили меня со второго этажа по широкой мраморной лестнице в просторный вестибюль, заставленный носилками со стонущими свежими ранеными с крайнего санитарного поезда, которых оформляли шустрые санитары, а дирижировавший этим действием седой фельдшер распределял увечных воинов в очереди на операцию или перевязку.

На дворе было хорошо. Главное воздух свежий, который можно было вдохнуть полной грудью, после тяжелого амбре госпитальных коридоров. Для меня, почти три недели проведшего в помещении, которое не проветривали, это было восхитительно. Мороз отпустил. С пасмурного неба падал редкий пушистый снежок. Статуи в дворцовом парке, замотанные по сезону в мешковину от мороза и заваленные снегом превратившись в нечто футуристическое по форме вызвали мою улыбку.

У парадного подъезда стояла запряженная парой больших вороных рысаков черная карета с зашторенными окнами. Кучером на ней восседал какой-то имперский кирасир в серой шинели и черной лакированной кожаной каске. Оказалось что это персональный транспорт для меня, которого на парадной лестнице дворца сдали как груз, по описи, бывший часовой еще двум таким же кирасирам с палашами в никелированных ножнах.

Мне вежливо помогли сесть в карету. Сопровождающие меня кирасиры погрузились в нее же. Один сел рядом со мной со стороны моей здоровой руки. Другой напротив.

Как только хлопнула дверь, свистнул кнут, и карета, дернувшись, тронулась с места и довольно ходко пошла.

— Шторку откройте, ефрейтор, — попросил я старшего по чину из сопровождающих кирасир.

— Не положено, — буркнул тот в ответ.

Ладно, думаю, посмотрим, что дальше будет. Уверен, что няня Иза сегодня же сообщит Плотто что меня перевели. Обязательно. Я все еще надеялся, что капитан — лейтенант найдет возможность встретиться со мной.

Ехали недолго. Слышал только обычный уличный гул, да как за каретой громко стукнули, закрываясь, массивные створки ворот.

— Приехали, — сказал ефрейтор.

— Как называется это место? — спросил я.

— Городская тюрьма, — ухмыльнулась его наглая рожа. — Самая для вас подходящая санатория.

Ключ со скрежетом провернулся в оббитой оцинкованном листом двери, я остался один и смог осмотреться. Камера как камера. Комната три на три метра с высоким потолком и стенами крашеными немаркой коричневой краской. Высокое окно — выше человеческого роста забрано в решетку. Железная кровать. Матрац, подушка, тонкое шерстяное одеяло и постельное белье новое чистое аккуратной стопочкой. На стене вешалка на три деревянных нагеля. Стол. Два гнутых деревянных стула, чему я очень удивился, ибо гостей здесь принимать не планировал. Казарменная тумбочка, окрашенная той же краской что и стены. Вокзального типа чугунный унитаз серой эмали в коричневую крапочку в углу около двери без загородки с откинутой крышкой. Рядом жестяной умывальник. Над ним небольшое зеркало висит. Под зеркалом деревянная полочка, на которой лежит примитивная мыльница прессованного рога. В мыльнице какая — та полужидкая масса. На ощупь — мыло. Водопровод подведен, но вода только холодная. Мрачновато конечно. Но жить можно. Для одного так даже просторно.

Вот только лампочки никакой нет, ни электрической, ни масляной. Впрочем, пока день тут светло. Читать, по крайней мере, можно не напрягаясь.

Причем этот номер эконом класса находится не в самом здании тюрьмы — высоком замке красного кирпича, а в дальнем от ворот флигеле в один этаж с полуподвалом. Вот в этом полуподвале я и сижу неизвестно за что. У охраны спрашивать бесполезно. У нее обет молчания.

Незнание уже стало меня напрягать, но по читаным — перечитанным детективам я понимал, что это меня так до кондиции готовят, чтобы, значит, соскучился я по разговорам и язык распустил. Но при этом очень удивительно то, что меня никто не удосужился обыскать. А в бурках, во внутреннем кармане, между прочим, у меня наваха. Хоть и сталь — китайское дерьмо, но все же, все же…

Я несколько неловко — все же одной рукой управляюсь, разместил верхнюю одежду на вёшале. Заправил кое-как постель и лег поверх одеяла, не снимая бурок. Боялся, что одной рукой сам портянки обратно не намотаю. Выдержка выдержкой, а очко жим — жим. Понимаю, что меня специально так мурыжат неизвестностью, но внутреннее желание неистребимое такое, чтобы быстрее наступила хоть какая-то определенность.

— Млядь… Так я и не попробовал фельдфебельских пейзанок, — засмеялся я, тут же сморщившись от боли в швах на спине.

Как раз в день дорожного происшествия Эллпе обещал привезти их к вечеру в нашу хату на полигоне. Я еще для этого перед экзаменом сливянки закупил в городе. И деликатесов на закусь. Пропало все, небось. Не знаю почему, но это меня рассмешило.

Потом воспоминания перебежали на образ баронессы в гинекологическом кресле, и я понял, что пора завязывать с такими мыслями. Не то… Так недолго скатиться до себяжаления, что в моем положение чревато. Надо сначала узнать, что от меня хотят, а уже потом делать выводы. Лучше всего в такой ситуации поспать.

Разбудил меня молчаливый усатый кирасир, притащивший поднос с обедом. Внутри помещения он снял свою лакированную каску и покрывал голову неким подобием бескозырки. Судя по круглой кокарде на тулье, кирасиры были местные — ольмюцкие.

Обед был обычный солдатский: гороховый суп — пюре, каша похожая на гречневую, но не гречка. Тушеное мясо с подливой и компот. Скорее всего, для арестантов тут ничего отдельно не готовят, а кормят с котла охраны. Отсюда вывод: арестантов, таких как я пока очень мало. Или камер во флигеле мало.

Ввиду отсутствия туалетной бумаги я попросил принести мне на подтирку 'хотя бы газет'. И до вечера их читал от корки до корки. Все шесть штук разом.

Судя по самой свежей газете, на свободе вся империя празднует победу своего броненосного флота над винетскими военно — морскими силами, которым адмирал барон Райнфорт устроил форменную 'цусиму' при попытке винетов разблокировать проливы в океан. Только броненосцев вражеских потопили с дюжину, не считая другой мелочи.

Союзники с подходом своего флота опоздали или винеты поторопились, но что есть, то есть. Остатки винетского военно — морского флота ныне трусливо прячутся под защитой береговых батарей в портах. А союзники, напоровшись около проливов на нашу эскадру, и не увидев силуэты винетских кораблей, постреляли взаимно с нашими броненосцами до темноты из главного калибра на предельной дистанции, да и отвалили восвояси.

Получается, что на южном море у нас теперь нет серьезного соперника. Кончился.

Оставшиеся у винетского герцога три старых броненосца береговой обороны нашей эскадре не помеха. Имперские крейсера

по всему южному морю свободно захватывают винетские пароходы и шхуны, которые после поднятия имперского военно — морского флага, смены экипажа и установки на них пары устаревших пушек, вводятся в наш флот как транспортные суда и вспомогательные крейсера. Винетия хоть и развитая морская страна, но в настоящее время находится на пороге морской блокады. А от союзной им западной республики герцогство отделяют высокие горы с вечными снегами, по которым много не провезешь, да и нет у республики столько ресурсов, чтобы еще и союзное герцогство кормить.

Одновременно с избиением главных морских сил Винетии у проливов, наш маломерный флот в другой части моря высадил ночной тактический десант, который с ходу, без предварительного артиллерийского обстрела захватил порт Риест с целенькими береговыми батареями. Нападение гарнизон и горожане тривиально проспали, привыкнув считать себя самой большой акулой в море.

Численность десанта наращивается и следующим шагом имперского командования стало блокирование винетского егерского корпуса, который все это время упирался в построенные мною укрепления на перевале.

По винетским егерям впервые в мире была проведена бомбардировка с воздуха и как с восторгом писали в газетах, весьма эффективно показали себя авиабомбы в узких ущельях. В налете участвовали два полужестких дирижабля старой конструкции. Отмечалась при этом возникшая паника среди элитных винетских частей.

Фотография графа Клевфорта с новеньким солдатским крестом в петлице красовалась на первой странице. Его обозвали 'отцом бомбардировочного воздухоплавания'. Присвоили досрочно чин старшего лейтенанта. Но про дальнейшие бомбардировки ни с полслова в газетах не говорилось. Отчего я сделал вывод что весь запас бомб у графа закончился в первом же полете.

Восточный фронт отбил массированное наступление вдоль железной дороги на форты с помощью орудий особого могущества и бронепоезда. Воздавали заслуженную хвалу ольмюцкому королю за своевременное создание нового рода войск и умелое руководство ими. Император им прислал такое же поздравление как флоту.

Царский фельдмаршал Смигла устав упираться в наш укрепрайон на юге попробовал совершить одновременно с наступлением вдоль железной дороги обход королевских фортов с севера по замерзшим болотам, но утопив в них половину

полевой артиллерии, отказался от этого замысла и отозвал армейский корпус обратно.

На западном фронте как писали 'без перемен'.

Много, гораздо больше, чем в мирное время, газеты писали о культурных новинках: выставках художников, патриотических постановках в театрах и опере, даже балет отметился чем-то из жизни древних героев в одиночку сражающихся против всего света.

Модные писатели наперебой осваивали военную тему, даже те из них кто специализировался исключительно на описании взаимоотношений полов, теперь писали о том же но в антураже боевой обстановки. Их справедливо критиковали за незнание предмета (не полового, а боевого), за картон положительных героев, надуманность сюжетов и шараханий общих настроений текстов от унылости до бравурного пафоса, скатывающегося в восторженный идиотизм. Когда нация стоит на пороге выбора 'свобода или смерть', то неуловимые полсотни оттенков лирических переживаний становятся просто неуместными, — считал известный в столицах критик.

А вот экономических статей стало в прессе намного меньше и в них стали избегать цифр в абсолютных величинах, в основном напирали на проценты. Зато в ассортименте представлены советы что, как и на чем можно сэкономить. Или заменить. Рекламировались различные экономические печки, в том числе вставные в камин. Я еще подумал, что поздновато отдал поверенному на регистрацию патента 'буржуйку' и 'булерьян'. Опередили меня.

Светская хроника пестрела великосветскими банкетами и раутами со сбором пожертвований на военные нужды. По — прежнему аристократия бросала на алтарь победы санитарные поезда, только уже объединив их в 'Общество спасения увечных воинов'. Для пополнения бюджета общества ему высочайше разрешили проводить общеимперскую лотерею.

Писали о первом выпуске в империи женщин — фельдшеров. А воинствующим противникам женского интеллектуального труда заявлено, что лучше путь будет в поселке женщина — фельдшер, чем вообще никакого, когда все мужчины — выпускники прямиком отправляются на фронт.

Богатый фермер — конезаводчик, сын которого служил добровольцем в артиллерии, пожертвовал императору сумму достаточную для изготовления пятидюймовой гаубицы с условием, что среди орудийной прислуги будет находиться и его сын. Император дал добро этой инициативе и заявил, что данный патриотический порыв как нельзя лучше олицетворяет дух нации.

И повелел сделать надпись на стволе этого орудия 'Шавельский конезаводчик'. Шестерка мощных лошадей для этого орудия была также преподнесена в дар монарху. Я отметил про себя патриотическую изощренность этого буржуя, который таким образом отводил сына, который служил в полевой артиллерии, от передней линии фронта.

Сообщалось также, что вводится в крупных городах нормирование некоторых продуктов, в основном колониального происхождения виду трудности их доставки в империю в условиях противодействия вражеского флота и ужесточается уголовная ответственность за спекуляцию ими.

Тут принесли ужин. А после него увлекательное чтение пришлось прекратить ввиду того что стемнело, а никакой лампы мне в камеру не принесли. Не положено.

Пришлось засыпать как птичке с закатом солнца.

26

Наконец-то обо мне вспомнили. На следующий день после завтрака в камеру вошел лощеный офицер. Можно даже характеризовать такого как хлыща. Одет с иголочки в выходной пехотный мундир от хорошего портного. Пуговицы позолоченные, которые денщикам драить мелом нет нужды каждое утро. Наград нет. Петлицы лейтенантские. Хорошая стрижка каштановых волос. Щегольские усы и коротенькие бакенбарды. Не ниже мочек ушей. Глаза серые. Точнее — оловянные.

Вошел, огляделся, как бы ни сразу заметив меня валяющегося на кровати. Поднял бровь и делано удивился.

— Фельдфебель, вас разве не учили, что старшего по чину приветствуют стоя?

Я хмыкнул и ответил. Сознаюсь, что хамски и нагло.

— Как увечный воин я имею полное право лежать на кровати даже в присутствии его императорского величества. А не только перед каким-то пехотным лейтенантом. А так как выписки из госпиталя я не получил о выздоровлении, то… Я в полном своем праве. Кстати, не подскажете, когда придет врач или хотя бы фельдшер чтобы сделать мне перевязку, раз уж у вас тут больнички нет.

— Я думаю, этот вопрос решаемый… Но сначала я бы хотел… — недоуменно заговорил офицер.

— Да мне плевать, что вы там хотели, — взорвался я, все же даром не прошло мне одиночество. — Сначала врач, а все остальное потом. Иначе это уже с вашей стороны будет злостное неоказание помощи раненому. И потрудитесь после того как врач уйдет объяснить мне: что все это значит? У вас как раз будет время подготовиться, что вы будете отвечать на вопросы военного прокурора.

— Да вы знаете, кто я? — взвизгнул лейтенант.

— Не нюхавший пороха пехотный лейтенант, окопавшийся в тылу благодаря связям богатого папеньки, — ответил я с сарказмом.

— Да как вы смеете?

— Я смею… — ответил и привстал с койки, чтобы ему были видны мои награды.

Офицер выскочил из камеры.

Хлопнула дверь.

Проскрежетал замок.

Я встал с кровати сел за стол и принялся по второму разу перечитывать газеты. Все равно делать больше нечего. Но, по

крайней мере, хоть непонятки эти закончатся быстрее.

Часа через два пришел врач в партикулярном платье, поставил на стол свой потертый кожаный саквояж и попытался сразу снимать с меня повязки.

— А руки кто мыть будет? Ушедшие боги, — прикрикнул я на него.

Тот посмотрел на меня с недоумением.

— Вот отсюда, шарлатан, — приблизил я свое лицо к его роже, — и пусть придет настоящий врач. Вместе с прокурором, надзирающим за этим заведением.

До обеда ничего не произошло.

Обед подал все тот же молчаливый кирасир, смотревший на меня в этот раз с некоторым интересом.

А вот после обеда пришел статный кирасирский ротмистр с солдатским крестом в петлице мундира.

За ним просочился в камеру типичный неприметный писарчук, этакий Акакий Акакиевич, который сразу оккупировал стол и аккуратно разложил на нем свои письменные принадлежности.

— Лежите, фельдфебель, лежите, — помахал на меня офицер правой ладошкой, обтянутой в лайковую перчатку. — У меня к вам только один вопрос: зачем вы прогнали от себя доктора?

— Кто доктор? — удивился я. — Та обезьяна, что ко мне тут приходила утром?

— Увы… Но это так. Он служит уже двадцать лет тюремным врачом, — спокойно ответил ротмистр.

— Представляю, какая у него там смертность среди пациентов, — усмехнулся я. — В любом случае мне как-то не хочется пополнять личное кладбище этого коновала. Как военнослужащий я требую к себе внимание армейского хирурга. Тем более, что из госпиталя меня направили в санаторию… а не в это… не пойми чего.

Ротмистр сел на стул, положил ногу на ногу, сверкнув надраенным сапогом и звякнув короткой шпорой.

— Вы сейчас не умираете, фельдфебель? — спросил он участливо.

— Нет. Но повязку от пулевого ранения надо менять ежедневно, господин ротмистр.

— Хорошо. День еще не кончился. Будет вам военный доктор. А пока давайте поговорим как военные люди. Как офицер с офицером.

Ну, прямо батяня — комбат, отец родной своим солдатам. Умеет…

Писарь незаметно тихо скрипел перышком, записывая каждое

слово. 'Магнитофоном работает', — пронеслось по моей голове забавная мысль.

— Я слушаю вас, господин ротмистр.

— Объясните мне, фельдфебель, как вы дошли до жизни такой?

Давно меня так не смешили.

А вот ротмистр очень удивился моей реакции и когда я отхохотался, несмотря на неприятные ощущения в спине. И недоуменно меня спросил?

— А что я сказал вам такого смешного?

— Может вы сначала представитесь, документы мне свои покажете… А то я тут уже не знаю, что и думать о своем положении. И о том, кто вы такой на самом деле? По мундиру боевой ольмюцкий кирасир, отличившийся в прошлой войне. И это как-то не вяжется с окружающими декорациями.

— Хм — м–м… — наклонил ротмистр свою голову вбок.

Мне вдруг стало заметно, как просвечивают розовым его уши в прорвавшимся в полуподвал потоке солнечного света. Наверное, он специально так сел, спиной к окну, чтобы мне не было заметно выражение его глаз. Так его лицо оставалось в тени. Не фара автомобильная в глаза, но некое бледное ее подобие. Я улыбнулся: как тут все еще патриархально. Наверное, и бить будет без затей и применения технических средств.

Офицер еще раз хмыкнул и полез в карман за своей солдатской книжкой.

— Я, как вы уже отметили, ротмистр королевских кирасир Зоран Петч. Но в данный момент являюсь офицером Департамента контрразведки по гарнизону города Будвиц. Вот мои бумаги.

Он передал мне в руки свое удостоверение.

Я его посмотрел и вернул обратно. Все сходится.

В свою очередь спросил.

— Чем обязан скромный фельдфебель с полигона такому высокому вниманию?

А сам себе внутренне вдалбливаю, что главное тут мордой не торговать. Они контора — они пусть и доказывают что хотят. Я им тут не помощник. Так меня еще дед учил.

— Вот я и спрашиваю вас, старший фельдфебель, как вы дошли до жизни такой?

27

Первое сентября. День знаний. В моем мире все только начинают учиться, а у нас тут выпускной. Первый ускоренный выпуск унтер — офицерской школы пулеметчиков — инструкторов. Впрочем, это громко сказано. Я бы их и пулеметчиками то по гамбургскому счету не называл… так, заготовки сырые… а уж какие из них инструктора будут, страшно сказать. Но что вообще можно сделать за две недели? Пулеметами пользоваться мы их худо — бедно научили. Я и Щолич. И станковому 'гочкизу' и ручному. Наставление на руки раздали. А дальше господа сами как-нибудь. Больше времени на их обучение нам не дали. 'Цигель — цигель ай лю — лю'…

Первые пулеметы системы 'Гоч — Лозе' я только сегодня привез на полигон. Десять штук еще ручной сборки отобранных из готовой продукции, что стреляли вообще без задержек. Все же на выпуск школы и демонстрацию нового оружия сам король приедет на полигон с фронта, на котором затишье не затишье, а так… бои местного значения. Новый командующий из царской ставки еще не назначен, а временный инициативы не предпринимает.

Гоч с Многаном здесь же тусит, обговаривают еще одну полигонную школу по освоению новой траншейной 37–мм пушки Гоча. Вот не успокоится человек никак. Одну пехотную пушку мы уже отдали на другой завод, так нет… подавай ему еще.

Зато новая его 12–калиберная траншейная пушка, которую он делал втайне, даже от меня, получилась очень компактной, даже чуть меньше пулемета 'гоч — лозе' по размерам. Правда, на колесном станке — творчески переработанном творении русского полковника Соколова. Намного компактнее и легче прежнего нашего образца пехотной пушки — гаубицы, который мы уступили артиллерийскому заводу. Она легко разбиралась на три части и переносилась силами расчета. Ствол — 34, 5 килограмма, Люлька — 25 килограмм и лафет — 24 килограмма. Снаряды с укороченной гильзой закреплялись в специальные зажимы в ящиках по 15 штук, и каждый ящик весил 26 килограмм. В колесном передке располагалось три ящика. Все эти элементы мог переносить один человек.

Дальность выстрела небольшая чуть больше двух километров. Зато до 600 метров точность выстрела из нее просто винтовочная. Попасть непосредственно в амбразуру ДЗОТа не проблема ни разу. И никакой бронещит для ее снаряда не преграда. В каждом снаряде по 60 грамм хорошо заизолированной шимозы. В

создании снаряда нам очень помог Поло Помахас с патронного завода. Он же и наладил у себя их экспериментальный выпуск. Взрывается такой снаряд, после пробития преграды не хуже гранаты 'лимонки'.

Ой, мама дорогая, держите меня семеро… Башка совсем дырявая стала. Про ручные гранаты то я совсем забыл… Как же без них штурмовикам-то?

Кроме открытого винтовочного прицела гениальный Гоч приспособил в качестве такового еще и оптический перископ, чтобы наводчику совсем не высовываться из-за щита это пушечки — по виду игрушки, но очень грозного средства для подавления пулеметов противника. Ее мы так шутливо и называли 'противопулеметным орудием на псовой тяге'.

По нашим представлениям предполагалось для начала в каждом пехотном полку создать отдельный взвод траншейных пушек. 27 бойцов и 8 собак при четырех орудиях. А по мере насыщения частей материальной частью опустить такой взвод в батальонные структуры.

Две готовые пушки Гоч с собой привез — королю показывать. Идут гордые заводские испытатели на позиции, а за ними по два крупных барбоса из охраны завода легко тащат передок, к которому зацеплена сама миниатюрная пушка. На передке три ящика со снарядами.

По идее это будет такая же унтер — офицерская школа инструкторов, как и пулеметная. Ее выпускники сами в полках обучать будут солдат пользоваться новой пушкой.

Многану достаточно было одного намека о возможности перевода категории его должности с майорской на полковничью, если сделать из простого полигона учебный центр. И развил майор такую кипучую деятельность, что за ним молодые не поспевали.

Все в сборе. Ждем только короля. Нам есть чем его порадовать.

Погода сегодня на удивление благостная. Вёдро. Тепло, но уже не жарко.

* * *

На хуторе отдохнуть довелось только сутки, как примчался верхами посыльный из Дворца и вырвал меня из жадных объятий молодой жены.

В пакете, который вручил под роспись капрал гвардейских конных егерей, мне предписывалось Онкеном взять на себя

шефство первого выпуска пулеметной школы на полигоне. Я даже ругаться не стал, что меня вьючат и вьючат как стирха. Мои пулеметы, мне и шефствовать над Щоличем. Так планиды сошлись на небе…

Вздохнул и приказал жене собирать мои манатки.

Элика вызнав у подруги Эллпе, где находится полигон, повеселела и собрала не только мои, но и свои вещи.

— Мы с тобой поедем, — заявила императивно, — чтобы тебе там скучно не было.

И улыбается обаятельно, чертенок.

Ну, как такую с собой не взять, если она мне настроение поднимает только своим видом?

* * *

Отстрелялись хорошо. Могло быть и хуже учитывая краткость обучения. Но все курсанты раньше обслуживали механические пулеметы и в наши машинки были просто влюблены.

Король остался доволен и поздравил всех курсантов унтер — офицерами.

К траншейной пушке Гоча он отнесся более скептически, но только до тех пор, пока лично не осмотрел результаты ее воздействия на ДЗОТы, в которых мы разместили старые гатлинги.

— Неплохо…Неплохо… — прокомментировал король открывшуюся картину, после снятия с ДЗОТа — мишени перекрытий. — Это все такая фитюлька натворила? Сколько она стоит? Один снаряд?

— При массовом производстве, ваше величество, всего половину серебряка с небольшим, — вылез пред светлые очи монарха Помахас. — А воздействие вы сами видите.

Инженер обратил внимание монарха на пробитый бронещит пулемета и раскуроченные за ним стволы гатлинга.

— А если в Реции наладят массовое производство тринитротолуола из нефти, ваше величество, то снаряды станут мощнее и безопаснее в хранении, — добавил я. — И еще дешевле.

— Этот тот тол, который добавляют в аммонал? — переспросил меня принц. — Но его вроде из сосновой смолы делают. И он дорогой.

— Это новая технология, ваше высочество, — ответил я ему. — Нефти в Реции много. Так что сырье очень дешевое по сравнению с живицей.

— Не будем забегать вперед, — прервал нас король. — Когда

будет этот ваш тол в промышленных количествах, тогда и будем о нем говорить. На сегодня я очень рад, что у вас все получилось с системой Лозе. Это теперь наш старший козырь. Теперь можно обсудить и тактику ваших штурмовых групп, Кобчик.

— Прошу всех в павильон, — подал голос молчащий до того Многан. — А потом, после обеда, я продемонстрирую вам, ваше величество, построенный на моем полигоне тренировочный траншейный городок для обучения этих штурмовых групп. Он располагается несколько на отшибе от стрелкового полигона. Там ширина траншей и их расположение все воссоздано не только по царским уставам, но по всем их нововведениям, которые нам предоставила наша разведка.

— Вы меня удивляете, Многан, — отметил король. — Что-то раньше за вами такого рвения не было замечено. С рутиной вы справлялись хорошо, но не были новатором.

— Ваше величество, так ведь раньше и войны не было, — нашелся, что ответить начальник полигона. — В мирное время все шло по расписанию.

* * *

— Благодарю вас, баронесса, — улыбнулся принц, когда Элика поставила нам на стол последние закуски.

— Рада услужить вам, ваше высочество, — присела женщина в реверансе, которому я ее научил по кинематографическим образцам моего мира специально для таких вот случаев. Пусть не думает что быть баронессой очень просто.

Повинуясь моему взгляду, она вышла из комнаты.

На этот раз Многан выделил мне целый коттедж. Из новых. В нем я и принимал принца, который выразил желание побеседовать со мной 'без лишних ушей'.

28

В одном из лучших ресторанов Будвица мне представили командира роты рецких стрелков капитана Вальда. Рослого блондина, которого хоть сейчас его рисуй на фрески посвященные древним героям наших гор. Он, широко улыбаясь, после крепкого рукопожатия сообщил.

— У меня приказ от маркграфа Ремидия поступить в ваше полное распоряжение, господин барон. Какие будут указания?

Я осмотрел всю компанию рецких офицеров и выдал.

— Для начала, ужинать. И хорошо выпить. Все остальное потом в служебное время.

Ужин плавно перешел в офицерскую пьянку, которая, наверное, везде одинаковая с легкими вариациями на местные особенности. И вот когда мы все были уже под приличным градусом и только что горские песни не пели, к нашему столику подошла мадам 'Круазанского приюта', обняла меня со спины за плечи и зашептала в ухо.

— Мои девочки по тебе уже соскучились, котик. Что же ты о нас совсем позабыл? Мы о тебе часто вспоминаем.

Блин, засада. Не хватало еще, чтобы Элике кто-нибудь об этой встрече доложил. Кронпринцу обязательно доложат, это к бабке не ходи. Но принц меня к дорогим шлюхам ревновать не будет. А вот жена…

Даже мадам в этом 'приюте' очень красива, несмотря на свои сорок лет, которые она ни от кого не скрывала, вопреки природной женской сущности. И не 'остатками былой красоты' как любят писать в бульварных романах, а действительно ослепительной красотой. За такой внешностью и сейчас кобелятник в очередь к ней выстраивается, но с обломом. Она редко когда выбирала себе кавалера. И всегда сама. Хотя и не скрывала ни от кого, что она бывшая шлюха. И еще мадам была умна. Адская смесь.

— Мара, — ответил я ей. — Жди сегодня всю нашу компанию в гости. На всю ночь. И сделай так, чтобы никто не остался обижен что ему не хватило.

— Уже бегу, — клюнула она меня в ухо поцелуем. — Жду вас через час.

И отошла к своему столику, где ее ждал импозантный хорошо одетый мужчина средних лет.

В одном из лучших ресторанов Будвица мне представили командира роты рецких стрелков капитана Вальда. Из новеньких. Рослого блондина, которого хоть сейчас его рисуй на фрески

посвященные древним героям наших гор. Он, широко улыбаясь, после крепкого рукопожатия сообщил.

— У меня приказ от маркграфа Ремидия поступить в ваше полное распоряжение, господин барон. Какие будут указания?

Я осмотрел всю компанию собравшихся здесь рецких офицеров и выдал.

— Для начала, господа, ужинать, — предложил я на рецком наречии. — И хорошо выпить. Все остальное потом в служебное время. Сегодня вы все мои гости.

Горец я, в конце концов, или не горец? Надо соответствовать реноме вождя. Тем более, что под подкладкой моего мундира зашит шелковый лоскут в котором рецкий маркграф оставил свой личный автограф и печать под приказом в случае резкого изменения обстановки всем рецким воинским частям на территории королевства Ольмюц перейти под мое командование, как личного его представителя. Достаточно было прогладить этот ничем не отличающийся от подкладки лоскут горячим утюгом как текст и печать на нем четко проступали. Горское колдунство, не иначе.

К тому же я снова стал неприлично богат. Новые поверенные, еще те зубро — бизоны, выбросили на рынок лицензии на бигуди и женские пояса для чулок в предельно конкурентную среду. Чтобы стать промышленным кумиром женщин достаточно было внести на мой счет всего тысячу золотых, и они гарантировали ему судебное преследование любого другого производителя конрафакта. А вот количество лицензий договором не ограничивалось. Дюжина фабрикантов пожелала выпускать пояса, в основном производители подтяжек, и аж сорок семь дельцов ухватились за термобигуди. Ну и к чему, спрашивается, возиться за копейки с оружием? Даже за полевую кухню — 'кухню — самовар', как ее уже успели ласково прозвать в войсках, я получил от казны всего сто десять золотых.

Мой спич был встречен горскими офицерами с энтузиазмом и официанты вокруг нас оживленно забегали в ожидании щедрых чаевых.

Поначалу все было даже несколько чинно, обсуждали в основном щедрость императора, который оценив вклад рецких горных стрелков в приращении земель империи, полученную по сепаратному миру область города и порта Риеста присоединил к маркграфству. Ну да… больше же никто из имперских земель с ними не соседствует. И на южных склонах пограничных гор живут такие же рецы. Но военно — морская база в Риесте осталась имперской, подчиненной непосредственно императору.

Постепенно и плавно ужин перешел в офицерскую пьянку,

которая, наверное, везде одинаковая с легкими вариациями на местные особенности. И вот когда мы все были уже под приличным градусом и только что хором горские песни не пели, к нашему столику подошла мадам 'Круазанского приюта', обняла меня со спины за плечи и зашептала в ухо.

— Мои девочки по тебе уже соскучились, котик. Что же ты о нас совсем позабыл? Мы о тебе часто вспоминаем.

Блин, засада. Не хватало еще, чтобы Элике кто-нибудь об этой встрече доложил. Кронпринцу обязательно доложат, это к бабке не ходи. Но принц меня к дорогим шлюхам ревновать не будет. А вот жена…

Даже мадам в этом 'приюте' очень красива, несмотря на свои сорок лет, которые она ни от кого не скрывала, вопреки природной женской сущности. И не 'остатками былой красоты' как любят писать в бульварных романах, а действительно ослепительной красотой. За такой внешностью и сейчас кобелятник в очередь к ней выстраивается, но с обломом. Она редко когда выбирала себе кавалера. И всегда сама. Хотя и не скрывала ни от кого, что она бывшая шлюха. И еще мадам была умна. Адская смесь.

— Мара, — ответил я ей. — Жди сегодня всю нашу компанию в гости. На всю ночь. И сделай так, чтобы никто не остался обижен что ему не хватило.

— Уже бегу, — клюнула она меня в ухо поцелуем. — Жду вас через час.

И отошла к своему столику, где ее ждал импозантный хорошо одетый мужчина средних лет.

* * *

Войти на тюремный двор оказалось очень просто — достаточно было показать привратникам приказ принца, но вот во флигель контрразведки, который за прошедшее время успели окружить внутренним забором, нас пускать не желали никак. А рассвет неуклонно приближался.

Пока рецкие стрелки спокойно и без эксцессов меняли внешнюю охрану городской тюрьмы, мы вели через закрытые ворота бесплодные переговоры с привратниками флигеля, которые все так же состояли из ольмюцких кирасир. Стражи контрразведки требовали письменного приказа от своего непосредственного начальника, ссылаясь на инструкцию. А откуда я им это приказ возьму, когда начальник контрразведки гарнизона Будвица в данный момент находится на срочной

ночной аудиенции у принца, которая в любом случае закончится его арестом.

Через полчаса мне это все надоело и я, привязав веревкой к воротам гранату, с криком 'бойся!' рванул терочный запал и большими прыжками ускакал за угол.

Хлопок взрыва был весьма невнятный, но одна половинка ворот повисла на верхней петле, раскрывшись, и туда с рук широкоплечий горный стрелок выпустил из ручного 'гочкиза' длинную очередь патронов на пятнадцать.

После чего два десятка стрелков ворвались во внутренний двор и быстро повязали ошалевшую охрану, абсолютно не привыкшую к такому обращению. Настолько обалдевшую, что дверь в сам флигель они позабыли изнутри закрыть. Вояки…

Кирасир разоружили, согнали в одно помещение первого этажа с надежной решеткой на окне и закрыли. Охрану и оборону взяли на себя рецы. На всех стратегических направлениях стояли пулеметчики с 'Гочкизами — Р' в руках, усиленные тройкой стрелков. На всякий случай у каждого стрелка было кроме карабина Шпрока еще по три гранаты.

Младший офицер контрразведки дежурил по расположению, и мы его подняли в кабинете в одном исподнем с деревянной раскладушки и переместили в свободную камеру в подвале.

Судьба, кажется, в эту ночь решила сделать мне сюрприз в виде рядового бургграфа Леппе — Тортфорта, который дежурил вместо спящего начальства. А ведь он по приговору королевского суда должен был воевать в пехоте на передовой без права производства. А он тут, в тылу, и в кирасирском мундире. Занятно… Но, тем для нас лучше.

— Этот тип дезертир с фронта, — заявил я, указывая на бургграфа пальцем. — В кандалы его.

— Кто вы такие и как посмели ворваться с вооруженной силой в святая святых контрразведки, — вскинул бургграф подбородок.

Он видимо не узнал меня с бородой. Что ж тем интереснее будет узнавание. На допросе.

— Чрезвычайная королевская комиссия по борьбе с саботажем и пособничеством врагу. Вот мандат, — показал я ему соответствующую бумагу, в которой барон Бандонверт был указан как член означенной ЧК.

В одном из лучших ресторанов Будвица мне представили командира роты рецких стрелков капитана Вальда. Из новеньких. Рослого блондина, которого хоть сейчас его рисуй на фрески посвященные древним героям наших гор. Он, широко улыбаясь, после крепкого рукопожатия сообщил.

— У меня приказ от маркграфа Ремидия поступить в ваше полное распоряжение, господин барон. Какие будут указания?

Я осмотрел всю компанию собравшихся здесь рецких офицеров и выдал.

— Для начала, господа, ужинать, — предложил я на рецком наречии. — И хорошо выпить. Все остальное потом в служебное время. Сегодня вы все мои гости.

Горец я, в конце концов, или не горец? Надо соответствовать реноме вождя. Тем более, что под подкладкой моего мундира зашит шелковый лоскут в котором рецкий маркграф оставил свой личный автограф и печать под приказом в случае резкого изменения обстановки всем рецким воинским частям на территории королевства Ольмюц перейти под мое командование, как личного его представителя. Достаточно было прогладить этот ничем не отличающийся от подкладки лоскут горячим утюгом как текст и печать на нем четко проступали. Горское колдунство, не иначе.

К тому же я снова стал неприлично богат. Новые поверенные, еще те зубро — бизоны, выбросили на рынок лицензии на бигуди и женские пояса для чулок в предельно конкурентную среду. Чтобы стать промышленным кумиром женщин достаточно было внести на мой счет всего тысячу золотых, и они гарантировали ему судебное преследование любого другого производителя конрафакта. А вот количество лицензий договором не ограничивалось. Дюжина фабрикантов пожелала выпускать пояса, в основном производители подтяжек, и аж сорок семь дельцов ухватились за термобигуди. Ну и к чему, спрашивается, возиться за копейки с оружием? Даже за полевую кухню — 'кухню — самовар', как ее уже успели ласково прозвать в войсках, я получил от казны всего сто десять золотых.

Мой спич был встречен горскими офицерами с энтузиазмом и официанты вокруг нас оживленно забегали в ожидании щедрых чаевых.

Поначалу все было даже несколько чинно, обсуждали в основном щедрость императора, который оценив вклад рецких горных стрелков в приращении земель империи, полученную по сепаратному миру область города и порта Риеста присоединил к маркграфству. Ну да… больше же никто из имперских земель с ними не соседствует. И на южных склонах пограничных гор живут такие же рецы. Но военно — морская база в Риесте осталась имперской, подчиненной непосредственно императору.

Постепенно и плавно ужин перешел в офицерскую пьянку, которая, наверное, везде одинаковая с легкими вариациями на местные особенности. И вот когда мы все были уже под

приличным градусом и только что хором горские песни не пели, к нашему столику подошла мадам 'Круазанского приюта', обняла меня со спины за плечи и зашептала в ухо.

— Мои девочки по тебе уже соскучились, котик. Что же ты о нас совсем позабыл? Мы о тебе часто вспоминаем.

Блин, засада. Не хватало еще, чтобы Элике кто-нибудь об этой встрече доложил. Кронпринцу обязательно доложат, это к бабке не ходи. Но принц меня к дорогим шлюхам ревновать не будет. А вот жена…

Даже мадам в этом 'приюте' очень красива, несмотря на свои сорок лет, которые она ни от кого не скрывала, вопреки природной женской сущности. И не 'остатками былой красоты' как любят писать в бульварных романах, а действительно ослепительной красотой. За такой внешностью и сейчас кобелятник в очередь к ней выстраивается, но с обломом. Она редко когда выбирала себе кавалера. И всегда сама. Хотя и не скрывала ни от кого, что она бывшая шлюха. И еще мадам была умна. Адская смесь.

— Мара, — ответил я ей. — Жди сегодня всю нашу компанию в гости. На всю ночь. И сделай так, чтобы никто не остался обижен что ему не хватило.

— Уже бегу, — клюнула она меня в ухо поцелуем. — Жду вас через час.

И отошла к своему столику, где ее ждал импозантный хорошо одетый мужчина средних лет.

* * *

Войти на тюремный двор оказалось очень просто — достаточно было показать привратникам приказ принца и нам моментально широко раскрыли ворота. Но вот во флигель контрразведки, который за прошедшее время успели окружить высоким внутренним забором с колючкой поверху, нас пускать не желали никак. А рассвет неуклонно приближался.

Пока рецкие стрелки спокойно и без эксцессов меняли внешнюю охрану городской тюрьмы, мы вели через закрытые ворота бесплодные переговоры с привратниками флигеля, которые все так же состояли из ольмюцких кирасир. Стражи контрразведки требовали письменного приказа от своего непосредственного начальника, ссылаясь на инструкцию. А откуда я им этот приказ возьму, когда начальник контрразведки гарнизона Будвица в данный момент находится на срочной ночной аудиенции у принца, которая в любом случае закончится

его арестом.

Через четверть часа мне это все надоело и я, привязав веревкой к воротам гранату, с криком 'бойся!' рванул терочный запал и большими прыжками ускакал за угол. Остальные стрелки также отбежали и попрятались. Учеба на полигоне даром им не прошла.

Хлопок взрыва был весьма невнятный, но одна половинка ворот, скрипя, повисла на верхней петле, раскрывшись, и туда с рук широкоплечий горный стрелок выпустил из ручного 'гочкиза' длинную очередь патронов на пятнадцать.

После чего два десятка стрелков рывком ворвались во внутренний двор и быстро повязали ошалевшую охрану, абсолютно не привыкшую к такому обращению. Настолько обалдевшую, что дверь в сам флигель они позабыли изнутри закрыть. Вояки…

Кирасир разоружили и согнали стадом в одно помещение первого этажа с надежной решеткой на окне и закрыли. Охрану и оборону взяли на себя рецы. На всех стратегических направлениях стояли пулеметчики с 'Гочкизами — Р' в руках, усиленные тройкой стрелков. На всякий случай у каждого стрелка кроме карабина Шпрока было еще по три гранаты.

Младший офицер контрразведки дежурил по расположению, и мы его подняли в кабинете в одном исподнем с деревянной раскладушки и переместили в свободную камеру в подвале. Он даже сообразить не успел, что произошло.

А судьба, кажется, в эту ночь решила сделать мне сюрприз в виде рядового бургграфа Леппе — Тортфорта, который дежурил у телефона вместо спящего начальства. А ведь он по приговору королевского суда должен был воевать в пехоте на передовой без права производства. А он тут, в тылу, и в кирасирском мундире. Занятно… Но, тем для нас лучше.

Пока он крутил ручку коммутатора, из его руки стрелки вежливо, но настойчиво вывернули из его ладони телефонную трубку.

— Не стоит стараться, солдатик, — осклабился рецкий ефрейтор. — Провода мы заранее перерезали.

А я, не удержавшись смачно, съездил бургграфа по уху. Для профилактики.

— Этот тип дезертир с фронта, — заявил я, указывая на бургграфа пальцем. — В кандалы его.

— Кто вы такие и как посмели ворваться с вооруженной силой в святая святых контрразведки, — вскинул бургграф подбородок и как пишется в протоколах 'угрожая нам словами'.

Он видимо не узнал меня с бородой. Что ж тем интереснее

будет узнавание. Позже. На допросе.

— Чрезвычайная королевская комиссия по борьбе с саботажем и пособничеством врагу. Вот мандат, — показал я ему соответствующую бумагу, в которой барон Бадонверт был указан как член означенной ЧК с весьма широкими полномочиями. — Увести арестованного в одиночную камеру.

Оккупировав кабинет начальника контрразведки, вызвал рецкого фельдфебеля.

— Провод починили?

— Только что вернулись наши монтеры, ваша милость, — ответил тот.

— Свободен.

Закинул кожаное кепи на вешалку. Вынул из деревянной кобуры пистолет Гоча и положил его на стол, на пачку чистой бумаги — красивый натюрморт получился особенно в соседстве с бронзовой настольной лампой под зеленым стеклянным абажуром и чернильницы в виде деревенского колодца. Кобура также отправилась на вешалку. За ней ремень с горским кинжалом (наградной кортик на операцию я не стал брать). Расстегнул рыжую кожанку бронемастера, которую одел по случаю ночной прохлады. На ней никаких знаков различия не было.

Сев в кресло начальника контрразведки сделал через центральную один телефонный звонок, по которому передал только кодовую фразу 'Птичка в клетке'. Дальше оставалось только ждать.

Для начала зажжем керосиновую лампу на столе. Одного светоча на такой большой кабинет мало.

Чтобы скрасить ожидание приказал вызвать к себе из узилища старшего вертухая со списком заключенных. Вот будет номер, если мы промахнулись… Тогда все спишут на эксцесс исполнителя. То есть меня. Дикий горец, что с него взять?

Загул в популярном ресторане, всегда полном состоятельной публики, должен был отвлечь внимание от меня всевозможных следящих за мной филёров. Даже гипотетических. Так-то я по жизни в такие заведения не хожу — предпочитаю простую еду, которую готовят моя жена или мой денщик. Да и на пустое времяпровождение у меня просто времени нет. Не говоря уже о дурной трате денег, против которой всегда возмущается моя крестьянская душа. Но когда нужно для дела… То можно и местный убогий канкан посмотреть под дорогие напитки. И золотом щедро потрясти.

Тем более что рота капитана Вальда первой закончила обучение на курсах штурмовиков на полигоне, и нужно было

залегендировать ее участие в городской акции как случайное. Пьяную выходку ее командира что ли…

Остальные рецкие части работали в обеспечении. В нужное время выставляли на мостах через реку и всех выездах из города взводные блокпосты с пулеметами. И брали под контроль железнодорожный вокзал с телеграфом. Даже шпальный бронепоезд 'Аспид' на него пригнали… на всякий случай.

Телефонную станцию тихо оккупировали армейские разведчики Моласа еще с вечера, с приемом дел ночной смены телефонисток. Его офицеры слушали все интересующие нас приватные разговоры и держали там диспетчера связи для нас, чтобы не светить телефонным барышням некоторые интересные номера.

Почта ночью не работала, но и ее брали под охрану с улицы.

Все как дедушка Ленин завещал. И даже больше — с неба нас прикрывал дирижабль 'Черный дракон', следящий за дорогами по направлению к городу.

Но по большому счету, все было сшито наспех, на живую нитку, рассчитано на 'быстроту, глазомер и натиск' отсутствие главного контрразведчика на месте службы и ослабленную этим обстоятельством охрану. Нам предстояла взаимоисключающая задача — с запоминающимся окружающим шумом за полночь уйти из ресторана и тихо незаметно просочиться к городской тюрьме. Над этим я и ломал голову, как такое совместить, когда к нашему столику подошла Маара. И у меня все срослось. Как рубильник в голове включили. А что придется с женой поскандалить по поводу посещения 'Круазанского приюта' то с этим я сразу смирился. Чему быть того не миновать.

В кабинет ввели усатого кирасира знакомого мне по собственной отсидке здесь.

Поставили его передо мной.

На стол положили канцелярскую папку.

— Свободны, — сказал я конвоирующим его горным стрелкам. — А вас, кирасир, прошу присаживаться. Разговор может быть долгим. Только вот курить я вам не разрешу. Увы… Не переношу я табачного дыма.

* * *

Да 'Круазанского приюта' из ресторана пошли пешком, благо не так далеко он оказался расположен. И тут уже мы напрочь оторвались хоровым пением горского многоголосья, которое нипочем не спутаешь. Особенно припевы на предельно высоких

вибрирующих нотах, который может в побудку поднять целый полк в летних лагерях. Рано — по причине экономии керосина, легшим спать обывателям досталась масса незабываемых впечатлений после первого сна, но зато уже никто не смог, даже предположить, что загулявшие горские офицеры не просто так меняют дислокацию загула.

Полиция, даже военная, ничего не сделала, чтобы нас остановить. Они по богатому опыту знали, что быстрее и надежнее немного перетерпеть и благочиние на улицах восстановится само собой. Арестовывать же офицеров, тем более пьяных, большой геморрой. Еще большая морока все это оформлять в комендатуре, где на загулы фронтовиков смотрели сочувственно. Так что до самого борделя мы оставили очень заметный след.

Маара в шикарном восточном наряде с кучей цепочек, браслетов на запястьях и босых щиколотках встречала нас сама посередине большого ковра в фойе, как заждавшаяся дорогих гостей радушная хозяйка. Даже поприветствовала на рецком наречии, прижимая руки к сердцу и кивая богатым тюрбаном.

Наши роли были расписаны еще по дороге — кто из нас остается в борделе до утра и напоказ при дневном свете вываливается из него, а кто должен быть готов к половине второго ночи выступить во всеоружии с полным соблюдением конспирации. И если к этому времени с девочкой всласть пообщаться не успел — то опоздал.

Раздав офицеров по девочкам, мадам меня увлекла в свой кабинет, обставленный скорее как роскошный будуар, но имеющей все необходимые предметы для ведения канцелярской работы. Очень дорогие и качественные предметы. Счеты у нее были изготовлены из полудрагоценных камней на серебряных спицах, а гроссбухи из самой лучшей бумаги в сафьяновых переплетах. Перья золотые в ручках из сочно синей ляпис — лазури. И такого же камня чернильницы с золотыми крышками. Камня искренности, успеха и божественного расположения.

Там я за всех и расплатился, как до того в ресторане заявлял офицерам, что страшно обижусь, если кто из них только вынет кошелек — они мои гости.

— К тебе кого вызвать? — ласково спросила мадам, когда с кассой было покончено, и смущенно развела руками. — Из тех, кто остались, конечно.

— Никого, — ответил я ей и не стал скрывать причину. — Я женился и не собирался вообще сюда когда-либо приходить, но… такая вот оказия выпала. Гости. Так что девочки мне сегодня не нужно. Я бы с удовольствием принял ванну, контрастный душ и

взял бы сеанс простого массажа. А потом бы неплохо выпить кофе сваренного с коньяком.

И положил на стол еще один золотой — за себя. Тут все услуги стоят золотой кройцер по принципу 'все включено'.

— Хорошо, — несколько разочарованно ответила мне Маара, но как мне показалось, разочарование ее было наигранным — за все уже заплачено.

Она позвонила в резной золотой колокольчик, который звонил намного глуше, чем серебряный, и отдала необходимые распоряжения появившейся в кабинете девице. Очень эффектной брюнетки лет семнадцати. Новенькой. Раньше я ее здесь не видел.

— Как раз Молас к тому времени успеет, — сказала Маара, когда закрылась дверь в помещение. — И еще кто-то из дворцовых флигель — адъютантов по твою душу явится. Зачем? Не спрашивай. Мне не доложили. Просили только передать.

А ты непростая мадам, как я погляжу… Но кто же упустит такой шикарный источник возможной информации? Разве что спесивые аристократы из контрразведки, которые еще не поняли что отбросов в этой жизни нет, есть ресурсы. Главное их правильно применять.

— Слушай Маара, извини за любопытство, но кто это с тобой сегодня был в ресторане?

— Не ревнуй, — она кокетливо улыбнулась и похлопала длинными ресницами. — Не кавалер, если тебя это интересует, хотя я и с ним спала в свое время. Благотворительно. Это Крон — регент Ночной гильдии Будвица. Я так передаю ему ежемесячно его долю 'за подышать'. В культурной обстановке. С танцами. Он даже сам платит за ужин.

— Нужна помощь?

— Нет, Савва, ради ушедших богов не вмешивайся в наши дела. Ну, поставишь ты всех их к стенке, кого поймаешь, а Ночная гильдия обязательно возродится, но тогда уже условия работы для нас будут куда суровей. Сейчас, по крайней мере, меня не вьючат на распространение дым — глины среди клиентов. А разовую благотворительность можно время от времени и перетерпеть, тем более что мужчина он импозантный, не противный и в самом расцвете сил.

Дым — глина. Слыхал я про этот растительный наркотик из местного эндемика не имеющего аналогов в нашем мире. Говорили, что он вызывает очень сладкие грёзы и долго не дает привыкания. Но вот как он сюда попадает во время войны? Когда ведущие к тропическим колониям моря перекрыты вражеским флотом, это вопрос?

— Передай ему, что если дым — глина или еще какая дурь

появится в окопах, то его публично повесят, даже если он лично не будет к этому иметь никакого отношения. Если уж он взвалил на себя роль ночного короля столицы, пусть соответствует ей. И гоняет конкурентов как следует. Может даже карать смертью. Никто о них не заплачет.

— Так сурово?

— Да. Именно сурово, — подтвердил я, принимая из ее рук бокал с красным вином. — Война идет, Маара. Ты этого не заметила?

— Из моего будуара мало что заметно из окружающего мира, — уклончиво ответила она, отведя взгляд в сторону.

Тут снова, постучав, появилась та шикарная брюнетка.

— Ванна готова, мадам.

— Передай моему денщику, чтобы принес мне туда смену одежды, — сказал я Мааре.

— Не беспокойся. Савва. Иди вслед за Калией, — и мадам протянула мне руку для изображения прощального поцелуя.

Калия шла впереди меня по коридору первого этажа, игриво играя бедрами под легкой тканью. Соблазняла. Умная мадам видно все знала про мою семейную жизнь, в том числе и то, что жена у меня радикальная блондинка. Вот и играет на контрасте. Но я действительно хочу именно помыться пока есть время — термы тут шикарные.

29

Как настоящий комиссар первым делом я провел уплотнение буржуйской жилплощади. Всех контриков рассадил по одиночкам, а их подследственных скучковал в камерах по четверо. Так что даже некоторый запас камер образовался в подвале. Ничё… Пригодится еще.

Прав был король, что беды наши вовсе даже не политические, а экономические. Все узники 'кровавой гэбни' аристократов как на подбор состояли из инженеров будвицких производств самого плебейского происхождения. И не просто инженеров, а перспективных, инициативных и изобретательных, насколько я уже разобрался в местной кухне. Что стоит только одна знакомая фамилия заключенного — доктор химии Помахас. То-то гляжу, пропал он что-то в последнее время. А обещал тол сделать в товарных количествах. Мне… И королю.

— Где протоколы на этого человека? — спросил я кирасира, которого звали Йозе Грабчик, как выяснилось.

— У письмоводителя, ваша милость. Вы его знаете. Он все допросы только он здесь протоколирует и хранит их в железном шкафу у себя в коморке.

Несмотря на бороду кирасир меня сразу узнал.

— А ключи от этого шкафа он с собой домой уносит? — заподозрил я.

— Именно так, ваша милость.

— Ну и порядочки тут у вас, — не удержался я от комментария. — В борделе и то больше…

Так и вспомнился сразу 'Круазанский приют' с его четкой организацией.

— Так с самого начала здесь заведено, ваша милость.

— Хватит меня 'милостью' звать. Обращайся ко мне 'господин комиссар'.

— Как скажете, ваша милость, — потупился кирасир, явно не соглашаясь со мной.

Еще бы… Не к каждому заключенному сам король в камеру заходит, чтобы освободить. А эту сцену он сам видел. Как и мой завтрак с королем.

— Знаешь, где писарь живет?

— Так точно, господин комиссар.

Я позвонил в простенький серебряный колокольчик. Отметил про себя его хороший звон, почти хрустальный.

В кабинет вошел, прикрепленный ко мне для поручений рецкий унтер — офицер, хорошо знающий общеимперский язык.

— Какие будут поручения, господин комиссар? — с порога спросил он.

— Берешь местную карету, конвой и вот этого кирасира. Обращаться с ним хорошо, понял? Заберете из дома фигуранта — адрес он укажет, — кивнул я на Грабчика. — И везете сюда. Обязательно с ключами от его сейфа. Будет упираться, можете ногу ему прострелить.

У кирасира от страха округлились глаза.

— Не тебе. Писарю, — успокоил я его.

И повернувшись к унтеру, добавил.

— А ко мне в кабинет вызовешь заключенного Помахаса. И скажи моему денщику, чтобы сварил кофе с коньяком, и дюжину бутербродов с коровьим маслом и сыром организовал.

Я остался один

* * *

Несмотря на крайнюю молодость Калия оказалась очень опытной банщицей и массажисткой. Расслабила она меня своими руками на мраморной лежанке полностью, в кисель… От шеи до пяток. Я даже не заметил, когда она от массажа с ароматическими маслами перешла к минету. Только перевернулся на спину, закрыл глаза и вот… В этом Калия тоже была очень опытной. Знала, как доставить мужчине острое наслаждение и умела.

Ох, мадам, ну ты и хитра. Никак оперу пишет? Только вот кто ее опер, для которого она тут компру собирает?

Зазвонил телефон, выбивая меня из сладких воспоминаний.

Снял трубку, сказал.

— Контрразведка.

В телефонной трубке пророкотал вопрос.

— Сокол?

— Он самый, — ответил. — С кем имею честь?

— Крокодил. Горизонт чист и я послал тебе замену. Он назовется Фазаном и скажет твой хитрый пароль.

— Слава ушедшим богам, — выдохнул я. — А?..

Но из трубки монотонно звучали только долгие гудки. Неразговорчивый сегодня что-то генерал Молас.

Привели Помахаса. Мятого, будто в одежде спал. Нездоровый цвет его лица закрывала недельная щетина. Почти до затравленных глаз.

Как настоящий комиссар первым делом я провел уплотнение буржуйской жилплощади. Всех контриков рассадил по

одиночкам, а их подследственных скучковал в камерах по четверо. Так что даже некоторый запас камер образовался в подвале. Ничё… Пригодится еще.

Прав был король, что беды наши вовсе даже не политические, а экономические. Все узники 'кровавой гэбни' аристократов как на подбор состояли из инженеров будвицких производств самого плебейского происхождения. И не просто инженеров, а перспективных, инициативных и изобретательных, насколько я уже разобрался в местной кухне. Что стоит только одна знакомая фамилия заключенного — доктор химии Помахас. То-то гляжу, пропал он что-то в последнее время. А обещал тротил сделать в товарных количествах. Мне… И королю.

— Где протоколы на этого человека? — спросил я кирасира, которого звали Йозе Грабчик, как выяснилось.

Несмотря на бороду кирасир меня сразу узнал. За первые пять минут беседы он с душевным облегчением уяснил, что лично его во враги никто не записывает. Мало того, лично я ему по гроб жизни благодарен. И то, что еще некоторое время ему придется побыть тут, принял с пониманием. По крайней мере, внешне это выглядело так, а уж как внутренне… чужая душа потемки. Я ознакомил его с королевским указом о создании 'Чрезвычайной королевской комиссии по борьбе с саботажем и пособничеством врагу' и ее практически неограниченными полномочиями. А также с мандатом, что я сам являюсь комиссаром этой комиссии, которых согласно указу в коллегии всего семь персон на все королевство. Под конец взял с него письменное обязательство о сотрудничестве с означенной ЧК. Благодарность благодарностью, а процедура процедурой. Дела подшивать требуется.

— У письмоводителя все протоколы, ваша милость, — ответил он. — Вы его знаете. Все допросы здесь только он протоколирует и хранит их в железном шкафу у себя в коморке за кордегардией. Это в конце коридора.

— А ключи от этого шкафа он с собой домой уносит? — заподозрил я.

— Именно так, ваша милость.

— Ну и порядочки тут у вас. Бардак, — не удержался я от комментария. — Хотя в борделе и то порядку больше…

Так и вспомнился сразу 'Круазанский приют' с его четкой организацией.

— Так с самого начала здесь заведено, ваша милость. И не мной.

— Хватит меня 'милостью' звать. Обращайся ко мне 'господин комиссар'.

— Как скажете, ваша милость, — потупился кирасир, явно не

соглашаясь со мной.

Еще бы… Не к каждому заключенному целый король в камеру заходит, чтобы освободить. А эту сцену он сам видел. Как и мой завтрак с королем.

— Знаешь, где писарь живет?

— Так точно, господин комиссар.

Я позвонил в простенький серебряный колокольчик. Отметил про себя его хороший звон, почти хрустальный.

В кабинет вошел, прикрепленный ко мне в качестве порученца рецкий унтер — офицер, хорошо знающий общеимперский язык.

— Какие будут поручения, господин комиссар? — с порога спросил он.

— Берешь местную карету, конвой и вот этого кирасира. Обращаться с ним хорошо, понял? Заберете из дома фигуранта — адрес и личность он укажет, — кивнул я на Грабчика. — И везете сюда. Обязательно с ключами от его сейфа. Будет упираться, можете ногу ему прострелить.

У кирасира от страха округлились глаза.

— Не тебе. Писарю, — успокоил я его.

И повернувшись к унтеру, добавил.

— А ко мне в кабинет вызовешь заключенного Помахаса. И скажи моему денщику, чтобы сварил кофе с коньяком, и дюжину бутербродов с коровьим маслом и сыром организовал.

Я остался один.

* * *

Несмотря на крайнюю молодость Калия оказалась очень опытной банщицей и массажисткой. Расслабила она меня своими сильными руками на мраморной лежанке полностью, в кисель… От лопаток до пяток. Я даже не заметил, когда она от массажа с ароматическими маслами перешла к минету. Только перевернулся на спину, закрыл глаза и вот… В этом Калия тоже была очень опытной. Знала, как доставить мужчине острое наслаждение и умела.

Ох, мадам, ну ты и хитра. Никак оперу пишет? Только вот кто ее опер, для которого она тут компру собирает?

Зазвонил телефон, выбивая меня из сладких воспоминаний.

Снял трубку, сказал.

— Контрразведка.

В телефонной трубке пророкотал вопрос.

— Сокол?

— Он самый, — ответил. — С кем имею честь?

— Крокодил. Горизонт чист и я послал тебе замену. Он назовется Фазаном и скажет твой хитрый пароль.

— Слава ушедшим богам, — выдохнул я. — А?..

Но из трубки монотонно звучали только долгие гудки. Неразговорчивый сегодня что-то генерал Молас.

Привели Помахаса. Мятого, будто в одежде спал. Нездоровый цвет его лица закрывала недельная щетина. Почти до затравленных глаз.

— Присаживайся, Поло, — предложил я ему. — Кофе? Бутерброды?

— Лучше чай, господин флигель — адъютант, — откликнулся химик. — От кофе у меня бессонница. А поспать сегодня хочется хотя бы несколько часов. Однако, видя перемену действующих лиц в этих декорациях, думаю, что даже этого не удастся. И спасибо за соседей. Одиночка угнетает.

Денщик внес поднос с бутербродами и кофейник. Специально для меня кофе, сваренное с коньяком — чтобы не спать. Жуткий допинг, но что поделать.

— Тавор, завари для моего собеседника чай, — приказал я ему. — Как будет готов, заноси.

Денщик кивнул, подтверждая приказ, и удалился.

Мы остались одни в кабинете.

— Угощайся, Поло, — предложил я Помахасу, подвигая ему тарелку с бутербродами.

— Спасибо, я чая подожду. Не люблю сухомятку. Вы пока спрашивайте что вам интересно. Пока все спокойно.

И тут меня на хи — хи пробило.

— Господин Помахас, объясните мне, как вы дошли до жизни такой? — брякнул я и улыбнулся.

— И не спрашивайте, — махнул он рукой.

— Как это не спрашивать? — удивился я.

— Ой, простите. Я совсем не то имел в виду. Вы ведь желаете знать, как я здесь оказался?

Я утвердительно кивнул головой.

— Демоны попутали. Мне для опытов не хватало селитры, взять было негде, и я ее украл на заводе. Не много… килограмм так семь — восемь. Откуда-то про это узнала контрразведка и арестовала меня. Почти неделю стращали пожизненной каторгой за воровство стратегических материалов, а вчера предложили поменять Будвиц на пригороды Тортуса в обмен на закрытие этого дела и полное прощение.

— Что им было нужно?

— Чтобы я работал на аналогичном заводе в Тортусе и делал

им новые взрывчатые вещества. За то же жалование. А в качестве покаяния отдал бы им патент на аматол.

— На что?

— На аматол. Я новую взрывчатку изобрел. Тол пополам с аммиачной селитрой. Ама — тол. Очень сильная бризантность в отличие от аммонала и лучшая лежкость, почти как у самого тротила. И все это намного дешевле тола получается. Мне оставались только заключительные опыты а селитра кончилась… А ее сейчас даже за деньги не купить. Даже на черном рынке.

— А что у тебя с обещанным королю тротилом.

— Расчеты показывают, что пока толуол из живицы будет немного дешевле, чем из светильного газа. А хвойных лесов в округе много. Улавливать отходы от производства светильного газа нужны особые герметичные емкости, выдерживающие давление в пять атмосфер, а это вложения и немалые. Причем сразу. Не потянуть. Но больше всего я надеялся на аматол, что когда получу на него авторское свидетельство, то военное ведомство даст достаточно денег, чтобы открыть отдельное производство. У меня есть хороший участок в десяти километрах от Будвица по северной железной дороге. Три километра всего от нее в сторону. В наследство остался от деда. Тот хотел там имение построить. Не успел. Помер. Там сейчас только два больших сарая стоит, куда должны были складировать стройматериалы. Вот в них на первых порах я и хотел устроить заводик. Ну а тут эти… Руки за спину… Наручники… Одиночка…

— Били?

— Нет… Но морально изматывали. Взяли меня на улице, практически без вещей и денег. Сунули в карету и сюда. Даже бритвы нет, себя в порядок привести.

— Вот сволочи…

— Не то слово, господин флигель — адъютант, — рот химика скривился в подобии улыбки. — Но я надеялся, что на суде все встанет на свои места. Ну, получил бы пару лет условно… за селитру. А вот некоторые сломались и согласны на переезд. Ко мне троих подследственных сегодня ночью подселили, так они мне многое порассказали.

— А что там в Тортусе? И где это?

— В Лезвиге. Почти центр империи. Там старый завод механический еще со средневековой мануфактуры баронской стоит. Они хотят там еще и химическое производство наладить. А кадров нужных нет.

— Что ж под саботаж и пособничество врагу эти факты ложатся твердо, — заключил я. — А какой у них еще мотив для таких действий.

— Для себя они стараются, не для империи. Насколько я понял, у их шестерки — этого рядового бургграфа местного, в том заводе немалая доля. Не меньше блокирующего пакета. Не смотрите, что он рядовой — этими офицерами кирасир вертит как хочет. У меня глаз наметан. Сам всю жизнь между начальством, хозяевами и рабочими кручусь. Так что оба офицера контрразведки либо в доле, либо еще за что-то стараются.

Помолчал немного и спросил.

— Меня выпустят или посадят за воровство селитры?

— Выпустят, — обнадежил я его. — И как выпустят, так ты первым делом внеси в кассу завода ее стоимость.

— Спасибо за совет. Я так и сделаю. Только вот с заводом придется проститься. Заблокирует в империи контрразведка дотации мне от военного ведомства.

— Не журись. Земля у тебя в собственности?

— В полной.

— Сколько там ее?

— Пять гектар.

— Ого… — улыбнулся я. — Хороший куш. Да еще изобретение… Уже доля не меньше трети паев.

Доктор химии меня мазнул непонимающим взглядом.

— Возьми в партнеры кронпринца. — посоветовал я.

— Я бы вас взял с большим удовольствием, — заявил он в ответ. — Вы в производстве хоть что-то понимаете. К тому же доктор… И изобретатель.

— Хорошо. Я войду капиталом. Живыми деньгами. А взрывчатку твою запатентуем как промышленную. Гражданскую. Для горных работ. А то, что она окажется годной в снаряды, то так оно само собой получилось, несознательно. Завод ставим гражданский, а вот чтобы такой завод подстегнуть к военным заказам нужен принц, который их разруливает в королевстве. Понимаешь? Да и от имперской бюрократии принц же защитит. И селитру выделит. Хотя нам только тротила за глаза хватит. Как тебе такой расклад?

— А?… — протянул он.

— А за кражу селитры, после того как ты покроешь ее стоимость на заводе, никто к тебе цепляться не будет.

— Хорошо бы… — кивнул он.

Тут Тавор принес заваренный чай, сахар, баранки.

— Вот и отлично, — обрадовался я. — Подкрепись, чаю попей. Потом все на бумаге изложишь. Все, что с тебя эти контрики требовали и как склоняли к измене королю. Ты же его подданный, не так ли? — Помахас подтверждающе кивнул. — И действовал в своих опытах по прямому указанию короля,

высказанному тебе в устной форме на полигоне. Я тому свидетель. И еще свидетели есть чином повыше меня.

Как настоящий комиссар первым делом я провел уплотнение буржуйской жилплощади. Всех контриков рассадил по одиночкам, а их подследственных скучковал в камерах по четверо. Так что даже некоторый запас камер образовался в подвале. Ничё… Пригодится еще.

Прав был король, что беды наши вовсе даже не политические, а экономические. Все узники 'кровавой гэбни' аристократов как на подбор состояли из инженеров будвицких производств самого плебейского происхождения. И не просто инженеров, а перспективных, инициативных и изобретательных, насколько я уже разобрался в местной кухне. Что стоит только одна знакомая фамилия заключенного — доктор химии Помахас. То-то гляжу, пропал он что-то в последнее время. А обещал тротил сделать в товарных количествах. Мне… И королю.

— Где протоколы на этого человека? — спросил я кирасира, которого звали Йозе Грабчик, как выяснилось. И состоял он в чине штаб — капрала.

Несмотря на бороду кирасир меня сразу узнал. За первые пять минут беседы он с душевным облегчением уяснил, что лично его во враги никто не записывает. Мало того, лично я ему по гроб жизни благодарен. И то, что еще некоторое время ему придется побыть тут, принял с пониманием. По крайней мере, внешне это выглядело так, а уж как внутренне… чужая душа потемки. Я ознакомил его с королевским указом о создании 'Чрезвычайной королевской комиссии по борьбе с саботажем и пособничеством врагу' и ее практически неограниченными полномочиями. А также с мандатом, что я сам являюсь комиссаром этой комиссии, которых согласно указу в коллегии всего семь персон на все королевство. Под конец взял с него письменное обязательство о сотрудничестве с означенной ЧК. Благодарность благодарностью, а процедура процедурой. Дела подшивать требуется.

— У письмоводителя все протоколы, ваша милость, — ответил он. — Вы его знаете. Все допросы здесь только он протоколирует и хранит их в железном шкафу у себя в коморке за кордегардией. Это в конце коридора.

— А ключи от этого шкафа он с собой домой уносит? — заподозрил я.

— Именно так, ваша милость.

— Ну и порядочки тут у вас. Бардак, — не удержался я от комментария. — Хотя в борделе и то порядку больше…

Так и вспомнился сразу 'Круазанский приют' с его четкой организацией.

— Так с самого начала здесь заведено, ваша милость. И не мной.

— Хватит меня 'милостью' звать. Обращайся ко мне 'господин комиссар'.

— Как скажете, ваша милость, — потупился кирасир, явно не соглашаясь со мной.

Еще бы… Не к каждому заключенному целый король в камеру заходит, чтобы освободить. А эту сцену он сам видел. Как и мой завтрак с королем.

— Знаешь, где писарь живет?

— Так точно, господин комиссар.

Я позвонил в простенький серебряный колокольчик. Отметил про себя его хороший звон, почти хрустальный.

В кабинет вошел, прикрепленный ко мне в качестве порученца рецкий унтер — офицер, хорошо знающий общеимперский язык.

— Какие будут поручения, господин комиссар? — с порога спросил он.

— Берешь местную карету, конвой и вот этого кирасира. Обращаться с ним хорошо, понял? Заберете из дома фигуранта — адрес и личность он укажет, — кивнул я на Грабчика. — И везете сюда. Обязательно с ключами от его сейфа. Будет упираться, можете ногу ему прострелить.

У кирасира от страха округлились глаза.

— Не тебе. Писарю, — успокоил я его.

И повернувшись к унтеру, добавил.

— А ко мне в кабинет вызовешь заключенного Помахаса. И скажи моему денщику, чтобы сварил кофе с коньяком, и дюжину бутербродов с коровьим маслом и сыром организовал.

Я остался один.

* * *

Несмотря на крайнюю молодость Калия оказалась очень опытной банщицей и массажисткой. Расслабила она меня своими сильными руками на мраморной лежанке полностью, в кисель… От лопаток до пяток. Я даже не заметил, когда она от массажа с ароматическими маслами перешла к минету. Только перевернулся на спину, закрыл глаза и вот… В этом Калия тоже была очень опытной. Знала, как доставить мужчине острое наслаждение и умела.

Ох, мадам, ну ты и хитра. Никак оперу пишет? Только вот кто ее опер, для которого она тут компру собирает?

Зазвонил телефон, выбивая меня из сладких воспоминаний.

Снял трубку, сказал.

— Контрразведка.

В телефонной трубке пророкотал вопрос.

— Сокол?

— Он самый, — ответил. — С кем имею честь?

— Крокодил. Горизонт чист и я послал тебе замену. Он назовется Фазаном и скажет твой хитрый пароль.

— Слава ушедшим богам, — выдохнул я. — А?..

Но из трубки монотонно звучали только долгие гудки. Неразговорчивый сегодня что-то генерал Молас.

Привели Помахаса. Мятого, будто в одежде спал. Нездоровый цвет его лица закрывала недельная щетина. Почти до затравленных глаз.

— Присаживайся, Поло, — предложил я ему. — Кофе? Бутерброды?

— Лучше чай, господин флигель — адъютант, — откликнулся химик. — От кофе у меня бессонница. А поспать сегодня хочется хотя бы несколько часов. Однако, видя перемену действующих лиц в этих декорациях, думаю, что даже этого не удастся. И спасибо за соседей. Одиночка угнетает.

Денщик внес поднос с бутербродами и кофейник. Специально для меня кофе, сваренное с коньяком — чтобы не спать. Жуткий допинг, но что поделать.

— Тавор, завари для моего собеседника чай, — приказал я ему. — Как будет готов, заноси.

Денщик кивнул, подтверждая приказ, и удалился.

Мы остались одни в кабинете.

— Угощайся, Поло, — предложил я Помахасу, подвигая ему тарелку с бутербродами.

— Спасибо, я чая подожду. Не люблю сухомятку. Вы пока спрашивайте что вам интересно. Пока все спокойно.

И тут меня на хи — хи пробило.

— Господин Помахас, объясните мне, как вы дошли до жизни такой? — брякнул я и улыбнулся.

— И не спрашивайте, — махнул он рукой.

— Как это не спрашивать? — удивился я.

— Ой, простите. Я совсем не то имел в виду. Вы ведь желаете знать, как я здесь оказался?

Я утвердительно кивнул головой.

— Демоны попутали. Мне для опытов не хватало селитры, взять было негде, и я ее украл на заводе. Не много… килограмм так семь — восемь. Откуда-то про это узнала контрразведка и арестовала меня. Почти неделю стращали пожизненной каторгой

за воровство стратегических материалов, а вчера предложили поменять Будвиц на пригороды Тортуса в обмен на закрытие этого дела и полное прощение.

— Что им было нужно?

— Чтобы я работал на аналогичном заводе в Тортусе и делал им новые взрывчатые вещества. За то же жалование. А в качестве покаяния отдал бы им патент на аматол.

— На что?

— На аматол. Я новую взрывчатку изобрел. Тол пополам с аммиачной селитрой. Ама — тол. Очень сильная бризантность в отличие от аммонала и лучшая лежкость, почти как у самого тротила. И все это намного дешевле тола получается. Мне оставались только заключительные опыты а селитра кончилась… А ее сейчас даже за деньги не купить. Даже на черном рынке.

— А что у тебя с обещанным королю тротилом.

— Расчеты показывают, что пока толуол из живицы будет немного дешевле, чем из светильного газа. А хвойных лесов в округе много. Улавливать отходы от производства светильного газа нужны особые герметичные емкости, выдерживающие давление в пять атмосфер, а это вложения и немалые. Причем сразу. Не потянуть. Но больше всего я надеялся на аматол, что когда получу на него авторское свидетельство, то военное ведомство даст достаточно денег, чтобы открыть отдельное производство. У меня есть хороший участок в десяти километрах от Будвица по северной железной дороге. Три километра всего от нее в сторону. В наследство остался от деда. Тот хотел там имение построить. Не успел. Помер. Там сейчас только два больших сарая стоит, куда должны были складировать стройматериалы. Вот в них на первых порах я и хотел устроить заводик. Ну а тут эти… Руки за спину… Наручники… Одиночка…

— Били?

— Нет… Но морально изматывали. Взяли меня на улице, практически без вещей и денег. Сунули в карету и сюда. Даже бритвы нет, себя в порядок привести.

— Вот сволочи…

— Не то слово, господин флигель — адъютант, — рот химика скривился в подобии улыбки. — Но я надеялся, что на суде все встанет на свои места. Ну, получил бы пару лет условно… за селитру. А вот некоторые сломались и согласны на переезд. Ко мне троих подследственных сегодня ночью подселили, так они мне многое порассказали.

— А что там в Тортусе? И где это?

— В Лезвиге. Почти центр империи. Там старый завод механический еще со средневековой мануфактуры баронской

стоит. Они хотят там еще и химическое производство наладить. А кадров нужных нет.

— Что ж под саботаж и пособничество врагу эти факты ложатся твердо, — заключил я. — А какой у них еще мотив для таких действий? По твоему.

Помахас почесал затылок пятерней и выдал.

— Для себя они стараются, не для империи. Насколько я понял, у их 'шестерки' — этого рядового бургграфа местного, в том заводе немалая доля. Не меньше блокирующего пакета. Не смотрите, что он рядовой — этими офицерами кирасир вертит как хочет. У меня глаз наметан. Сам всю жизнь между начальством, хозяевами и рабочими кручусь. Так что оба офицера контрразведки либо в доле, либо еще за что-то стараются.

Помолчал немного и спросил.

— Меня выпустят или все же посадят за воровство селитры?

— Выпустят, — обнадежил я его. — И как выпустят, так ты первым делом внеси в кассу завода ее стоимость.

— Спасибо за совет. Я так и сделаю. Только вот с собственным заводом придется проститься. Заблокирует в империи контрразведка дотации мне от военного ведомства.

— Не журись. Земля у тебя в собственности?

— В полной.

— Сколько там ее?

— Пять гектар. И еще прирезать можно, но это денег стоит.

— Ого… — улыбнулся я. — Хороший куш. Да еще изобретение… Уже твоя доля не меньше трети паев.

Доктор химии меня мазнул непонимающим взглядом.

— Возьми в партнеры кронпринца, — посоветовал я.

— Я бы вас взял с большим удовольствием, — заявил он в ответ. — Вы в производстве хоть что-то понимаете. К тому же доктор… И изобретатель.

— Хорошо. Я войду капиталом. Живыми деньгами. А взрывчатку твою запатентуем как промышленную. Гражданскую. Для горных работ. А то, что она окажется годной в снаряды, то так оно само собой получилось, несознательно, — подмигнул я ему. — Завод ставим гражданский, а вот чтобы такой завод подстегнуть к военным заказам нужен принц, который их разруливает в королевстве. Понимаешь? Да и от имперской бюрократии принц же защитит. И дефицитную селитру выделит. Хотя нам одного тротила за глаза хватит. Как тебе такой расклад?

— А?… — протянул он.

— А за кражу селитры, после того как ты покроешь ее стоимость на заводе, никто к тебе цепляться не будет. Скажешь: не успел этого сделать, как арестовали.

— Хорошо бы… — кивнул он.

Тут Тавор принес заваренный чай, сахар, баранки с маком.

— Вот и отлично, — обрадовался я. — Подкрепись, чаю попей. Потом все на бумаге изложишь. Все, что с тебя эти контрики требовали и как склоняли к измене королю. Ты же его подданный, не так ли? Не имперский гражданин? — Помахас подтверждающе кивнул. — И действовал ты в своих опытах по прямому указанию короля, высказанному тебе в устной форме на полигоне. Я тому свидетель. И еще свидетели есть чином повыше меня. Вот и все. А пока иди спать.

* * *

'Акакия Акакиевича' привезли не выспавшегося и наспех одетого. Стрелки усадили на табурет в середине кабинета, а тяжелую связку ключей положили мне на стол. И удалились.

— Давайте знакомиться, — предложил я доставленному, когда мы остались одни.

— Я вас знаю, — ответил он мне спокойно. — Вы фельдфебель артиллерии Савва Кобчик. В прошлом году у нас в подвале квартировали. Еще голодовку здесь устроили.

— Вот и прекрасно. Теперь представьтесь сами.

— Канцелярист высшего разряда Ижи Громмель, письмоводитель Имперской контрразведки в Будвице. Чем я обязан такой брутальной доставкой на место службы?

— Чем занимались до службы в контрразведке?

— Служил архивариусом военно — полевого суда Ольмюцкой армии. Я местный уроженец, хотя и имперский гражданин.

— Сколько вы служили в армии до имперской реформы?

— Двадцать лет. Со школы кантонистов. Служил всегда писарем, так как был грамотным и имел хороший почерк. Все кантонисты выпускались грамотными. Гражданство получил вместе с отставкой и был принят на гражданскую службу в Департамент юстиции Ольмюцкого королевства. Оттуда переведен в секретари военного суда. Затем в архив. По выделении с начала этой войны военно — полевого суда в отдельную структуру переведен в него архивариусом. Затем уже сюда в прошлом году. Письмоводитель, делопроизводитель и архивариус одновременно. Всего лишь за полуторный оклад.

А ничего он так держится, спокойно. Хотя лет ему, пожалуй, за полтинник будет. Щетина на челюсти почти седая.

— Что-то вы очень спокойны, господин Громмель, хотя уже догадались, что власть переменилась, — покачал я головой,

удивляясь его выдержке.

— А чего мне беспокоиться? Власть тут уже не раз менялась, но какая бы власть не была без писаря и опытного делопроизводителя она не обойдется. Мое дело техническое, господин фельдфебель.

— Называйте меня, господин комиссар.

— Как вам будет угодно, господин комиссар.

— Я вас правильно понял, господин Громмель, что вы лояльны любой власти? Это принцип?

— При условии, что эта власть законна, господин комиссар.

— А если вашими подопечными окажутся бывшие ваши начальники?

— Это не моя прерогатива, господин комиссар, кто и кого сажает в камеру. Мое дело вести протокол и правильно его подшить в дело. Главное, чтобы все было по закону. И соблюдалась утвержденная процедура. Я свое дело выполняю всегда добросовестно.

Я дал ему ознакомиться с указом короля о создании ЧК и приказом о своем назначении ее комиссаром. И приказом об аресте офицеров контрразведки за пособничество врагу.

— Признаете мою власть законной, господин Громмель?

— Не буду отрицать очевидного, — ответил он.

Я встал, положил его связку ключей в карман и предложил.

— Пойдемте.

— Куда, господин комиссар? — в глазах канцеляриста впервые блеснуло что-то тревожное, особенно после того как я сняв с вешалки кобуру уложил в нее пистолет.

Ох, как я часто жалею о своей летной кожанке из моего мира, когда застегиваю это творение местных скорняков. Да вот засада — там застежка 'молния' повторить которую мне никак не удается. Так и лежит удобная летная кожанка из хорошо выделанного шевро в сундуке у дяди Оле на горе Бадон.

— В ваш кабинет здесь пойдем. Мне нужны дела на некоторых заключенных, — ответил я, надевая на голову кожаное кепи. — Архив ваш тоже там?

— Там, все там, — вздохнул он, поднимаясь.

— Кто, кроме вас работал с архивом?

— Только я, господин комиссар. Аристократы ленивы для этого. Отдадут приказ — я и разыщу, что требуется.

В кабинете писаря, действительно каморке три метра на полтора, Громмель быстро разыскал мне все дела инженеров томящихся в узилище. И даже выдал парусиновый портфель для их переноски. Также я приказал отыскать свое дело, оказавшееся вполне объемным — аж в два тома, и для него выбил еще один

портфель.

Только успел хрупнуть застежками, как меня разыскали, докладывая, что меня какие-то офицеры кличут.

— Придется вам досыпать в камере. Но думаю, что это ненадолго, — сообщил я канцеляристу.

В ответ тот просто пожал плечами.

— Я с вами не прощаюсь, господин Громмель. Вы уже выслужили пенсию?

— Давно.

— Вот и хорошо. Примите стоически некоторое стеснение вашей свободы на первых порах. Идет следствие. Надеюсь, что оно не затянется.

На что он мне ничего не ответил. У меня же на него появились определенные виды. На заводе мы уже стали тонуть в бумагах.

Заперли архив и Громмеля увели в подвал. Пока в одиночку.

Портфели я отдал Тавору, сказав, что он за них головой отвечает.

В кабинете начальника контрразведки меня ждал армейский капитан в полевой форме с пистолетом Гоча на правом бедре. Довольно молодой. Лет двадцати пяти.

— Комиссар Бадонверт? — спросил он меня.

И удовлетворившись моим ответом, представился.

— Я — Фазан.

— Восемь, — сказал я.

— Четыре, — ответил мне он.

Все правильно. Пароль по ведомству Моласа на сегодняшний день 'двенадцать'. В любом наборе цифр. Притащил я такой пароль из Российской армии. Генералу Моласу он очень понравился.

— Принимайте заведование, капитан, — сказал я, — а мне пора во Дворец на заседание ЧК.

Уже в карете я засунул портфель со своим делом в рундук под сиденьем, туда, где лежал мой личный ручной пулемет с десятком запасных снаряженных дисков. Мало ли что может случиться? Раз я уже попал в дороге в переплет с одним револьвером в руках. Больше не хочу. Второй портфель с делами инженеров пристроил рядом на сидении. Его я отдам принцу. Он у нас председатель ЧК.

Доехали быстро. Пароль для улицы был 'пятнадцать'. Все остальные его не знающие могли передвигаться только между блокпостами.

А в городе совсем рассвело. Клумбы с поздними цветами радовали глаз на бульварах. Только вот будет ли Будвиц таким

городом как был, я не поручусь. Кто бы раньше знал, чем обернется моя приватная пьянка с кронпринцем на полигоне? 'Без лишних ушей'.

30

Вернувшись из Дворца на завод, вызвал поверенных и отдал им чертежи застежки — молнии. Пусть хоть принцип запатентуют, раз мне сделать ее не удается.

Дневная горничная подала обед. Эта тетка была не так соблазнительна внешне, как ночная горничная Гоча, зато очень вкусно готовила.

Однако аппетиту мешали мысли роящиеся в голове после первого заседания ЧК. Там меня сердечно поблагодарили за привезенные дела инженеров и прояснение обстановки с доказательной базой измены офицеров контрразведки, а заодно мне под протокол вынесли порицание в излишне жестких методах захвата контрразведки — все же это не вражеский объект, чтобы устраивать в центре города взрывы и пулеметную пальбу. Поэтому от дальнейшего расследования меня отстранили и сослали на фронт. Однако в комиссии оставили, и на фронт я поеду как комиссар. Узко — как комиссар бронеотряда. Широко — как комиссар вообще, полномочный представитель Ставки верховного главнокомандования, так сказать… Но рецких горных стрелков и егерей я должен на следующий день убрать из города и забрать с собой — они прикрепляются к бронеотряду как штурмовики. Части, которые их сменят уже на подходе к столице.

Вот так-то вот. Ничего такого удивительного. Мавр сделал свое дело…

В принципе что-то такого и стоило ожидать. У принца в рукаве всегда восемь дополнительных тузов. Да и генерал Молас хитрован еще тот. Остальные комиссары больше статисты, назначенные королем для видимости коллегиальности решений.

Не доев толком обед, прошелся по цехам. Полюбовался на конвейер сборки пулеметов 'Гоч — Лозе'. Не так чтобы уж и ух… Но десяток в день собирают. Какой это к чертовой бабушке не конвейер? Но лиха беда начало. Будем надеяться на лучшее. На сотню изделий в день хотя бы. Сдерживают изготовители деталей. Там что ни день, то что-нибудь да вылезет. А я приказал четко: никакой подгонки напильником. Только из готовых деталей собирать. Что не лезет — то в брак. Точнее в запас. Если прижмет, то и напильником доводить будем.

Приказал сегодняшний десяток придержать для бронеотряда, а счет за них отправить кронпринцу. Для чего собственноручно написал им требование в интендантское управление. Заодно и акт приемки пулеметов.

— Не дай вам ушедшие боги, если хоть один из них в бою

заклинит, — погрозил напоследок.

Ручные пулеметы с завода брать не стал. В бронеотряде и рецких частях их достаточно. Даже больше, чем где-либо. А вот 'Гоч — Лозе' проверить в бою не мешает.

Инженеры в своей коморке корпят над чертежами пулеметной двуколки для пехоты — доставлять сам пулемет и боезапас к нему к переднему краю. Подал им мысль, украденную из моего мира — в интернете подсмотрел в фотках про первую мировую войну — герметические жестяные цилиндры, в которые помещается по шесть 250–патронных лент. Сами цилиндры крепятся на заднем свесе двуколки, под площадкой. А на самой площадке пулемет, шесть коробов с лентами и две канистры с водой. Таким образом, перевозимый боезапас утраивается. Таскать такой экипаж может одна лошадь или два стирха.

Нашел Зверзза на стройплощадке нового цеха, по которой он уверенно ковылял на костылях, покрикивая на рабочих легкими матерками — узнать: как ему на новом месте? Не мешает ли работе больная нога? А то больничный пропишу для выздоровления.

— Да что мне сделается калеке, ваша милость, — добродушно улыбнулся он. — Жилье хорошее, питание сносное, работа привычная. И не скучно тут у вас. А для того чтобы по стройке бегать у меня целых два помощника есть. Молодых да толковых, — показал он на двух худых пацанчиков лет по пятнадцать, стоящих в сторонке. — Не беспокойтесь, ваша милость, через полмесяца мы этот цех под крышу уже возведем и перейдем к следующему.

Вроде доволен мужик, судя по виду. И работяги на 'козах' энергично кирпичи на леса носят. Без ленцы.

— Перебоев со стройматериалами нет?

— С кирпичом пока нет. Как с кровельным железом будет — не знаю. Я бы на вашем месте я заранее озаботился бы проверить, чтобы лист оцинкованный был. А то крась, не крась… Все одно ржа его ест. Не сверху. так снизу. А оцинкованный лист долго служит. Экономия на ремонте солидная выходит в итоге. Лучше него на кровлю только красная медь.

По дороге в заводоуправление не отпускала меня мысль о том, что люди тут настоящим делом занимаются, один я как дурак в политические авантюры влез. Да не коготком, а всей лапой. Ох, отвертят мне голову Тортфорты когда-нибудь и скажут, что так и было…

Вернувшись, застал на месте поверенных, которые еще составляли бумаги к моим чертежам 'молнии'.

— Господа, у меня к вам еще одно дело, — обратился я к

ним. — Даже два. Первое, присмотрите в пригородах на покупку кирпичный заводик с хорошим запасом глины рядом. Не меньше нашей месячной потребности чтобы выпускал. Второе, узнайте, кто производит оцинкованный кровельный лист железный. Хотелось бы войти в долю. Целиком выкупить такое производство у меня, наверное, денег не хватит.

* * *

Отправив из городского дома денщика и кучера забрать мою семью с полигона, я зажег лампу и сел в кресла с бутылочкой рецкого зеленого вина читать собранное на меня контрразведкой дело. И был откровенно ошарашен. Даже не характеристиками, которыми меня наградили сослуживцы. Это вполне нормальное явление. Люди редко симпатизируют успешным. Чаще завидуют.

Как часто бывает контрики искали не там, где потеряли, а там где светло. Хотя собранного материала было вполне достаточно, чтобы заподозрить в человеке, взявшемся просто из ниоткуда и ловко пробравшегося к подножию трона имперского электора гондурасского шпиона.

Ответы на их запросы в Рецию приходили обстоятельные. Да, жил такой имярек в рецких горах, откуда вступил добровольно в имперскую армию. Семью потерял скорее всего в горской вендетте, точнее не известно. Прибился к семье кузнеца в подмастерья. Но людей, которые бы знали моих родителей не найдено.

Плохо знали географию 'Митрофанушки' из контрразведки — у них для этого кучера есть, иначе бы сразу ухватились за то, что часть южного склона горы Бадон до войны находилась под Винетией, и пришили бы мне шпионаж в пользу тамошнего герцога как миленькие, а не трясли бы меня деньгами за изобретения.

Хотя подозрение мое полностью оправдалось — пасти меня начали по наводке бывшего моего ротного, барона Тортфорта, который не обнаружив меня в списках приговоренных военно — полевым судом, очень расстроился. Надо же… даже задницу от кресла он оторвал ради меня. Сильно я его чем-то задел.

И я весело рассмеялся на этом месте. Это он еще про свою жену и меня ничего не знает. Судьба она такая… Бог не фраер, как говорили в моем мире.

К тому же, по прочтению первого тома, закралось у меня стойкое подозрение, что рецкий маркграф Ремидий, в отличие от аристократов центра империи великолепно знающий горскую

мифологию, пристально обратил внимание на то, что объявился я в этом мире именно на горе Бадон.

Весьма приметном месте откуда ушили из этого мира боги.

Где время от времени появлялись такие люди, как я, если верить деду моей жены.

И положил маркграф на меня глаз, когда подписывал такие справки. Уверен, что в этих справках, отосланных в нашу контрразведку далеко не вся информация обо мне, которой обладает рецкий правитель. В прочем справки от рецкой контрразведки были еще менее информативны.

Пообщавшись со мной лично, решил маркграф, что я ему на пользу. Дай бог, дай бог… Хотя нету в этом мире богов. Мечта Карла Маркса — мир материалистов.

Интересно, поделился ли Ремидий своими подозрениями с Бисерами или играет их также как и меня втемную?

А вот собранные бумаги на наших конкурентов, особенно на концерн 'Лозе' и его покровителей были очень интересны и актуальны. Они занимали практически весь второй том моего дела. Спасибо вам, господа аристократы, за работу.

Так что получилось у меня чтение на ночь покруче любого детектива. По крайней мере, я теперь точно знаю кто у нас на заводе стукачи. Думаю, что новый состав контрразведки менять сексотов не будет, если я их не трону. А я и не трону, просто отрежу им доступ к некоторой информации, и пусть они впредь докладывают только заводские сплетни. Живет же рядом со мной стукач генерал — адъютанта Бисера и ничего.

Однако смех смехом, а паранойя разыгралась. Несмотря на то, что дом охранялся рецкими егерями, ложась спать, поставил я около кровати в пределах моментальной досягаемости ручной пулемет. А под подушку сунул пистолет Гоча. Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет.

И уснул.

* * *

Снилось мне как мы с генералом Моласом в парадных мундирах с полным 'иконостасом' и без штанов в два смычка пежили проститутку Калию в массажном салоне 'Круазанского приюта'. Девушке было больно и хотелось кричать, а кричать-то было нечем — рот был занят.

В это время появился флигель из дворца и пытался мне вручить засургученый пакет, а когда это не удалось, то свернул его в трубочку и засунул мне в задницу со словами.

— Расписаться не забудьте.

Резко проснулся в поту, вся постель разбуроблена — видать во сне сильно ворочался я, подушка на полу, одеяло черте где и что-то сильно мешает… Мешала и весьма чувствительно как оказалось зажатая ягодицами рукоятка пистолета. Бред какой-то.

— Ни фига себе, почитал, называется на ночь детективчик, — пробормотал я спросонья, улавливая странные приглушенные звуки с улицы. Какие-то не ночные. Но не обратил на них особого внимания. — Приснится же такое…

На самом деле встреча с генералом Моласом в 'Круазанском приюте' ничем не отличалась от такой же встречи, к примеру, в особняке армейского штаба. Разве что декорациями. И велась с глазу на глаз.

Молас довел до моего сведения, что мне и так было известно от принца, но пока без конкретики. Теперь мне конкретику обрисовали в полный рост. Что я должен сделать и как. Появившийся флигель из Дворца только подтвердил его слова официальными документами и полномочиями. И в половине второго, переодевшись в полевую форму и кожаную куртку, что принес мне Тавор, с избранными рецкими офицерами я покинул 'Круазанский приют' через черный ход на другой улице — пустынной по ночному времени. Там нас уже ждала моя карета.

Через четверть часа соединились с полуротой рецких егерей капитана Вальда в переулках около городской тюрьмы. Огласил диспозицию и задачу. Добился понимания своего маневра каждым солдатом.

— Ваша милость, осмелюсь доложить, что карета начальника контрразведки десять минут назад выехала из ворот в сторону старого города, — доложил унтер — офицер, командовавший наблюдателями.

— Все готово?

— Так точно, — подтвердил он.

— Тогда работаем, — выдохнул я. — Вперед заре навстречу…

* * *

Теперь моя задача — исчезнуть из города до приезда больших начальников из имперской столицы. В то, что без них не обойдется, никому не верилось. Весь вопрос стоял в уровне командированных чинуш. Суд над 'недобитой контрой', конечно же, пройдет в закрытом режиме, без выноса сора из избы. Но поберечься стоит. Не зря меня так вот отправляют на фронт, с официальным выговором… Дважды за одно и то же по

имперскому уставу офицера не наказывают.

Вот опять с первого этажа какие-то странные звуки доносятся… и с улицы.

Сунул пистолет в кобуру. Повесил ее на шею. В руки взял пулемет, ободрившись его тяжестью и большой емкостью магазина, осторожно подошел к окну и выглянул в него сбоку.

На противоположной стороне улицы, чуть в отдалении от моих ворот, виднелись размытые силуэты трех запряженных пролеток. Большего разглядеть невозможно. Темно. Луны нет. А ночное освещение улиц бюджет нашего поселка не тянул. Ни газовое, ни масляное.

Снизу раздался выстрел чего-то неармейского, судя по звуку.

От пролёток человек восемь решительно побежало к моему дому. Явно не с поздравлениями по поводу тезоименитства его величества.

Когда первый из них стал открывать створку моих ворот, я уже не раздумывая стволом пулемета разбил стекло и выдал вниз неприцельную очередь.

В ответ послышались крики, стоны и ругань.

Я добавил еще очередь на десяток патронов.

— Атас! — кто-то заполошно крикнул и поредевшая толпа находников ломанулась обратно к экипажам.

Снизу вдогонку раздались сухие выстрелы пистолета Гоча.

Охрана все же бдит, — удовлетворенно подумал я, и дал еще одну очередь вдогонку, задев экипажи и лошадей, которые жалобно заржали. Лошадок жалко.

Экипажи стали разворачиваться.

Я еще выстрелил пятком патронов поверх их голов. Процесс отступления неведомых супостатов резко ускорился. И вскоре только одна пролетка оставалась на месте.

Над полом с лестницы показалась голова егеря. Потом он сам с лампой в руке.

— Вы живы, ваша милость? — спросил он участливо в темноту.

— Даже не ранен. А ты?

— Пустяк. Царапина. А вот Иёссену не повезло. Всего один выстрел… и наповал.

— Возьми пулемет. Постой на шухере. Я хоть оденусь.

— Они сначала нас в ножи хотели взять, ваша милость. А когда не удалось стали стрелять. И я стал стрелять… — говорил он и поглядывал в окно на улицу.

— Что там?

— Пусто. Только фаэтон стоит запряженный парой. Похоже, одна лошадь убита.

— Пошли, — сказал я, когда оделся. — Посмотрим, остался ли кто живой из этих находников. Очень мне хочется узнать, кто же так жаждет моей смерти.

На первом этаже запалили еще одну лампу. Картина маслом — три трупа. Два штатских и один егерь — охранник. Один штатский убит собственным ножом все еще сжатым в правой руке.

— Как это он так? — удивился я.

— Это он не сам, — ответил егерь. — Это его Иёссен так упокоил. После чего второй варнак бросил нож и стал стрелять.

Я только головой покачал, поднимая с пола маленький револьверчик. Почти велодог. Хромированная игрушка под патрон 6,5 на 17 миллиметров. Такие удобно носить в кармане.

Во лбу взломщика, ровно посередине, маленькая окровавленная дырочка.

— Это ты его так?

— Я, ваша милость, — подтвердил егерь. — Простите, но мы поначалу не хотели вас будить шумом. Думали и так справимся. Но воры очень верткие оказались. Пришлось стрелять.

— Стразу надо было стрелять. Тогда бы и Иёссен был бы жив, — ляпнул я, не подумав, что егерь и так переживает смерть напарника.

Покрутил ручку телефона. На той стороне сразу взяли трубку.

— Суточный дежурный по заводу…

— Слушай сюда, дежурный, — приказал я, не дослушав его. — Кобчик говорит. Срочно, по тревоге одно отделение охраны с ручным пулеметом к моему дому. Не медлить. И не пешком их отправляй, а на колясках. Понял? Отбой.

Крутанул три раза ручку аппарата, обрывая связь.

Егерь ждал моих распоряжений.

— Смени диск в пулемете на полный, — приказал я. — И за мной на двор. Может, кто и выжил из нападавших. Вопросы имеются.

Вечер следующего дня я ужинал в ресторане 'Дуб и омела'. Прикрывали меня офицеры из ведомства генерала Моласа. Притащить с собой рецких офицеров и сесть порознь после той буйной пьянки что мы тут устроили в прошлый раз, значило заранее провалить все дело. Вот и пришлось идти на поклон к генералу. Впрочем он откликнулся охотно.

Столик я выбрал специально тот, за которым в прошлый раз сидели Маара со своим кавалером.

Услужливому халдею я сделал такой заказ.

— А подать мне красного вина, буженины с хреном, салат из

свежих овощей, хорошо прожаренную отбивную — не люблю мясо с кровью, что-нибудь сладкого к кофе. А на десерт — Крона.

— Простите, ваша милость, не понял чего вам подать на десерт? — переспросил тот, округлив глаза.

— Крона. Человека, который часто сидит за этим столом у вас, — спокойно повторил я имя регента Ночной гильдии Будвица. — Только живого и невредимого. И пусть поторопиться. Это в его интересах.

Вечер следующего дня я ужинал в ресторане 'Дуб и омела'. Прикрывали меня офицеры из ведомства генерала Моласа. Притащить с собой рецких офицеров и сесть порознь после той буйной пьянки, что мы тут устроили в прошлый раз, значило заранее провалить все дело. Вот и пришлось идти на поклон к генералу. Впрочем, он откликнулся охотно.

Столик я выбрал специально тот, за которым в прошлый раз сидели Маара со своим кавалером.

Услужливому халдею я сделал такой заказ.

— А подать мне красного вина, буженины с хреном, салат из свежих овощей, хорошо прожаренную отбивную — не люблю мясо с кровью, что-нибудь сладенького к кофе. А на десерт — Крона.

— Простите, ваша милость, не понял чего вам подать на десерт? — переспросил официант, округлив глаза все же от понимания произнесенной фразы и пугаясь ее.

— Крона. Человека, который часто сидит за этим столом у вас, — спокойно повторил я имя регента Ночной гильдии Будвица. — Только живого и невредимого. И пусть поторопиться. Это в его интересах.

Крон мне понадобился, потому что ночные нападавшие на мой дом были из Ночной гильдии, и мне требовалось прояснить этот вопрос окончательно: чья это инициатива? Принц и Молас также были недовольны резким переходом Ночной гильдии от банального воровства и крышевания проституток к откровенному разбою, и подозревали тут активизацию происков вражеских разведок.

Как я это узнал? Да просто… Сознался один тяжело раненый перед смертью. Облегчил себе душу. Даже полевой экспресс — допрос из моего мира применять особо не пришлось. Хватило ему к полученным ранам дополнительно прострелить коленную чашечку. И при угрозе прострелить вторую он выболтал, все что знал. А знал он немного.

Кто-то хорошо заплатил за мою смерть. Кто? Не знает. А кто знает — сбежал. У сбежавшего главаря кличка 'Лось'. Перед акцией им выдали только аванс по два золотых. По завершении обещали еще по десять. Я аж присвистнул, учитывая, что

нападавших было как минимум десяток. Щедро оценили мою голову… можно гордиться.

В трофеи нам достались самые разнообразные ножи, кастеты, аванс с убитых — восемь золотых, не считая мелочи в их кошельках, четыре гражданских револьвера под патрон 6,5 на 17 миллиметров в разной степени сутенерской пафосности да новенькая пароконная коляска и к ней рослый имперский рысак — красивый серый в яблоках мерин. Второй такой же любовно подобранный в пару был убит мною из пулемета. Из-за чего их и бросили на месте преступления. Хорошая коляска на железной раме и с рессорами — сойдет за тачанку даже под 'гоч — лозе'. И конь дорогой, как 'Роллс — Ройс' в моем мире.

Светало, когда на двух экипажах прибыла группа быстрого реагирования с завода. Тараканы беременные. Где их только носило?

К этому времени пленный успел склеить ласты от кровопотери. Так что прежде чем работать похоронной командой выложили мы трупики нападавших — всех четырех, в рядок на улице для опознания. И соседских женщин позвали обмыть и обиходить в последний путь нашего погибшего. Погиб егерь от пули в сердце. Маленькая дырочка входная, не сразу и заметишь такую на голом теле, а на мундире ее совсем не видно. А выходной нет…

Полиция с ленцой явилась только к полудню — район у нас не престижный вообще-то они и не чаяли тут увидать целого королевского комиссара, да еще флигель — адъютанта его величества в качестве объекта разбойного нападения. Ох, и забегали тогда господа полицейские как тараканы под тапком. Сам полицай — президент столицы через час пожаловал с фотографом и старым сыщиком, который подтвердил причастность всех нами убиенных к Ночной гильдии — они своих адептов клеймили как скот маленькой татушкой на левом запястье.

— Как же это так, господин комиссар? — изумился седой начальник полиции, глядя на трупы.

— Это мне вас надо спросить: как же это так? — вернул я ему вопрос. — До сегодняшней ночи у нас был очень тихий и спокойный пригород. Прошу в беседку, ваше превосходительство. Простите, но дом занят похоронными хлопотами. Я в этой стычке человека потерял. Верного человека.

До приезда Онкена с Моласом в сопровождении Вальда с рецкими егерями, успели мы с полицай — президентом на двоих уговорить в садовой беседке бутылочку зеленого вина из виноградников маркграфа и договориться о поставках в

департамент полиции партии компактных револьверов под большой калибр. Очень уж хотел его превосходительство хоть чем-то загладить недосмотр своего департамента.

Интересно то, что, несмотря на развитое искусство словесного портрета, до фотографирования мазуриков в фас и профиль и ведения картотеки местная полиция уже додумалась, а вот до дактилоскопии нет. Надо помочь…

Когда мы закончили нашу беседу, улица перед моим домом уже напоминала стоянку возле гипермаркета в выходной день. А от магниевых вспышек фотографов рябило в глазах. Репортеров от моего дома егеря гоняли примкнутыми к винтовкам штыками. Представляю я заголовки вечерних выпусков. Особенно про пулемет в доме…

Пока я ждал в ресторане ночного регента, накидал на салфетке эскиз самозастегивающихся наручников — простая, в сущности, вещица да и замок примитивный. Однако пригодится и мне для пленных, и полиции для задержанных мазуриков. Делать их можно из отходов нашего производства силами наших же фезеошников. Им и практика, и какой-никакой самостоятельный заработок. А патент возьмем гражданский — желающие производить столь полезную в хозяйстве вещь найдутся. Полиции в империи много.

Час пролетел незаметно. Захлопнув крышку часов, я уже подумал что 'такой крутой башуста##' посчитал западло со мной встречаться. Типа уровень мой не тот. Я же не представился халдею. Подумаешь старлей, если судить по погонам. Невелика шишка в этом лесу. А героев с ленточкой 'Креста военных заслуг' уже много на второй год войны.

* * *

* * *

Башуста (азерб.) — большой человек по статусу.

* * *

Но регент все же пришел когда я доел эклеры и помаленьку попивал хорошо заваренный кофе. Ужин был хорош. Мне даже понравилось, что мне не мешали с аппетитом поесть.

Пришел, нагло сел напротив меня без приглашения внимательно меня рассматривая. Лет ему было на вид сорок пять.

Сероглазый брюнет с седыми висками. Нос тонкий с нервными, как бы выгрызенными ноздрями. Широкий подбородок с ямочкой как у Жана Марэ. Гладко выбрит. Пахнет неплохим парфюмом. Одет дорого в бежевую тройку, белую сорочку и синий галстук в средний желтый горошек. Такой же платок торчал из верхнего кармана. Все от очень хорошего частного портного — в этом мире еще не сошли с ума от брендов. На жилетке золотая часовая цепь с брелоком в виде русалки. Рыбий хвост ее состоял из плотно посаженых мелких бериллов травяного цвета, а волосы полосами из мельчайших сапфиров, глаза бриллиантовые — каждый на полкарата. Занятная вещица. На жестких манжетах золотые запонки с крупными изумрудами в окружении мелких бриллиантов. И простой перстень — печатка на левой руке. Гладкий.

Я все это время спокойно пил кофе и ждал, когда он скажет первую фразу. Мне это было необходимо для того чтобы рисунок разговора выстроился так как мне нужно. И тут уже без разницы, что он скажет. Главное чтобы он сказал свое первое слово.

Когда Крон составил свое мнение обо мне, то спросил с блатной интонацией.

— Чё те нада, фраер? Мое время бабла стоит нехилого.

Я ожидал увидеть в уголке рта золотую фиксу, но обломался. Ее не было. Придется немного поправить рисунок беседы, который мы разрабатывали вдвоем с Моласом.

— Однако, — усмехнулся я, ставя чашку на стол. — А мне говорили, что вы даже образованный человек и имеете манеры. Столько врунов развелось в последнее время. Куда катится мир?

Последняя моя фраза звучала откровенно ернически. Но я тут же подлил в голос металла.

— С каких это пор Ночная гильдия стала брать заказы на убийства?

— Угу… — Крон сморщил глумливую гримасу. — С тех самых, когда мирные граждане стали держать в доме пулеметы. Мы же за это тебе предъяву не кидаем. Как и за четыре жмура. И за зажиленную коляску с мерином тоже. Пользуйся. От меня чё нужно?

— Заказчик.

— Стукачей в Ночной гильдии нет.

— Нет, так будут, — спокойно сказал я. — Надеюсь, ты прокачал кто я?

Крон кивнул. Но молча.

— Указ о создании ЧК в газетах прочел?

Крон кивнул снова. Безучастно так только подтверждая сам факт.

— Тогда делай выводы. Только быстрее. Промедление тут смерти подобно. Причем в буквальном смысле этого слова.

— Угрожаешь, начальник? — регент снова стал играть в блатного. — Так неча нас ужо пужать, мы ужо пужаные.

— Точно наврали мне про твое образование, раз внимательно читать не умеешь, — поднял я руку и щелкнул пальцами.

Официант возник прямо из воздуха.

— Еще кофе мне и моему гостю. Его у вас хорошо варят, — и обернулся к главе ночной гильдии. — Что-нибудь к кофе будете?

Тот отрицательно покачал головой.

— Только кофе, — подтвердил я заказ.

— Сей минут, — и официант моментом развоплотился.

Прямо колдунство какое-то.

— Ты в курсе, — перешел я с ним на 'ты', хватит в вежливость баловаться, раз он сам так хамит, — что твои люди убили егеря моей охраны?

— В газете читал, — ответил он.

Вот как, вечерние газеты оказывается уже вышли. Что-то рановато сегодня.

— А знаешь, кого именно они убили?

— Не знаю. И откровенно знать не хочу, — скрестил он руки на груди, отчего его запонки красиво заиграли отраженным от светильников свете.

— А зря. Убили они рецкого горца. Учитывая сколько в городе рецких стрелков и егерей сейчас, то Ночная гильдия может нарваться на вендетту по всем правилам.

— Каким это правилам? — фыркнул он.

— Вырежут всех. До седьмого колена. — сказал я с серьезной мордой.

— Кто же такое допустит в Будвице? — спросил он с хорошо скрываемым испугом.

Слава о рецких горцах далеко бежит. И чем дальше, тем она страшнее рассказывается. Вот что значит пятьсот лет подряд в боях пленных не брать.

— Ты забыл, как называется королевская комиссия? Так я напомню. Чрезвычайная. И она вправе отдать приказ о чрезвычайных мерах. Террористический акт, который сотворили твои подопечные вполне подходит под определение 'пособничество врагу' в военное время. Фронт, между прочим, всего в трех часах езды на паровозе отсюда.

Посмотрел на его ошарашенное холеное лицо и усмехнулся.

— Но лично я могу горцев и остановить… как их вождь. Если мне головой выдадут Лося живого и способного членораздельно разговаривать и с ним заказчика ночного теракта. Остальные

лично мне не интересны.

При этом я делал сознательные ударения на слово 'лично'.

— У вас ничего не получится, — уверенно высказал он, придя в себя. — Это мой город.

— Еще как получится, — уверенно посмотрел я ему в глаза. — Только тогда каждого кто попадется с характерной татуировкой на запястье, будем ставить к ближайшей стенке и незамедлительно расстреливать. ЧК просто объявит Ночную гильдию вне закона. Тогда не только кровники из горцев, а каждая вами крышуемая проститутка сможет убивать вас безнаказанно, только чтобы не отдавать вам половину своего заработка. И ей ничего за это не будет. Потому что вы станете вне закона вообще. Любого закона. А из города не выйти — он окружен войсками.

Обрисовав эти не радужные для него перспективы, я вынул из планшета и положил на стол постановление 'Чрезвычайной королевской комиссии по борьбе с саботажем и пособничеством врагу', в котором были все семь настоящих подписей комиссаров и нужные печати. Но не было даты.

Принесли кофе. Я к нему не притронулся, а Крон свой выпил залпом. И стал читать короткий, но не допускающий двойного толкования текст. Особенно в той его части, где говорилось о запрещении остальным подданным короля и гражданам империи, в том числе и родственникам, предоставлять членам Ночной гильдии 'кров, хлеб и воду' под угрозой смертной казни.

Я же играя вертел в пальцах химический карандаш, действуя ему на нервы.

— Могу поставить дату прямо сейчас, — произнес я с доброй улыбкой, когда он прочитал документ об объявлении Ночной гильдии вне закона. — И даже дать вам полчаса форы убраться отсюда. Вы этого хотите?

— Нет. Не хочу, — сказал он после некоторого раздумья. — И по поводу дым — глины скажу, что в армии ее не будет, если вы действительно даете нам карт — бланш на расправу с ее распространителями.

Ага… Успела, значит, Маара с ним переговорить.

— Неофициальный, — кивнул я головой. — Сами понимаете… Не можем мы на такое пойти официально, а вот закрыть глаза на некоторые события… вполне. Но я не услышал ничего про Лося… Ибо покрывая его вы берете таким образом всю ответственность за ночной теракт на себя.

— Заказчика его вам тоже в праздничной обертке с бантиком доставить? — ухмыльнулся Крон.

— Лучше просто покажите нам издали, где он живет и его

самого. Дальше мы уже сами как-нибудь. И вообще… ЧК к полиции никакого отношения не имеет, как и военная разведка. Ловить вас за ваши традиционные промыслы им в задачи не ставится. Но если вы патриоты своей страны, то должны во время войны с ними сотрудничать, а то вражеские агенты уже как мыши в амбаре расплодились в ВАШЕМ городе.

— И что мы должны делать? — выдохнул он как навьюченный стирх.

— Об этом с вами отдельно переговорят. И не я. А человек, который покажет вам вот это.

Я положил на стол половинку серебряного кройцера, разрубленного на заводской гильотинке.

— А это будет у вас.

Положил вторую половинку так, чтобы они выглядели целой монетой.

— Выбирайте любой. Когда убедитесь что половинки от одной и той же монеты, то назовите любое число до двадцати. В ответ вам назовут цифру, которая при сложении с вашей составит число двадцать один. Если человек назовет любое другое число — убейте его тут же. Место встречи 'Круазанский приют'. Вы же его время от времени посещаете? Не думаю, что Маара откажет вам в месте для уединения.

— Спасибо за кофе, — сказал Крон, вставая и забирая половинку кройцера. — Не скажу, что мне приятно было с вами познакомиться. Но полезно.

Есть вербовка! Молодец Молас, как он его просчитал.

— А уж как мне было неприятно ночью применять собственное изделие не по врагам, а по подданным моего короля, — вернул я ему любезную фразу. — Кстати за вами должок за сожженные патроны и извинения за убитого рецкого горца. К тому же мое время бабла стоит нехилого.

Крон коротко кивнул.

После его ухода я потребовал вечернюю газету. Большой заголовок 'В городе второй день в криминальных разборках используются армейские пулеметы' расположили на первой странице. Не знаю, кто поработал с редакторами, но смысл статья сводился к тому, что Ночная гильдия по ошибке залезла в мой дом и схлестнулась с моей охраной, которая и применила для обороны пулемет. И итог — один охранник убит, как и четверо нападавших. И прочее бла — бла — бла о том, как с началом войны распоясался в городе криминал. Ничего особенного. Я ждал большего резонанса.

В неприметной с виду дешевой карете в соседнем переулке меня весь вечер ждал помощник Моласа капитан Санеда,

которого бросили на контрразведку в Будвице. Простите, на дофронтовую разведку.

Разведка ольмюцкой армии теперь делится на дофтонтовую, фронтовую и зафронтовую разведки. Но по сути это бутафория, так как дофронтовая разведка занимается лазутчиками и шпионами, то есть там, где официальная имперская контрразведка недорабатывала. Причем сделана такая реорганизация управления второго квартирмейстера Моласом безо всякой помпы и шума. Кому не надо — тот не знает. От этого я еще больше зауважал генерала.

Закрыв за собой дверь кареты, я отдал капитану половинку серебряного кройцера и сказал.

— Теперь он твой. Деньгами его не балуй он и так богатый. Если только сам попросит с обоснованием трат.

— Ну, ты, Савва, и кудесник, — восхитился капитан.

Еще бы… Я столько видов шантажа в кино видел, что здешнему разведчику и не снилось никогда. А еще больше про них читал.

— Главное не пережми палку, — ответил я. — Крон неординарный человек и себя очень уважает. И чутье у него звериное. Думаешь легко с такими… У меня вся спина мокрая.

Открыл переднее окошечко и скомандовал кучеру.

— Во Дворец.

— Мда… — произнес капитан, когда копыта застучали по брусчатке. — Получим мы от Моласа по первое число на разборе за то, что сами до такого не догадались.

— Скажи ему, что я тоже не догадался бы, если они сами на меня не напали. И еще это… — я достал лист бумаги и отдал его капитану.

— Что это?

— Разрешение на выдачу двух ручных пулеметов вне очереди. Получишь с завода. Это для твоих групп быстрого реагирования. Еще револьверы компактные большого калибра для скрытого ношения с гражданской одеждой. Вот такие…

Вынул из кармана вороненую машинку, которую неугомонный Гоч все же сваял. Пока, правда, только в одном экземпляре, который я забрал с собой на 'стрелку' с главарем ночной гильдии в качестве оружия последнего шанса.

— Уж ты… Какой малыш… и под армейский патрон? — удивленный капитан взял в руки наше новое стрелядло. — Как называется?

Он обратил внимание, что на револьвере не было никаких клейм вообще.

— Гоч — бульдог.

Капитан привычно выщелкнул барабан и крутанул его. Сказал разочарованно.

— Маловато зарядов-то. Всего пять.

— Кому не хватит в короткой уличной перестрелке пяти патронов тому и двенадцать ничем не помогут, — наставительно заявил я сентенцией моего российского ротного, которой он разразился в ответ на солдатские жалобы про малую емкость магазина для ПМ##. — Тренируйтесь стрелять каждый день в движении. Тир в штабе хороший.

* * *

* * *

ПМ — 'пистолет Макарова'. Восьмизарядный пистолет системы Н. Ф. Макарова, состоявший на вооружение Советской и Российской армии и МВД с 1951 г.

* * *

Карета въехала в дворцовые ворота и приняла в сторону крыла ведомства Онкена.

— Ну что? Пошли сдаваться, — улыбнулся я.

Не часто я бываю так удовлетворен сделанной работой.

* * *

Забегая вперед, скажу, что Ночная гильдия хорошо отработала на местный СМЕРШ## до самого конца войны. А после войны умный Крон устроил воровские гастроли по империи и не только. Воровали они редко, но по — крупному используя все наработки, которые освоили на ниве контрразведывательной деятельности. Но в Будвице Ночная гильдия ничего такого не допускала, и полицай — президент регулярно получал очередные чины и ордена за безупречное обеспечение общего благочиния.

* * *

* * *

СМЕРШ — 'Смерть шпионам'. Управление военной контрразведки Наркомата обороны СССР с 1943 по 1946 гг. Подчинялась лично наркому обороны И. В. Сталину.

* * *

Извинения свои Ночная гильдия принесла в виде роскошного венка на похороны Йёссена с покаянной надписью на траурной ленте. Рецкие егеря смотрели на эту братию с венком волками, но я их заранее предупредил, что повода для кровной мести нет. Ошибка вышла, а трупы с обеих сторон. Впрочем, и сами адепты Ночной гильдии предпочли не задерживаться на кладбище.

И еще в тот же вечер по возвращении из Дворца меня ошарашили дома нежданным подарком от Крона. Прямо на дом доставили еще одного серого в яблоках жеребца в пару к трофейному. Упряжь у трофейной коляски под пару заточена.

Дожидавшийся меня в садовой беседке за разговором с моим кучером его старый знакомец — хорошо одетый пожилой берейтор с ипподрома, с поклоном передал от Крона, что моя семья теперь под защитой Ночной гильдии, и я могу уезжать на фронт со спокойным сердцем. И оставил на столе по всем правилам оформленную дарственную на коней и коляску от совсем левого пассажира, что меня реально улыбнуло. Лишний раз понял, что Крон очень умный человек. И комедию в ресторане ломал предо мной вовсе не от дурости, подумал я, смотря в спину берейтору, уезжающего от нас легкой рысью в сгущающиеся сумерки верхом на изумительной красоты рыжей кобыле.

Жену, правда, пришлось успокаивать долго. Она за меня не на шутку испугалась. Так что и пулемет в доме как прописался. Ей с ним спокойней. Она сама его чистит и смазывает и держит по ночам около кровати в моментальном доступе рукой. А стрелять из него ее научат на полигоне как следует. Мало ли что в нашей жизни и когда пригодиться может?

Заказчик покушения на меня оказался низкооплачиваемый невзрачный мелкий чиновник Статистического департамента, что сидел на регистрации входящих документов. Протирал он штаны в этом департаменте долго — почти двадцать лет с самого основания конторы. Был щупл, тих, исполнителен, безотказен и без амбиций. Таких чиновников карьерное начальство просто обожает. По его виду никогда не скажешь, что такой сморчок способен на поступок.

Но вот хобби у него меня сразу насторожило — чинуша был маньячный голубятник и разведение голубей составило его

второй доход. Как бы ни больше, чем департаментское жалование. А мне сразу припомнился телесериал 'Гибель империи'… Вот она его связь с начальством. И регулярная покупка или продажа им почтовых голубей курьеру на Птичьем рынке никаких подозрений доселе не вызывало.

На следующий день после моей беседы с Кроном мне на дом привезли Лося со связанными за спиной руками. Разве что в подарочную бумагу не завернули с бантиком.

Кличку тот получил говорящую, здоров был парень… на что я больше метра восьмидесяти, так он еще на полголовы меня выше. А народ тут все больше мелкий сто шестьдесят — сто семьдесят.

Усадил я его на лавку в садовой беседке, рук не развязывая, спросил.

— Ты в курсе, Лось, что твоя жизнь отныне принадлежит мне?

Он мрачно кивнул.

— Не слышу?

— Да.

— Что да?

— Моя жизнь принадлежит тебе, начальник.

— Тогда делай, что скажу я или слушай человека, которого назначу я и проживешь долго.

— Разве это жизнь, начальник, — посмотрел он на меня жалобно. — Цепным барбосом.

— Ты выбрал смерть? — спросил я его, доставая армейский револьвер как самый большой из ручного оружия, со скрипом медленно взводя курок до щелчка. — Или предпочитаешь нож?

Я подозвал егеря, который с радостью обнажил свой дедов кинжал, играя на лезвии солнечными зайчиками, продемонстрировал его Лосю.

— Я этого не говорил, — спрятался Лось во внутреннюю раковину.

Уже лучше. Жить все же хочет.

— Ну, так будешь служить?

— А куда я денусь, начальник? Откажусь, как меня свои же на пику поставят. Еще вчера мне конкретно объяснили, что я круто рамсы попутал. Искупать должен.

— Вот и ладно… Отвезу я тебя к тому кто тебе будет отдавать приказы. Развяжите ему руки и дайте напиться.

Лось по нашему наущению предъявил заказчику претензию с распальцовкой, что они ему не нанимались охреневать в атаке на пулеметы. И отбил-таки у него половину обещанного гонорара, который мы оставили ему — на расходы. На личную встречу, Лось его вызвал тривиально по телефону от чего я просто выпал в

осадок. Как тут все просто и патриархально еще. Встречались они на веранде пивной открытой всем ветрам и люди Моласа заказчика не только там срисовали, но потом вполне грамотно повели наружкой.

К моему сожалению, заказчик не был связан с Тортфортами, а работал на царскую разведку. Чуть ли не официальный резидент нелегалов был. Его Молас взял в разработку и долго еще кормил более или менее правдоподобной дезой. Но после попытки организовать теракт на принца его вовремя ликвидировали. Живьем он не дался.

Я уехал на фронт, сопровождаемый напутствием Онкена, что времена сейчас такие… мне там будет безопаснее, чем в городе. Поэтому чем кончилось дело с контрразведкой, я не знал. Кроме того что бургграфа Леппе — Тортфорта расстреляли за дезертирство. Но об этом читали приказ в каждой воинской части. В назидание, так сказать…

31

Березовый лес королевской полевой ставки наполовину пожелтел, но лист еще не падал. Осень неотвратимо подкралась. Незаметно так. И красиво.

Встретили меня там неплохо, хотя незнакомых лиц было не много — все мои кураторы в Будвице остались. И к королю допустили беспрепятственно — я его флигель — адъютант все же.

Бисер принял мое представление как королевского комиссара и отпустил до вечера — точное время мне объявит дежурный адъютант.

Крыкан уже ожидал меня у монаршего салон — вагона, утаптывая гравий. Он несколько подобострастно доложил, что прибывшие со мной рецкие горные стрелки и егеря устроены в теплушках запасного эшелона, поставлены на довольствие и им выделена кухня — самовар с поваром. А денщик меня уже ожидает в спальном вагоне, где мне предоставили купе.

— Обед… — продолжил чиновник свои речи.

— Пусть принесут на двоих в купе, — попросил я.

Не тянуло меня пока питаться в большой компании вагона — ресторана. И так уже все хоть мало — мальски шапочные знакомые еще в дороге достали меня с расспросами о моей пулеметной стрельбе в городе. Газеты же сюда также поставляют регулярно.

После обеда полтора часа поспал и отдохнувший сходил проведать своих штурмовиков, собственным глазом посмотреть, как их устроили, выслушать жалобы и все такое, что положено командиру. Хотя ротный командир им капитан Вальд, но я как бы командир командира. Тем более что кроме роты горных стрелков, отдельно за мной еще числилось отделение минеров, десять пулеметных расчетов 'гоч — лозе' — пять десятков человек и пять снайперских пар егерей, каждая с расчетом ручного пулемета. Сила!

Еще груз экразита с собой тащим, будь он неладен. Кататься в бою на такой бомбе особого желания нет, чуть, что… и на молекулы. Но надо. Два десятка килограммовых брусков, каждый тщательно завернутый в три слоя пергаментной бумаги и два слоя оловянной фольги. В двух крепких ящиках оббитых изнутри войлоком на медных гвоздях подходящих по форме к пустотам в быках моста. На наше счастье строили мост через Цысю огемцы, и в архивах Будвица сохранились проектные чертежи.

Когда король принял мой подробный доклад о том, что твориться в столице и о моих планах на будущее, спросил.

— Может не стоит взрывать мост? Самим может пригодиться.

— Стоит, ваше величество, — убежденно произнес я. — После войны обязательно восстановим. И не деревянный на каменных быках, а красивый из стальных клепаных ферм. Пусть дирижабли поработают на установке ферм, которые можно будет склепать на берегу. Все что требуется для этого, уже есть — и локомобили с пневматическими компрессорами, и обойные молотки. А готовые элементы легко подвозятся по железной дороге.

— Прожектер ты. Кобчик, — усмехнулся ольмюцкий монарх. — Но соблазнительные у тебя прожекты. Новый пулемет показывать будешь?

— Для демонстрации все готово, ваше величество.

— Тогда пошли. О войне конкретно с тобой завтра говорить будем. Как королевский комиссар ты вроде как полноправный член ставки по должности. Критиковать будешь моих генералов, а то они опять что-то все переусложнили.

— Застоялись они, ваше величество, — пошутил я,

— Это точно, — улыбнулся король. — Но где их гонять в траншеях?

И немного подумав, монарх сменил тему.

— Как не хотел я тебя, Савва, выпускать в бой, а пришлось…

— Но я же выполнил все свои обязательства, ваше величество, — воспользовавшись паузой, выдвинул я свои аргументы. — У фирмы 'Гочкиз' две линии пулеметов стабильно и ритмично работают в Будвице и одна во Втуце. Даже пулемет 'лозе' за прошедшее время до ума довели.

— Главное не в этом, Савва, — задумчиво прознес король. — Главное в том, что в Будвиц на трибунал где будет рассматриваться дело контрразведки, прибудет сам император, а не его представители. Отоний, конечно, человек мудрый и справедливый, но под горячую руку ему лучше не попадаться. А посему почитаю за благо тебе пробыть все это время в бою, чем во Дворце. Там, откуда тебя спешно не выдернуть. Глядишь, все и уляжется. Но это уже не твоя, а наша с сыном битва.

И не удержался от хвастовства.

— А мы все же измотали царцев тем, что каждую неделю демонстрировали готовность начать наступление. Теперь они на нашу артподготовку почти не реагируют. Все резервы остаются на местах. А в траншеях только наблюдатели. И еще обнаружился у врага снарядный голод. Особенно для крупных калибров. На наш десяток выстрелов они отвечают уже одним — двумя. И это прекрасно! — широко улыбнулся король.

Бронепоезд 'Княгиня Милолюда' тихо прокравшись в темноте между фортами, встал, ожидая крайней команды. Сзади на

безопасном расстоянии расположились шушпанцеры, а за ними совсем в уже тылу наши эшелоны обеспечения. На параллельной ветке в эшелонах войска, вводимые за нами в прорыв. Отступать по железной дороге просто невозможно… Только вперед.

Я с командиром бронедивизиона и одновременно командиром головного бронепоезда ….(вставить)… который перед наступлением получил чин гвардейского капитана, сидели в командирской будке, в которую превратили паровозный тендер и сосредоточено сопели над картой, в последний раз уточняя свои действия и взаимодействие с другими войсками.

Все заранее расписано по минутам. Я на совещании в ставке к этому даже придираться не стал — не поймут пока, что их высокое штабное искусство может полететь в тартарары от любого случайного фактора. В этот раз я вообще не учил их, как воевать — вот еще… да и задачи передо мной такой не ставилось. Больше я упирал на обеспечение и логистику. Рубежи промежуточных полевых складов. Продавил через короля раздачу солдатам двойного носимого боекомплекта, сухого пайка и хотя бы по паре бинтов на брата. А то с санитарным обеспечением в первой волне наступления не просто плохо, а откровенно ужасно. Особенно со своевременной эвакуацией раненых с поля боя. Закисли медслужбы в глухой обороне.

— Лучше бы вы, господин королевский комиссар, побольше тяжелых пулеметов нам привезли, — пнул меня словесно один из командиров корпусов. — Советовать-то легко, сидя в тылу… за пивом.

Это его так впечатлило на демонстрации, что 'гоч — лозе' может давать длинные очереди на всю ленту без видимых последствий для автоматики.

— Завод работает, господа, — откликнулся я, пропустив мимо ушей сентенция, что 'каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны'. — Работает под лозунгом 'Все для фронта, все для победы!'. Когда я уезжал из Будвица сборочный цех выдавал в день по три десятка 'тяжелых' пулеметов 'гоч — лозе'. Но приоритетом для нас до того было обеспечение грядущего наступления. И здесь легкий и мобильный ручной пулемет 'гочкиз' вне конкуренции. Сами увидите. Но опять-таки настаиваю на том, что если ваши интенданты вовремя не подвезут на передний край патроны в достаточном количестве, то никакие пулеметы вам не помогут.

Уверен, что не будь на моем мундире ленточки 'Креста военных заслуг' с мечами, не болтался бы у меня боку золотой кортик с темляком цветов 'Солдатского креста', то наслышался бы я генеральского мата о военных способностях сосунка —

фабриканта. Однако как опытные царедворцы они ориентировались на мнение короля, а государь ко мне был благосклонен.

— Опять-таки… вовремя излеченный и поставленный в строй боец — это дополнительный удар по врагу, у которого живой силы в разы больше и только его индустриальная отсталость не позволяет нарастить против нас войсковую группировку. Призвать они людей могут, а вот вооружить их… Но в последнее время, как докладывает зафронтовая разведка, островное королевство стало поставлять царцам амуницию и вооружение в долг. Так что увеличение численности их войск только вопрос времени. И мы должны успеть, до этого как это случиться поставить между нами непроходимый рубеж из полноводной реки. У меня все, господа.

— Но за рекой также наша земля, — подал голос кто-то уз штабных. — Как с ней быть?

— Разобьем сейчас царцев, вернем и эти земли, — пришел ко мне на поддержку король. — А вот побережье нужно отбирать у них уже сейчас. Вместе с портом. Примените выкладки барона, — это его величество обо мне так, — к врагу и вы увидите, что как только заработает царская линия снабжения от порта по северной железной дороге до распределительного узла, то… Теми войсками, что у нас есть мы и этот фронт не удержим, если царцы к тому же доведут количество артиллерии до штатов союзников на западном фронте. И особо если они не будут иметь проблем со снарядами.

Король обвел всех присутствующих тяжелым взглядом.

Все молчали, ожидая, что король к фитилю отрежет добавок. И дождались.

— Начальнику штаба ставки раздать командирам корпусов пакеты для начальников дивизий и бригадных командиров. Вскрыть эти пакеты сегодня ровно в полночь. Наступление каждого полка начинать точно по времени, указанному в пакете. Артподготовка по колючим заграждениям и первой линии траншей всего полчаса, но всем что стреляет и только по коридорам прорыва, которые после артиллерии расчищают штурмовики. Артиллеристам особо придерживать графика и времени перехода обстрела на новый рубеж. Все остальное указано в пакетах. Надеюсь что каждый из вас выполнит свой долг. Да помогут нам ушедшие боги.

Генералы вытянулись в струнку и, щелкнув каблуками, склонили головы. С ними и я.

— Кобчик, вы в ставке остаетесь? — спросил король на публику.

— Если вы позволите, ваше величество, то я бы предпочел пойти в прорыв вместе с созданным мной бронедивизионом.

— Но там уже другой командир.

— Я не претендую, ваше величество, на то, чтобы отбирать должность у заслуженного офицера. С вашего позволения я пойду в этот бой командиром приданных бронедивизиону рецких штурмовиков.

— Что ж… быть по сему, — 'согласился' король. — Но не забывайте там, что вы еще и королевский комиссар с особыми полномочиями. Всегда и везде.

— Так точно, ваше величество.

— И не вздумайте попасть в плен, барон. На вас не зря враги устраивали покушение в тылу, — оставил король за собой последнее слово. Для впечатления своего генералитета.

И вот теперь с капитаном сидим как на иголках. Как же долго тянутся эти последние минуты.

Ночь безлунная, хоть глаз коли. В перископ ничего не видно. В дальномер и подавно.

И мандраж бьет. Адреналин уже брызнул по венам. Нервы на вздерге.

Посмотрел на часы, сказал командиру дивизиона одно слово.

— Пора.

— Канонады еще не слышно, — возразил он.

— И не должно, — откликнулся я. — Мы начинаем на четверть часа раньше. Прицелится по нам за это время, никто из царцев просто не успеет, а потом им будет откровенно не до нас.

— По местам стоять. Мало — помалу вперед, — приказал командир в будку паровоза по переговорному устройству, такому… пароходному что ли.

Бронепоезд, громыхнув сцепками, потихоньку стал разгоняться по рельсам. Без гудков и свистков.

Началось…

* * *

Вопреки сложившемуся обычаю артподготовка началась не утром, а глубокой ночью, неожиданно перерастя в шквал огня из привычного уже, ставшего рутиной беспокоящего обстрела.

Одновременно полезли на нейтральную полосу штурмовики поддержанные саперами с ножницами для резки оставшейся проволоки. Фактически это сложно еще назвать движением войск за 'огненным валом' но что-то приближенное к этому.

С некоторым интервалом за штурмовиками ползли роты

зачистки захваченных траншей.

Основная пехота вводилась в прорыв третьим эшелоном. За ним планировался еще четвертый тактический эшелон, который предназначался для выхода на оперативный простор за полевыми укреплениями врага и его главной задачей стоял погром ближних его тылов, нарушение линий связи, ликвидация артиллерийских батарей и — главное — не подпустить к основным силам царцев их резервы, разбивая их по частям на марше.

И только потом вводились в бой основные силы, скрываемые до поры в глухих лесах, с задачей рассечь вражескую группировку на части и прижать их к болотам, отсекая от тылов.

Начали с полевого укрепрайона. А когда враги хоть слегка опомнились, где может быть направление главного удара и успели хоть как-то отреагировать, начала гвоздить вражеские укрепления тяжелая артиллерия обоих фортов и дивизия особого могущества. Брусиловский прорыв в миниатюре. Резервов на все три участка 'направления главного удара' у царцев не было.

На севере еще вечера по своевременной команде спешно достроено из готовых элементов последнее звено гати и с ходу без потерь захвачен плацдарм за ней в редком приболотном осиннике, в котором всю ночь наращивалась группировка и высылались взводные конные разъезды усиленные ручным пулеметом каждый. Формировались команды штурмовиков из рецких саперов для захвата мостов, разъездов с водокачками и нарушения телеграфного сообщения на железной дороге. Два дня, не меньше, будут перетаскивать через гать кавалерийскую дивизию вслед за бригадой рецких горных егерей. Еще одна бригада горных стрелков терпеливо ждала своей очереди на переправу. Просто сидеть в лесу как они это делали на протяжении последних двух месяцев, было хуже.

Пока враг очухивался от первого огневого налета, мы за это время успели отмахать в темноте по рельсам пятнадцать километров и сбросить десант на первый разъезд, где заранее был намечен первый ротный опорный пункт. Следующий за нами шушпанцер тянет для них три платформы со 'спиралями Кобчика' и доберется до десанта, когда тот закончит зачистку полустанка и приступит к инженерному обеспечению позиции, загнав лишние для нас платформы на запасные ветки.

Второй шушпанцер везет такой же груз для второго разъезда.

Их задача еще при необходимости и огнем поддержать пехоту до прибытия приданной им артиллерии.

А нам вперед и только вперед на Узловую. И как можно быстрее, пока там видят третьи сны. Освободившись от лишних платформ на полустанках, колеса бронепоезда запели бойчей на

рельсовых стыках.

На востоке занималась робкая полоска зари хмурого сентябрьского утра.

* * *

Ворвались на Узловую с рассветом, паля во все стороны из всего бортового оружия, но и врага застали без штанов в буквальном смысле этого слова. Впрочем не так уж того врата гам было и много — батальон где-то. К тому же расквартированный не едином кулаком в казармах, а по два — три человека по обывательским квартирам. Офицеры, соответственно совсем отдельно. Что только добавило паники.

Даже телеграф нам достался целеньким на вокзале вместе с дежурными телеграфистами — на мое удивление совсем гражданскими железнодорожниками, по национальности огемцами, охотно пошедшими с нами на сотрудничество.

В первые пятнадцать минут десанта весь район, прилегающий к вокзалу, был в наших руках. И группы штурмовой пехоты уверенно занимали следующие кварталы. За ними шла волна чистильщиков и трофейщиков. Под пленных определили крепкий каменный пакгауз на станции. По случаю — пустой.

На самой узловой станции захватили эшелон с 75–мм полевыми орудиями заморской системы — две восьмиорудийных батареи, с приличным боезапасом к ним. Отдал приказ установить их южнее и севернее станции на особо угрожаемых направлениях контратак царцев вдоль железных дорог. И отправить гонцов на дрезине с требованием командованию направить к нам запасные расчеты артиллеристов из резерва. Раз такая оказия… Заранее об этом мы как-то не подумали. Да и не рассчитывали на такую удачу, если совсем уж откровенно.

Оставив на станции командовать Безбаха, я отцепился от основного БеПо и с тремя груженными платформами за мотоброневагоном, мерно стуча калильным двигателем, медленно покатил в сторону моста — движок тянул почти на пределе. А это еще дюжина километров, как минимум… так, что требуется поспешать.

Утро для боя выдалось прекрасное. В небе дымка, закрывающая солнце. Нет жары. Нет и холода. Комфорт, да и только. По сторонам от 'железки' ласкающую взгляд золотую осень трепещет легкий ветерок. В такую погоду по грибы ходить, шашлыки жарить, с девушкой миловаться, а не воевать.

Ближе к мосту занял свое место в командирской башенке,

потеснив командира вагона. Это мой бой!

Вахмистр горных батарейцев не возражал — право вождя самому вести их за собой незыблемо.

Пока нам везло, катились без единого выстрела, не встречая никакого сопротивления.

Мост чрез Цысю был старый однопутный и на каждом его берегу был устроен разъезд. После того как трансконтинентальную магистраль переделали на два пути в обе стороны. Это, конечно же, задерживало перевозки и проект строительства второго моста рядом был закончен еще до войны, но война помешала…

На подъезде к мосту, после разъезда, забитого эшелонами со стреляными снарядными гильзами, когда до моста остался один путь, по шпалам навстречу нам бежал человек, и что-то истошно орал размахивая зеленым флажком.

— Отцепить платформы, — приказал я. — Замедлить ход.

Штурмовики, не дожидаясь остановки своих платформ, частью на ходу попрыгали на гравий насыпи, часть прикрывала товарищей пулеметами, а особо назначенные навалились после отцепки на тормоза, что дико скрежетали металлом.

Охрана эшелонов на разъездах сопротивления никакого не оказала и охотно сдалась, сложив старые однозарядные винтовки с игольчатыми штыками.

Броневагон, избавившись от тяжести прицепа, рванул вперед со всей своей максимальной скоростью — тридцать километров в час.

Человек с зеленым флажком резво соскочил с пути, чтобы не попасть под нашу переднюю контрольную платформу с пулеметами и десантниками, но орать не перестал. Но я его за стуком двигателя не слышал. Да и не обратил особого внимания.

С гулом пролетели по обеим сторонам ажурные фермы трехпролётного моста и, ворвавшись на правый берег реки, я отдал приказ стрелять только из пулеметов. Проскочив первый за мостом разъезд, увидел, что однопутная дорога там и дальше продолжается, и навстречу нам со второго разъезда уже вышел эшелон с большим черным паровозом впереди. Паровоз уже разгонялся.

— Уя — струя, — вырвалось у меня. — Семафор же зеленый был?

— Осмелюсь доложить, ваша милость, затараторил вахмистр мне в ухо, — но у царцев зеленый цвет запрещающий.

— Что же ты раньше молчал? Болинтер, двигай булками. Двигатель на реверс! — истошно скомандовал, — Носовое орудие, по паровозу болванкой — огонь!

А самого дрожь пробила — что если маховик остановиться не успеет? Разобьемся же к Бениной маме… И вообще кто же мог вообще догадаться, что зеленый цвет тут запрещающим будет?

Бухнула пушка носовой башни. Паровоз впереди по курсу окутался облаком пара и покосился на бок, медленно съезжая с рельс.

— Носовое. Добавь фугасным.

Только бы успеть… Только бы успеть…

Жахнула пушка. Через секунду впереди разлетелось по воздуху то, что еще совсем недавно было красавцем — паровозом.

Маховик движка Балинтера застучал медленнее и неожиданно закрутился назад, увеличивая скорость.

Передняя башенка поливала из семиствольного гатлинга тяжелыми пулями, появившуюся из-за обломков паровоза царскую пехоту плотными группами. Видимо нас решили взять на абордаж.

К гатлингу присоединились оба пулемета 'гоч — лозе' с платформы. Так мы и пятились, а враги все прибывали. По всему видать напоролись на эшелон, перевозящий пехотный батальон. Это много на нас одних. Основные мои штурмовики зачисткой на левом берегу занимаются да минеры мост осматривают.

Задний пулемет со спонсона застучал по осмелевшим царцам с предмостного разъезда. Это уже похоже на окружение, мать их за душу… Зажмут и задавят… и броня не поможет.

Снова бухнуло носовое орудие. В небе родилось белое облачко шрапнельного разрыва. Перелет. Не хватает дистанции для шрапнели.

— Носовое, лупи фугасными! — закричал я в переговорное устройство. — Кормовое — шрапнелью по разъезду! Заставь их попрятаться.

Поздно. Подъезжаем уже.

— Отставить шрапнель.

На абордаж царцы не решились, и мы лихо пролетели обратно разъезд и встали в створе ферм моста как триста спартанцев при Фермопилах. Пока минеры свое дело не сделают, с места не стронусь.

Мечты, мечты. Где ваша сладость… прокатиться с огоньком по вражеским тылам по железке…Прокатился… и трех километров не проехал.

* * *

Парады кончились, началась война. Пора отрабатывать

щедрые авансы. А что война не похожа на кино я понял только сейчас, когда что-то тяжелое со звоном и визгливым рикошетом долбануло в борт броневагона, да так что у всего экипажа заложило уши.

Первыми опомнились канониры носовой башни, которые методично стали класть снаряд за снарядом во что-то не невидимое, но именно с того борта в который ударило. Кормовая башня тоже бухнула пару раз и замолкла. Угла наведения не хватает, — сообразил я и не стал переспрашивать. Весь вагон уже пропитался тухлым запахом сгоревшего пороха. Читал у кого-то что это запах боя, который возбуждает и притягивает настоящих мужчин. Но у меня он вызывал в такой концентрации лишь легкую тошноту.

Вахмистр открыл половые люки и усердно крутил под потолком ручку принудительной вентиляции, второй рукой вытирая со лба обильный пот. Ну, да… не одному мне страшно подыхать в этой железной коробке.

А тут как на грех и двигатель заглох.

Инженер Болинтер, матерясь как сапожник, лихорадочно на паяльной лампе раскалял запасной затравочный шар. Даже не стал его подгонять — и так видно, что человек сам торопиться. Хоть и боится до расслабления сфинктера, но дело свое делает.

— Что это было? — спросил я вахмистра, когда 'вата' в ушах стала несколько менее ватной.

— Шрапнелью на удар нас угостили, командир, — ответил он, не отрываясь от полезного занятия, — Где-то тут пушка у них заныкана была. Дюйма три калибром…

Дышать стало полегче. Вахмистр обеспечил приток свежего воздуха.

Тут снова шандарахнуло по борту и броневагон слегка завибрировал, гудя как колокол. Как же танкисты наши в Отечественную воевали? По тридцать отметин от противотанковых болванок из боя привозили? По совету вахмистра я давно уже перестал путать наводчиков своими неуклюжими попытками целеуказания. Теперь мое дело только показать саму главную цель, а прицел и трубку канониры выставят самостоятельно — обучены тому. Нет, не смеются горцы надо мной, сами понимают, что кто на кого учился, тот и… а мне славы не занимать. Сами в моем творении сидят, матерят его.

Под прикрытием нежданной дымовой завесы попробовали царцы обойти нас с берегов. Но Болинтер все же сумел завести двигатель. И, выкатившись из ферм моста, броневагон ударил по наступающей пехоте с обоих бортов всеми четырьмя пулеметами, заставив царцев залечь и отползти обратно к разъезду, где им

были укрытия в виде простаивающих вагонов.

Вот тут-то нам и прилетело снова.

Пришлось срочно утягиваться обратно под фермы моста. По ним из пушки царцы не стреляли — берегли для себя.

Но другая проблема встала в полный рост. Боеприпасы кончаются. Бортовые крупнокалиберные 'гочкисы' уже отдали остаток боекомплекта в носовую пулеметную башенку — гатлинг кормить. Он на велоприводе ел патроны очень даже активно. Даже специальные магазины повышенной емкости приходилось менять чаще обычного. 'Гочкисы' же в отсутствии свободного обдува грелись, и спасала пока только ограниченная емкость кассет, дающая вынужденные перерывы в стрельбе.

Но,… кто же мог ожидать такой интенсивности огня? Ни мы, ни тем более враги на такое и не рассчитывали. Вот они и валяются на насыпи да по высоким берегам Цыси. Около сотни тел. Да еще у разбитого паровоза не меньше пяти десятков наколотили. По золотым галунам погон видно не менее восьми павших смертью храбрых офицеров. А не фига махая сабелькой в полный рост бегать в атаку на бронепоезд.

Эх… была бы дистанция боя побольше, пошире… Как раз у меня пушки длинные. А то есть такая теоретическая возможность, что если за потерями царцы не постоят, то сомнут они нас. Накоротке-то. Рывком. Шапками закидают. Их в батальоне, который перевозил разбитый мною эшелон, не меньше тысячи штыков. Хвала ушедшим богам, что боезапас у них также был ограничен на перегоне. Стрелять с некоторого времени стали совсем редко.

Семеро у меня в экипаже ранены выбитыми заклепками да окалиной металла сорвавшейся с бронелиста внутри кубрика от попыток бронебойных ударов врагов. Да Болинтер, дятел штатский, уронил себе раскаленный шар на сапог от неожиданности. Что там творится со штурмовиками на платформе, даже не представляю — за башнями плохо видно. Все же как и корабли БеПо больше рассчитаны на бортовой залп.

— Тавор, — позвал я денщика, который весь бой изображал из себя третий номер крупнокалиберного 'гочкиса'.

— Командир?

— Пока затишье образовалось, забирай ходячих раненых и дуй через мост на наш берег. Организуй доставку нам патронов, вторым рейсом — снарядов. А то мы скоро пустыми останемся. И узнай точное время, когда минеры все закончат? Пусть закругляются. 'Хорошенького — понемножку', как моя бабушка говорила.

Перераспределили расчеты и выпустили раненых через

задний люк, благо еще твердая поверхность берега была, а не сам мост.

Тавор еще сползал между колесами к штурмовикам, посчитал их раненых, и узнал как там вообще у них дела. А дела хреновые. Кожухи обоих пулеметов 'гоч — лозе' побило шрапнелью. Ручной 'гочкиз' уцелел, отделался одним разбитым диском. Двадцать три убитых. Остальные все ранены. В разной степени. От царапины до… страшно даже выговорить. Патронов мало. Гранаты еще есть — не расходовали.

Раненые ушли по крайним пешеходным дорожкам, укрываясь за толстыми брусьями ферм. Посередине моста ходить несподручно — между шпалами свободный полет до реки метров двадцать. Такая конструкция…

Осталось ждать, когда затишье окончится и царцам снова приспичит охреневать в атаке на пулеметы. Впрочем, я уже говорил, что мы не больше десяти процентов их на ноль помножили. За весь бой. И это при абсолютном нашем преимуществе в автоматическом оружии.

Открыли все двери и люки — внутри бронекапсулы жара несусветная — двигатель от нас только сеткой отделен. Пусть продует пока наш пепелац свежим речным ветерком…

На всякий пожарный оттянулись внутрь мостовой фермы вместе с платформой, на которую удалось собрать всех наших убитых горцев.

Жаль парней. На моей совести они — что стоило заранее озаботиться защитой от шрапнели? Сколотить примитивную крышу из досок над платформой?

А кто не додумал?

Командир не додумал.

Конструктор не додумал.

Кобчик не додумал.

Плохо я провел свой первый бой. Плохо. А как-то все мнилось по — другому. Враг оказался и храбрей, и упорней. И что удивительно — людей совсем не жалеет. Но не дурак… далеко не дурак. Как только понял, что солдат кладет в атаках напрасно — прекратил.

— Прикроете нас? — спросил заглянувший в люк лейтенант горных егерей. Фамилию не помню его. Гуляли как-то раз вместе в ресторане и в 'Круазанском приюте' перед налетом на контрразведку.

— Что задумали, лейтенант?

— Да вот хотим с ребятами, пока дым от фугасов не разошелся пошарить по полевым сумкам царских офицеров, что на поле валяются. Вдруг что полезного из документов найдем? А

может и языка целого, разве что покоцанного, притащим.

Видя мою некоторую рассеянность, добавил.

— Дело для нас привычное, господин комиссар. Абы кого я не пошлю.

— Ну, смотри, под твою ответственность, — решился я и щелкнул крышкой часов.

Господи, да еще полудня нет… а я весь выжатый как лимон.

Тавор оказался сообразительней меня. Или кто уж ему там, что подсказал дельного из местных железнодорожников. Главное что он сообразил использовать. Вместо того чтобы таскать патронные ящики в руках, они подогнали платформу толкаемую маневровым паровозиком с разъезда. На ней все и привезли и санитарные сумки, и патроны, и снаряды. И бойцов свежих подогнал на погрузку — разгрузку.

Обратно они увезли на левый берег наших лежачих раненых и убитых.

Враг также времени не терял и, хотя пехотных атак больше не предпринимал, зато перекатил пушку на более удобную позицию, поближе к нам. А мы это из-за задымления зевнули. И хорошо так получили метров с трехсот. Шрапнелью на удар. В командирской башенке от удара разошлись швы, брызнув клепками. Но я уже скатился на пол вагона. Рядышком совсем прошла 'косая'…

Ничего подозрительного никто не увидел. Пришлось словесно напинать всем задницы за разгильдяйство, хотя тут моя вина — это я должен был назначить наблюдателей, как командир. Но на месте выстрела пушки уже не было.

С этого момента любые подозрительные передвижения царцев мы отслеживали и были готовы. И как только ствол орудия показался между крайними вагонами на разъезде, то, не давая им пушку развернуть в нашу сторону, жахнули туда снарядом с экразитом. Потом еще такой же фугаской залакировали. И еще… для большей верности.

Как же там полыхнуло пожаром… Смотреть больно — наши же трофеи горят.

— Командир, у вас кровь на голове, — сообщил вахмистр.

Я вынул из кармана бинт в стерильной упаковке из пергаментной бумаги — сам дома клеил, и попросил.

— Перевяжи.

— Вам в госпиталь надо, — проявил вахмистр заботу.

— Еще чего, — возмутился я. — С такой царапиной?

К этому времени и егеря вернулись со своего поиска. Доложились, не дожидаясь пока меня закончат перевязывать. Нетерпеливые какие. Хотя есть чем хвастать: шесть планшеток офицерских принесли, три бинокля, шесть револьверов и шесть

сабель. Документы, удостоверяющие личность и по одному галунному офицерскому погону для отчета. Один погон — капитанский. Как видно ротный личный пример подавал.

— Живых не осталось, — доложил лейтенант егерей. — И главное — винтовки у них у всех старые, однозарядные. Мы их брать не стали. И стрелки все мужики в возрасте. Даже бородатыми ходили при жизни. А до двух еще офицеров добираться оказалось стрёмно, не взыщите.

Я оставил горцам все трофеи кроме планшеток и удостоверений личности, но предупредил.

— Смотрите, лейтенант, и другим накажите, чтобы они не хвалились трофеями перед имперцами. Они этого не любят. Меня в прошлом году за трофейные револьвер и часы чуть не расстреляли. Мародер, говорят.

Лейтенант сделал удивленное лицо, потом возмущенно выдохнул.

— Варвары.

Мне осталось только руками развести.

Тут и Тавор снова паровоз пригнал.

Доложился.

— У саперов все готово, командир. Можно уходить.

Зацепили броневагон и медленно, осторожно ощупывая стволами вражеский берег, с длинным уже шлейфом желто — оранжевого дыма, покатили через реку на свою сторону, уже освобожденную от врага.

Как съехали с моста, приказал дать прощальный гудок царцам. Накась, выкусить тебе, а на Савву Кобчика и его бронепоезд!

И такая эйфория по жилам побежала… Ка — а–а — а–а — айф!

* * *

Первым делом обиходили раненых и отправили всех их на станцию, в лазарет там или санитарный поезд — что первым подвернется. Приспособили под транспорт второй маневровый паровозик и пару пустых вагонов — вдруг дождь польет? Но перед этим каждому надо было подписать сопроводительную бумагу, а, то без нее бойца за дезертира примут. Хорошо унтера горские грамотные быстро разобрали ранбольных между собой и все составили. Мне только подмахнуть оставалось. Вот чистая тетрадка в клеточку из трофеев и пригодилась.

Потом отмылись от копоти и плотно пообедали тем, что

'отдыхающая' смена сварганила на кострах, не переставая исподтишка наблюдать за царцами на их берегу. Но там все было тихо. Только пожар над разъездом разгорелся не на шутку. Видно там людей теперь совсем нет — на втором разъезде завал разбирают.

Вахмистр, облизывая ложку, выдал вслух сентенцию.

— Братья, я наконец-то понял, что есть главное в нашей броневой коробке.

Дождавшись вопросов 'и что?', довольный реакцией бойцов, закончил.

— Главное в нашем мотоброневагоне — не бздеть.

Сильный хохот был ему ответом. Молодец вахмистр, знает, что после такого… из чего мы вышли, людям нужна разрядка. Заставить засмеяться. Да хоть пальчик показать…

— Командир, а почему мы мост не взрываем? Так корячились, его минируя… что даже обидно, — подал голос командир отделения саперов.

— Контролера ждем или оказии, — ответил я. — Оказии, судя по пожару на том берегу уже не предвидится, хоть и хотелось мне поднять мост на воздух не просто так, а вместе с царским эшелоном. Но, увы… эшелон мы раздолбили раньше. А контролер что-то задерживается. Хотя это, наверное, он…

Показал я на юг, где в небе среди прозрачных облаков показалась черная точка, которая по мере приближения к нам вдоль русла реки все больше напоминала дирижабль.

— Сколько будут гореть твои огнепроводные шнуры? — оторвал я трофейный бинокль от глаз.

— Две минут, командир. Плюс… минус…

— Поджигай, — приказал я.

Мост имел пять пролетов на четырех каменных быках. Крайние пролеты по 30 метров средние по 60. Высота моста над рекой 20 метров. Судоходна река была только под двумя пролетами, которые мы и предназначили обрушить, взорвав их общий опорный бык. А то мы речного флота не имеем, а царцы вполне могут подогнать из порта в устье Цыси что-нибудь такое с большими калибрами к паромам в верховьях. И нашим войскам придется туго. А так дальше развалин моста никто никуда не поедет. Ни по железной дороге, ни по реке.

Перебрасывая же резервы старым дедовским методом пешего хода, с обозами, царское командование имеет в месте боя свежее пополнение уставшим, и по частям. Накопить оперативный кулак, таким образом, будет проблематично.

Мост взорвался не то чтобы некрасиво… но не кинемотографично как-то. Не по — голливудски. Никаких тебе

клубов огня и черного дыма. Мост как бы вспух и только потом с грохотом полетали вниз пиленые камни быка и сложились в воду фермы моста, одним концом уткнувшись в воду. Поплыли по реке желтые разводы. Паровоз перед нашим носом взрывался с большим эффектом.

Дирижабль сделал круг над развалинами моста и ушел в сторону царских войск по 'компасу Кагановича'.

А к нам, отделившись от кучки железнодорожников, подошел их самый старший, щетина на щеках уже седая, и немного помявшись, сказал.

— Тут… Эта… господа — начальники… Выпить требуется за упокой старого моста.

Я не понял, то ли он нам предлагает выпить, то ли напрашивается на то, чтобы это мы его остограмили в честь такого случая? На всякий случай нацепил на лицо маску 'доброго чекиста' и спросил.

— Это ты нам, государевым людям, предлагаешь на службе пьянствовать?

— И в мыслях не было, господин хороший… Традиция такая… — пожал он плечами и, видимо уже жалея, что вообще со мной связался.

Посмотрел я на него еще раз строго и сказал голосом, которым обычно делают внушения.

— Так что тогда стоишь? Наливай!

Смеялись не только стрелки и бронеходы, но и его же коллеги по путейскому цеху.

Спиртного у железнодорожников было много — им тут спиртным взятки суют коммивояжеры, чтобы быстрее через мост перебраться. Но на нас на всех оказалось мало. Только снять стресс и хватило. Можно считать 'наркомовскими'.

Вернувшийся дирижабль завис над нами и сбросил длинный желтый вымпел.

Я отсалютовал высунувшемуся из гондолы корвет — капитану Плотто рукой. Он ответить мне тем же не смог — рука у него одна.

После этого 'Черный дракон', убедившись, что послание получено, улетел вниз по реке. Но вскоре, развернувшись на запад, поплыл к нашим войскам.

Принесли капсулу с вымпелом. Медный цилиндр с завинчивающейся крышкой. В капсуле нашелся свернутый в трубочку засургученный конверт на мое имя. Последняя разведсводка с воздуха и записка от Плотто.

Начал со сводки написанной наспех рукой Плотто.

'Савва, за день фронт прорван в двух местах. Рассечен и

локализован. Остальные удары хоть и не увенчались успехом, но свое дело сделали — врага сковали. Передовые части царцев по их же траншеям отжаты к болотам, отрезаны от снабжения и вышестоящего командования. Плотность колечка постоянно наращивается. Артиллерию им удалось сохранить, но с подвозом боеприпасов туго.

Трансконтинентальная железная дорога полностью наша до реки и коридор по ее сторонам все расширяется. Вся кавалерия введена в прорыв и гоняет по вражеским тылам большими массами. Сверху это забавно выглядит.

Ставка генерала Мудыни, цепляясь за разъезды, откатилась по рокаде в сторону железнодорожного парома, собирая вокруг себя разрозненные части и пытаясь организовать отпор нашему натиску с севера.

В южном полевом укрепрайоне вражеская группировка рассечена ночной атакой, прижата к болотам и полностью лишена артиллерии. Введению основных наших войск в прорыв и наступлению их в сторону паромов никто особо не препятствует. Тех, кто мог бы препятствовать гоняет и ловит кавалерия.

Бои идут очень ожесточенные. Особенно когда царцы прижатые к болотам поняли что бежать им некуда стали сильно огрызаться. Хотя и остались почти без офицеров — тех активно выбивают снайпера.

Штаб передовой линии теперь на станции Узловой уже.

Что на севере я пока не знаю — не летали туда еще.

Удачи тебе, Вит.

И это… смело пиши представления к крестам на своих людей, они заработали. Сверху твоя работа видна во всей красе. Щибз передает тебе привет и клянется, что на пленке все будет прекрасно видно'.

Вкурил информацию. Как это здорово своевременно получать данные воздушной разведки.

В пакете был краткий приказ Ставки по завершению задания мне присоединиться к броневому дивизиону и быть при нем.

А в записке только одно предложение: 'В Ставке император'.

Сжег на костре записку и левую разведсводку. Все же Плотто очень хороший друг — сильно рисковал он такой самодеятельностью.

Оглядел столпившееся у костров воинство.

— Так… — показал пальцем на лейтенанта егерей. — Вам организовать здесь заслон и не давать царцам восстанавливать мост или вообще какую-либо переправу. Смену вам вышлем. Один паровозик оставляем вам для связи с Узловой. Вопросы?

— У нас тяжелые пулеметы побиты.

— Вахмистр, снять с броневагона тяжелые 'Точкизы — К'. Одиннадцатимиллиметровые. Оба. Поставить на станки от разбитых пулеметов. И отдать все патроны этого калибра. А разбитые 'гоч — лозе' заберем с собой.

Поискал глазами, нашел в толпе служивых своего денщика.

— Тебе, — ткнул пальцем в грудь Тавору. — сформировать здесь эшелоны со стреляными гильзами и отправить их на завод. В сопровождающие поставить легкораненых с последующим излечением в Будвице. Определись с количеством потребных паровозов — заберем на станции вместе с машинистами. Второй маневровый вернешь сюда.

Вздохнул. 'Покой нам только сниться'. Разве хочешь, надо!

— Всем остальным — броневагон и платформа. Двадцать минут на сборы, оправку и в путь. Нас ждут великие дела, которые без рецких горцев никогда не делались. И теперь не обойдутся!

— Качай вождя, — закричал кто-то из егерей.

Десяток рук схватили меня за кожанку, колени и сапоги, легко оторвали от земли и подбросили по направлению к седой дымки небес.

Меня сегодня, сам того может быть и не желая, император повысил в воинском чине. Повелеть соизволил…

Нет, я как был, так и остался лейтенантом имперского флота и штаб — фельдфебелем ольмюцкой гвардейской артиллерии, но… его императорское величество Отоний Второй лично наблюдая с фаса Южного форта бомбардировку с дирижаблей полевых позиций противника настолько впечатлился этим зрелищем, что в тот же вечер особым указом выделил воздушный флот империи из морского флота в отдельный род войск.

И тем же указом он присвоил чинам воздушного флота преимущество в один чин перед чинами морского флота. И стали воздухоплаватели как бы на положении гвардии, у которой перед армией преимущество в два чина при одинаковом же его названии. Впрочем, неофициально нас потом так и окрестили 'воздушной гвардией'.

Звание адмирала Имперского воздушного флота его императорское величество всемилостивейше возложил на себя. Так что наш Королевский воздухоплавательный отряд автоматом вошел в новую структуру и прямое подчинение императора. Радовало только то, что Плотто так остался нашим отрядом командовать и даже был повышен в чине до фрегат — капитана.

И другими плюшками нас император не обидел, в виде двойной выслуги того дня когда мы летаем и полуторного оклада и так не маленького жалования. Это не считая 'подъемных' денег

за полеты. Таким образом, боевой вылет на войне учитывался как шесть дней календарной выслуги. А чтобы получать летную добавку, достаточно было подняться в воздух пять дней в месяце.

И естественно получили мы и усиленный летный паек, на котором настояли врачи. С дефицитным шоколадом. И особого рода пемиканом из прессованной смеси сушеного оленьего мяса, сала, тертых орехов и ягод который тут же обозвали 'летной халвой'. И по мелочи там вкусненького…

На погоны мы получили голубую выпушку, а вместе с ней и повышение в ранге автоматом. Вместе со всеми и я, как занесенный в списки Ольмюцкого королевского воздухоплавательного отряда в качестве офицера по особым поручениям при командире отряда.

Вернувшийся из Будвица денщик привез мне новые полевые погоны уже с двумя звездочками, но сам в морскую форму так и не переоделся — не любил он ее. Звездочки, как и галуны на рукава нам теперь полагались серебряные, а не золотые как на морфлоте. Чтобы отличать.

Вместе с погонами привез мне Тавор поздравления от королевского генерал — адъютанта Онкена. Понимал, шельма, что я понимаю, что без встречи со своим куратором прикрепленный ко мне стукач не обойдется. Так что стучал он теперь в обе стороны.

Меня это устраивало.

Особенно то, что благодаря такому своеобразному положению всего лишь старший канонир лейб — гвардейской артиллерии умудрился без проблем выпихнуть из зоны боевых действий три эшелона с трофейным латунным ломом — стреляными снарядными гильзами, вызвав у Гоча на заводе нездоровый ажиотаж — куда все это складировать?

А пока о небе я мог только мечтать, ползая по рельсам в особом дивизионе бронепоездов. По крайней мере пока не закончиться это наступление на восток.

От созерцания новых погончиков на своих плечах в мутном обывательском зеркале на стене комнаты, куда меня определили на постой, меня отвлек фельдъегерь.

— Господин капитан…

— Воздушного флота техник — лейтенант — поправил я его.

— Простите, господин лейтенант, мне сказали, что в этом доме квартирует королевский комиссар Кобчик. Ему пакет.

— Присаживайтесь, фельдфебель, — предложил я ему. — Сидр, вино, вода?

— Сидр, если можно, — не стал тот отказываться от угощения.

— Тавор, тащи сюда кувшин сидра из погреба, — крикнул я в открытое окно во двор денщику.

И повернувшись к фельдъегерю, представился.

— Королевский комиссар 'Чрезвычайной королевской комиссии по борьбе с саботажем и пособничеством врагу', флигель — адъютант его королевского величества и воздушного флота техник — лейтенант Савва Кобчик, барон Бадонверт, к вашим услугам. Вот мандат, — достал я из планшетки свой страшный документ и офицерское удостоверение.

В пакете находился королевский указ об учреждении медали 'Креста военных заслуг'. Под знаковым названием 'За отвагу'. Мое предложение, между прочим. Как-то король, еще до осеннего наступления, обмолвился, что слишком много появилось солдат, чьи подвиги на полноценный крест вроде и не тянули, а вот отметить бы их стоило. Я тогда, не задумываясь, выдал готовое решение из моего мира. Вот ко двору и пришлось. Правда вместо танков и самолетов на аверсе медали изобразили сам крест военных заслуг с мечами, а реверсе надпись 'За отвагу' и порядковый номер.

Вместе с указом в пакете лежал рескрипт, предписывающий мне весь личный состав отряда, который совершил стремительный ночной захват узловой станции, железнодорожного моста через Цысю и устроил погром на коммуникациях противника в его глубоком тылу, а потом полдня оборонял мост, пока его минировали… представить к новой медали. За исключением тех бойцов, кто действительно своим подвигом достоин военного креста.

Что ж… мне легче. А то я голову сломал сидя за наградными листами. Все же они должны отличаться друг от друга описанием индивидуальных подвигов а у меня все коряво выходило: 'стоял… стрелял… ранен, но остался в бою'. А как еще сказать, что мы бойца раненого не могли оттащить в не простреливаемое место? Просто за неимением такового.

Вчера, выбив у командующего первым армейским корпусом генерал — лейтенанта Аршфорта смену моим ребятам у моста в обмен на оба тяжелых пулемета, которые они должны были оставить пехотному взводу, который их сменит. И эскадрон драгун был назначен патрулировать берег от проникновения вражеских пластунов и попыток царцев наладить временные переправы.

Строевая часть корпусного штаба работала четко. Нас быстро расквартировали в одном районе, вполне приличном частном секторе, как сказали бы у меня на родине. И отправили на суточный отдых, пока бронепоезд 'Княгиня Милолюда'

обеспечивал поддержку дивизии, наступающей на юг.

Генерал Аршфорт переиграл мое предписание и приказал после отдыха готовиться к броску на север. Кроме мотоброневагона мне придавался БеПо 'Аспид'. Обрадовал меня он и дополнительным усилением — укомплектованным канонирами огневым взводом из двух 75–мм нами же затрофееных пушек. В броневой отряд вошли и все рецкие штурмовики — уже по моему требованию, которое с легкостью было удовлетворено. Благо Безбах их оставил на охране и обороне города и вокзала и депо. Как и то, что отряд требуется усилить саперной ротой на случай разрушения врагом мостов и железнодорожного полотна.

Состав обеспечения приходилось импровизировать на ходу, потому как штатный обслуживал головной бронепоезд.

Формально отряд входил в броневой дивизион Безбаха, а фактически действовал самостоятельно как резерв командования корпуса.

На южном фронте пехотную дивизию Аршфорта вскоре должен был сменить гренадерская дивизия императорской гвардии, которая уже срочно перебрасывалась из центра страны по железной дороге. Аршфорту подчиняли также обе рецкие стрелковые бригады и отогузскую кавалерийскую дивизию, которая уже резвилась в Приморье, прорвавшись туда через болота.

Задача была поставлена нетривиальная — взять порт под контроль королевских войск.

Учитывая, что императорскую гвардию направляют на юг, король выбил присоединение Приморья к Ольмюцу. Точнее — воссоединение.

Ну, вот за плюшками и ложка дегтя пожаловала.

Аршфорт, убедившись, что все мои заявки нашли исполнителей, твердо сказал.

— Я надеюсь, лейтенант, что свои комиссарские обязанности вы будете выполнять вне служебного времени. И они не отразятся на боевой работе вверенных мне войск. Мне хватает в корпусе и одного бездельника, — намекнул он на своего офицера контрразведки.

Вот так вот.

Думаете, я стал возражать? На фига это мне когда все мои требования исполняются влет?

Только потребовал, чтобы разыскали мои раздерганные снайперские группы вместе с расчетами траншейных пушек и вернули в отряд, так как это есть единые части нашего штурмового подразделения. К тому же там все горцы рецкие.

А потом мне подогнали этот уютный домик с молодой симпатичной хозяйкой. Вдовой.

У которой наличествовал приличный погреб и мягкая перина. И не всех кур сожрали царцы.

Пока фельдъегеря хозяйка дома кормила домашней куриной лапшой в саду я с рецкими офицерами составлял наградные листы, удивляясь, как ловко у них из-под карандаша вылетают красивые формулировки.

— Этому всех в военном училище учат, — просветили меня кадровые офицеры.

К моему удивлению капитан Вальд наотрез отказался от Креста военных заслуг, заявив, что ничего особого при захвате станции он не сделал. Разве что обеспечил бесперебойную подачу боеприпасов штурмовым группам и организованно принимал пленных с трофеями.

— Рутина. Я даже не выстрелил ни разу. Но если ваш король настаивает, чтобы всех в моей роте наградили новой медалью, то пусть я буду как все, — закончил он свою вдохновенную речь.

А после того как фельдъегеря с толстой пачкой наградных листов отправили обратно, сели в том же узком офицерском кругу обмывать мой новый воинский ранг. Почему-то мои рецкие субалтерны вбили себе в голову, что таким образом сам император отметил меня за прошедшую операцию и я никак не мог их в этом разубедить. Рецы. Их вождь достоин и это главное.

Накушались в тот вечер сливовицы знатно. До того что хозяйка меня на плече дотащила до перины, сама раздела и… вот ей богу, именно так и было… изнасиловала, пользуясь моим беспомощным состоянием. Вроде так пишут в полицейских протоколах.

* * *

Опохмелившись с утра капустным рассолом, что со смущением принесла мне хозяйка из погреба в холодной крынке. Ни на что другое я даже смотреть не мог — организм активно протестовал даже при одном виде богато накрытого завтрака. Пошел принимать саперную роту, черт бы побрал этого Аршфорта и его исполнительный штаб. Мне бы выспать вчерашний загул и проснуться человеком, а тут извольте… Заказывали? Распишитесь в получении.

Обычную роту. Армейскую. Ольмюцкую. Из огемцев и удетов. Командовал ей капитан Такар, инженерил старший техник — лейтенант Кропалик. Оба поднялись 'от земли' уже в армии

благодаря грамоте и хорошей службе. Оба в возрасте, так как порядком послужили еще в унтерах. Думаю, сработаемся. Правда, пока они на меня косо поглядывают, не зная еще чего ждать от целого барона. Тем более такого 'сопливого'.

Что да, то да… Капитанские звезды в двадцать три года тут редко кто носит. Для многих чин капитана — венец карьеры. Потому как батальонных командиров требуется в четыре раза меньше, чем ротных. Да и в субалтернах по десять лет ходить — норма. Это я как-то в струю попал… Вот и уходят здесь большинство в отставку после четверти века службы в офицерских чинах капитанами.

Вооружена рота старыми однозарядными винтовками с длинными штыками — пилами. Топорами, ломами и прочим шанцевым инструментом в полном комплекте. Все четыре взвода в наличии. Даже группа ротного инженера есть со всеми потребными приборами. И большое хозяйство ротного фельдфебеля. Сто семьдесят восемь человек списочного состава, не считая повозок и гужевых животных.

Вздохнул я и навесил на Тавора обязанности батальонного фельдфебеля — канцелярию вести. Все равно егеря в качестве второго денщика мне легкораненого молодого парнишку подогнали, пока Тавор в Будвиц катался. Из тех ребят что 'ранен, но остался в бою'. Звали его Ягр.

А начальником тыла всего отряда я назначил вахмистра из броневагона. С горной батареей справлялся и здесь справится. В его природной сметке я успел убедиться не раз.

Первым делом своих уже саперов перевооружил на трофейные магазинные карабины, что в достаточном количестве нашлись на станции в одном из пакгаузов еще в пушечном сале. С рецких егерей охрану складов пока никто не снимал, а до тотального учета трофеев у интендантов руки еще не дошли. А мы что охраняем то и имеем… тем более последние дни.

Самим егерям такие трофеи были без надобности — роторную магазинную винтовку Шпрока, которую только — только внедряли в имперскую армию, они признавали как лучшую. А рецкий маркграф сумел не только наладить у себя производство новых карабинов, но и полностью вооружить ими роту Вальда когда отправлял ее ко мне.

С патронами на станции проблем не было — запасли царцы их на будущее свое наступление с избытком. Снарядов к пушкам было мало. Что да, то да… Полупустые склады. Не успевает царская промышленность пополнять фронтовую убыль боеприпасов. А снарядов, несмотря на немногочисленную артиллерию, фронт расходует намного больше винтовочных

патронов. Такой вот парадокс.

В целом саперная рота мне понравилась. Видно, что служба в ней поставлена. И самое важное состояло в том, что рота была уже обстреляна на фронте. Знают уже, что пулям кланяться не грех и не трусость, а благоразумие.

Провозился с саперами и складами я до обеда. Приватизировали несколько фур со здоровенными соловыми битюгами в дышлах, которых егеря нашли в железнодорожной конюшне голодных и непоеных через сутки после захвата. Передали их в обоз отряда, который сформировали на основе четвертого взвода саперов.

Да многим поживились. Каждого унтера обеспечили биноклем. Не таким качественным, как от 'Рецкого стекла', но лучше такой иметь, чем никакой. Планшетки также унтерам не лишними будут, хоть по уставу и не положены. Трофейных револьверов так вообще чуть ли не весь отряд хватило. Кроме экипажей бронепоезда — там давно пистолеты Гоча рулили. Даже карабинов было мало.

Тут я законно основывался на королевском указе, что штурмовиков короткостволом вооружать 'по возможности'.

Фельдфебелям подразделений строго наказал, что сегодняшний день на складах их, но лишнюю барахолку в отряде перед наступлением безжалостно выкину на обочину дороги.

— А то знаю я вашу praporskuj натуру. Вам волю дай — оси у вагонов погнутся.

Переспрашивать меня, что означает незнакомое слово они благоразумно не стали.

По дороге домой отловил интенданта из отдела боевого обеспечения службы первого квартирмейстера. Прижал к ближайшей стене, сунул под нос длинный ствол пистолета Гоча и прошипел, что если через сутки не будет гранат столько, сколько мной запрошено, то я расстреляю его у этой же стенке за саботаж. Ибо штурмовик без гранат — это полштурмовика. Похоже майор впечатлился.

* * *

В обед пришел представляться мне как новому начальнику командир БеПо 'Аспид', хорошо знакомый мне лейтенант артиллерии Пехорка. С ним и опохмелился, пригласив разделить со мной обед.

Хозяйка вокруг меня порхала стрекозой, не зная чем еще услужить, вызывая острый приступ зависти у лейтенанта — сам

он квартировал у какой-то строй карги. А тут молодая, красивая, все при ней… но несколько не в моем вкусе. Большая женщина. Из тех что 'коня на скаку…' А я все больше стройных люблю, да невысоких. Но увяз коготок — всей птичке пропасть. Слава ушедшим богам через трое суток на фронт.

Перед сном написал две депеши.

Первая — рецкому маркграфу с просьбой о переименовании роты капитана Вальда в 'Первую Рецкую отдельную штурмовую горно — егерскую роту'. За штурмовой бой при взятии узловой станции и оборону железнодорожного моста. И даровании им на головной убор коллективной награды — позолоченной медной ленты с надписью 'Ниясь — Цыся' с датой боя. Даже новую эмблему предложил для такой роты — скрещенные кортик и граната — колотушка.

Вторая — кронпринцу, с предложением о создании при каждом фронтовом корпусе штрафной роты для трусов и совершивших воинские преступления. А то на станции в пакгаузе, где до того пленных содержали, дюжина мародеров расстрела ждет. В основном за курицу. И только один за изнасилование. Предложил для таких деятелей сталинский принцип 'смыть позор кровью в бою'. Все же не так много у нас в королевстве солдат, чтобы ими разбрасываться. И про то, что на войне нет отбросов, а есть ресурс, который требуется только правильно применять. Расписал положение о постоянном и переменном составе таких рот. Непосредственном их подчинении лично командиру корпуса и использовании таких штрафников только на самых опасных участках фронта.

— Касатик, я тебе баньку истопила, — обняла меня сзади хозяйка пышными руками, тесно прижавшись к спине упругой грудью.

Банька это на войне всегда хорошо. Даже с бабой гренадерского роста.

Мелкий грибной дождик вяло барабанил по натянутому брезенту.

В штабной палатке командир корпуса генерал — лейтенант Аршфорт ходил резкими шагами перед строем генералов и взвывал.

— …что ты его толкаешь? Ты его рассекай, дроби и дави по частям. Толку от того что ты выталкиваешь противника от себя никакого. Он отошел и снова закрепился. А ты в атаках свою бригаду наполовину уже сточил. И толку? Шматок поля остался за нами? А враг снова целехонек.

Аршфорт был в страшном гневе. Его жертва — командир пехотной бригады не знал, как ловчее ему сквозь землю

провалиться. Выволочка все же была публичной, что делало ее еще боле неприятной. И выражений комкор не выбирал. Самолюбия генеральского не жалел. Вот нисколечко.

Офицеров в ранге ниже генерал — майора в палатке не было. Только я да адъютант командующего. Но я — королевский комиссар, допущенный к совещаниям и в Ставке. Это все знали. По крайней мере, с уровня начальников дивизий.

— Начальник дивизии? — взревел командующий.

— Я. — откликнулся пожилой генерал — лейтенант в бородке клинышком и золотом пенсне, больше похожий на земского врача, чем на военного. Но мнение о нем было неплохое. Тактик. Только характером не вышел. Комбриги у него себя очень вольготно чувствуют.

— Замени эту бригаду на передке. Отправить на переформирование на Узловую, — и снова повернулся к проштрафившемуся комбригу, нависая над ним. — Но если и потом также воевать будешь — сошлю в тыл. Заведовать выставкой трофеев. Вам ясно генерал Вариас?

Комбриг, судя по его блеснувшему взгляду, был бы даже рад такой перспективе. Он давно служил больше по привычке и должности получал по старшинству выслуги. Пенсию себе выслужил еще до войны и теперь добирал боевые проценты к ней. Вот и воевал, как в прошлую войну было принято, но без огонька. Хорошо хоть плотными колонами солдат в атаку не гонял.

Комкор налил себя воды из розового хрустального графина. Жадно выпил ее и сказал уже вполне успокоившимся голосом.

— Теперь для всех, — остановился Аршфорт у карты. — Прошло десять дней с начала наступления, а мы продвинулись на север всего на сорок пять километров. Это недопустимо медленно. По плану мы должны были уже стоять в окрестностях морского порта, а до него еще шестьдесят километров. Это, учитывая такую льготу, что правый наш фланг прикрывает река. Станцию Тробленку взял с боем бронеотряд и полдня воевал там почти в окружении, пока пехота соизволила подтянуться ему на помощь. Но пехота еще ладно… Генерал Бьеркфорт.

— Я, — вытянулся в струнку худой и длинный генерал похожий на де Голля.

— Почему опоздали к плану развертывания?

— ВОСО## виновато, экселенц. Не могло найти вовремя для нас вагонов.

— Вы чем командуете, граф? — снова заревел Аршфорт.

— Отдельно кавалерийской бригадой, экселенц, — спокойно ответил ему генерал.

— Так какого подземного демона вы торчали в вагонах

железной дороги, если у вас под командованием бригада кавалерийская? — Аршфорт сделал акцент на последнем слове. — Своим ходом вы бы от Узловой были бы тут через два дня. А по железке ваша бригада проделала этот путь за неделю. Думаю, у вас найдется о чем побеседовать с комиссаром ЧК. После военного совета.

О — о–о — о–о… Аршфорт наконец-то нашел, как меня встроить в свою систему военной диктатуры. Похвально. Быстро соображает.

— Теперь о приятном, господа, — Аршфорт мило улыбнулся. — Указом его императорского величества Отония Второго командир нашего броневого отряда барон Бадонверт с сегодняшнего дня причислен к когорте имперских рыцарей. По совокупности заслуг с начала наступления. К сожалению, пока пришла только телеграмма. Знак вам вручат позже, барон. И не здесь.

И в моей душе колокола забили малиновым звоном.

Амнистия мне!!!

Иначе, зачем бы нужна была эта хитрая формулировка 'по совокупности заслуг'.

Но ноги самостоятельно сделали шаг вперед и слова обгоняя мысли сами выстроились в ритуальный формуляр.

— Служу императору и Отечеству!

— Вольно, барон. Ваши наградные листы на чинов бронеотряда его королевское величество Бисер Восемнадцатый утвердил. Засылайте гонца в наградной отдел ставки за знаками. И позовите меня на церемонию награждения. Все же она первая в моем корпусе.

Командир кавалерийской бригады зашел в мой вагон и удивленно оглянулся. Салон у меня переделан из стандартного пассажирского вагона второго класса, прихваченного по случаю на узловой станции. Но так… на скорую руку. Швы видны. Оставлены лишь пара купе для меня и денщиков. Узкое купе стюарда в другом конце вагона с микроскопической кухонькой и титаном для кипятка. Ватерклозет с холодным умывальником. Остальное — салон. Мебель простая дубовая с какого-то вокзального кабинета — Тавор постарался. Диван так вообще лавка из зала ожидания с маркой железнодорожной компании на высокой спинке. Карта на стене за шелковой шторкой. Конторский шкаф. Несколько керосиновых ламп на столе и потолке и все.

— Простите… — замялся генерал с обращением, так как на кожаной куртке я не носил знаков различий, — барон, если я не ошибаюсь. Где мне найти королевского комиссара?

— Я перед вами, генерал. Королевский комиссар барон Бадонверт. Честь имею.

— Честь имею. Генерал — майор граф Бьеркфорт. Командир Удетской отдельной кавалерийской бригады. Прибыл к вам по направлению командира корпуса… Э — э–э — э–э… для беседы.

И замолк, надеясь, что я сам ему расскажу, зачем он здесь. А то он в полных непонятках пребывает.

— Присаживайтесь, ваше сиятельство. Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче?

— Благодарю, ваша милость, — принял граф мою игру в отвлеченный светский разговор. — Рюмку водки, если нетрудно.

Позвонил в колокольчик и отдал приказ по — рецки заглянувшему в салон младшему денщику.

— Вы не огемец, ваша милость? — удивленно спросил генерал.

— Нет, ваша светлость. Рецкий горец по рождению. И барон тоже рецкий. А разве в империи это имеет какое-либо значение?

— Нет, но… — слегка замялся граф. — Так какие у вас ко мне вопросы?

Тут Ягр принес графинчик сливовицы от вдовушки грамм на триста, рюмки на полтосик, соленые огурцы, квашеную капусту и моченые в той же капусте яблоки, уже порезанные. Салфетки и приборы. Расставил все на столе на простой льняной салфетке, наполнил нам рюмки и удалился.

— Прошу вас, ваше сиятельство, — сделал я приглашающий жест на натюрморт. — Чем богаты, как говорится… Со знакомством, — поднял я свою рюмку.

Пил генерал вкусно, не закусывая, только крякнув. Настоящий кавалерист. Было в нем что-то от российского представления о гусарах, если бы не его кирасирский рост.

Поставив рюмку на стол. Он показал мне глазами 'повторить'.

Повторили. Закусили моченым яблочком.

— Хороша сливовица. Домашняя. С любовью делана, — оценил напиток генерал.

Былое напряжение его, очевидно, отпустило. И он немного расслабился.

— Так что вы хотели у меня узнать, барон?

— Реальную причину вашей задержки от графика движения войск, — налил я по третьей.

— Нехватка вагонов. А раздергивать бригаду по частям я не позволил — собери ее потом. Только квартирьеров вперед выслал.

— Сколько вагонов вам требовалось?

— Минимум две сотни. Но ВОСО одновременно не набирало

и половины. Отправляли пехоту частями.

— Интересно… — протянул я и жестом предложил выпить. — Когда мы покидали Узловую неделю назад, то после очищения станционных и запасных путей пустые вагоны стояли на протяжении чуть ли не на десяток километров в сторону разрушенного моста. Куда они все делись?

Выпили. Крякнули. Закусили.

— Толком мне никто ничего не объяснял, барон, но как я понял из обрывков разговоров все вагоны в первую очередь пошли под пленных, чтобы их скорее вывезти из района боестолкновения. И действительно эшелоны с закрытыми теплушками шли нам навстречу почти непрерывно.

— Это где столько народа сдалось? Да вы закусывайте, ваше сиятельство… Может сальца соленого порезать?

— Всего достаточно, — улыбнулся граф и смачно захрустел малосольным огурцом. — А сдалась группировка царцев у Северного форта, которую в болота загнали. На третий день. Целиком вся дивизия. Их с ходу отрезали от тылов, а патроны кончились быстро. Помирать с голоду в болоте им не захотелось.

— А у Южного форта как?

— Те еще держатся. Но вот на том разъезде, где поворот на полевой укрепрайон, там тоже приличное поле окружено колючкой. С пленными. Под охраной. Даже вышка с пулеметом есть. Много пленных. С полк где-то. По мере возможности и их вывозят. Так что обратно не все вагоны доходят до Узловой.

— Понятно. А как себе все же вагоны выбили?

— Пулеметом.

— Как? — удивился я.

— Поставил пулеметы на путях и сказал, что кто первый кто попытается забрать пустой вагон, отправится вслед за ушедшими богами. Так вот за трое суток и накопил потребное количество на бригаду. Готов ответить по всей строгости за самоуправство.

— Наливайте, — предложил я.

Генерал несколько опешил, ожидая видимо совсем других слов.

— Вы сколько бригадой командуете, ваше сиятельство?

— Два месяца. До того командовал кирасирским полком. Моя бригада собственно и состоит из этого полка и полка конных стрелков собранного из запасников.

— А пулеметы у вас какие?

— Вот пулеметы у меня новые. Системы 'лозе'. Такие же здоровые дуры, как и бывшие у нас ранее гатлинги. Разве что все же несколько полегче. Но у лафетов слабые колеса. Двухдневного марша они бы не выдержали. Проверено на боевом слаживании

полков. Еще в пункте постоянной дислокации.

— Ну а сам пулемет как вам?

— Дает задержки. Ленту перекашивает. Но терпимо. Я еще и старые гатлинги не отдал. Так с собой и вожу. Старая надежная машинка. Парочку трофейных пулеметов я еще на Узловой прихватил — никому не были нужны, — исповедовался мне генерал.

— Механические?

— Так точно. Как наши, только восьмиствольные. Я так понял, что лишними они в бригаде не будут. Когда еще мы сподобимся ручники 'гочкиза' получить?

— Понравились?

— Не то слово, ваша милость, это просто как для кавалерии специально делалось.

Что ж не скрою. Слышать такое было мне приятно. Но я не стал раскрывать свою принадлежность к созданию ручного пулемета. Сто пудов клянчить начнет. И ведь не отстанет пока не получит вожделенного.

— Итак, ваше сиятельство, Чрезвычайная королевская комиссия по борьбе с саботажем и пособничеством врагу, в лице комиссара барона Бандонверта, рассмотрев ваше дело не нашла в ваших действиях ни саботажа, ни пособничества врагу. Со стороны ЧК к вам вопросов больше нет. По последней?

Генерал удовлетворенно кивнул. Какой же кавалерист откажется от водки?

32

На четырнадцатый день наступления, согласно календарю, грянул первый настоящий осенний дождь. Затяжной, проливной и холодный. Небо все заволокло плотными тучами. Дирижабли перестали летать, и мы остались без глубокой зафронтовой разведки.

Аршфорт неутомимо гнал нас вперед, пока почвы окончательно не раскисли. К середине месяца наши войска отбили еще пятнадцать километров железной дороги. В качестве бонуса нам достался крупный разъезд на восемь ниток запасных путей. С довольно крупным поселком, который другой околицей упирался в речной порт с рыбоконсервным заводом и пивоварней. Что очень сильно подняло в войсках боевой дух.

Но пиво холодной осенью не самый полезный продукт и я настоял у Аршфорта на обязательной выдаче винной порции всем войскам на открытой местности. По сто грамм в день. 'Наркомовские' так сказать. В чем меня поддержали корпусные лекари. Им также не улыбалось получить массу простудных заболеваний в личном составе.

К этому времени рецкие горнострелковые бригады сумели перерезать железную дорогу в тылу царских войск до самой реки. Группировка полковника Куявски все же попала в окружение. А порт с городом в сухопутную блокаду. Но как-то коряво.

Сельскую местность в Приморье взяли под контроль отогузкие конники, вылавливая остатки мелких царских гарнизонов.

Несмотря на проливные дожди, подкрепления стали поступать в Приморье в основном не к нам, а через гать, пока она еще проходима. А то зальет все. И болота поднимутся, затопив переправу. А обкладывать приморский город надо сразу, пока враг не нагнал морем подкреплений. Запросили поддержку имперского флота, чтобы блокаду Щетинпорта сделать полной. Или хотя бы почти полной, учитывая то, что правый берег Цыси все еще в руках царцев.

В нашем корпусе, несмотря на нормально функционирующую железную дорогу, начались проблемы с боепитанием. Точнее проблемы были с вагонами, которыми подвозили снаряды и патроны.

Собрав документы, я напросился на аудиенцию к командующему.

— Ваше превосходительство, данный вопрос требует моего прямого участия как комиссара ЧК. Саботаж надо пресекать сразу

и в корне. Иначе скоро нам не только стрелять, но и есть будет нечего.

— Не думаю, — возразил мне комкор. — Скорее это обычное наше головотяпство.

И вот тут я показал ему царскую полевую кухню моей конструкции, которую заранее подогнал к его домику.

— Это тоже, ваше превосходительство, можно объяснить обычным нашим головотяпством? Судя по шильдику эта кухня — самовар сработана в Ракове в механических мастерских железнодорожного депо даже раньше, нежели документация на нее пришла на наши заводы. Я это точно знаю, так как такая кухня — самовар это мое изобретение, прошедшее через имперский комитет.

Аршфорт почесал кулаком усы. Крякнул недовольно. Но ничего не сказал.

А я продолжил.

— У меня нет уверенности в том, что ВОСО и интендантство просто не справляется из-за некомпетентности. Либо пособничают врагу, либо ворованное возят частными рейсами и не возвращают обратно вагоны. По плану наступления вагонов было достаточно до конца операции и на Узловой мы немало их взяли трофеем. Как и паровозов.

— Кого оставляете за себя? — только и спросил генерал.

— Капитана Вальда.

— Вальда? — удивился генерал. — Он же всего командир егерской роты?

— Именно, ваше превосходительство. Командир штурмовой роты, доказавшей свою эффективность при взятии населенных пунктов. И бронепоезд только обеспечивает работу этой роты. К тому же он в отряде самый старший по чину.

— Что ж, будь по — вашему… — согласился генерал и поменял тему. — Вы увидите его величество в ближайшее время?

— Надеюсь на это, экселенц, — ответил я неопределенно, потому как еще не решил пока мне ехать в ставку или не пора.

— Тогда подождите немного, я напишу ему депешу в Ставку и также отправлю с вами накопившиеся наградные листы.

Узловая встретила меня зримым бардаком: вавилонским столпотворением людей, лошадей, стирхов, повозок и вагонов среди которых ловко протыривались продавцы всякой всячиной вразнос с рук, подпирали стены вокзала скучающие пока еще трезвые проститутки. Гам стоял круглосуточный. Гарь. Паровозный дым и пар.

Причем гражданских толклось на вокзале не меньше военных. И это было странно. Больше всего меня удивило

большое количество проституток. В большинстве своем молодых еще девочек. Те первые три дня, которые я провел на Узловой, их вообще не было видно. Причем на развязных профессионалок они мало походили. Тихо стояли и ждали, когда их выберут те, кому приспичило попользоваться их услугами. Сразу вспомнилось, что шутник Сталин во время Великой Отечественной войны приравнял триппер к членовредительству и за то, что офицер намотал на член гонококк, его отправлял в штрафбат на три месяца. А презервативы в вещевом довольствии Красная армия впервые увидела в только Румынии.

Дежурный по станции с трудом нашел место, куда приткнуть мой эшелон. По великому моему везению на самых задворках сортировочной станции. Зато я сам убедился, что бардак бардаком, но в мутной воде кто-то все же ловит свою крупную рыбу. Иначе зачем, имея сквозные пути, сначала разгружать вагоны в пакгаузы, а потом снова загружать те же грузы в эти же вагоны, для того чтобы отправить в адрес нашего первого корпуса. Явно имеет место быть пересортица усушка и утруска. Погрузочно — разгрузочные работы велись и ночью при свете керосиновых ламп.

Скандалить не стал. Просто вызвал к себе на эти задворки в свой салон повесткой начальника пункта ВОСО и местного главного начальника по интендантскому ведомству. Поначалу вежливо с посыльным. С вручением документа под роспись.

И приказал раздать личному составу ужин, который готовился в полевой кухне, пока мы были в пути. Сам также с удовольствием поел из солдатского котла с бойцами на платформе — готовил рецкий повар вкусные и простые деревенские блюда, к которым я, оказывается, успел привыкнуть пока жил на хуторе. Даже чем-то родным повеяло. Хотя повар у нас не профессионал, а выборный из бойцов.

Начальник ВОСО — мелкий живчик с лисьей мордочкой, со смешной фамилией Мойса, в полевой форме с майорскими погонами, явился уже через полчаса в полной готовности к сотрудничеству. Я сделал ему замечание, что до сих пор на станции Троблинка нет его представителя. Он обещал исправиться в ближайшие же дни, а пока просто руки не дошли — и недели не прошло как эта станция наша. Дал мне ценнейшую консультацию по максимальной пропускной способности нашей ветки, сверх которой неизбежны заторы. Обещал выслать роту железнодорожных строителей, для постройки временных 'усов' отстоя для складирования запасных шпал и рельсов, чтобы не таскать каждый раз их издали для боевого ремонта путей.

Главная для меня информация из уст майора прозвучала так.

— ВОСО не распоряжается вагонами. ВОСО лишь организует прохождение составов с военными грузами целиком. Сами литерные эшелоны формируются интендантами. Часто ВОСО даже не знает, что находится в вагонах.

В общем, встреча прошла плодотворно, и мы расстались довольные друг другом. Откровенно стучать на интендантов он не стал, но позволил себе пару намеков, дающих пищу мне для размышлений.

А вот большая интендантская шишка не явилась даже на следующий день. И пришло посылать за ней отделение егерей с пулеметом и приказом о силовом приводе.

Едва этого тучного подполковника втолкнули ко мне в салон, как он сразу встал в позу.

— Что вы себе такого позволяете, молодой человек? Как вы смеете так обращаться с ответственным офицером ведомства кронпринца? Я этого так не оставлю. Вы у меня на фронт пойдете рядовым в пехоту…

Его брылястое лицо тряслось, покраснело и плевалось мелкими брызгами слюны. И что самое удивительно он действительно чувствовал себя в полном праве 'строить' всех вокруг себя. Удивительно, но когда вся армия давным — давно перешла на новую полевую форму с погонами этот крендель все донашивает старый мундир с темно — синими обшлагами и серебряным галунным воротником.

— Вы присядьте, господин подполковник, водички попейте, успокойтесь, — улыбнулся я, наливая в стакан воды. — Поставили бы мой эшелон на первый путь, глядишь, и идти было бы короче, не ломая ноги о шпалы.

Воду он пил жадно, искоса поглядывая на приведший его конвой. Все же хоть и хорохорится и права качает, а побаивается.

— Вы свободны пока, — отпустил я егерей, сказав эту фразу по — рецки.

Поглядел на интенданта. Покачал головой и спросил.

— Ваша фамилия будет Шперле?

— Истинно так. Подполковник интендантской службы Йозе Шперле.

— Тогда все правильно. Вас вызывали повесткой. Вы не явились. Поэтому пришлось осуществить привод для беседы. Но привод это еще не арест. А беседа пока не допрос.

Выложил на стол планшет, раскрыл его. Под целлулоидной оболочкой там у меня не карта, а с одной стороны указ о создании чрезвычайной комиссии, с другой — рескрипт о назначении меня королевским комиссаром в нее. Специально так сделал, чтобы не трепать такие важные документы. Ламината тут

нет, и долго еще не будет.

— Читайте.

Чиновник быстро пробежал глазами оба документа и расплылся в улыбке. Даже глазки довольно заблестели.

— Так бы сразу и сказали, молодой человек, что вы и есть тот самый Кобчик из окружения принца, а то в повестке указан какой-то никому не известный барон, — откинулся интендант на спинку кресла. — Я только одного не понял, что означает фраза 'право внесудебной расправы' в рескрипте его величества?

— А то и означает, подполковник, что в условиях военного времени, обнаружив саботаж и пособничество врагу, я имею чрезвычайное право расстрелять саботажников без суда и следствия. На месте. Армия испытывает трудности со снабжением боеприпасами. Если я усмотрю в этом факт саботажа, виновные будут расстреляны незамедлительно перед строем. Дабы другим не было повадно. Время дорого в наступлении, чтобы изводить его на судебные церемонии.

— А как же штрафные роты? — удивленно посмотрел на меня интендант.

— Какие штрафные роты? — в свою очередь удивился я. — Не знаю никаких штрафных рот. Я сам только что с передовой. Нет там никаких штрафных рот. Но вызвал я вас вот по какому делу… От вас требуется справка о движении и обороте вагонов на узловой станции за последние две недели.

— Ну,… такое так сразу и не скажешь, господин королевский комиссар. Надо бумаги поднимать… Я же сам вагоны не распределяю. У меня для этого подчиненные есть специально этому обученные.

Подполковник почувствовал себя уверенней 'в своей луже', стал вальяжным и несколько покровительственным в тоне.

— Там очень сложная документация для неспециалиста. Если вы позволите, то мы изготовим вам такую справку дня через три.

— Это непозволительно долго, господин подполковник. Вы мне к завтрашнему утру предоставите все копии документов по этому вопросу. Подпись ваша и исполнителя. Печать.

— А это зачем?

— В дело подшить.

— В какое дело?

— Уголовное. О фактах саботажа на железной дороге в прифронтовой полосе.

— Ах, на железной дороге… — облегченно выдохнул интендант. — Нет вопросов. Завтра копии у вас будет. Что еще от нас требуется?

— Объясните мне, зачем вы сначала разгружаете амуницию, а

потом снова грузите в вагоны перед отправкой на фронт.

— Очень просто. У нас сейчас два основных фронта. Северный и Южный. Два получателя. Снабжение войск, которые сдерживают окруженные группировки противника, идет с фортов. Номенклатура довольствия одинаковая и часто для обоих адресатов находится в одном вагоне. Вот и приходится сортировать.

— Непонятно только зачем эти манипуляции проводить с боеприпасами, которые расходуются в день вагонами?

— По общей инструкции.

— Инструкцию. Ее копию. Также мне предоставите.

— Но это внутренний документ, господин комиссар. Гриф 'Для служебного пользования'.

— Вам дать снова почитать указ о создании чрезвычайной комиссии? Нет? Все дела которые мы ведем, имеют гриф 'Особой государственной важности'. Все младшие грифы им поглощаются. Вместе с инструкцией я жду от вас также копии всех руководящих документов касаемых движения вагонного парка. В том числе и трофейного. И учтите… Если вы будете противодействовать комиссии, то мы вас отстраним от дела а документы нужные просто изымем. С обыском. Только вот последствия для вас будут печальными, так как любое противодействие будет квалифицировано как саботаж. А теперь идите. К утру жду документы на этом столе.

С этим напутствием я его и отпустил.

А вот начальника сортировочной станции мне и приглашать не пришлось. Сам пришел. А я-то совсем забыл о такой должности. Собирался вызывать начальника вокзала. Но мне популярно пояснили, что вагонами ведает сортировка, а вокзал пассажирами.

На четырнадцатый день наступления, согласно календарю, грянул первый настоящий осенний дождь. Затяжной, проливной и холодный. Небо все заволокло плотными тучами. Дирижабли перестали летать, и мы остались без глубокой зафронтовой разведки.

Аршфорт неутомимо гнал нас вперед, пока почвы окончательно не раскисли. К середине месяца наши войска отбили еще пятнадцать километров железной дороги. В качестве бонуса нам достался крупный разъезд на восемь ниток запасных путей. С довольно крупным поселком, который другой околицей упирался в речной порт с рыбоконсервным заводом и пивоварней, что сильно подняло в войсках боевой дух.

Но пиво холодной осенью не самый полезный продукт и я настоял у Аршфорта на обязательной выдаче винной порции всем

войскам на открытой местности. По сто грамм в день. 'Наркомовские' так сказать. В чем меня активно поддержали корпусные лекари. Им также не улыбалось получить массу простудных заболеваний в личном составе.

К этому времени рецкие горнострелковые бригады пробились к железной дороге и перерезали ее в тылу царских войск до самой реки. Группировка полковника Куявски все же попала в окружение. Как он ни старался этого избежать. А порт с городом сели в сухопутную блокаду. Но как-то коряво выходило. Враг рассечен, но сопротивлялся активно, имея подвоз боеприпасов по реке как от устья пароходами, так и с другого берега лодками по ночам.

Сельскую местность в Приморье взяли под контроль отогузские конники, вылавливая остатки мелких царских гарнизонов. Пленных некуда было девать, потому что гать работала только в одном направлении днем и ночью и не справлялась с потребным потоком грузов. От нас же экспедиционные части по — прежнему были отрезаны группировкой полковника Куявски.

Ситуация грозила вылиться в патовое состояние. Несмотря на проливные дожди, подкрепления стали поступать в Приморье в основном не к нам, а к рецам и отогузам через гать, пока она еще проходима. А то зальет все, и болота поднимутся, затопив переправу. А обкладывать приморский город надо сразу, пока враг не нагнал морем подкреплений и не построил сухопутной обороны. Портовый город как и везде хорошо прикрыт только с моря.

Ставка короля запросила у императора поддержку имперского флота, чтобы блокаду Щетинпорта сделать полной. Или хотя бы почти полной, учитывая то, что правый берег Цыси все еще в руках царцев. И такой приказ был отдан. В море загрохотали большие пушки трех флотов. С переменным успехом потому как четвертой стороной конфликта стала погода — туманы, дожди и шторма.

В нашем корпусе, несмотря на нормально функционирующую железную дорогу, начались проблемы с боепитанием. Точнее проблемы были с вагонами, которыми подвозили снаряды и патроны. Их количество медленно, но неуклонно сокращалось.

Собрав документы и проконсультировавшись с первым квартирмейстером, я напросился на аудиенцию к командующему.

— Ваше превосходительство, данный вопрос требует моего прямого участия как комиссара ЧК. Саботаж надо пресекать сразу и в корне. Иначе скоро нам не только стрелять, но и есть будет нечего. Зарываться в землю по такой погоде — хуже не

придумаешь, тем более в местных глинистых грунтах. Кто-то крадет наши вагоны и с этим преступным деянием пора кончать.

— Не думаю, — возразил мне комкор. — Скорее это обычное наше головотяпство. Кто у нас идет в интенданты? Те кому не хватает храбрости и ума служить в строю.

И вот тут я показал ему царскую полевую кухню моей конструкции, которую заранее подогнал к его домику.

— Это тоже, ваше превосходительство, можно объяснить обычным нашим головотяпством? Судя по шильдику, эта кухня — самовар сработана в Ракове в механических мастерских железнодорожного депо даже раньше, нежели документация на них пришла на наши заводы. Я это точно знаю, так как такая кухня — самовар это мое изобретение, прошедшее через имперский комитет. Прогнило где-то в империи…

Аршфорт почесал кулаком усы. Крякнул недовольно. Но ничего не сказал.

А я продолжил.

— У меня нет уверенности в том, что ВОСО и интендантство просто не справляется из-за некомпетентности. Либо пособничают врагу, либо ворованное возят частными рейсами и не возвращают обратно вагоны. По плану наступления вагонов было достаточно до конца операции и на Узловой мы немало их взяли трофеем. Как и паровозов.

— Кого оставляете за себя? — только и спросил генерал, садясь за свой стол. — Исполняющим обязанности конечно. Потому как снимать вас с командования отрядом я не намерен. У вас это хорошо получается, барон.

— Благодарю вас, экселенц. За себя я оставляю капитана Вальда.

— Вальда? — удивился генерал. — Он же всего командир егерской роты?

— Вот именно, ваше превосходительство. Командир штурмовой роты, доказавшей свою эффективность при взятии населенных пунктов. И бронепоезд только обеспечивает работу этой роты. К тому же он в отряде самый старший по чину.

— Что ж, будь по — вашему… — согласился генерал и поменял тему. — Вы увидите его величество в ближайшее время?

— Надеюсь на это, экселенц, — ответил я неопределенно, потому как еще не решил пока мне ехать в ставку или не пора.

— Тогда подождите немного, я напишу ему депешу в Ставку и также отправлю с вами накопившиеся наградные листы.

* * *

Узловая встретила меня зримым бардаком: вавилонским столпотворением людей, лошадей, стирхов, повозок и вагонов среди которых ловко протыривались продавцы всякой всячиной вразнос с рук, подпирали стены вокзала скучающие пока еще трезвые проститутки. Гам стоял круглосуточный. Гарь. Паровозный дым и пар.

Причем гражданских толклось на вокзале не меньше военных. И это было странно. Больше всего меня удивило большое количество проституток. В большинстве своем молодых еще девочек. Те первые три дня, которые я провел на Узловой, их вообще не было видно. Причем на развязных профессионалок они мало походили. Тихо стояли и ждали, когда их выберут те, кому приспичило попользоваться их услугами. Сразу вспомнилось, что шутник Сталин во время Великой Отечественной войны приравнял триппер к членовредительству и за то, что офицер намотал на член гонококк, его отправлял в штрафбат на три месяца. А презервативы в вещевом довольствии Красная армия впервые увидела в только Румынии.

Дежурный по станции с трудом нашел место, куда приткнуть мой эшелон. По великому моему везению на самых задворках сортировочной станции. Зато я сам убедился, что бардак бардаком, но в мутной воде кто-то все же ловит свою крупную рыбу. Иначе зачем, имея сквозные пути, сначала разгружать вагоны в пакгаузы, а потом снова загружать те же грузы в эти же вагоны, для того чтобы отправить в адрес нашего первого корпуса. Явно имеет место быть пересортица усушка и утруска. Погрузочно — разгрузочные работы велись и ночью при свете керосиновых ламп.

Скандалить не стал. Просто вызвал к себе на эти задворки в свой салон повесткой начальника пункта ВОСО и местного главного начальника по интендантскому ведомству. Поначалу вежливо с посыльным. С вручением документа под роспись.

И приказал раздать личному составу ужин, который готовился в полевой кухне, пока мы были в пути. Сам также с удовольствием поел из солдатского котла с бойцами на платформе — готовил рецкий повар вкусные и простые деревенские блюда, к которым я, оказывается, успел привыкнуть пока жил на хуторе. Даже чем-то родным повеяло. Хотя повар у нас не профессионал, а выборный из бойцов.

Начальник ВОСО — мелкий живчик с лисьей мордочкой, со смешной фамилией Мойса, в полевой форме с майорскими погонами, явился уже через полчаса в полной готовности к сотрудничеству. Я сделал ему замечание, что до сих пор на станции Троблинка нет его представителя. Он обещал

исправиться в ближайшие же дни, а пока просто руки не дошли — и недели не прошло как эта станция наша. Дал мне ценнейшую консультацию по максимальной пропускной способности нашей ветки, сверх которой неизбежны заторы. Обещал выслать роту железнодорожных строителей, для постройки временных 'усов' отстоя для складирования запасных шпал и рельсов, чтобы не таскать каждый раз их издали для боевого ремонта путей.

Главная для меня информация из уст майора прозвучала так.

— ВОСО не распоряжается вагонами. ВОСО лишь организует прохождение составов с военными грузами целиком. Сами литерные эшелоны формируются интендантами. Часто ВОСО даже не знает, что находится в вагонах.

В общем, встреча прошла плодотворно, и мы расстались довольные друг другом. Откровенно стучать на интендантов он не стал, но позволил себе пару намеков, дающих пищу мне для размышлений.

А вот большая интендантская шишка не явилась даже на следующий день. И пришло посылать за ней отделение егерей с пулеметом и приказом о силовом приводе.

Едва этого тучного подполковника втолкнули ко мне в салон, как он сразу встал в позу.

— Что вы себе такого позволяете, молодой человек? Как вы смеете так обращаться с ответственным офицером ведомства кронпринца? Я этого так не оставлю. Вы у меня на фронт пойдете рядовым в пехоту…

Его брылястое лицо тряслось, покраснело и плевалось мелкими брызгами слюны. И что самое удивительно он действительно чувствовал себя в полном праве 'строить' всех вокруг себя. Удивительно, но когда вся армия давным — давно перешла на новую полевую форму с погонами этот крендель все донашивает старый мундир с темно — синими обшлагами и серебряным галунным воротником.

— Вы присядьте, господин подполковник, водички попейте, успокойтесь, — улыбнулся я, наливая в стакан воды. — Поставили бы мой эшелон на первый путь, глядишь, и идти было бы короче, не ломая ноги о шпалы.

Воду он пил жадно, искоса поглядывая на приведший его конвой. Все же хоть и хорохорится и права качает, а побаивается.

— Вы свободны пока, — отпустил я егерей, сказав эту фразу по — рецки.

Поглядел на интенданта. Покачал головой и спросил.

— Ваша фамилия будет Шперле?

— Истинно так. Подполковник интендантской службы Йозе Шперле.

— Тогда все правильно. Вас вызывали повесткой. Вы не явились. Поэтому пришлось осуществить привод для беседы. Но привод это еще не арест. А беседа пока не допрос.

Выложил на стол планшет, раскрыл его. Под целлулоидной оболочкой там у меня не карта, а с одной стороны указ о создании чрезвычайной комиссии, с другой — рескрипт о назначении меня королевским комиссаром в нее. Специально так сделал, чтобы не трепать такие важные документы. Ламината тут нет, и долго еще не будет.

— Читайте.

Чиновник быстро пробежал глазами оба документа и расплылся в улыбке. Даже глазки довольно заблестели.

— Так бы сразу и сказали, молодой человек, что вы и есть тот самый Кобчик из окружения принца, а то в повестке указан какой-то никому не известный барон, — откинулся интендант на спинку кресла. — Я только одного не понял, что означает фраза 'право внесудебной расправы' в рескрипте его величества?

— А то и означает, подполковник, что в условиях военного времени, обнаружив саботаж и пособничество врагу, я имею чрезвычайное право расстрелять саботажников без суда и следствия. На месте. Армия испытывает трудности со снабжением боеприпасами. Если я усмотрю в этом факт саботажа, виновные будут расстреляны незамедлительно перед строем. Дабы другим не было повадно. Время дорого в наступлении, чтобы изводить его на судебные церемонии.

— А как же штрафные роты? — удивленно посмотрел на меня интендант.

— Какие штрафные роты? — в свою очередь удивился я. — Не знаю никаких штрафных рот. Я сам только что с передовой. Нет там никаких штрафных рот. Но вызвал я вас вот по какому делу… От вас требуется справка о движении и обороте вагонов на узловой станции за последние две недели.

— Ну,… такое так сразу и не скажешь, господин королевский комиссар. Надо бумаги поднимать… Я же сам вагоны не распределяю. У меня для этого подчиненные есть специально этому обученные.

Подполковник почувствовал себя уверенней 'в своей луже', стал вальяжным и несколько покровительственным в тоне.

— Там очень сложная документация для неспециалиста. Если вы позволите, то мы изготовим вам такую справку дня через три.

— Это непозволительно долго, господин подполковник. Вы мне к завтрашнему утру предоставите все копии документов по этому вопросу. Гриф 'С подлинным верно'. Подпись ваша и исполнителя. Печать.

— А это зачем?

— В дело подшить.

— В какое дело?

— Уголовное. О фактах саботажа на железной дороге в прифронтовой полосе.

— Ах, на железной дороге… — облегченно выдохнул интендант. — Нет вопросов. Завтра копии у вас будут. Что еще от нас требуется?

— Объясните мне, зачем вы сначала разгружаете амуницию, а потом снова грузите в вагоны перед отправкой на фронт.

— Очень просто. У нас сейчас два основных фронта. Северный и Южный. Два получателя. Снабжение войск, которые сдерживают окруженные группировки противника, идет с фортов. Номенклатура довольствия одинаковая и часто для обоих адресатов находится в одном вагоне. Вот и приходится сортировать.

— Непонятно только зачем эти манипуляции проводить с боеприпасами, которые расходуются в день вагонами?

— По общей инструкции.

— Инструкцию. Ее копию. Также мне предоставите.

— Но это внутренний документ, господин комиссар. Гриф 'Для служебного пользования'.

— Вам дать снова почитать указ о создании чрезвычайной комиссии? Нет? Все дела которые мы ведем, имеют гриф 'Особой государственной важности'. Все младшие грифы им поглощаются. Вместе с инструкцией я жду от вас также копии всех руководящих документов касаемых движения вагонного парка. В том числе и трофейного. И учтите… Если вы будете противодействовать комиссии, то мы вас отстраним от дела а документы нужные просто изымем. С обыском. Только вот последствия для вас будут печальными, так как любое противодействие будет квалифицировано как саботаж. А теперь идите. К утру жду документы на этом столе.

С этим напутствием я его и отпустил.

А вот начальника сортировочной станции мне и приглашать не пришлось. Сам пришел. А я-то совсем забыл о такой должности. Собирался вызывать начальника вокзала. Но мне популярно пояснили, что вагонами ведает сортировка, а вокзал пассажирами.

Сам пришел и откровенно сказал, что за военных долбодятлов он отвечать не собирается. Его дело эшелон собрать, паровоз к нему прицепить и отправить по тому направлению, которое укажут. Так было и до войны, и при царской оккупации, так обстоят дела и сейчас. Все вагоны к нему поступают либо уже

опломбированные, либо пустые.

Воистину скорость стука превышает скорость звука.

Но в результате наутро я стал богаче на три независимых комплекта копий учетных книг движения вагонов за последние две недели. От интендантства, от ВОСО и от гражданской службы сортировки. И даже беглое сравнение этих документов показало, что хоть у меня и чрезвычайные полномочия, но их мне явно не хватает. А потому после беглого прочтения этих заверенных копий затребовал я от ВОСО литер в Будвиц, который мне охотно предоставили уже через час. Лишь бы с глаз долой.

По документам получалось, что на одной территории находились три совсем разные грузовые станции. Моей соображалки было явно недостаточно. Требовался хороший аналитик, и взять я его мог только в аппарате принца. А толковый консультант в железнодорожном складском хозяйстве служил в воздухоплавательном отряде в чине ефрейтора. Так что мимо Будвица не проехать.

Отбил телеграмму Аршфорту и получил его добро на командировку. В случае чего эта телеграфная лента, свернутая в рулон есть мой главный отмазной документ от обвинений в дезертирстве.

К полудню в окнах моего салона показались кирпичные трубы столичных заводов. Состав, громыхая колесами на стрелках, ушел на окружную дорогу и с нее втянулся на заводскую ветку акционерной командиты 'Гочкиз'.

Вызвал по телефону из дома коляску с рысаками и приведя себя в порядок, надев парадную форму воздушного флота двинулся на аудиенцию к младшему Бисеру. В руках в простом свертке сахарной бумаги, перевязанным на бантик пеньковой бечевкой, я вез бомбу.

Информационную.

Элика вид имела задумчивый и одновременно очень хитрый. Обычных бурных эмоций обязательных для нее при нашей встрече после продолжительной разлуки не выказывала, хотя зримо видно, что жена мне рада и соскучилась. Моим проявлениям чувств не препятствовала.

— Что-то ты не такая как обычно, — констатировал я после того как затискал.

— Просто ты меня беременной не видел, — спокойно ответила она.

— И?… — поднял я бровь.

— Дочка будет, — уверенно сказала жена.

— А если опять сын? — предположил я.

— А если опять сын, то я тебя убью, — вспыхнула она синими

глазищами.

Во внешности Элики произошли изменения. Нет, она все еще оставалась такой же стройной и красивой, только напрочь утратила девичью угловатость. Мягче стала в обводах. Обабилась что ли? Но ей это шло.

В доме столпотворение егерей.

Бедлам среди хлопочущей прислуги.

Добро, что баню догадались заранее истопить. Сижу в парной один и думаю, почему принц не был удивлен?

К вечеру карета привезла штаб — ефрейтора Пуляка, простите — уже боцманмата имперского воздушного флота. Как и было приказано егеря его тут же раздели и впихнули ко мне в парную.

— И что все это значит, Савва? — недовольно спросил он, разглядывая меня при слабом мерцающем свете 'летучей мыши' расслабленно потеющем на липовом полке

— Разговор есть, Ежи. На миллион, — отозвался я. — И вообще я тебя временно прикомандировываю к ЧК. С Плотто договорюсь сам. А сейчас время дорого. Ты мне как-то давно, когда в штабе служили, говорил что все махинации с железнодорожными складами и вагонами знаешь. Это так?

— Дык… — пожал он плечами. — С десяти лет при них.

— Тогда рассказывай.

— Прямо здесь?

— А где еще можно спокойно поговорить без лишний ушей. Заодно и помоемся.

* * *

Выйдя из бани, мы с боцманматом с удовольствием приняли на грудь по сто грамм можжевеловки. Еще Петр Великий завещал, что после бани штаны продай, да выпей.

Пуляк забавно выглядел во всем белом. Даже ботинки белые у пижона. Ну, да… он же в увольнение собрался, когда его егеря из дома выдернули.

Отвел боцманмата в беседку, попросил обождать меня, пока на стол накрывают.

Вызвал начальника домашней охраны и поинтересовался.

— Люди Ночной гильдии у тебя на связи или просто так со стороны за домом наблюдают?

— Нет, командир, на глаза не лезут, но если нужны, то я знаю, где их искать.

— Тогда скажи им, что мне срочно нужен регент. Для

важного разговора.

* * *

33

Регент ночной гильдии сам не приехал, но прислал за мной закрытую карету со шторками на окнах. Простую с виду. Неприметную. Средний класс. Разве что лошади выбивались из общей неприметности своей игреневой мастью.

Кучер кареты, отдав поводья кому-то из егерей, подошел к беседке и передал мне личное приглашение регента с гарантиями безопасности.

— …так что можете сегодня ваших пулеметчиков с собой не брать, — закончил он свою речь.

Подумав, я решил согласиться.

— Я буду не один.

— Не имеет значения. Безопасность регент гарантирует и вашему спутнику, — кивнул кучер, который нам так и не представился..

Я только зашел домой и взял с собой компактный 'бульдог' с горстью патронов в другой карман. И. подумав, еще дерринджер жены засунул в левый носок, благо парадная форма морская предписывала ботинки и длинные брюки. Кортик и так болтался на златотканом поясе.

Элика выскочила за мной на крыльцо.

— Ты куда?

— Дела еще есть, — ответил я. — Важные. Когда вернусь, еще не знаю.

Уезжать от нее не хотелось — сам соскучился. Да и с сыном даже не повозился, как мечталось по дороге.

— Знаю я эти ваши дела, — уперла моя благоверная руки в боки — Небось, к шлюхам намылились?

— Зачем мне к шлюхам ехать вооруженным револьвером? — переспросил я, оставив жену в ступоре.

Поцеловал в щеку и сел вслед за боцманматом в карету.

Пуляк только ехидно посмеивался всю дорогу над этой семейной сценкой, а когда карета остановились, то зашелся смехом до икоты.

Я одернул шторку с окна дверцы. Карета привезла нас к черному ходу 'Круазанского приюта'. Здравствуйте, девочки…

Нас встретил в прихожей молчаливый паренек, осветил лица переносной керосиновой лампой и проводил по темному коридору до кабинета на первом этаже.

Будуар, куда нас завели, относился к классу люкс, категория 'не для всех', роскошно, хотя и несколько аляповато декорированный в розово — красных тонах с позолотой. С

большой квадратной кроватью под балдахином на витых золоченых столбиках. Балдахин скрывал от стороннего взгляда зеркальный потолок этой конструкции. Надо же… Но розовое покрывало на кровати не было тронуто.

У зашторенного красным бархатом окна низкий столик, на котором накрыта типичная бандитская 'поляна', разве что слегка облагороженная сервировкой с приложением умелой женской руки. Куча бутылок в центре, закуска из солений, свежих овощей, копченой рыбы и мясной нарезки.

Освещена комната была двумя газовыми рожками, дающими неровный слегка дрожащий свет.

Крон, не вставая, показал нам на кресла у столика. Наверное, потому что не хотел протягивать мне руки или не знал как воспримется, если он потянет свои грабарки для приветствия, а их не пожмут.

— Присаживайтесь, господа. Откушаем, что есть по нашей бедности. Не взыщите — война. Заморских деликатесов нет, — и немедленно поинтересовался. — Где это вас так?

Невежливо показал он пальцем на пластырь у моего виска. Повязку с головы я снял дней пять назад.

— На фронте, — не стал я вдаваться в подробности, но и такое объяснение вполне удовлетворило вопрошавшего. Главное не в его городе.

А вот Пуляк меня удивил тем, что сразу протянул руку регенту и тот ее пожал.

— Вы знакомы? — спросил я.

— Чуть ли не с детства, — ответил мне регент, ухмыльнувшись.

А вот боцманмат такой засветкой рад не был, что читалось по его лицу.

Глубокое кресло не давало мне возможности быстро выхватить из кармана брюк револьвер, но до левой лодыжки с дерринджером рука доставала свободно. И я несколько успокоился. Все же я не совсем доверял ночному регенту столицы.

— Ну, тем мне проще, — перевел я свое удивление в практическую плоскость. — А собрал я вас, господа, вот по какому поводу… пришла пора послужить королю и отечеству.

И посмотрел прямо в глаза регенту Ночной гильдии.

— Не побоишься?

— Ну, ты и скажешь, начальник… — осклабился глава всех будвицких бандитов. — Зубов бояться — в рот не давать.

— Тогда слушай, Крон, что нужно будет сделать еще вчера…

— Через кольцо окружения у Южного форта прорвалась группа царцев численностью около полка с целью оседлать

континентальную железную магистраль в районе первого разъезда. Но нарвавшись на бронепоезд 'Гадюка', который курсировал по ней боевым охранением, залегли в чистом поле под перекрестным пулеметным огнем бронепоезда и ротного опорного пункта разъезда. Потеряли кураж и были настигнуты двумя пулеметными батальонами 'быстрого реагирования' из оперативного резерва корпуса. После непродолжительного боя в окружении царцы сдались. Командовавший ими генерального штаба полковник Грумм убит в бою, — голос генерал — адъютанта Онкена глуховато зачитывал последнюю сводку обоим монархам. — Кольцо окружение у Южного форта было усилено за счет войск, очистивших территорию напротив Северного форта и царцы снова прижаты к болотам. В ближайшее время полевой Ставкой планируется подготовить временные лагеря и достаточный вагонный парк для приема пленных и доставки их в Рецию.

— Не слишком ли велика нагрузка на Ремидия, ваше императорское величество? — подал голос король Бисер. — По моим сведениям у него в маркграфстве и так больше двух третей всех пленных в этой войне скопилось.

— Имперская казна помогает ему финансово содержать в праздности пленный офицерский корпус, — отозвался император. — А плененные солдаты активно у него работают на дорожном строительстве, что для Реции, у которой самая слабая дорожная сеть в империи, что само по себе очень неплохо. Запланировано даже строительство второй горной железной дороги из империи к южному морю. Ваш Вахрумка подал интересный проект дороги сквозь горы через цепочку тонелей. Интересный проект. Революционный. Я в ответ поздравил его инженер — подполковником.

Император улыбнулся. Король молча склонил голову, благодаря за молочного брата своего сына.

— Так что, — продолжил император, — как только будет сдана горно — отогузская дорога он сразу переедет в распоряжение к Ремидию. Финансироваться это строительство будет на паях. Империя, маркграфство и акционеров процентов на сорок привлечем, потому как, если смотреть в будущее эта дорога сулит очень напряженный товаропоток и соответственно большие прибыли, так что строить ее будут сразу двухпутной, без разъездов. И вот тут лишние пленные нам лишними совсем не будут, даже если мы пленим весь южный фас фронта с царцами, если уж на севере так не получается. Кстати. Онкен, что там на юге?

— На южном фасе нашего фронта ваше императорское

величество войска прорыва с полевого укрепрайона вышли к реке, и ведут бой с царцами, охраняющими плацдарм у паромной переправы. Так что группировка генерала Мудыни оказалась в полуокружении, прижатой к реке. Так сказать, между молотом имперских гвардейцев и наковальней ольмюцкой армии. Прижатые же к болотам, рассеченные на мелкие очаги сопротивления царские войска, наступавшие ранее на полевой укрепрайон, понемногу сдаются в плен. Но есть и отдельные упертые части, что отчаянно сопротивляются. Людей тут мы зря не кладем. Блокада сама оставит их без еды и боеприпасов. Артиллерийских снарядов у них уже нет. Так что вопрос их сдачи в плен или гибели только вопрос времени.

— Вейхфорт, — позвал император своего генерал — адъютанта. — Черкните у себя в блокнотике, чтобы пленных царцев еще в пересыльных лагерях рассортировали. И обязательно отделили от куявцев покоренные ими народы. И чтобы с этими представителями покоренных царем народов обращались хорошо.

— Это здравая мысль, ваше императорское величество, — подал реплику король Бисер. — И очень своевременная.

— Могли бы и сами о таком догадаться, ваше королевское величество, — парировал император. — Онкен, что позволило ольмюцкой армии так успешно провести наступательную операцию своими силами? Преодолеть этот чертов позиционный тупик.

— Особо подготовленные штурмовые части и хорошее насыщение войск новыми автоматическими пулеметами, ваше императорское величество.

— Вот, — вскочил император, — концерн 'Лозе' действительно оказался выше всяческих похвал!

— Простите, ваше императорское величество, но в ольмюцкой армии нет ни одного пулемета от фирмы 'Лозе'. Только станковые и ручные пулеметы системы 'Гочкиз' и глубокая модернизация системы 'лозе' произведенная здесь же в Будвице все той же фирмой 'Гочкиз'. Так называемый тяжелый пулемет системы 'Гоч — Лозе'.

— Хотите сказать, что тут опять ваш Кобчик отличился. Ему мало имперского рыцарства? — в голосе императора прозвучали раздраженные нотки.

— Никак нет, ваше императорское величество, — Подал голос король Бисер, — но я бы осмелился настоять на том, чтобы вы лично отметили главного конструктора фирмы 'Гочкиз' и ее директора, инженера Имрача Гоча. К сожалению, он не служил в армии, и не имеет имперского гражданства. С нашей стороны он

обласкан, как гениальный конструктор стрелкового оружия, кавалер ордена Бисера Великого. Кстати, обе пехотные траншейные пушки это тоже его изобретения. Вместе с Кобчиком.

— Да что у вас тут творится, ваше королевское величество? Куда ни плюнь, то попадешь в вашего Кобчика?

— Он не наш, ваше императорское величество. Он рецкий горец. Маркграф Ремидий сделал его бароном.

— Так поздравьте от моего имени этого… Гоча? Правильно. Поздравьте Гоча имперским бароном. Вейхфорт, какой у нас баронский замок выморочный?

— Достаточно длинный список, ваше императорское величество, Но я бы порекомендовал баронию Ройн недалеко от вашей резиденции. Очень живописное место. Старинный замок. Прекрасный парк. Хозяйство не обременено долгами.

— Так и запишите… Поздравить инженера Гоча из Будвица бароном Ройнверт. Рескриптом. Точнее… бароном Гоч — Ройнверт… И передать ему в наследственный лен баронию Ройн. Теперь вы довольны, ваше королевское величество? Император умеет достойно награждать отличившихся подданных. А вот с гражданством Гоча я ничего поделать не могу, раз он в армии не служил. Но дам подсказку. Призовите его в ольмюцкую армию и отправьте служить на его же завод. Чрез год, если так долго продлится война, он станет гражданином империи. Как все ветераны. Разрешаю в порядке исключения присвоить ему сразу офицерский чин. Заслужил своими пулеметами.

Всю эту сцену мы наблюдали с принцем, спрятавшись за спинами членов Ставки, потому как к началу действа опоздали. На железной дороге был затор. Да еще раньше встретили и тормознули рецкий мотоброневагон, который плелся в Будвиц починяться. Броневагон снова словил пяток шрапнелей на удар и у него разошлись клепаные швы с левого борта. Старшим ехал инженер — ефрейтор Болинтер, что логично — в ремонт же. Ему я приказал на ближайшей стрелке перейти на наш путь и нас догонять. Догнали к затору и прицепились к нашему составу.

Бойцы мало что поняли в этих маневрах, а мне захотелось показать в Ставке, что и после стольких попаданий из полевой пушки броня все еще живет и защищает экипаж.

Принц, осмотрев внимательно покоцанный броневагон, спросил.

— А если так забронировать мощный рутьер, получится ли чудо — оружие поля боя?

— До первой ямки. Рутье будет кататься только по приличным дорогам, и застревать в первой же грязи после дождя, — ответил я. — Мы с Гочем рассматривали такой вариант.

Разве что с гусеничным движителем, а он такой несовершенный, особенно сочленения гусениц — только по мягкой пахоте ему и кататься. К тому же шесть тонн максимум возможного веса для всей такой конструкции, а броневагон это полста тонн.

— Угу… — только и ответил мне принц, но мысль о танках, чую, прочно засела у него в голове.

К полудню добрались до полевой ставки Бисера. Но мероприятие уже началось, и кронпринц мне прошептал.

— Не будем лезть нагло на глаза. Лучше издали послушаем. Часто так полезней.

Конечно полезней… По крайней мере, я узнал, что мое имя вызывает у императора раздражение, благодаря чему Гоч стал бароном. Я был рад за партнера. Даже такой ценой.

Вторым моментом очень меня напрягшим было откровенное лоббирование императором продукции концерна 'Лозе'. Мало мне Тортфортов? Хотя мой дед как-то говаривал, что если у человека нет врагов, то он из себя ничего не представляет. Про таких людишек в Библии написано от имени Господа Бога '…изблюю тебя из уст своих, потому что ты не холоден, не горяч, но тёпл…'

Королевско — генеральский сходняк прервали личным приглашением первого квартирмейстера армии на обед всех присутствующих. И 'полосатые штаны' неторопливо потянулись в легкий павильон по соседству, напоминая клубок целующихся змей.

Я же отпросившись у принца, направил стопы в наградной отдел службы первого квартирмейстера, где получил мешок медалей и стопку наградных книжек на весь броневой отряд. И потопал, оттягивая руку мешком серебра заесть это дело со своими солдатами. Кашка явно уже поспела в полевой кухне.

Золотая осень полностью вступила в свои права, березовый лес ставки радовал взгляд и настраивал на мирные мысли. Не хотелось вообще думать об императоре и его камарилье, которой я почему-то встал поперек горла.

По дороге меня догнал фельдъегерь и вручил пакет от Ремидия. Ничего особенного — просто теплое письмо и промежуточный отчет о прибылях в общих предприятиях, которые аккумулированы в рецком банке. Я снова неприлично богатый человек. Только завод 'Точкиз' пока у меня лично генерирует убытки. Впрочем, эти убытки оформлены как долги. Долги завода партнерству 'Гоч и Кобчик', а то уже должно лично мне.

И если отношения Бисеров ко мне понятны и прозрачны, то благоволение ко мне рецкого маркграфа до сих пор для меня загадка.

У себя в салоне отложил кресты и медали на всех

присутствующих при эшелоне. А оставшиеся знаки складировал в сейф. До будущего награждения Аршфортом.

Принц обещал лично провести церемонию награждения героев, если такой возможности не выпадет у короля.

— Сам понимаешь. Савва, форс — мажор… Это сродни стихийному бедствию.

Я не тупой. Намек на императора понял. Даже столько не на самого императора, сколько на его свиту. Слава ушедшим богам она была у него по — походному небольшой.

Когда мы закончили обед и наводили приборку вокруг своего тупичка, прибежал вестовой из ольмюцких гвардейцев и приказал ожидать 'их величества'. После чего я перекинул всех на уборку с левой стороны эшелона, где мотоброневагон находился своей самой покоцаной стороной. Товар так сказать лицом.

А мусора скопилось на путях прилично. Правы предки, которые утверждали, что 'чисто там, где не сорят'.

Через час примерно выставленные мной махальные стали подавать условные знаки.

— Так, бойцы, — прикрикнул я. — Изображаем кипучую деятельность по уборке уже убранного. Ждем команду. Тавор — в салон. Приготовь стол, красную скатерть, наградной комплект и жди команды.

При приближении сдвоенной свиты монархов я рявкнул.

— Строиться!

И мои бойцы, аккуратно закидав метлы и лопаты на платформу, где составленные в козлы стояли их винтовки, быстро выстроились вдоль состава. Можно было бы и лучше построиться, но и так не плохо, все же тут не ровный плац. Даже паровозная бригада пристроилась с краю, хоть и не обязана была этого делать. Но любопытно им.

Сам я, отдав необходимые уставные команды, встретил эту генеральскую отару у края строя.

— Ваши императорское и королевское величества, подразделение отдельного броневого отряда при первом армейском корпусе следует в депо Будвица для починки разбитого в бою мотоброневагона. Докладывает командир броневого отряда лейтенант воздушного флота сил Савва Кобчик.

— Так вот ты какой… Кобчик, — покачал головой император, — Здоровая орясина.

— Рад стараться, ваше императорское величество. Но моей заслуги тут нет — это родителей труды.

— Ты ранен, барон, — участливо спросил старший Бисер, увидев на виске пластырь, торчащий из-под моего кепи.

— Так точно, ваше королевское величество. Был ранен, но

остался в бою при защите захваченного железнодорожного моста.

— Можешь заменить знак за ранение на золотой. Насколько я помню это третье твое ранение на нашей службе.

— Так точно, ваше королевское величество. Третье.

— Когда ты все успеваешь, Кобчик? — спросил император. — И завод, и пулеметы, и бронепоезда, и воевать, и в небе летать…

— Я растягиваю сутки на лишний час, ваше императорское величество.

— Как это? — откровенно удивился император.

— Ложусь спать на час раньше, ваше императорское величество.

В отаре свитских раздались приглушенные смешки.

— Показывай свое воинство, шутник, — император сделал каменное лицо. Видимо не любил когда над ним подшучивают.

Оба монарха прошли вдоль всего строя. Внимательно вглядываясь в лица, потом обратно к его середине.

— Здорово, молодцы, — воскликнул император.

Бойцы заучено рявкнули.

— Здвав желав ваше императорское величество!

Не подвели, орелики. Хорошо гаркнули.

— Поздравляю вас со славными победами над исконным врагом с востока.

— Рады стараться, ваше императорское величество, на благо императора и отечества.

— Это хорошо, что рады стараться, — глаза императора потеплели. — Награждать вас будем. Заслужили.

Я дал отмашку. Тавор с двумя бойцами, до поры скрытые в салон — вагоне, споро вытащили узкий стол, скатерть, наградные книжки, сами медали и пакет с булавками. Стол быстро установили недалеко от их величеств, подбив под одну ножку кусок гравия, чтобы не косил. Аккуратно все разложили на столе. И встали рядом навытяжку.

— Встать в строй, — скомандовал я им.

Император посмотрел на кучку сияющих новой чеканкой серебряных медалей на лентах креста военных заслуг и обратился к Бисеру.

— Твои награды, ваше королевское величество, тебе и награждать. Я рядом постою. Посмотрю на героев. Читал я донесения об их подвигах и, откровенно говоря, не верилось. А теперь смотрю на них воочию и понимаю… Такие могут даже чудо совершить.

Сомнительный комплимент для короля, учитывая, что в строю стоят в подавляющем большинстве радикально блондинистые рецкие горцы. А не огемцы. Так и угадывается, что

в будущей истории этой войны написанной в имперской столице главную заслугу в нашей победе припишут именно горцам.

А император уже перевел свой взгляд на разбитые швы в броне боевого вагона, покачивая черной лакированной каской с позолоченным медным кантом.

Потом, начиная с вахмистра по рангу вызывали награждаемых, и король прикалывал булавкой им медаль на грудь.

Тавор получил-таки свой вожделенный крест и следующего за ним в очереди инженера я представил особо.

— Инженер — ефрейтор Болинтер, ваши величества. Механик автономного броневагона и изобретатель калильного двигателя внутреннего сгорания, установленного на нем. Именно благодаря его двигателю мы смогли воевать в отрыве от основного бронепоезда движимого паровозом. Ефрейтор был ранен осколками, но остался в бою, заменив тяжелораненого пулеметчика. Представлен к кресту военных заслуг.

Совсем не боевой вид инженера, диссонирующий с бравыми рецкими бойцами, обратил на себя внимание монархов.

— Поздравляю вас фельдфебелем императорской гвардии, — вдруг заявил император Болинтеру после того как король прицепил инженеру на грудь крест. — Останьтесь после церемонии, я хочу посмотреть на ваш двигатель.

Тут вдруг над головами тревожно закаркал крупный лесной ворон. И я понял, что меня уже грабят, вот так среди бела дня, а в качестве компенсации вешают на мою шею рыцарский крест. Черненую серебряную фитюльку вместо будущих моторов.

Я был последним кого награждали.

— Это все награды за ваши прошлые заслуги, — сказал император. — Что было потом целых две недели после вашего подвига?

— Воевали, ваше императорское величество, — ответил я. — Делали все, что и другие воины Ольмюца из первого армейского корпуса. Теснили врага к северу. Как все. Разве что отличился расчет орудия носовой башни. Они одним 'золотым' выстрелом лишили северную царскую группировку всех их генералов.

— В таком случае они достойны 'Солдатского креста' за свое отличие, — оценил этот боевой эпизод император, и его адъютант как факир достал из воздуха четыре коробочки, обтянутые тонкой черной кожей.

34

— Что хотел от тебя император? — спросил я Болинтера, который сидя в несвежей нижней рубашке в моем салон — вагоне сам пришивал к полевому кителю лейтенантские погоны.

Эти погоны дал ему я — из своих запасных. Гвардейский фельдфебель равен по рангу армейскому лейтенанту. Видно у монархов в этом мире это давно обкатанная домашняя заготовка — давать мещанам за заслуги звание фельдфебеля гвардии. Вроде и звание воинское для нижних чинов на слух, а по сути — офицер. Ступенька к дворянству.

— Ты не поверишь… — глаза инженера засияли мечтательным блеском. — Мне предложили собственный завод речных двигателей.

— В подарок? — только и спросил я.

— Нет на паях. Но с самим императором.

Не зря ворон каркнул. Ой, не зря. А 'контриков' еще даже не осудили — следствие идет. Получается, что император приехал их отмазывать от ответственности? И 'Кражу умов' они не сами по себе выдумали.

— Твоя доля в чем выражается? Что ты сам вкладываешь? — выразил я свой интерес, так чтобы не молчать.

— Мои двигатели, который есть и которые я еще создам.

— Извини, что подставил тебя ненароком.

— Чем подставил? — искренне удивился инженер.

— Тем, что своим представлением уничтожил твою спокойную жизнь. Слыхал такое выражение: 'Рядом с троном — рядом со смертью'.

— Нет.

— Теперь знай. Я это уже на своей шкуре испытал, когда 'жалует царь, но не жалует псарь'. А для императора ты всего лишь ресурс. Один из множества. Так что не обольщайся особо. Кстати, отметить повышение не хочешь?

— А есть чем? — охотно отозвался Болинтер.

— У меня всегда есть. Я все же из винодельческой страны. В любом случае простые напитки тут не пойдут, — заявил я, доставая бутылку зеленого вина из виноградников маркграфа и бокалы. Заодно похвалился. — Это особое вино, которое пьют по особым случаям. Делают его только в одном винограднике, который принадлежит рецкому маркграфу.

Болинтер надел китель, скосил глаза на левое плечо и протер обшлагом рукава новенький крест на груди.

— Зеркало сзади тебя в коридоре стюарда, — улыбнулся я.

Сам такой был.

— Знаешь, Савва, я в полных растрепанных чувствах сегодня. Голова кругом, — Болинтер как жеманница крутился перед зеркалом. — Когда я объяснил императору, что до окончания ремонта броневагона никак не смогу отъехать в столицу, потому что это будет дезертирство и предательство боевых товарищей, он меня понял и не стал торопить. Сказал ждать официального перевода. Что ты мне посоветуешь в этой ситуации?

— Не складывать все яйца в одну корзинку. А именно до того как тебе предоставят завод в столице, а скорее всего кусок чистого поля на котором ты должен будешь построить такой завод, создай на стороне свой свечной заводик.

— Зачем мне свечной заводик? Я ничего не понимаю в органической химии.

— Это я так… образно. К примеру, фирмочку по выпуску твоих моторов для насосов. На старом патенте.

— Денег нет на это, — поставил инженер пустой бокал на стол — Что за кислятину ты пьешь? Отмечать надо было нашей огемской сливянкой.

Я только руками развел: чего нет того нет.

— Деньги не проблема. Вложишь в партнерство свой патент и будешь консультировать технологию производства. Модернизацию. Консультировать производственников.

— Да кто вложится в такое производство? Были бы такие меценаты, то давно бы уже такой заводик стоял в Будвице. Все только мятым паром грезят. Повышением КПД паросиловой установки.

— Я вложусь.

— Ты?

— Я.

— И где его поставим? Этот завод? В Будвице или провинции?

— В Реции.

— Почему там?

— Потому что там качают нефть.

А сам подумал что минитрактор в горах тоже будет к месту. Но не все сразу.

Вечером отправили Болинтера с его командой в Будвиц, пока император еще что-либо не учудил в его сторону.

В дальнее купе ужин принес сам с извинениями, что поздно. Там бедовали взаперти четверо адептов Ночной гильдии.

— Сами видели, что тут творилось. Хорошо, что вас никто не видел тут. Парашу на ходу сами выплеснете.

— Да ладно, начальник, не впервой на матрасах

отлеживаться, — примирительно прогудел Лось, назначенный Кроном на Узловую 'положенцем'. — Выпить нам дашь? А то скучно.

— Дам. Но немного, чтобы не буянили. Только скуку развеять, — пообещал я. — Но к работе приступить сразу по приезду. Вот пропуска вам на право хождения в комендантский час. Подминать под себя местный криминал будете в свободное от задания время. И это… С девочками аккуратней там… не от хорошей жизни они на панель пошли во время оккупации. Если кто из них захочет бросить это дело — не препятствуйте.

Забрал у них грязную посуду от обеда, сунул пару бутылок красного вина и снова запер купе.

С закатом и мы отправились в обратный путь. После моего совещания с принцем и его доверенными чиновниками. Принц им пообещал при мне, что в случае утечки информации их не только повесят без суда и следствия, но и все, что есть у них, конфискуют. Так что семьи их по миру пойдут. Интенданты с лица сбледнули, но никто не отказался от участия. Я только мысленно воздал принцу овации — так вот на пустом месте создать трех 'крысиных королей'. Нет им теперь пути назад.

35

— Что хотел от тебя император? — спросил я Болинтера.

Тот, сидя в несвежей нижней рубашке на диване в моем салон — вагоне, сам пришивал к полевому кителю лейтенантские погоны.

Эти погоны дал ему я — из своих запасных. Гвардейский фельдфебель равен по рангу армейскому лейтенанту. Видно у монархов в этом мире это давно обкатанная домашняя заготовка — давать мещанам за заслуги звание фельдфебеля гвардии. Вроде и звание воинское для нижних чинов на слух, а по сути — офицер. Ступенька к дворянству.

— Ты не поверишь… — глаза инженера засияли мечтательным блеском. — Мне предложили собственный завод судовых двигателей.

— В подарок? — только и спросил я, усмехнувшись.

— Нет на паях. Но с самим императором. Лично. Минуя министерство двора.

Не зря ворон каркнул. Ой, не зря. А 'контриков' еще даже не осудили — следствие идет. Получается, что император приехал их отмазывать от ответственности? И 'Кражу умов' они не сами по себе выдумали.

— Твоя доля в чем выражается? Что ты сам вкладываешь? — выразил я свой интерес, так чтобы не молчать.

— Мои двигатели, который есть и которые я еще создам.

— Извини, что подставил тебя ненароком, — вздохнул я.

Наивный будвицкий юноша. Сам не знает куда сует голову.

— Чем подставил? — искренне удивился инженер.

— Тем, что своим представлением уничтожил твою спокойную жизнь. Слыхал такое выражение: 'Рядом с троном — рядом со смертью'.

— Нет.

— Теперь знай. Я это уже на своей шкуре испытал, когда 'жалует царь, но не жалует псарь'. А для императора ты всего лишь ресурс. Один из множества. Так что не обольщайся особо. Кстати, отметить свое нежданное повышение не хочешь?

— А есть чем? — охотно отозвался Болинтер.

— У меня всегда есть. Я все же из винодельческой страны. В любом случае простые напитки тут не пойдут, — заявил я, доставая бутылку зеленого вина и бокалы. Заодно похвалился. — Это особое вино, которое пьют по особым случаям. Делают его только в одном винограднике, который принадлежит рецкому маркграфу.

Болинтер надел китель, скосил глаза на левое плечо и протер обшлагом рукава новенький крест на груди.

— Зеркало сзади тебя в коридоре стюарда, — улыбнулся я. Сам такой был.

— Знаешь, Савва, я в полных растрепанных чувствах сегодня. Голова кругом, — Болинтер как жеманница крутился перед зеркалом. — Когда я объяснил императору, что до окончания ремонта броневагона никак не смогу отъехать в столицу, потому что это будет дезертирство и предательство боевых товарищей, он меня понял и не стал торопить. Сказал ждать официального перевода. Что ты мне посоветуешь в этой ситуации?

— Не складывать все яйца в одну корзинку. А именно до того как тебе предоставят завод в столице, а скорее всего просто кусок чистого поля на котором ты должен будешь построить такой завод, создай на стороне свой свечной заводик. Для страховки.

— Зачем мне свечной заводик? Я ничего не понимаю в органической химии.

— Это я так… образно. К примеру, фирмочку по выпуску твоих моторов для насосов. На старом патенте.

— Денег нет на это, — поставил инженер пустой бокал на стол — Что за кислятину ты пьешь? Отмечать надо было нашей огемской сливянкой.

Я только руками развел: чего нет того нет.

— Деньги не проблема. Вложишь в партнерство свой патент и будешь консультировать технологию производства. Модернизацию.

— Да кто вложится в такое производство? — выразил инженер свое сомнение. — Были бы такие энтузиасты среди денежных мешков, то давно бы уже такой заводик стоял в Будвице. Но все только пересушеным паром грезят. Турбинами. Повышением КПД паросиловой установки.

— Я вложусь.

— Ты?

— Я.

— На каких условиях?

— На тех же, что и император.

— И где его поставим? Этот завод? В Будвице или где-нибудь в огемской провинции?

— В Реции.

— Почему там?

— Потому что там качают нефть.

А сам подумал, что мини — трактор в горах тоже будет к месту. Но не все сразу.

* * *

Я отправил Болинтера с его командой в Будвиц, в депо, так быстро, как только смог, пока император еще что-либо не учудил в его сторону. А так с глаз долой… У императора и других дел достаточно и без Болинтера, так что нет тела — нет дела монарху до двигателей… А инженер мне еще нужен. Потом отдам. Никуда не денусь.

Как только калечный броневагон, стуча двигателем, удалился в сторону трансконтинентальной магистрали, я вспомнил о своих тайных пассажирах. Вот я с ними страху натерпелся пока с принцем ехал в Ставку всю дорогу в моем салоне, буквально через купе от них. Но обошлось.

С Кроном мы разграничили так сказать 'сферы влияния'. Ему остаются традиционные сферы крышевания криминального и полукриминального (типа тотализатора на ипподроме) бизнеса и черный рынок. В нормальную экономику — основу налоговых поступлений королевства, он не лезет. За это я тайно провожу через все жандармские кордоны его 'положенца' на Узловую. С прицелом на будущий портовый паханат — крышевать контрабанду. Но прежде чем его люди прогнут под себя местный криминал, его адепты должны в первую очередь отработать на меня с принцем на самой Узловой. Плюс на них связь с людьми Моласа.

Невольным сидельцам в дальнее купе ужин принес я сам. Никому не доверил. Там бедовали взаперти и без обеда четверо адептов Ночной гильдии. Тихо сидели, как и приказано было. Даже карты спрятали, пока я ключом вертел. Только листок с росписью игры остался на столе.

— Ша, братва, — сразу пресек я их недовольное бурчание и обрисовал сложившуюся ситуацию. — Раньше придти не мог, сами видели, какой тут кипеш творился. Сам император припёрся! Хорошо, хоть вас не спалил никто. Вовек бы не отмазались.

— Да ладно, нам не впервой на матрасах отлеживаться, — примирительно прогудел Лось, поставленный Кроном 'положенцем' на Узловую станцию. Вроде как в ссылку. — Выпить хоть принес? А то мы тут озябли и тоскливо что-то на душе. Как кошак скребет.

— Немного. Но согреться и тоску развеять хватит, — сказал я, передавая Лосю корзинку с провизией. — Время и так упущено, так что в тему впишитесь сразу по приезду.

— Ночью? — прохрипел кто-то из угла удивленно. Кто не разобрал — его лицо скрывала тень от верхней полки.

— Ночью, — подтвердил я. — Вот вам ксивы на право хождения по городу в комендантский час. Липа, конечно, но для войскового патруля достаточно. И это… мне лично без разницы как вы там местных деловых под себя нагибать будете, но завалите тему — я с Крона спрошу. А он… — не закончив фразы, я саркастически цыкнул зубом.

Судя по кислым лицам адептов Ночной гильдии, огорчать регента им категорически не хотелось. Вся команда и так состояла из накосячивших с точки зрения 'правильных пацанов'.

— Вот и ладушки, — попрощался я с ними, удостоверившись, что возражений не последует. — И тихо мне тут пока не выехали на магистраль. На будущее держите в черепе твердо, что полиция сама по себе, а мы сами по себе. Заметут по дурняку легавые, отмазывать вас никто не будет.

Закрыл дверь в купе и провернул ключ.

Через тонкие доски двери услышал о себе довольно лестную в устах уголовника характеристику.

— Козырный фраер, — сказал хриплый голос.

— Какой он тебе фраер? — донесся бас Лося. — Ему человека кончить, как тебе высморкаться. И за него такая братва подписывается… лучше на пути не стоять.

Опасался я не напрасно, так как выехать из Ставки мы смогли только с закатом. И то только после совещания с принцем и его доверенными чиновниками в ранге от майора до полковника. Принц им пообещал при мне, что в случае утечки информации их не только повесят без суда и следствия, но и все, что есть у них, конфискуют. Так что семьи их по миру пойдут. Интенданты с лица сбледнули, но никто не отказался от участия в деле, про которое еще ничего не знали.

Я только мысленно воздал принцу овации — так вот на пустом месте одной фразой создать в тесном интендантском клане трех 'крысиных королей'. И нет им теперь пути назад.

А потом младший Бисер их озадачил по самое не могу.

Полковник уехал со мной на Узловую, подхватить бразды правления в случае чего, чтобы не страдали поставки в войска. Но официально — вздрючить подполковника Шперле за лень, за то, что дал мне не общую справку, а копии книг движения вагонов. А я с другой стороны надавлю требованием еще копий с документов… Пусть понервничает. Может на нервах станет ошибки делать?

Полковнику с его денщиком я отдельное купе предоставил в странном вагоне островной постройки. Нечего ему в моем салоне торчать. Тем более вагон пустой после того как один взвод егерей я оставил в Будвице с особым заданием. И возможным

соглядатаям показать, что мы не вместе. Что полковник у меня случайный пассажир.

Майор возвращается в Будвиц. Ему принц отдельные инструкции выдаст. С глазу на глаз.

Подполковник завтра уедет официальным инспектором на юг, в зону ответственности имперской гвардии. Выяснить, что там, да как. Разрулить возможные конфликты между нашими и имперскими интендантами.

Всех остальных в ведомстве кронпринца вроде бы играем втемную. Задача — выйти на действительный двигатель махинаций, реального главаря шайки. Главного бенефициара. Расстрелять исполнителей легко, но вскоре на их месте будут сидеть такие же перцы, разве что воровать станут осторожней, с оглядкой. Надо всю цепочку разом вытянуть.

Ни я, ни принц не были идеалистами и считали, что совсем воровство в интендантстве искоренить невозможно. У гидры головы отрастают сами по себе. Не может человек сидеть у колодца и не напиться. Вопрос только в размере жажды. Генералиссимус Суворов, который свою стремительную карьеру честного снабженца сделал в интендантстве, когда провиантскую службу курировал в Военной коллегии его отец, любил приговаривать: 'Двадцать лет в интендантах? Расстрелять без суда и следствия!'. Но, по крайней мере, можно хищения в этом ведомстве ограничить какими-то терпимыми рамками. Сейчас же творится такое, что ни в какие ворота не лезет. Хапают, как за неделю до конца света.

* * *

По прибытию на Узловую мой эшелон подогнали к деревянному дебаркадеру первого пути — оказали почет. Так что будвицкую братву пришлось выпускать на грунт с другой стороны вагона. В претензии они не были и моментально растворились в ночи, поднырнув под соседний состав.

Подполковник Шперле к встрече комиссара ЧК подготовился 'жертвенным барашком' — нашел вора в своей богадельне. Настоящего вора, без булды, с доказательной базой. Видно не поделился перец добычей. В другое время отделался бы внушением и оброком. А тут оказия…

Утром при стечении массы народа на вокзальной площади я сам зарядил дюжину винтовок и раздал их отделению жандармов. Сказал громко, чтобы все слышали.

— В одной винтовке холостой патрон. В какой — сам не знаю

теперь.

Пусть жандармы думают, что именно в его винтовке был этот самый патрон без пули. В моем мире такой ритуал не зря придумали. Своих убивать не просто, даже по закону.

Зачитал приговор ЧК об увольнении этого лейтенанта с военной службы 'с позором', с пояснением его преступлений и санкцией — 'за пособничество врагу' смертная казнь через расстрел.

Сдирание погон.

Залп жандармов и фигура с завязанными глазами, сломавшись, падает на брусчатку у глухой стены пакгауза.

Зрители, пережившие оккупацию, отнеслись к экзекуции с понимание и даже одобрением.

Я сделал вид что полностью доволен своим расследованием. Тем более, что Шперле за это время нагнал на северную ветку оговоренное количество вагонов и клятвенно обещал что это количество будет постоянно поддерживаться.

После приказал никого ко мне не пускать и в своем купе, закрывшись, надрался в лохмуты. Первый раз по моему личному приказу убивают человека. И пусть я готов был к такой работе, но оказался не готов к тому, что меня к ней вынудят те, кого действительно надо ставить к стенке.

Как позже донес Лось железнодорожники в депо бухтели, что не того надо было стрелять. Сопутствующие сплетни легли в особую папочку. А папочка — в сейф. До поры…

'Бей своих, чтобы чужие боялись'. Старая русская мудрость. После казни интендантского лейтенанта с чьей-то злобной подачи меня стали за глаза обзывать 'Кровавым Кобчиком'. Но и бояться меня стали тыловики до недержания сфинктера. Не было никакой необходимости в допросах третьей степени — все стучали друг на друга сами. Я бы сказал с энтузиазмом. А побеседовать я успел за несколько дней не только со всеми немногочисленными офицерами интендантства, но и фельдфебелями и унтерами со складов, что так похожи были на родных российских прапоров с окончанием фамилий на ' — ко'.

Моя фраза, сказанная в узком кругу интендантского начальства: 'кто работает — тот делает, а кто не хочет работать ищет причины ничего не делать, так вот поиск причин ничего не делать квалифицируется как саботаж' разлетелась моментально широко. А как наказывается саботаж в военное время, все видели сами на вокзальной площади.

В течение нескольких дней фронт получил все недоимки по снабжению с начала наступления. Аршфорт передал мне свое удовольствие телеграммой.

На третий день показательной инвентаризации и тряски всех складов из Ставки приехал скромный техник, который к телеграфному аппарату приделал приставку, которая дублировала ленту, выдаваемую адресату на руки. Саму аппаратную отделили от посетителей глухой перегородкой с окном, а не так как раньше только барьером. Телеграфистов призвали на военную службу в департамент второго квартирмейстера, дали им под роспись обязательство соблюдать режим секретности и запретили передавать телеграммы с голоса. Официальных бланков еще не было, но сдай образец почерка на простой бумаге с текстом телеграммы. Такие письменные запросы на телеграммы обязаны теперь хранится полгода, подшитыми в особые папки.

Начальником телеграфной станции стал человек Моласа. Скромный неприметный фельдфебель — аккуратист, флегматичный и непробиваемый к истерикам и скандалам.

Почту военизировать не стали. Разве что всех почтарей обязали сотрудничать с ЧК и департаментом второго квартирмейстера. Во избежание, так сказать…

* * *

Мавр сделал свое дело — Мавра может уходить. Надо дать подследственным расслабиться после напряжения от моих эскапад с допросами и требованиями копий документов. Поиграл в злого полицейского и ладушки. Пусть теперь люди принца поиграют в добрых… Все же один мундир носят.

Получил пять ящиков трофейных цветных ракет и десяток пистолетообразных ракетниц царской работы. Оказывается, тут есть и такие, а я все голову ломаю, как сделать осветительную на парашютике, что у немцев во вторую мировую войну была. Сама сигнальная ракета напоминает охотничий патрон, большой правда — восьмого калибра. На слона не меньше. Ракетница тоже увесистая. Но лучше такие иметь, чем вообще ни каких… А то у нас только цветные флажки да паровозный гудок в наличие. В деле команды подаются свистками, типа судейских на футболе. Орать бесполезно в грохоте боя. А вот свисток слышен далеко.

Интенданты были бы рады эти ракеты вообще мне подарить, но я как порядочный выписал официальное требование на броневой отряд и получал их вахмистр. Моей подписи, господа, на получении матценностей вы не получите…

И отбыл на фронт. Подальше от большого начальства.

* * *

На станции Троблинка меня догнала телеграмма, сообщающая что на Западном фронте пал смертью храбрых командир горно — кавалерийской бригады граф Битомар Рецкий, единственный сын и наследник маркграфа Ремидия. Тридцатипятилетний генерал — майор.

Вышел с вокзала, сжимая в кулаке телеграфную ленту. Небо прояснилось. Дождя не ожидается. Вроде как бабье лето незаметно подкралось на радость солдатам, сидящим в сырых окопах. Хорошо тем, кто курит — им есть чем руки занять.

В салоне накатил сто грамм за помин души раба божьего Битомара, которого никогда в жизни не видел. И сел писать телеграмму Ремидию с соболезнования от имени всех рецких горцев Северного фронта.

Потом собрал их всех на вокзальной площади и огорошил известием. Приказал в честь траура надеть на левые рукава черные ленты.

— Вахмистр, — позвал я своего тыловика в конце краткой речи.

— Слушаюсь, господин комиссар, — появился он как из-под земли.

— Извернись змеей, но вина найди. Будут нужны деньги — только скажи сколько. Сегодня каждый горец должен выпить свою печальную кружку и оросить вином землю.

А сам ушел на телеграф отправлять послание во Втуц. Жалко мне стало старого Ремидия. Хороший он человек, которого поддержать в горе не грех.

А горцы плавно перетекли с брусчатки площади на деревянный перрон у моего поезда. Появились музыкальные инструменты типа волынок, барабаны, флейты, даже губные гармошки. И импровизированный оркестр заиграл что-то архаическое, настолько древнее, что даже сравнить не с чем.

Горцы стали парами выходить на перрон и заткнув полы шинелей за пояс, выделывали под эту музыку незамысловатые па. И в конце короткого танца с силой втыкали с высоко поднятых рук в доски перрона пару кинжалов. За ними выходила следующая пара, и все повторялось с несколько убыстряющимся ритмом.

Все это завораживающее своей примитивностью действо я смотрел во все глаза из окна салон — вагона.

А оно все продолжалось и продолжалось уже второй час. Никаких выкриков. Никаких песен. Только музыка, перестук каблуков по доскам и звук втыкающихся кинжалов. Каждой

следующей паре предстояло выделывать свои па, не задевая уже воткнутых кинжалов, которые стали образовывать на перроне какой-то узор. И все повторялось, и повторялось… Пока в ткань музыки не стали врываться выстрелы. Горцы стреляли в воздух. Но не беспорядочно, а контрапункте с барабанами.

В салон стремительно влетел генерал Аршфорт, колыша красной подкладкой распахнутой шинели. С ходу высказал мне с возмущением.

— Кобчик, что это у вас тут происходит? Мы все же на фронте, в конце концов, а не в запасном полку на празднике урожая.

— Тризна, — ответил я кратко.

— Какая тризна?

— Тризна по большому вождю.

— Кто у вас умер?

Я вынул из кармана рулончик узкой телеграфной ленты и протянул ее командующему.

— Понятно, — сказал он, возвращая мне телеграмму. — Я пришлю вина. Бочки хватит на всех? Чтобы не допьяна.

— Вы хотите стать новым большим вождем у горцев? — спросил я, глядя в глаза генералу. — Вино выставляет претендент. Вождь умер — да здравствует вождь.

— Хм… — поднял брови Аршфорт и улыбнулся, примеряя мои слова к себе. — Возможно, это было бы неплохо.

— Тогда приготовьтесь к тому, экселенц, что когда они отгорюют, лично повести их за собой отомстить врагу с одним холодным оружием в руках. Творить уже кровавую тризну.

— Куда? Когда? Почему без приказа? — затряс щеками командир корпуса.

— Возможно уже сегодня ночью. Для мести им не нужен приказ, экселенц. Это горцы. Лучше приготовьте войска поддержки и запустите их в бой, когда мы вырежем первую траншею царцев.

— Почему царцев, граф же погиб на Западном фронте?

— Какая разница кого из союзников резать? — ответил я вопросом на вопрос. — Они по крайней мере в шаговой доступности. И это… экселенц, очень прошу не забудьте артиллерией ударить по второй траншее по красной ракете и перенести обстрел на третью траншею по зеленой.

— У вас и ракеты есть? — удивился гененрал.

— Трофейные, — улыбнулся я.

— Я не понял? — переспросил командующий. — Вы что, сами пойдете впереди них с одним кинжалом на царские траншеи?

— Положение обязывает, — гордо ответил я и тяжко

вздохнул. — Разве хочешь? Надо!

— Я пришлю вам бочку вина и карту с местом, где надо сделать прорыв. Если вы все так жаждете смерти, то пусть она будет не напрасной.

Волынки слегка притихли и рокотали только барабаны. Странным рваным ритмом.

— Прекрасная боевая музыка, — восхитился Аршфорт. — Осталось только показать пальцем и крикнуть 'бей!'. Дайте и мне на рукав траурную ленту.

— Вы пойдете с нами, экселенц?

— Нет. У меня в подчинении не одни горцы. Но я хочу уважить память графа.

Под звуки барабанов горцы снова выходили на перрон танцевали свои незамысловатые па с высоко поднятыми коленями и, походя, вынимали из досок настила свои кинжалы. Также в очередь.

Потом музыка смолкла и они ушли.

— Куда это они? — голос генерала был озабоченным.

— Обедать, — ответил я, повязывая на рукав его шинели черную ленту. — Еще впереди выборы военного вождя. А сама кровавая тризна будет ночью.

— Кобчик, у вас есть чего-нибудь выпить и покрепче? — спросил командующий. — Помянем графа. Пока не началось. С ума можно с вами — горцами — сойти.

— Надеюсь, теперь вы поняли, экселенц, почему до изобретения огнестрельного оружия рецкие горцы никогда не имели поражений?

Говоря это, я сам ощущал себя рецким горцем. К большому своему удивлению.

* * *

Темной безлунной ночью, которая не сулила никаких бед обеим армиям, горские штурмовики легко пересекли ползком нейтральную полосу, на которой не было никакой проволоки. И тихо ввалились в траншею, одновременно перерезая глотки заранее высмотренным часовым. И растеклись по ходам сообщений творить кровавую тризну.

Лица горцев светились неподдельным счастьем. Некоторые слизывали кровь с клинков. Даже мазали ей свои щеки, также с клинка. Весь налет цивилизованности слетел с людей, как его и не было. Они сейчас не жили, они творили древний обряд, о котором столетиями будут петь песни в высоких горах. Потому

как никто в роте не мог припомнить, чтобы кровавая тризна проводилась на поле боя, по крайней мере, при жизни их отцов и дедов.

Минут восемь по царским позициям носилась тихая смерть, пока кто-то не поднял тревогу. Тогда в блиндажи полетели гранаты. Сразу по две штуки. Одну ловкий человек и обратно выпихнуть может, а вот две разом вряд ли кто сподобиться. Я на этом настоял перед боем. Мы сюда не умирать пришли а отомстить.

— Ракету. Красную, — сказал я денщику, который не отходил от меня ни на шаг, таская тяжелую ракетницу.

Не успела ракета, рассыпая искры, упасть на землю как по второй траншее врагов загрохотала вся наличная артиллерия корпуса. Как только успели выкатиться на позиции и корректировщиков выслать с телефонами?

А мы в траншее раздались в стороны, вырезая уже фланги и освобождая место для атаки линейной пехоты, которой оставили от врага только окровавленные трупы.

Так мое прозвище, данное мне злобствующими интендантами, получило совсем другое звучание. 'Кровавый Кобчик'. Мною враги стали друг друга пугать.

Вышел я из этого боя без царапины, но весь в крови. В чужой крови.

Горцы смотрели на меня с восторгом.

Огемцы — с опаской.

* * *

36

В штабе корпуса наутро мне устроили просто овацию. Еще бы…

Фронт мы проломили.

Группировку полковника Куявски рассекли уже к рассвету.

С рецкими бригадами соединились, как в Калаче при окружении Паулюса.

Куявски с остатками своего войска ушел на лодках и наспех сколоченых плотах на правый берег Ныси налегке, бросив артиллерию, боеприпасы, обозы и пулеметы.

Отогнанная от берега царская драгунская дивизия сдалась со всем своим прекрасным конным парком. Великолепные лошади. Чистокровные.

Щеттинпорт лежал перед нами как на блюдечке. Осталось только до него дойти.

И хотя основную тяжесть наступления вынесли на себе шедшие за нами огемские войска, на моих горцев все смотрели как на героев, безбашенных таких отморозков. Берсерков. Все же первую траншею мы практически ножами вырезали, как в древности.

По тому как меня носили на руках (в буквальном смысле этого слова) соединившиеся с нами рецкие горно — стрелковые бригады, я понял, что стал Сорокиным и меня если не уберут с фронта в ближайшее время, то грохнут как того же Сорокина Троцкий. Потому как даже рецкие генералы, командовавшие бригадами горных стрелков, общались со мной с пиететом. И это шло у них от сердца. От восхищения нашим подвигом достойным былинных героев славной рецкой древности. От того что мы заставили говорить о рецких горцах весь мир.

А вот у огемцев проскальзывали в общении нотки какого-то опасения. Видно примерили нашу ночную атаку на себя… и ужаснулись.

По случайности на нашем участке фронта именно в это время гуляли корреспонденты газет нейтральных стран. То, что осталось в траншее царцев от нашей атаки они видели сами и даже все засняли на фотопластинки. 'Кровавый Кобчик' стал в мировой войне знаковой фигурой. Не удивлюсь, если союзники меня объявят меня военным преступником.

С них станется…

На следующий день после победы на всех порах примчался литерный поезд с императором и королем. Они сами обошли поле боя и остались под сильным впечатлением.

Вся рота удостоилась 'Солдатского креста'. Награждал 'на костях' сам император. Под вспышки магния.

Вальд стал имперским рыцарем и майором.

А мне досталась только слава.

И косые взгляды монархов.

Бисер как-то обмолвился, что мне пора в отпуск на родину.

— Заездили мы тебя в последнее время, Савва, — обронил король. — Ты уж извини. Зато победа!

Войска пошли дальше на север сопровождаемые бронепоездом 'Аспид'.

Рецкая штурмовая рота и охрана моего эшелона остались на станции прикрывать штаб корпуса до тех пор, пока не будет захвачена новая станция с телеграфом. Таким образом, они освободили фельджандармов второму квартирмейстеру, который быстро нашел им работу в поле. Штурмовики несли караулы и отправляли в тыл эшелоны с пленными. Пленные при виде рецкого конвоя вели себя как паиньки. Репутация отморозков работала на подконвойных с дикой силой. За все время ни одного побега, ни одной попытки бунта, даже простого неповиновения не было.

Что удивительно было лично для меня — никто из горцев на судьбу не жаловался. В смысле что таких героев… и в караул, пленных охранять. Все воспринимали эту службу как заслуженный отдых от боев. Два почетных награждения за неполный месяц несколько притушили жажду подвигов.

Через неделю я получил приказ, согласно которому рецкая штурмовая рота майора Вальда выводится из состава Броневого дивизиона и самого первого армейского корпуса и прикрепляется к выездному комиссару ЧК барону Бадонверту в качестве подразделения обеспечения. Обеспечения чего? Не сказано.

Пришла почта из Втуца. Маркграф сердечно благодарил в моем лице всех рецких егерей за кровавую тризну по его сыну. В честь этого события он приказал выбить памятную медаль. Сама рота причислена к рецкой гвардии в тех же наименованиях чинов, что егеря носят, то есть с повышением всех на два ранга. Теперь ее наименование Лейб — гвардии отдельная Рецкая штурмовая горно — егерская рота.

Егеря, которые служили в моей физической защите при ЧК, почувствовали себя обойденными и приуныли.

Майор Вальд, то есть уже гвардии майор Вальд, что равнялось армейскому полковнику, подсказал выход из такой ситуации. Всех участников кровавой тризны занести в список роты для утверждения его во Втуце. А он, уже своим приказом возвращает их мне, но уже в качестве прикомандированных к ЧК.

Конкретно к охране комиссара Кобчика.

— Хитрый ты, — констатировал я, качая головой.

— А то? — ухмыльнулся Вальд, — Неделю назад я был всего лишь армейским капитаном. Если кто сомневался в сегодняшнем указе Ремидия, то я нисколечко.

— Тогда гадай, что теперь будет дальше? — подколол его я.

— Уберут нас отсюда. Домой отправят.

— С чего взял?

— Да взгляды от штабных ловлю нехорошие. Нет, повод найдут благородный, Знамя к примеру получать из рук маркграфа… У меня же теперь отдельная часть.

— И как быстро вас отсюда уберут?

— Приличия соблюдут. Но не более того. Лишнего дня держать нас тут не будут, — ванговал Вальд на всю катушку. — Боятся они нас. Особенно тебя.

От себя я придумал для гвардейских егерей особый знак отличия. Шеврон углом вниз на левый рукав из ленты георгиевских цветов 'огня и пороха'. Такие ленты быстро нам выткали в маленькой галунной мастерской на Узловой станции. Все же безработица там еще большая. Все заработки крутятся пока вокруг железной дороги и поставок продовольствия в армию. Так что вышло даже недорого для моего кармана.

Пока егеря сортировали пленных, я по привычке занимался проверкой тылового снабжения, но пока все было в относительном порядке, насколько порядок вообще возможен в бардаке прифронтовой полосы. Скажу, что за этот месяц стал немного разбираться в запутанной кухне интендантства. Это был плюс. Нужные знания. Пригодятся по жизни.

Свободное время, которого оказалось неожиданно много, я посвятил разбору бумаг, скопившихся в сейфе почтового вагона. Еще человек Моласа через два дня на третий привозил свою папку с тем, что накопали на тыловиков адепты Ночной гильдии. А нарыли они много. Самое главное — их связи при реализации ворованного имущества. И не только на Узловой, но и в Будвице. Никто из интендантов от Ночной гильдии подлянки не ждал, а потому были излишне откровенны, даже бравировали своими связями ' в верхах'. А я все это брал на карандаш. Даже непроверенные слухи.

Отправил телеграмму принцу о том, что документы по 'Сенокосу' готовы, но в ответ прибыл за ними фельдъегерь в сопровождении пятерки дворцовых гренадер. Принял у меня папки по описи, завернул каждую в крафт — бумагу и запечатал рядом с моей печатью еще и своей. Нисколько не задержался и в тот же день отбыл обратно. Никаких письменных распоряжений

он мне не доставил, а на словах передал от кронпринца, чтобы я оставался на месте и 'ждал дальнейших распоряжений'.

Уже желтый лист стал облетать с деревьев, бабье лето кончилось, и опять зарядили противные холодные дожди.

Штаб корпуса передвинулся квартировать на отбитую у царцев станцию ближе к городу и порту, а я все куковал в Троблинке, не получая иного приказа. Казалось, что меня монархи забыли на этом полустанке. Забыли, но сознательно. Просто держали в отдалении от столицы королевства, пока рассматривалось 'дело контрразведки', которое в итоге благополучно слили в унитаз. Хоть я этого заранее опасался, но все равно известие это стало для меня неожиданным. Как обухом по голове…

Слухов было много. Но достойный доверия с моей точки зрения только один. Император навестил арестованных аристократов в узилище. О чем-то с ними там беседовал с глазу на глаз минут по пятнадцать и ушел, оставив каждому дерринджер с одним патроном.

Суд не состоялся в виду самоубийства обвиняемых, 'поступивших как люди чести'. В этой империи еще бы харакири ввести для полного счастья — обелять лицо, вспоров живот намного эстетичней, чем пускать себе пулю в лоб. Соответственно не было и увольнения 'контриков' из армии 'с позором'. Их семьи получили военные пенсии согласно чину. Сыновья приняты в Пажеский корпус на казенный кошт. Дочери в институт Благородных девиц также за счет императорского министерства Двора.

Дело замяли и изъяли из военно — полевого суда ' за смертью подсудимых'. Не будешь же предъявлять претензии самому императору.

Боюсь, что такая двойственность поведения монарха еще аукнется империи. А может император просто дул на воду, ожидая окончания реформы государственной службы — всего-то пара лет осталось. Реформа ему важнее оплеухи аристократии? Или он не хотел давать против себя публичного козыря Бисерам и прочим электорам##? Гадай тут о его действительных мотивах. У него одна дорога, у нас — сорок.

Но все шито — крыто.

* * *

* * *

Электор — выборщик. Лицо, имеющее право избирать императора. Главы наиболее крупных субъектов империи — королевств, герцогств, марок.

* * *

Функции контрразведки в ольмюцкой армии перешли к ведомству второго квартирмейстера в отдел дофронтовой разведки, который и так этим занимался уже полгода. В остальной империи пока осталось все по — прежнему.

Удивительно, но ко мне никаких претензий со стороны императора заявлено не было. Даже намека. Даже от его свитских. Как и не было погрома имперской контрразведки в Будвице с пулеметной стрельбой.

Нулевой вариант.

Так почему же я чувствую себя так, как будто меня предали?

* * *

После 'ликвидации' неприятностей для императора и отъезда его свиты (сам Оттоний решил опробовать в качестве транспорта дирижабль), меня срочно отозвали в Будвиц. Вместе с ротой гвардейских егерей.

Интенданты на радостях что избавляются от меня, подогнали нам состав с классными вагонами вместо теплушек. Вахмистр, щеголяя новенькими лейтенантскими погонами, аж лучился от счастья, распределяя их по подразделениям. Шесть вагонов третьего класса для нижних чинов и вагон второго класса для офицеров. Пара теплушек для ротного хозяйства. Вагон для личных вещей егерей. Его не хватило. Пришлось для этих барахольщиков выбивать еще одну теплушку.

Трофеев набрали горцы, боюсь вагонные оси погнутся. Но осуждать не могу — сам такой же хомяк. Единственное что смог для них сделать, так это опечатать эти вагоны пломбами ЧК, чтобы посты жандармерии прошли без досмотра. Ну и кто я после этого?

И специальный вагон для восьми трофейных лошадей, что Аршфорт подарил нашим офицерам 'за боевые заслуги в качестве ценного подарка' — имеет право, так как на днях получил все прерогативы командующего отдельной армией в составе двух корпусов. Мне достались две кобылы и племенной жеребец. Верховая кобыла — Вальду. Остальным офицерам — по

строевому мерину. Царский подарок.

Мы с Вальдом сразу прикинули, что в его имении в предгорьях получится хороший конный завод на паях. У него там уже выращивают стирхов особой вьючной породы, очень выносливых. Так что с квалифицированным персоналом проблем не будет. Инициатива естественно исходила от Вальда — жеребец-то у меня…

Мой эшелон прицепили к этому составу с холодным паровозиком. Потому как локомотив нам подогнали интенданты из трофеев — просто красавец. Островной постройки на четыре оси огромных колес в рост человека с водотрубными котлами, которые пока только во флоте применения нашли на скоростных миноносцах.

Все для меня — только уезжай, дорогой Кобчик.

Избавился я и от всего лишнего — от как барахлом человек обрастает, моментально, было бы куда складывать. Оставил это 'лишнее' на балансе броневого отряда — там разберутся. Кроме трофейной полевой кухни — я еще не успокоился и считаю, что расследовать это дело просто необходимо. Пригрожу даже тем, что пока не выявят крота в имперском комитете по изобретениям, не буду я им выдавать ничего нового. Не желаю я вооружать врага. Но к этому делу я подключу Ремидия — именно у него кухни такой конструкции собирают теперь.

Много времени сборы не заняли и в тот же вечер Аршфорт устроил для рецких офицеров отвальную. Банкет прошел в теплой дружеской обстановке, как написали бы в газетах. Но в глазах огемских штабных чувствовалось большое облегчение от осознания того факта что мы от них уезжаем. Наверное, потому так и расщедрились они на 'поляну', хотя все на столах от напитков до закуски было из трофеев. Но очень высокого качества.

Кровавая тризна по графу Рецкому никого не оставила равнодушным.

* * *

По приезду в Будвиц мне первым делом устроили медицинское освидетельствование и — кто бы сомневался, врачи нашли у меня сильное нервное истощение с рекомендацией для восстановления нервных функций организма провести минимум три месяца в специальном санатории или в тихой сельской местности. Ни о каких полетах в небе даже разговора не может быть до нового освидетельствования.

Специальный санаторий — читай психушка, мне не улыбалась, посему я выбрал сельскую местность на родине.

Строевой отдел выписал литер до Втуца. Отпускные документы на три месяца. Требование обязательного медицинского освидетельствования после этого срока трижды раненого и контуженого героя. В случае необходимости отпуск для лечения продлить на срок по усмотрению Военно — медицинской комиссии Рецкого округа.

Ох, Вальд — ты настоящая Ванга.

Через Маару устроил я себе частную консультацию у профессора психиатрии, не связанного напрямую с армией. Он был этакой диссидент от медицины и не желал попусту терять время во всяких там комиссиях. Время, которое можно потратить на нормальную работу. И что самое важное у него была обширная частная практика в верхних слоях будвицкого общества, так как он свято хранил врачебные тайны.

Визит обошелся очень дорого — в половину золотого, но оно того стоило. Осмотрев меня анонимно, этот здоровенный мужик с лапами кожемяки и буйными рыжими кудрями, вот нисколечко не похожий на психиатра или невропатолога в моем представлении, заявил.

— Что сказать… — убирал он карточки с кляксами в портфель вслед за никелированным молоточком. — Пустырника попить не помешало бы вам, впрочем, как любому человеку, побывавшему в боях. А так я у вас не только патологий не нахожу никаких, даже нервической лихорадки не вижу. У вас, молодой человек, на редкость крепкая психика. А то, что у вас лопатка болит перед дождем после ранения, то это чистая физиология, к психике отношения не имеет. Видно не так какой-то нерв вам армейский коновал зашил. Или ухода надлежащего не было. В любом случае в моих услугах и услугах моих коллег вы не нуждаетесь. Если хотите я вам официальную справку выпишу.

— Нет, профессор, не нужна мне справка. Я вас позвал для собственного успокоения, а то мне твердят, что у меня нервическое истощение и прописывают длительный отдых.

— И что, вы отказываетесь от отдыха? Отдых даже здоровым людям никакого вреда не приносит. Мой совет — езжайте отдыхать. Если можете это сделать официально. И обязательно смените обстановку. Новые впечатления способствуют, знаете ли…

Когда врач ушел я спросил Маару.

— А он точно не связан ни с военными, ни с Дворцом?

— Точно — точно, — заверила меня маман 'приюта'. — Военных он сам терпеть не может, а во Дворце его

недолюбливают за то всем и всегда в лицо говорит правду. Так что его уровень ниже Дворца. В основном купечество. А чтобы отсечь публику ниже среднего достатка он держит высокий гонорар. Но девочкам моим он реально помогает, когда те временами вразнос идут.

— Этим-то что не хватает?

— Всем хочется быть хорошими в собственных глазах. А в мляди даже от безысходности не все идут. В основном инфантильные девочки, которым нужна строгая мама с наказаниями, чтобы потом со сладострастием себя жалеть.

* * *

Все же мне удалось несколько задержаться в Будвице, так как рецкий мотобroневагон Бисер решил подарить Ремидию и таким образом избавиться от крайних моих горцев в своей гвардии. А тот пока был в ремонте. Под это дело я и Болинтера с собой забрал. Официально, по документам.

Сборы напоминали великое переселение народов. И чтобы не будировать излишне публику мой эшелон собирали и загружали на заводской ветке за забором.

Собирался я так, чтобы в случае чего сюда больше не возвращаться. Обида меня глодала даже не на то, что меня использовали как прокладку в своих монархических играх, к этому я был готов, когда на такие игры подписывался. А на то, что мне не говорят правды, отводя глаза даже не виновато, а как бы это выразить… Виноватыми мои кураторы себя не чувствовали. Неловкость некоторую — да, вину — нет.

Я прекрасно понимал что я — ресурс, но от этого менее обидно мне не было. Зачем принцу был ко мне в друзья набиваться?

Однако на обиженных воду возят…

Поэтому я взял себя в руки и с головой ушел в переезд.

Но того пиетета который я испытывал к королю и того чувства дружбы, которое вызывал во мне кронпринц в моей душе не стало. Как выжгло. Наивный калужский юноша, считающий, что все должно быть по — честному.

Больше всех огорчен был Гоч. И не потому, что я забирал с завода с собой часть инженеров и всю рецкую часть нашего ФЗО. Просто не хотел он со мной расставаться. Привык точить об меня свои задумки.

— Будешь ко мне ездить, — сказал я ему. — Якобы на ревизию филиала завода во Втуце. Может, когда и я здесь

появлюсь. Но пока меня тут не хотят видеть. Политика. Дом мой используй по доверенности как захочешь. Хоть сам живи, хоть сели кого нужного. Продавать его я пока не собираюсь. Мало как жизнь повернет.

— Кстати, совсем забыл тебе сказать, — улыбнулся Гоч. — Казна с нами расплатилась полностью. Завод отдал все долги товариществу. И я как товарищ готов отдать товарищу все, что за это время задолжал.

Как же он был горд собой в эту минуту.

— На, держи… — сказал он, вынимая из ящика стола большую узкую кобуру формованной кожи. — Там на месте испытаешь и пришлешь мне свои замечания.

Я открыл крышку и вынул оттуда нечто очень похожее внешне на Люгер, только затвор был почти такой же как у пистолета Гоча. Калибр пистолета был 11 мм.

— Ствол можно делать разной длины, — пояснил Имрич. — Но здесь я остановился на десяти сантиметрах. А вот магазин удалось сделать сменный на восемь патронов. Латунный пока. И пружина из бериллиевой бронзы. Но ищут нужную сталь на пружины. Ищут… И найдут. Не сомневайся. Я назвал его 'Бадон'.

— Хоть запатентовал? — поинтересовался я.

— Подал заявку. Гражданскую, — широко улыбнулся он.

— Как тебе это удалось?

— А у меня что, нет на руках отказа ГАУ от автоматических пистолетов? — и тут Гоч мерзенько так захихикал, видимо представляя рожи имперских генералов, когда те осознают что мимо них пролетело.

У дверей заводоуправления топтался Зверзз, нервно стуча костылями по брусчатке.

— Ваша милость… — увидел он меня в дверях и обратился на рецком наречии. — Заберите меня с собой. Вы же там обязательно строить будете? Грамоту на гражданство я уже получил. В отставку вышел подчистую.

— Ты же не горец?

— А — а–а — а–а… Я с вашим братом столько уже отслужил, что сам уже не знаю кто я, ваша милость. А там хоть тепло. Не так нога болеть будет.

Отсмеявшись, он выдал еще одну новость.

— Из ГАУ, пока тебя не было, толкач прибегал… Целый полковник…

— И?.. — оживился я.

— Что и?.. Технологическую карту хотел на 'гоч — лозе'. Задарма. Ну я, как ты и советовал, встал в позу. Он мне грозить карами. Я на это пожал плечами и сказал, что я человек

гражданский, а завод частный и если он и дальше будет быковать как на плацу, то я вообще завод перестрою только на свои пулеметы. Потому как до сих пор ГАУ не удосужилось нам премию выплатить за модернизацию системы Лозе, хотя обещало премию нам очень большую… И ткнул ему в нос той визиткой которую ты мне оставил.

И хохочем оба. При этом Гоч представляет мне в лицах, какие гримасы морщил этот полковник. И как он сам изображал поруганную невинность.

— А как только он заикнулся про хотелки концерна 'Лозе', так я сразу отрезал, что концерн этот частная фирма. К государству отношения не имеет. Полный комплект подробных чертежей он уже получил через ГАУ. Мы все обязательства выполнили. Мало им? Так все что надо он у нас получить может в любой момент, но по отдельному договору, и за очень дополнительные деньги. До сих пор едут…

— А что там у 'Лозе' нехорошего?

— Да все. Попытались они наш образец скопировать, так не выходит ничего. Даже если доработать напильником. У них там совсем другие допуски приняты, станочный парк не тот. И вообще руки из задницы растут… — смеется Гоч.

— Крепись, Имрич. Все, что вышибешь с них свыше наших затрат, то твое. От всей суммы, что сдерешь с 'Лозе'. Так что требуй с них как можно больше. Как раз под этот случай даже хорошо, что меня тут не будет, не смогут генералы надавить на завод ничем. Что взять с контуженного, который лечится за пять суток пути отсюда?

* * *

У дверей заводоуправления топтался Зверзз, нервно стуча костылями по брусчатке.

— Ваша милость… — увидел он меня в дверях и обратился на рецком наречии. — Заберите меня с собой. Вы же там обязательно что-нибудь строить будете? Грамоту на гражданство я уже получил. В отставку вышел подчистую. Даже с пенсией по увечью. Семьи нет. Никто меня здесь не держит.

— Ты же не горец?

— А — а–а — а–а… — махнул бывший фельдфебель рукой. — Я с вашим братом столько уже отслужил, что сам уже не знаю кто я, ваша милость. А в Реции хоть тепло. Не так нога болеть будет.

— Пошли, — согласился я. — Вещи насколько быстро соберешь?

Хорошие прорабы на дорогах не валяются. Да и человек Зверзз хороший. Как там в той сказке, что мне мама в детстве на ночь читала: 'Мы все в ответе за тех, кого приручили'. Правда, поначалу это Зверзз меня приручал.

— А что там собирать, ваша милость, — преступил прораб костылями. — Только подпоясаться.

— Расчет не оформляй. Скажи, я приказал отправить тебя в командировку во Втуц на филиал. Пока на три месяца. А там видно будет. И чтобы жалование и командировочные выдали сразу за три месяца вперед. Э — э–э — э… лучше я тебе записку напишу бухгалтеру.

* * *

Рецкую штурмовую роту вывели из состава ольмюцкой армии и переместили в Будвиц для отправки домой 'по ротации'. Вместе с ней во Втуц уезжал и я. С семьей и скарбом. Официально — в отпуск. И наверное, надолго… Судя по тому, как меня одарили Бисеры — навсегда. Паровоз вот трофейный подогнали. Новенький. Островной конструкции с новейшим водотрубным котлом как во флоте на скоростных миноносцах. Это чтобы я утащил все свое за один раз и не возвращался.

Даже все долги перед заводом казна оплатила полностью и разом, чтобы завод мог рассчитаться с паевым товариществом 'Гоч и Кобчик', а товарищество со мной.

Создавалось такое ощущение, что меня мягко выпроваживают из королевства, хотя из списков воздухоплавательного отряда и состава королевских флигель — адъютантов меня никто не выкидывал. Даже комиссаром ЧК и тем я остался, хотя больше поручений по этой линии мне не давали. В отпуске я.

И мундиры и шинели все положенные мне новые пошили быстро вне очереди в гарнизонной швальне. Амуницию выдали всю положенную до последней иголки. А денежное довольствие так на три месяца вперед. Порционы и рационы деньгами выдали, не натурой. Все, кроме 'подъемных' за воздух. Я тут, оказывается, в последние месяцы аж три зарплаты получал: в ЧК, в гвардии и в отряде воздухоплавателей.

Заказал я на заводе на каждого бойца, принимавшего участие в кровавой тризне по офицерскому пистолету Гоча в подарочном исполнении. На рукояти изображение 'Солдатского креста' на внешней ее щечке, что выступает из кобуры и всем видна. На внутренней щечке наградная пластина из серебра, на которой рецким языком отгравировано, что это памятная награда (тут имя

и фамилия и воинское звание награжденного) лично от меня — их военного вождя за храбрость в бою. (Ох, и намучился гравер копировать то, чего не понимает). На коробке магазина выгравирована дата и красивая надпись: 'Кровавая тризна'. Будет это оружие переходить в их роду от отца к сыну. Непременно. Как нынче горцы гордо носят прадедовские кинжалы.

И тем немногочисленным погибшим бойцам в той ночной атаке, а также заказал пистолеты — для передачи их на хранение в семью. Как и их собственные кинжалы с личными вещами. И толикой денег от меня лично. Сколько передать — это уже мне горцы посоветовали, — чтобы не казалось такое пособие оскорбительной мелочью. Но ведь и неприличным богатством тоже можно обидеть. Тонкий вопрос.

В общем, выгреб я склад готовой продукции. Обождут заказчики, не переломятся. Мне понты дороже денег. Эту партию пистолетов я оплатил заводу из своих средств.

Поначалу я хотел бойцам богатые бебуты заказать, но вовремя понял что кинжал, побывавший в том бою, хоть видом беднее, но ценнее. Он — реликвия, омытая кровью врагов.

37

Проворовавшихся интендантов в высоких чинах повесили на центральной площади столицы королевства. Числом пять тушек. Вместе с ними 'высоко и коротко' народу показали еще двух огемских графов из придворных чинов Бисера. В городе эта показательная казнь всех ввергла в шок. Наверное, впервые так позорно в Будвице казнили столь высокопоставленных людей. За банальное воровство. А полная конфискация имущества казненных только добила. Тут уже все поняли, что все всерьез и игры кончились.

Особенно ударило по психике подданных короля Бисера, что это был не привычный суд, длительный, обстоятельный и волокитный, а особый трибунал, состоящий из трех комиссаров ЧК. Скорый и беспощадный.

Еще три десятка разных чинов интендантства из аппарата принца и армейских корпусов приговорили к штрафным ротам, которые по моему предложению с охотой ввели в ольмюцкой армии. От покойников вообще никакой пользы короне. По иронии судьбы командирами штрафных рот назначили бывших офицеров контрразведки. Или это очередная шпилька от короля, вставленная в трон императору?

Но сам я этого зрелища не видел — был уже в пути, влекомый большими красными колесами дарственного паровоза — только позолоченной таблички на нем не хватало. Узнал я все из газет в Гоблинце, где мы сделали большую остановку — на полдня.

Элике захотелось именно в этом городе обновить свой гардероб. Как шьют женские наряды в Будвице, ей не нравилось. А вот то, что мы здесь купили ей по дороге в Будвиц, были ее любимыми тряпками. Гоблинц все же крупный центр текстильной промышленности и законодатель имперских мод.

Катались по городу в собственной коляске с красивыми рысаками, мерили шубки и шляпки. Что-то покупали. Элика цвела и пахла от шопинга.

Я даже себе прикупил мягкую велюровую шляпу цвета ультрамарин, дюжину белых сорочек и штатскую темно — синюю 'тройку' в каких тут ходили предприниматели выше среднего — чтоб была. И пальто игривого бежевого цвета. И там по мелочи: галстуки, заколки для галстуков, запонки, платочки в цвет… Ботинки на выход и к ним тонкие кожаные калоши.

Наша же карета тащилась за нами, не отставая, играя роль багажника. В конце концов, зачем я деньги зарабатываю, если не

могу побаловать собственную жену. С особым удовольствием я покупал ей пояса для чулок, сработанных по моему патенту, убивая наповал приказчиков глубоким знанием предмета.

Приодели и няньку. По последней моде местных горничных. Провели эти тряпки как премию за ее хорошую работу, а то дуреха отказываться решила от подарков. Особенно от нижнего белья. 'Как честная девушка…'

Город Гобленц прекрасен своей мягкой осенью и желтыми листьями на влажной красноватой брусчатке, что взвихряясь, пытались угнаться за колесами экипажей. Фланирующая толпа улыбчива и приветлива. Атмосфера умиротворения просто разлита по воздусям. Как будто и нет нигде войны. Центр империи тут, однако, а воюют окраины ее.

Обедали в уютном ресторанчике в 'ЗОО', на террасе, с которой были видны слоны и бегемоты в открытых вольерах, приводящие Элику в восторг своим экзотическим видом. Как мороженое дюжины сортов своим вкусом.

Я бы и дольше в этом красивом городе прожил — отпуск у меня как раз для этого — нервы лечить, но люди в эшелоне меня бы не поняли. Я же их с места сдернул. А так и я, и они 'ноги размяли' от долгой дороги. Возвращались пассажиры к поезду все довольные, со свертками и коробками. Никто не отстал.

А у меня так обновки жены заняли треть салона. Женщины… Завтра скажет, что ей опять одеть нечего.

Экипажи закатили на платформы. Лошадей загнали в их вагоны. И ту — ту — у–у — у… С поворотом на юг. На однопутную меридианную магистраль, где скорость нашего продвижения еще замедлится.

Зато в салоне поставили манеж для сына. И впервые у меня выдалось достаточно времени на игры с ним. Я за это времяпровождение даже готов был все простить Бисерам.

* * *

Реция встретила нас календарным ноябрем, а по погоде началом сентября.

По перронам среди степенных пассажиров носились торговцы фруктами, надеясь соблазнить ими отъезжающих северян. Торговали не скупясь — ведрами. Дешево. По желанию могли продать и самодельный деревянный ящик — высокий и узкий, с ручкой, чтобы нести было удобно и не мялась нежная вкусняшка в дороге. Или небольшой овальный бочонок молодого вина. На три или пять литров. Сам бочонок стоил дороже содержимого.

Наши три эшелона появившиеся друг за другом все всякого расписания поставили в ступор начальника станции. И вокзал стал напоминать разворошенный муравейник.

А когда узнали от наших солдат, что прибыли герои кровавой тризны по молодому графу, то к имеющемуся уже бардаку народ сбежался со всей округи на стихийный митинг. Море людей. За их головами ничего не видно.

Все равно выйти из вагона просто невозможно. Пришлось спешно цеплять на полевую форму все ордена и аксельбанты и из тамбура залезать на крышу вагона. А там, зажав в руке кепи, толкать речь о единстве династии и народа Реции, сплоченных кровью наших предков за прошедшую половину тысячелетия.

Слушали меня затаив дыхание. Даже не пришлось сильно напрягать голос. Если бы сегодня были бы выборы, я бы точно их выиграл.

Запоздало появились фотографы и издали стали жечь магний. Потому что также не могли пробиться через плотную толпу наших восторженных фанатов.

— Если ушедшие боги за нас, то кто может быть против? — закончил я свое выступление на пафосной ноте.

Народ ошалел и проникся моей речью по самое никуда. Он еще тут телевизора не видел в предвыборную кампанию. Толпа сначала замолкла, а потом так взревела, что чуть не снесла меня с крыши вагона акустическим ударом. Но послушно замолкла, стоило мне только поднять руку.

Я улыбнулся и попросил.

— А теперь, милые мои, дайте нам нормально занять свое место на запасных путях и отдохнуть после дальней дороги.

Чую, они что-то еще от меня ждут. Откровения, не иначе… И я выдал.

— Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами! Там где рецы — там победа!

Охудеть. Сам становлюсь политиком.

И кто мне доктор?

Толпа повела себя как на рок — концерте подростки, выбивающие из себя эмоции на всю стоимость билета.

Я огляделся. Солдаты повылазили головами со всех окон. Часть переместилась на платформы и во все глаза ошарашено смотрели на сдержанных обычно соотечественников.

— Не мне! Не мне! — закричал я, стараясь всех переорать. — Это все им!

Показал я рукой на штурмовиков.

'Ну, все…'- подумал я — 'Неделю, не меньше будут мои хлопчики хлебать халявное пиво от пуза'.

— Люди добрые… — пустил я в ход последний козырь. — Позади нас по рельсам идет санитарный поезд. Если мы не освободим ему главный путь, то многие ваши сыновья, братья и мужья не получат вовремя медицинскую помощь. Поэтому предлагаю торжественную встречу считать закрытой. Дежурный по станции командуй механикам, куда уводить наши эшелоны.

На это раз меня послушали и стали расходиться.

А я соврал. Ну не совсем соврал. Какой-то санитарный поезд за нами точно идет… Наверное. Где-нибудь. Может даже и не во Втуц. Но на магистрали он есть и явно даже не один. В Виндабоне, когда по железнодорожному мосту пересекали широкий Данубий такой санитарный поезд стоял на первом пути. Так что и не соврал по большому счету.

Санитарный поезд все же пришел через пять часов. И всем сразу стало не до нас.

А на запасных путях я сразу выставил у поездов вооруженный караул.

* * *

Только над котлами полевых кухонь стал раздаваться ароматный запах обеда, как на запасных путях меня отыскал адъютант Ремидия, знакомый — незнакомый мне майор. В смысле, что я его фамилию не знаю, в лицо уже видел.

— Вас можно поздравить, барон, — улыбнулся он по — доброму, без подколок, едва войдя в мой захламленный салон. — С трофеями вернулись.

— Разве это трофеи, — прибеднился я. — Видели бы вы, сколько всего мы захватили в наступлении. Так что здесь жалкие крохи. Имперское казначейство все растащило…

И мы оба засмеялись немудреной шутке.

— Но вас я без подарка не оставлю. Держите, — я передал майору трофейный царский револьвер новой конструкции, поменьше прежнего, поухватистей. И эстетически более красивый.

На стол положил кобуру от него и коробку патронов, пока адъютант увлеченно вертел в руках стреляющую игрушку. Мужчины, особенно военные, они как дети просто их игрушки с каждым годом становятся все дороже.

— А я к вам с приглашением от маркграфа. Он жаждет видеть новоиспеченного имперского рыцаря, — приступил адъютант к делу после обязательных благодарностей одариваемого.

— Я так и понял. Это очень срочно?

— Желательно.

— Я готов. Только прикажу карету спустить с платформы. Вы случайно не знаете, где я мог бы разместить с комфортом полтора десятка коней? И четыре экипажа. Для меня это проблема.

— Решим этот вопрос. Не беспокойтесь, барон, — заверил меня майор.

Положение обязывает. Пришлось ехать на пустой желудок, передав Вальду все бразды правления этой деревней на колесах и наскоро чмокнув жену с сыном. С Эликой только переглянулись и она не стала задавать лишних вопросов при постороннем.

На этот раз я облачился в белую парадную форму воздухоплавателя со всеми регалиями. Все же еду представляться к вышестоящему начальнику 'по случаю'. К тому же я его вассал.

В дороге как я не надеялся но прояснить обстановку не удалось так как адъютант Ремидия прибыл на вокзал один и верхом. Я же, как барин рассекал в коляске на паре серых в яблоках рысаках, заставляя прохожих оглядываться и любоваться этими благородными животными. А то и завидовать…

* * *

Во дворце маркграфа меня не привели в комнату с картинной галереей боевой славы Реции, как в прошлый раз, а мариновали в предбаннике рабочего его кабинета. Долго. Так что я в этом жесте усмотрел некоторое недовольство мною правителем. Только этого мне не и хватало еще до кучи.

На крайний случай могу и отсидеться на хуторе, но куда там девать такое количество породистых лошадей.

И людей я сорвал с насиженного места… Наобещал плюшек и печенюшек… Блин, такой удар по моей репутации…

Коротал время с дежурным флигель — адъютантом в чине гвардейского лейтенанта, который сидел на телефоне в приемной и дирижировал посетителями. Вполне ко мне доброжелательного. Мне он пообещал, что обо мне доложено и как только будет 'окно' в расписании его сиятельства, так сразу… Слишком мой приезд был неожиданным.

М — да… Я между прочим во Втуце уже полдня и не сам напросился на прием, а меня позвали…

Минуты текли за минутами, складывались в часы, но пока приходил все какой-то местный чиновный люд и флигелек их запускал в обе стороны через тамбур из двойных кожаных дверей пухло обитых конским волосом. Из-за них не доносилось в приемную ни звука.

Очень я пожалел, что сорвался с места по первому зову сюзерена. Надо было бы с начала с толком пообедать хотя бы. Живот судорожно искал место, где прилипнуть к позвонкам. Хорошо еще, что стомах мой никаких неприличных звуков не производил. Вот стыда бы натерпелся…

В обмен на мой рассказ о кровавой тризне. Флигелек поделился со мной видением стратегической ситуации в мире.

На западном фронте без перемен, хотя периодически народ кладут тысячами в бесплодных атаках на проволоку.

На востоке отогузы медленно, но верно теснят цугул уже с восточных склонов пограничных гор. Перевалы все наши давно.

Имперская гвардия и олюмюцкая армия зажала остатки группировки Мудыни к реке. Отбросить наши войска назад у царцев нет сил, а отступать не дает широкая река. К тому же плацдарм царцев простреливается нашей артиллерий особого могущества почти насквозь. Сдаваться же царский и. о. командующего не желает. Позиционный тупик с ограниченными ресурсами у царцев. Снаряды ему поштучно привозят по ночам на лодках. Паром сожгли с дирижаблей и теперь ему переправляться через Нысю разве только вплавь

Флигель даже показал мне газету, в которой поместили снимок пылающего железнодорожного парома посередине реки и улетающего от него дирижабля. Вот тут-то я окончательно приуныл. Меня все дальше и дальше отдаляют от моей мечты. А другие в это время в небесах совершают подвиги. Я даже просто на воздушную разведку согласен, лишь бы летать. Лишь бы снова ощутить это несравненное ощущение парения в высоте.

— Вы меня слушаете, ваша милость? — подергал флигель меня за рукав.

— Простите, лейтенант, стомах подвело — с утра маковой росинки во рту не было.

Адъютант позвонил в колокольчик и явившейся на зов вместо ожидаемого денщика в форме весьма миловидной горничной заказал чай и бутерброды с буженины. И продолжил политинформацию, что случилось на фронтах за неделю моего пути.

На нашей стороне реки железная дорога вся забита у царцев вагонами и паровозами, по которым не стреляют потому, как все равно будет все нашим, а вот на правом берегу все железнодорожные разъезды раздолбили тяжелой артиллерий и выбомбили с дирижаблей на день пути на восток.

На севере командарм Аршфорт практически вошел в Шеттинпорт, но неожиданно уткнулся на окраинах города в упорную оборону… островитян. Оказывается, пока мы там вдоль

железки бодались с полковником Куявски, островитяне высадили в порту целую дивизию генерала Клауда со всей артиллерией и прочими средствами усиления. И что было совсем неожиданно очень большим количеством новых пулеметов. И, похоже, не уйдут оттуда пока не вывезут все, что успели поставить, но не успели передать царской армии. По донесениям разведки складское хозяйство за время войны там построили огромное.

На Северном море периодически сходятся эскадры и, качаясь на волнах, избивают друг друга снарядами, но потопленных кораблей мало. Все больше в капитальном ремонте. Полностью перекрыть морское сообщения островитян с Щеттинпортом флоту не удается.

На южных морях все замечательно. Мы союзников не пускаем в Мидетерранию. Они нас в океан, где проходят второй пучок маршрутов торговли колониальными товарами.

Морские силы Винетии безвылазно сидят в своих портах. А население герцогства отчаянно занимается контрабандой по всем направлениям. Пришлось усилить таможню. Но этого пока недостаточно.

Марка активно осваивает южные склоны Рецкого хребта и заменяет там винетскую администрацию на свою. Военно — рецкая дорога на которой я начинал воевать уже не справляется с возросшим трафиком товаров. И все с нетерпением ждут Вахрумку, когда он приступит к строительству железной дороги. Понимают, что дело небыстрое, но всем не терпится.

Падеж поголовья интендантов в Ольмюце как-то прошло в реции третьеполосной новостью. Все затмила кровавая тризна по молодому графу. О ней до сих пор по сидериям и пивбарам вечерами судачат за стаканчиком.

Горничная, покачивая бедрами, принесла нам чай с бутербродами и забрала поднос с игривым подмигиванием. Именно мне. Еще в дверях обернулась и улыбнулась так призывно, что тут даже дурак поймет. Но я не дурак, я сделал вид, что ничего не заметил.

Когда я с наслаждением откусил первый кусок буженины, то маркграфу — чтоб он был здоров — именно в этот момент приспичило соизволить меня принять.

Кабинет, куда меня поспешно втолкнул флигель, неожиданно не поразил меня размерами. Где-то метров тридцать квадратных, не больше. Высокие потолки. Люстра с хрустальными подвесками на пять масляных ламп. Два высоких окна. Скромно. А то обычно высокие начальники приближают площадь таких помещений к футбольному полю. Чтобы ты до него от двери еще долго шел, осознавая свое ничтожество перед небожителем. Здесь же было

все по меркам положения обитателя весьма аскетично, в отличие от парадных комнат которые я видел в этом дворце в прошлый раз.

В простенке карта Реции с заштрихованными зеленым карандашом новыми землями на юге. Линии путей сообщений. Какие-то флажки воткнуты.

На полу большой ковер. Застекленные шкафы — на окнах шелковые зеленые шторки, так что содержимого не видно. Красивый сейф в углу у письменного стола, просто произведение искусства металлического литья. Несколько стульев вдоль стены и пара перед столом.

Его светлость сидел за массивным столом, столешница которого была сработана из плиты полированного черного камня. Сразу вспомнилось как в одной из московских квартир в семье с корнями 'из бывших' видел я аналогичный стол, только круглый, на одной центральной ноге. Специальный стол для профессиональной игры в карты, чтобы не было возможности мухлевать. Прадедушка той моей временной подруги держал до революции игорный дом и это было все что от него осталось потомкам. Письменный стол большой прямоугольный и лежал на двух массивных тумбах темного дерева. На столе бронзовый чернильный прибор в виде средневековой крепости. Лампа под зеленым стеклянным абажуром. Телефон. Бумаги разложеные в некотором беспорядке.

Рядом со столом на широкой вышитой золотом ленте свисала ручка сигнального колокольчика для адъютанта.

Встав посередине ковра, я по — уставному отрапортовал.

— Ваша светлость, имею честь представиться по случаю вхождения в сословие имперских рыцарей. Прибыл на родину для прохождения лечебного отпуска. Лейтенант имперского воздушного флота Савва Кобчик.

Перед столом стояли кресла на гнутых ножках без ручек, какие любят показывать в фильмах про Остапа Бендера. На один из них и указал маркграф кивком.

— Рад вас видеть, барон, в добром здравии, — нейтрально произнес его светлость, когда я уселся.

Вот как… барон… не дорогой Савва уже…

— О подвигах твоих наслышан. Трудно не услышать, когда о них весь мир судачит. Ты теперь мировая знаменитость. Привыкай. 'Кровавый Кобчик'. Винеты, те, которые нам достались в наследство, тут в Риесте побуянить решили, но так только им намекнули, что вызовем к ним с фронта Кровавого Кобчика. Сразу тишина… Это уже слава… Выдержишь?

— Только если каждый встречный поперечный не будет

приставать, чтобы я с ним обязательно выпил, то выдержу. А так печенка отвалится, — улыбнулся я, пытаясь перевести разговор в шутку. Но Ремидий игривого тона не принял.

— Я вот что тебя позвал, — он положил передо мной кожаную папку.

Я открыл и увидел хорошо исполненные в черно — белом варианте эскизы памятной медали. На аверсе череп сжимал в зубах бебут. На реверсе надпись 'Памяти кровавой тризны по графу Битомару'. И дата.

— Как тебе?

— Хорошо. Не хватает только одного слова под черепом. 'Был', что указало бы не только на память, но и на участие в тризне носителя.

— В этом что-то есть… справедливое, — заметил Ремидий.

— Из какого металла вы хотите чеканить такую медаль, ваша светлость?

— Думаю расщедриться на золото. Или считаешь, что будет чересчур… Не заслужили бойцы?

— Не в заслугах дело. Насколько я понимаю, ваша светлость, эта медаль после смерти награжденного останется на хранение в семье?

— Именно так. Только носить ее прямой потомок будет иметь право не на ленте в петлице, а на цепочке, на шее. Так чем тебя не устраивает золото?

— Тем, что у людей бывают плохие времена. И не все устоят перед соблазном употребить память о предке именно как золото в 'черный день'.

— М — м–м — гы… — покачал головой Ремидий. — С такой стороны я этот вопрос не рассматривал даже.

— Просто вы никогда не голодали, ваша светлость. Поэтому и не смогли о таком подумать.

— Резонно, — согласился с моим мнением маркграф. — А из какого металла сделал бы такую медаль ты сам?

— Из черной бронзы, ваша светлость. На красной ленте.

— Символично. Быть по сему, — Ремидий забрал у меня папку с эскизами и протянул через стол другую.

Да… видно, что смерть сына сильно подкосила рецкого правителя. На скулах проявились сеточки мелких морщин. 'Лапки' у глаз стали глубже. Мешки набухли под глазами. Но держится молодцом, бодро.

— Можешь не открывать. Здесь патент на звание лейтенанта моей гвардии для тебя. Можно было бы тебе и больше чин присвоить, но и так твоя стремительная карьера у многих вызывает жгучую зависть. Зачем ее умножать и превращать в

ненависть? В штатах гвардии будешь прописан в штурмовой роте субалтерном под началом Вальда.

Заметив мое удивление, его светлость снизошел до пояснений.

— Савва, ты же ничем никогда толком не командовал. Строевой службы не знаешь. Ты даже не воевал, как другие воюют, а партизанил. Да и не твоя это стезя — строевые должности. Так что не возражай. Тем более что реально служить будешь моим офицером по особым поручениям.

Пипец. Накрылась мечта о небе в очередной раз. Что толку носить форму летчика, раз не летаешь?

Я вскочил со стула.

— Когда прикажете приступить к обязанностям, ваша светлость?

— Вольно. Садись. Уже приступил. А теперь расскажи, как тебе такое в голову пришло устроить кровавую тризну?

— Откровенно говоря, ваша светлость, я ее и не устраивал. Просто построил роту, прочитал ей телеграмму от младшего Бисера и пообещал, что мы еще отомстим врагам за смерть графа. Имел в виду как-то в будущем… А бойцы пришли к моему вагону и устроили пляски с кинжалами. Всей ротой. Вахмистр меня предупредил, чтобы я не дергался, все равно не удержу людей от мести в ту же ночь. Они на себя обязательства по кровавой тризне уже взяли древним обрядом и нет у них пути назад. Я и подумал, что мне в любом случае придется отвечать за их поведение. И если я не могу чего предотвратить, то должен это возглавить. Они же меня еще после боя у моста вождем выкликнули и в воздух бросали. Но вот то, что мы пойдем в бой с одними кинжалами для меня была новость.

— Но, все же ты пошел?

— Я отвечал за этих людей, ваша светлость.

— А как понимать утреннее столпотворение на вокзале и твои дерзкие речи?

— Не разгонять же ликующую толпу, которая со слезами на глазах приветствует своих солдат? Сама она не разойдется. Попытался их уговорить. Вроде получилось.

— Хорошо. Иди. Все хозяйственные вопросы решишь с адъютантом. Еще увидимся на днях.

— Честь имею, ваша светлость, — я отдал воинское приветствие и, четко повернувшись через левое плечо, пошел к двери.

Только взялся за позолоченную ручку, как меня нагнал в спину новый вопрос маркграфа, заданный жестким голосом.

— Значит, умысла занять место моего сына ты не имел?

38

— Гони! К первому же ресторану! — крикнул я кучеру, откидываясь на мягкую спинку коляски.

За воротами Дворца бывший ипподромный берейтор, чуя мое состоянии не пожалел кнута рысакам и те выдали… Не зря за эту породу такие бабки выкладывают.

На окраине города вскочил в первую же попавшуюся забегаловку и потребовал все, что можно съесть прямо немедленно без ожидания готовки. Потому как жрать уже хотелось как из пушки.

Подали сырную и мясную нарезку. Коровье масло. Хлеб. Сидр. Стакан сметаны. Я все это умял очень быстро под удивленными взглядами редких посетителей, в большинстве своем ломовыми биндюжниками. И основное блюдо, приготовленное хозяйкой этого придорожного трактира инициативно, а, скорее всего, просто разогретого — что-то типа гречневой каши с гусиными шкварками, ел уже не торопясь и со вкусом. Потому как у этого примитивного блюда вкус был. Очень даже и очень.

Что-то соображать я начал, только подъезжая к вокзалу. До того вся наличная кровь моего организма вращалась вокруг сыто урчащего желудка и мозг пребывал как бы в оцепенении. Хорошо еще, что кучера моего во Дворце догадались покормить в людской вовремя.

У салон — вагона меня уже встречали. Как в детской поговорке: один с топором и двое с носилками.

— Извините, господа, но я только переоденусь, — расшаркался я и скрылся в вагоне.

В трактире я умудрился насажать жирных пятен на белый мундир. И мне стало стыдно, когда кучер обратил мое внимание на это. А уж принимать в таком виде офицеров… Не комильфо.

— Итак. Я слушаю вас, господа, — обвел я глазами всю троицу, когда вышел к ним в салон в новой полевой форме.

Адъютант Ремидия представил мне интендантского капитана Архуса, прикрепленный его светлостью содействовать моим промышленным начинаниям и лейтенанта Ягрозора, обязанного решить наш квартирный вопрос. Оба они из службы первого квартирмейстера Большого рецкого штаба.

— Вижу тут и без меня тесно, — посетовал майор, — но уверен, что вы справитесь со всем сами. Госпожа баронесса, — склонил он голову перед Эликой, которая вышла из нашего купе забрать Митеньку из манежа, чтобы он нам не мешал.

— Ваша милость, каков ваш первоочередной вопрос необходимо решить? — поинтересовался капитан

— Лошади и экипажи. Затем люди — место для отдыха и работы. Спокойное место для длительной стоянки эшелонов. И только потом заводы, — расставил я приоритеты. — И что с солдатами штурмовой роты? Они так и будут бытовать в вагонах?

— Все в порядке с солдатами, Савва, — сказал вошедший в салон Вальд, щеголяя на полевой форме новеньким плетением полковничьих погон. — Нам на роту выделили пустующую казарму гвардейского конно — егерского полка. Место там вполне достаточно и для людей и для лошадей. С учетом той тыловой команды и учебного эскадрона, что остались в казармах готовить людское пополнение и ремонт конского состава, так даже немного просторно.

— Там есть пустующие офицерские квартиры? — ухватил я некую мысль.

— Офицерские квартиры есть, но не пустующие. Там живут семьи фронтовиков. Так что своих гражданских ты там не поселишь. Разве что в казарменном дортуаре.

— Это те старые казармы, что за рекой на предгорной стороне? — уточнил капитан Архус.

— Они самые. Те, что с полковым ипподромом, — подтвердил Вальд.

— Не… дортуар с общим сортиром на этаже не выход. Все же интеллигенция. Люди образованные, которых с хорошего места сманили обещанием лучших условий. И в казарму?.. Обидятся и уедут обратно. Из них только Болинтер на действительной службе. А экипаж мотоброневагона куда поселим?

— Туда же, — ответил Вальд. — Мотоброневагон с сегодняшнего дня является подразделением гвардейской штурмовой роты. Взводом тяжелого оружия. Я, кстати, его в депо загнал на профилактику и составление дефектной ведомости. А экипаж его будет квартировать вместе со всей ротой. Твоя охрана также приписана к роте, — развел Вальд руками, намекая тем самым, что это не его инициатива.

— Господа гвардейцы, разрешите мне задать вам пару вопросов? — подал голос лейтенант Ягрозор.

— Задавайте, — разрешил Вальд.

— Насколько вы ограничены финансами в вопросе проживания гражданских специалистов?

— В разумных пределах, — ответил вместо Вальда я, так как платить все равно придется мне.

— На той же Предгорной стороне, где ваши казармы, недалеко от них некий Пелль открыл гостиницу — не гостиницу,

но постоялый двор в расчете на поток товаров от Горно — рецкой дороги к товарной станции. Но… вместо прибыли несет сплошные убытки. Все потому что купцы традиционно предпочитают временное жилье около вокзала или на равнинной стороне от реки, хоть оно там и сильно дороже. Но они же там не надолго заселяются… день — два. Загрузят вагон и отправятся обратно на перевал. У них время — деньги.

— Насколько это дешевле встанет против отеля на Главной площади Втуца? — захотел я конкретики.

— Раз в пять при сопоставимом комфорте, ваша милость.

— Надо смотреть, — решил я.

— Прямо сейчас? — спросил Вальд.

— А что тянуть? — пожал я плечами.

— Я возьму твои фуры? Временно, конечно. Ротное имущество перевезти. А то сам знаешь, каков наш обоз, — спросил Вальд.

— Конечно, — разрешил я. — Только латунь из фур пусть переложат в крытый вагон под замок. И этих… помогальником моих узкоглазых припаши, а то за дорогу опухли, наверное, от безделья.

Повернулся ко второму интендантскому офицеру.

— А с вами капитан, наверное, завтра придется вопросы решать. Люди в приоритете. И прихватите завтра с собой карту окрестностей Втуца. Мне под завод не обязательна земля в самом городе.

Офицеры потянулись на выход.

Я заглянул к себе в купе, чтобы перевесить рыцарский крест с заляпанного морского под воротник полевого мундира, Знак за ранение и Солдатский крест первого класса, что обязан по уставу носить с ним. Ленточка Креста военных заслуг была пришита на него и раньше.

И кортик, как же без него. И пистолет Гоча в деревянной колодке. Вот теперь я вооружен и очень опасен.

Влезла Элика с какой-то бабской ерундой.

— Женщина не доставай меня сейчас, — поднял я ее за плечи и освободил себе проход. — У меня нервическая лихорадка. Я теперь псих со справкой.

— Слушай, Кобчик, кто из нас беременный, а? — крикнула жена мне уже в спину.

Ну и денек…

39

Отель, к которому нас привез лейтенант Ягрозор, вывески не имел, зато встретил нас покрившейся и выгоревшей на солнце табличкой 'продается' на кованом железном фонаре крыльца.

'Хорошая работа', — оценил я застекленный фонарь под свечу. — 'Сам бы такой гордился'.

Да и крыльцо было приятное для глаз, бревенчатое, резное, под простенькой деревенской черепицей полукругом на козырьке. Дверь массивная усиленная полосами железа, без тарана не выбить. А поставлено так грамотно, что тарана из-за хитрых перил со столбами не занести. Даже если умудришься затащить, то не развернешься с ним для удара.

У крыльца коновязь для верховых оформлена резьбой в том же стиле, что и крыльцо.

Сам дом в четыре уровня — полуподвал, высокий первый этаж — 'господский' как тут называют, второй существенно ниже потолком и чердак под острой черепичной крышей. Слуховое окошко вдоль улицы глядит — пулемет ставить очень удобно. Дом из дикого камня сложен. Кое — где оштукатурен и побелен, а кое — где оставлен рустированный камень в стене. Для красоты.

Отель — последний дом на горбатой мощеной улице и как бы запечатывал ее. Ворота выходят в тупиковый переулок.

Между хозяйственным двором с воротами и самим домом с открытой верандой что-то типа римского атриума, только вместо бассейна — колодец под крышей, глубокий, с эхом. Ворот на нем цепной. Цепь кованая, считай, вечная. Вокруг колодца небольшой прямоугольный двор. По периметру галерея на столбах под черепицей. В ней, в затенении частые двери — одинаковые комнатки хоть под жилые номера, хоть под хозяйственные помещения. Посмотрел две — три… и хватит. Это Элика же после меня уже во все щели нос сунула.

Перекрывала атриум редкая деревянная решетка, по которой виноград пущен. Опиралась решетка на столбики у колодца.

Весь атриум выложен плитняком, чтобы грязь не развозить под дождем.

На хоздворе большая конюшня, каретные и дровяные сараи, две колоды для рубки, козлы, поилка, сеновал, хлев, баня с бронзовым котлом и запасом веников, отдельная прачечная. Завалинка из пяти сцепленных скобами полномерных бревен. Маленькая кузенка для мелкого металлического ремонта. Верстак для столярных работ. Минимум необходимого инструмента. Выгородка под открытым небом с горючим камнем.

Двор брусчаткой вымощен и чисто выметен. Брусчатка гранитная с насечкой для того чтобы лошади и стирхи копытами не скользили.

Хоздвор в плане буквой 'Г'. В короткой своей части огибая атриум, с наклоном примыкает торцом к дому, к крепкой двери сразу в подвал — винный погреб. Бочку сорокаведерную, что пара стирхов на телеге везет закатить можно свободно. Такие бочки там в три этажа стоят вдоль стен. И с белым вином, и с красным, и с сидром. Большой запас. Не сказать, чтобы особо изысканные были вина, но и не дрянь.

Из винного погреба после дегустации прошли отдельным выходом внутри дома в сухой полуподвал. Там еще кладовые с приличным запасом разнообразного продовольствия. С другой стороны полуподвала спуск в ледник.

— Зимой с кипятка ледяные кирпичи морозим, да меняем ежегодно, — пояснил хозяин.

В леднике было холодно. На ледяных кирпичах лежали деревянные решетки. На них валялась одинокая свиная полть.

Сразу за просторной конюшней, в которой обитали только четыре стирха да вонючий козел с дурным глазом, узкий проход к тыльной стене. В стене калитка — максимум верховую или вьючную лошадь провести. Там тропа ведет вдоль берега, потом раздваивается — в горы и вокруг поселка в казармы конно — егерского полка. Это хорошо. В случае чего так и за подмогой можно будет послать.

— Козел тут зачем? — спросил я Пелля.

— Запахом ласок отгоняет. Лошади да стирхи ласок шибко не любят. Лисы еще повадились к птичнику подбираться. Имейте это в виду.

За каменными сараями большой птичник укрыт от глаз — куры, гуси, цесарки. С сараями у птичника общая крыша. Выгороженный для птицы дворик с искусственным прудиком, чтобы по огороду не шастали. Дощатый компостный короб для навоза да сам огород соток на десять — двенадцать, выходящий свободно к высокому берегу реки.

До воды метров пять — шесть каменной скалы. Вид с обрыва на равнинную часть города великолепный. Даже вокзал видно. И дымящиеся трубы завода 'Гочкиз' на месте старых пакгаузов, с которых грузил я обоз Вахрумки после учебки, от него невдалеке. Быстро тут филиал отстроился.

Огород богатый и разнообразный. Плодородная земля привозная, грядки камнем обложены и окультурены. Даже застекленные парники есть. Вдоль мощного забора несколько плодовых деревьев, еще не укоренившихся окончательно. Видно,

что совсем недавно эти саженцы обихаживали местные 'мичурины'.

Приличная по территории усадьба, а свободного места практически нет, все продумано под хозяйство, особо разгуляться негде. Что ж… не хутор тут, а черта города. Хотя совсем недавно это был еще отдельный пригород, полковая слобода. Впрочем, грех жаловаться — для городской усадьбы просторно. Стен у Втуца даже в средневековье не было, но центр застроен очень тесно.

До единственного каменного моста отсюда крюк изрядный, и это пока тут единственный мост. Но город растет, будут еще мосты. Для безлошадных пассажиров частный перевоз процветает. Лодочники серебрушки сшибают за веслами своих утлых челнов. Там где берег понижается, устроены небольшие пристани. И лестницы к ним деревянные.

Хозяева отеля — симпатичная бездетная пара средних лет, свой бизнес — план создавали с расчетом на полк гвардейский. На холостых офицеров и унтеров сверхсрочников, что селились бы у них надолго да с пансионом — офицерских квартир в казармах всем остро не хватало. А полк взял и на войну ускакал за тридевять земель… Вот и стоит отель больше года пустой.

Прикинул я все к носу, да и купил все подворье разом, благо просили за него отчаявшиеся продать эту неликвидную недвижимость хозяева по — божески. По простому подсчету арендовать жилье в городе каждому моему инженеру по квартире дороже бы мне обошлось. Так что отобью я эти деньги в первый же год. Платить за жилье инженеров заводы будут. Да и самому с семьей, охраной и челядью где-то жить надо — опять же затраты. А что в доме колхозом жить, так мне не привыкать.

Дом я на Элику оформил, как купил — вместе со всей мебелью, постельным бельем, пищевыми запасами, кухонной да столовой посудой и прочей живностью, включая пару крепких стирхов и новую телегу под них на железном ходу. По принципу бабки на бочку, плачу за все оптом. Налом. Золотом.

Нотариуса выдернули из городской конторы и с шиком привезли на моих пафосных рысаках. Свидетелей сделки — полна горница. Много времени не заняло.

Элику Тавор привез с вокзала в карете на Ласке вместе с сыном, нянькой, охраной и 'золотым' сундучком.

Показала хозяйка Элике, где что лежит и оставила на кухонном столе большое медное кольцо с тяжелой связкой ключей. И уехали супруги от нас с облегчением. Налегке. По паре узлов и сундучок с золотом от меня. Предложил им остаться в качестве экономов — хозяева справные, но они не согласились.

Понять их можно. Были здесь хозяевами и в том же месте стать слугами… Не у каждого такая пластичная психика. Тем более что не бедствуют они больше. Но оставили нам адреса потенциальной прислуги с рекомендациями.

Напоследок бывшие хозяева попросили меня о бесплатной услуге — охрану до банка, деньги довезти в сохранности. Я не отказал. Святое дело. Столько золота везти на простой тележке запряженной парой беломордых стирхов через весь город… Тут у любого очко жим — жим. Так что поехали за ними вслед четверо егерей моей охраны с ручным пулеметом на второй тележке, запряженной уже моими стирхами, что нам в наследство к дому достались.

Соседи тут у меня хозяева справные, судя по высоким заборам — столбы кирпичные, а прясла сложены окатанными речными голышами в хазарскую елочку. Ворота капитальные, толстыми полосами железа окованы на гвоздях с граненными шляпками. Над заборами только низкие крыши видны, что старой позеленевшей черепицей хвастают. А то и черной каменной 'дранкой' из плитняка. Из-за заборов басовито цепные кобели перегавкиваются. Очень напомнило мне все это улицу талышского села, как его по телевизору показывали. Но любопытствующие головы к моему облегчению все были белобрысыми. Рецкими. Как потом выяснилось, в соседях у меня оказались зажиточные ремесленники — шорники, седельники, каретники да лошадиные барышники. Все с большими семьями.

Назывался весь этот район 'Горный мост', от слова 'мостовая'. Как первая в этом месте замощенная булыжником улица.

— Как тебе тут, хозяюшка, — спросил я жену, приобняв и откровенно набиваясь на похвалу.

— Нравится, Савва. Больше чем в Будвице мне здесь нравится. И горы тут видно, — жена с чувством поцеловала меня в щеку. — Мы моих на новоселье позовем?

— Обязательно. Ты же здесь хозяйка. Как скажешь, так и будет. Вон смотри, какая котейка тебя пришла поприветствовать.

Кошка пришла роскошная большая, рыжая и лохматая с кисточками на ушах. Села на пороге с видом 'я тут самая главная, любуйтесь на меня'. Огляделась. Оценила обстановку и подошла вальяжно тереться восьмерками об элькины ноги. Умная бестия… Соображает кто тут будет податель вкусняшек.

А вот собак не было. Будки для них на хоздворе стояли в наличии, но пустые.

До темноты успел я перевезти все свое барахло, но вот разобрать его сил уже не осталось. Как и разобраться с таким большим количеством помещений. Так что инженеры остались

ночевать в вагонах. Не переломятся одну ночку. Там пока комфортнее.

Ласка, рысаки и верховые царские трофеи нашли себе место в конюшне. А битюги последней ходкой ушли в казармы, там и переночуют.

Вот это конюшня у меня образовалась — пятнадцать голов. Табун! Да еще стирхи с козлом. Как всех прокормить-то зимой?

— Ничё. Как-нибудь управимся, ваша милость, — заверил меня бывший ипподромный берейтор. — Вы не против будете, если я себе коморку при конюшне обживу? Там и печка есть.

* * *

Утром меня разбудили ароматом сваренного кофе. Принесли мне завтрак в постель как фон — барону какому. Жена с нянькой. Обе в домотканых горских платьях и платках.

А куда делась госпожа баронесса? Впрочем, Элике так даже лучше. Естественней.

— Ешь быстрее, Савва, — напутствовала меня Элика. — А то у нас на птичнике работы завал. И чтобы сегодня же привел мне работницу на птичник и огород. А то митенькин манеж стоит среди кур. Ему конечно развлечение их гонять. Но, знаешь, не дело это… курями сыну манеж загаживать.

— Тавора пошли по адресам, что тебе вчера дали, — посоветовал я.

— Твой денщик, ты и посылай, — Элика состроила ангельское личико, как будто бы я не знаю, как она моими денщиками помыкает.

В атриуме Зверзз, стуча костылями по плитняку, распоряжался бойцами экипажа броневагона, которые носились с ящиками и коробками, укладывая их в комнаты атриума по указке бывшего фельдфебеля, который отмечал у себя на листочке, закрепленном на фанерке, куда что положили.

— Как ты отнесешься к тому, чтобы стать тут завхозом? — спросил я его, вытягивая ведро с холодной водой из колодца.

— Кем, ваша милость?

— Заведующим хозяйством, экономом, домоправителем, начальником над всеми слугами, фельдфебелем этого дома… Как хочешь, так и назови. Стройки пока не предвидится. А тут глаз да глаз нужен.

— Я не против, ваша милость, если в заработке не потеряю, — поставил встречные условия Зверзз. — Но и мальчишек моих возьмете, лишними они не будут.

— Вот и договорились. Эй, боец, — позвал я вышедшего их кладовки ефрейтора. — Полей мне умыться, а то денщиков своих я не вижу. Бардак.

Отфыркиваясь, спросил торчащего рядом Зверзза.

— А что твои хлопчики тут будут делать?

— Что и всегда, ваша милость. Круглое таскать, квадратное катать. И быть старшими куда пошлют. Такой работы тут много. Особенно поначалу, пока все не устаканилось.

— Элика, — крикнул я появившейся на веранде жене. — Отдай ключи Зверззу. Он теперь здесь домоправитель. Фельдфебель этого дома.

— Хвала ушедшим богам, хоть один человек в здравом уме вокруг меня будет, — обрадовалась супруга и принялась торопливо отвязывать тяжелую связку от своего пояса.

Когда вопрос с тем, кто в этом доме ключник был решен, я снова пристал к Зверззу.

— Где сейчас твои мальчишки?

— Один барахло в эшелоне сторожит. Другой повез латунь сдавать 'Точкизу' на маленьком паровозике. Расписку привезет. Осмелюсь задать еще вопрос… — и, увидев мой кивок, продолжил. — Ваша милость, что с паровозными бригадами делать?

— А сколько их у нас? В смысле не бригад, а людей

— Девять человек. Три механика. Три помощника. Три кочегара.

— Вот засада. Я про них-то и забыл. Они еще сутки при эшелоне перекантуются?

— Думаю да. Им не впервой так.

— Что ж будем решать проблемы согласно очередности. Транспортная компания становится важнее завода. И на 'Точкиз' надо съездить с ревизией. Всех там построить и вдохновить на трудовой подвиг.

— Сурово вы с ними, ваша милость.

— Так. Этот ящик сюда ко мне, — окликнул я бойцов.

— Зверзз, здесь керогазы новые, — пояснил я ему, когда ящик поставили у моих ног. — Подарочного исполнения, тудыт их в качель. Три штуки нам на кухню поставь. Будет мало — четыре. Чтобы плиту постоянно не кочегарить. А то ужас, а не плита — мартен. А ящик с разобранными керогазами и технологической картой поставь так, чтобы был под рукой. Еще одно первоочередное производство для Реции. Куда ни кинь, тут все первоочередное… — посетовал я на публику.

Цех ширпотреба поставлю на 'Точкизе'. Как в Будвице. Керогазы делать. В будущем выделю это в отдельное

производство. Керосинки, керогазы, лампы 'Летучая мышь', пароварки, мясорубки, ножи консервные, механические штопоры и прочую мелочь, которая оказалась по прибыльности выгоднее пулеметов.

Да и быстрее такое производство наладится, чем моторный завод.

О — о–о — ва… Еще отладка линии ручных пулеметов на очереди. Когда я все это успею?

— По домашним запасам, реши все вопросы с хозяйкой, у нее на это бюджет выделен, — перебил я Зверзза, который пытался меня грузить какими-то домашними проблемами.

По черепице крыши галереи протопала дергая хвостом рыжая киса, очень недовольная столпотворением людей и ящиков во дворе. А скорее всего шумом.

* * *

Целый час играл в короля Луи, который каждый раз самолично мелом надписывал фамилии придворных на дверях комнат Версаля. Тяжелая эта обязанность — жилплощадь распределять. Все предугадать и предусмотреть. При этом постараться никого не обидеть.

Жить-то народу в этом 'Кобчик — отеле' придется долго. Год как минимум. Пока заводской дом не построим. Слава ушедшим богам номера примерно одинаковые по комфорту. Одна звезда и та надетая на уши. Наливной ватерклозет в торце коридора системы 'гнездо орла'. Фановые трубы из чугуна. Септик на хоздворе. Как не хватает тут хотя бы централизованного водопровода, кто бы знал… А так специально обученный человек должен каждый день наполнять водой бак на чердаке. Пешком и ведрами. Дебит колодца позволял.

Вчерашний день практически весь улетел на подбор персонала. Даже интендантскому капитану я выделил всего полчаса, обрисовав параметры для расположения двух предприятий — железнодорожной компании и моторного завода. Нефтехимическая лаборатория будет базироваться на последнем. И отправил его искать варианты дислокации. Учесть тут надо многие параметры. В первую очередь кто собственник земли? Город, марка, сам маркграф или еще она у кого в частном или условном владении. В последнем случае возможны самые экзотические варианты.

Прикинули, что мой маленький паровозик может послужить заводским транспортом от города и в этом случае нас лимитирует

только железная дорога, водоснабжение от реки и расстояние не более часа пути от вокзала Втуца. Кстати там же можно устроить и собственный отстойник для наших вагонов. Для паровозов же придется еще долго арендовать места в городском депо с поворотным кругом. Деньги летят… будто с крыльями.

Персонал наняли. Уложились за день. Я и не предполагал, что его потребуется так много. Но отель не пионерский лагерь, а инженеры не студенты на картошке и тем более не солдаты. Их на себя пахать в свободное время не заставишь. Не для того они годами мозги сушили, пока сверстники развлекались.

Требовались: кухарка, поваренок, кухонный мужик на подхвате, белая горничная, черная горничная, кастелянша по белью, кладовщик, прачка — банщица, птичница, огородница, конюх — возница на стирхов, разнорабочий на хоздвор… Это только на обслуживание дома, без моего табуна. Последнее слово я оставил за Зверзем — ему с ними непосредственно работать. Я буду только спрашивать. И мудрый Зверзз подобрал в горничные очень старательных, но абсолютно сексуально непривлекательных девиц. Не иначе как к хозяйке решил подластиться, дипломат. Мне-то все равно, а вот потерпела бы рядом со мной красоток беременная Элика это еще вопрос.

Дольше всего подбирали кухарку. По умолчанию среди вдов. И каждая экзаменовалась реальной готовкой. Кастинг выиграла вдова гвардейского вахмистра с двумя дочками десяти и восьми лет. У нее муж погиб в одном бою с молодым графом, что резко перевесило чашу весов в ее пользу. Заодно сэкономили на поварятах. Дочки перенимали мастерство у нее на рабочем месте. Она это условие особо оговорила, а мы не препятствовали. Платить им не нужно, а подкормить святое дело.

Потом подбивали стоимость содержания отеля вместе с кормежкой постояльцев. Обедать они будут в городе, а вот завтрак и ужин требовалось обеспечить. Делили на количество койко — мест и таким образом вычисляли сумму, которую будем выкатывать заводам к оплате. Получилось с кормежкой и обслуживанием все же немного дешевле, чем снимать в городе квартиру, положенную инженерам по статусу. Хороший аргумент для ревизии.

И вот сегодня всех к вечеру заселяем. Осталось только решить транспортный вопрос. Летом мои инженеры могли пользоваться услугами лодочников. А зимой? Хотя, что тут той зимы? Не Огемия. Тем более не Куявия.

* * *

Соседи тут у меня хозяева справные, судя по высоким заборам — столбы кирпичные, а прясла сложены окатанными речными голышами в хазарскую елочку. Ворота капитальные из толстых каштановых досок, полосами железа окованы на мощных гвоздях с гранеными шляпками. Над заборами только низкие крыши видны, что старой позеленевшей черепицей хвастают. А то и черной каменной 'дранкой' из плитняка. Но если судить по размерам крыш дома большие. Из-за заборов басовито цепные кобели перегавкиваются. Очень напомнило мне все это улицу талышского села, как его по телевизору показывали. Но любопытствующие головы к моему облегчению все были белобрысыми. Рецкими. Как потом выяснилось, в соседях у меня оказались зажиточные ремесленники — шорники, седельники, каретники, да лошадиные барышники. Все с большими семьями.

Назывался весь этот район 'Горный мост', от слова 'мостовая'. Как первая в этом месте замощенная булыжником улица. Между прочим, замощенная соседями вскладчину. Это показатель…

Взял в сопровождающие Тавора и пошел знакомиться с соседями. В полюдье, так сказать. Людей посмотреть. Себя показать. Да решить, что можно ожидать от такого соседства. И сразу нарвался на лошадиного барышника, который с нажимом попытался у меня выкупить моих трофейных коней. Еле отбился. Очень он впечатлился моими конями, когда их мимо его дома гнали.

А вот у каретника мне неожиданно повезло, и я увидел то, что мне нужно. Почти готовый двенадцатиместный шарабан## на упряжку в четыре стирха. Я такого никогда еще и не видел. До того все попадавшиеся мне на глаза местные квази — автобусы имели вид каретного омнибуса или открытого фургона с лавками вдоль бортов.

* * *

* * *

Шарабан — вид конного экипажа или автомобильного кузова, у которого каждый ряд сидений имеет свои двери или обходится без оных.

* * *

На мое счастье каретник изготавливал этот бус в

инициативном порядке в расчете на новую ветку конки в городе, маршрут которой еще не утвердили в Ратуше. Так что легко удалось нужное мне транспортное средство вовремя перехватить, ударить по рукам и выдать аванс. Разве что направить мастера на некоторые изменения в шасси — на нормальные колеса с рессорами и поворотное дышло с упряжью переделать на двух крупных коней. Не покупать же мне еще четверку стирхов? А что отделка скромная, так мне даже лучше — дешевле обошелся.

На этом мой обход соседей закончился, потому как столкнулся на улице с Вальдом, гордо восседающем на своей красивой трофейной кобыле, неторопливо цокающей по булыжникам в сторону моего отеля.

Мой титулярный начальник явился явно не с пустыми руками, но играл в молчанку и интересность до тех пор пока я его не провел в свой импровизированный кабинет, что напротив кухни выходил в холл — бывшую харчевню отеля.

Единственное, что меня в этом доме раздражало, так это то, что с улицы человек сразу вваливался в холл. И приходилось одного солдата ставить вышибалой или охранником, если хотите. Заодно он с крыльца приглядывал за коновязью. Кобылка Вальда очень дорого стоит, а майор ко мне буквально накоротке заявился. Не было смысла ее в конюшню уводить.

— Ты свое слово крепко держишь? — с ходу огорошил меня Вальд.

— А что, были случаи усомниться? — озадаченно ответил я вопросом на вопрос.

— Нет, Савва, не было такого случая. Но тут вопрос особый… денежный.

— Не томи, командир.

— Я только что от Ремидия. Кстати вот… — кинул он несколько мелких серебряных изделий на стол. — Это наша новая кокарда.

Кокарда имела тот же вид черепа с кинжалом в зубах, что и на медали 'за тризну'.

— Впечатляет… — только и сумел сказать я, еще не зная как к этому относиться.

— Это только для нашей роты кокарда. Больше ни для кого. Коллективное отличие. А вот твои шевроны приказано спороть. Мундир у нас теперь гвардейский старого образца — светло — серый, штаны синие с малиновым кантом. На темно — зеленых обшлагах черный кант с малиновой выпушкой. И на воротнике также. Прибор серебряный.

— Ворот опять жесткой стойкой?

Ну не люблю я такие воротники. Шею натирают.

— Увы… — развел Вальд руками. — Меня поставили перед фактом того, что маркграф уже указ подписал, и моего мнения не спросили. Зато полевая форма общая с остальной рецкой армией. Только кокардой и отличаемся.

— Опять тратиться… — покачал я головой. — У меня этих мундиров уже скопилось…

— Не придется. Мундирные деньги на роту выделили. Швальня тут в полку неплохая и я с ними уже договорился. Но я не с этим к тебе. Мы с тобой конный завод в моем имении ставим?

— Как договорились, — охотно откликнулся я.

Это был неплохой выход от конского перенаселения в отеле. Избавиться на подворье хоть от части лошадей. Конюшня битком… Стирхи живут во дворе под навесом, что не айс в преддверии зимы. Хотя именно айс грядет…

Вальд протянул руку, и мы скрепили сделку рукопожатием. Теперь конному заводу точно быть. Весь вопрос, в какой я доле?

— А теперь смотри… — майор вынул из планшетки сложенную топографическую карту и расстелил ее на столе. Но не полностью.

Определить точно, где эта местность находиться было невозможно из-за крупного масштаба.

— Вот мое имение, — показал он на карте. — Небольшое. Господский дом, две деревни арендаторов. Но завод стирхов на доменной земле помещается и выпаса хватает. Сеем только овес. Неудобья как и везде в предгорьях. А вот этот большой кусок земли до речки Ремидий прирезал мне под будущий конный завод… — Вальд выпрямился и глянул на меня с торжеством. — Безвозмездно, но с обязательством обеспечивать в будущем ремонт гвардейской кавалерии этой породой лошадей.

Опять меня поимели. Жеребец-то мой, а земля — Вальду. И кобыл у меня втрое больше, чем у него.

— Что тебе не нравиться, — уловил мое настроение майор.

— Эта земля войдет в уставный фонд конного завода? — спросил я, прикидывая, сколько там гектар и что будет это стоить против моих четырех породистых голов.

— Также как и твоя, — с усмешкой ответил Вальд.

— У меня нет там земли, — пожал я плечами.

— Теперь есть, — Вальд как подросток довольный розыгрышем, развернул карту и явил мне скрытую доселе ее часть. — От речки на восток теперь здесь твоя земля. Так что неси вино — обмоем это событие, сосед.

— Где?

— Вот тут, — стал водить пальцем по карте уже мой не

только командир, но и бизнес — партнер. — От речки и до границ соседнего имения все также отойдет к нашему конному заводу. Выпасы и покосы. Поля под овес. Кусок орехового леса. Тут можно будет твоих битюгов разводить там отдельно и улучшать породу тяжеловозов местным пейзанам. Кстати артиллерия также с удовольствием купит таких тяжеловозов. Желательно меринов.

— А чье имение в соседях с этой моей землей?

— Было молодого графа. Теперь… — Вальд сделал таинственную паузу. — Теперь твое. Так что тащи вино, сосед. Выпьем за Ремидия. И за щедрость его. Хотя этой дарственной землицей мы всегда пользовались как выпасами — ничья была.

Я распорядился насчет вина и переспросил.

— А что там в моем имении есть?

— Господский дом. Большой сад. Неплохое хозяйство. Приличный пахотный клин. Крупные коровы мясной породы. Волов у графа охотно покупали на пахоту. Арендаторы в трех деревнях. Овец держат. Лес, заползающий на гору. Ореховый. Правда, до твоей горы оттуда далеко. Но это и не вассальный лен, а имение в частной собственности. Кстати, я тут после торжеств награждения роты отпуск выбил себе на две недели. Поедешь со мной или мне доверишь лошадок перегнать? Тебя же надо еще во владение ввести.

— Кто будет вводить?

— Я да окружной староста. Он как местная выборная власть, вписывающий тебя в большую книгу землевладельцев и представляющий арендаторам. Я как самый старший по чину в округе — свидетелем. Ввозная грамота у меня с собой. Как и дарственная от Ремидия.

— А что же Ремидий сам мне все это не вручил?

— Откровенно говоря, не знаю… — Вальд по — простонародному запустил пятерню в затылок. — Но мне так показалось, он за что-то на тебя сердит.

Тут принесли вино. Кто-то из челяди грамотно распорядился подать его в серебряном высоком тонкогорлом кувшине с изящной узкой ручкой на серебряном же подносе в окружении серебряных стаканов. Тонкой работы гарнитур. Царские трофеи…

Выпили.

— Эх, рано ты, Савва, женился. Я бы за тебя дочку бы выдал, — неожиданно выдал гвардейский майор, ставя серебряный стакан на стол и складывая карту. — Она у меня единственная.

40

Заботы заботами, а светские обязанности с меня никто не снимал. Политехническое общество потребовало моего доклада. И я уже знал, о чем я буду говорить с местечковыми академиками. В Реции нет геологической карты. От слова совсем. Удивительно нет в этом ничего. Полная геологическая карта и в моем мире была только у СССР и Монголии, где ее создали советские же геологи. Но для этого требовалось усилия всей страны и сталинское министерство геологии. Обнаружилось это очень просто, в Политехническом обществе я спросил про геологов — мне дали пару адресов, а про карту… вот тут меня ожидал облом. Нет такой.

Итак. Геология. Нефть и органическая нефтехимия. Двигатели внутреннего сгорания и электричество. На этом и сосредоточусь. Насущное и перспективное. Надо хоть чуть — чуть подтолкнуть прогресс.

Оделся по такому случаю в цивильный костюм, крахмальную сорочку, мягкую шляпу и бежевое пальто. И ни одного ордена. Я сегодня техник, почетный доктор и член — корреспондент, а не 'Кровавый Кобчик'. Даже поехал в город в карете, чтобы лицом не мелькать лишний раз.

Большой зал был полон. Что меня приятно удивило, несмотря на то, что афиши о моем докладе висели по городу заранее. Присутствовали не только члены общества, но и все желающие. Президиум как водится во главе с Ремидием. В первых двух рядах партера академики. Дальше публика. Вот не чаял я такого интереса к науке и технике.

Маркграф был очень удивлен моим нарядом. Это я прочитал по его взгляду. Но… ничего по этому поводу мне не сказал. А я что? Официально я в отпуске.

Поднялся я на трибуну с графином, как в старых кинолентах. Улыбнулся и сказал.

— Господа, мы с вами богачи, богачи которые даже не подозревают о своем несметном богатстве. Наши горы содержат всю таблицу химических элементов, надо только их распознать и извлечь. И что я неожиданно узнаю… Что в Реции не только нет хотя бы приблизительной геологической карты, но на весь наш город, на всю марку всего два геолога. И ни один из них не преподает, не передает свои знания молодежи. Чем они занимаются, находясь рядом с богатейшими горами континента? Да почвы исследуют под строительство. И только.

Оглядел я зал. Слушают. И выдал им щелчок по

национальному самолюбию.

— И среди всего двух рецких геологов нет ни одного реца. Я лично из своих средств выделяю две стипендии на обучение в Имперском университете и Будвицком политехническом институте для подготовки геологов для Реции. Из сирот, овладевших курсом средней школы. Тем более что мы приросли территориями, где геолог вообще ни разу не ходил. Надеюсь, мой почин не останется гласом вопиющего в ущелье, и состоятельные люди нашей марки найдут средства еще на несколько стипендий, хотя бы вскладчину. Мы должны обеспечить свою страну национальными кадрами высшей квалификации или нам суждено вечно топтаться в отстающих. А народ наш талантлив…

И речь моя потонула в бурных аплодисментах переходящих в овацию.

— А до того как подрастут наши национальные кадры мы не должны гнушаться приглашая к себе на работу представителей других национальностей империи, если они хотят работать на наше благо. А то до чего доходит… Даже наша гордость производство керосина, которым мы залили всю империю как и нашим рецким вином и та у нас на уровне технологий темных веков. Нефтедобыча ведется методом тыка, благо поколдовали нам ушедшие боги и залегает рецкая нефть неглубоко. И ту мы используем только для простейшей перегонки только в керосин. А все остальное выливаем в овраги, потому что не знаем и не хотим знать, что там для нас есть полезного. А этого полезного там не просто много, а очень много. Достаточно сказать, что все фракции нефти имеют перспективу стать локомотивом промышленной революции не только империи, но и всего мира. Из нефти кроме керосина мы можем выделять прекрасные минеральные масла для паровых машин и высвободить целые плантации клещевины под продовольственные культуры. Бензин. Который сейчас маленькими пузыречками продается задорого в аптеках как антисептик можно получать в больших количествах и дешево. Это прекрасное топливо для двигателей внутреннего сгорания. Удобных. Компактных. Мобильных. Которые легко могут вытеснить большие и тяжелые паровые машины с дирижаблей и других воздухоплавательных аппаратах. Тяжелые фракции нефти — соляр и мазут также имеют высокие топочные перспективы, вытесняя уголь с его дымом и сажей. Экономя нам ценнейший рецкий горючий камень, с помощью которого можно выплавлять стали с особыми свойствами, а мы его бездарно сжигаем в топках. Мы ленивы и нелюбопытны. Мы все делаем по старинке, и переходить на рельсы прогресса не хотим по лености разума. Варварски и хищнически мы относимся к подаркам

ушедших богов, которые вручили нам нашу землю со всеми богатствами ее недр. Уже несколько лет существуют безопасные в пожарном отношении двигатели внутреннего сгорания талантливейшего инженера Болинтера, работающие на той же нефти, а на нефтепромыслах по — прежнему, и это еще в лучшем случае используют двигатели внешнего сгорания — паровики и стирлинги, что очень часто приводит к ужасным пожарам на нефтепромыслах. И ценнейший минерал улетучивается дымом и сажей в небо…

Вроде слушают, не свистят. Я отпил воды из стакана и продолжил.

— Двигатели Болинтера прекрасно и без отказа работают там, где необходима долгая ритмичность работы. Насосы, речные и морские двигатели… Их не требуется раскочегаривать часами. Да что там говорить… В депо стоит мотоброневагон моей конструкции — его многие видели, который автономно от основного бронепоезда воевал приводимый в движение двигателем Болитера и обслуживался рецким экипажем на восточном фронте. И сам Болинтер в этом рельсовом броневике служит механиком. Весь рецкий экипаж и сам Болинтер дважды награждены за храбрость за бои с превосходящими силами противника. А один из орудийных расчетов лично из рук от императора получили Солдатский крест за то, что на северном фасе Восточного фронта одним выстрелом ликвидировали весь генералитет царской группировки. Наскочили, выстрелили и отскочили обратно. Пришлось островитянам, чтобы удержать Щетинпорт, высаживать там целую дивизию в поддержку царским войскам. И что вы думаете… Хоть кто-то обратил внимание на калильный двигатель Болинтера? Нет!

Опять пью воду. Что это я так раздухарился, будто люди в зале лично виноваты в том, в чем я обвиняю всех вообще.

— Ну с другими ладно… Но мы… Мы… Сидящие на нефти, сливающие ее в овраги. Когда керосин не находит немедленного сбыта, Мы также не обратили внимание на калильные двигатели работающие на сырой нефти. Нам — рецам, должно быть стыдно…

А дальше понеслось… Особенно про электродвигатели, которые могут заменить капризные батареи и раскручиваемые нефтяными двигателями Болинтера. И погнал рисовать перспективы превращения Втуца в Нью — Васюки. Конечно, трепаться — не мешки ворочать. Но болтать по делу куда труднее, ей богу. Пота сходит больше. И нервы не тратишь, когда мешки ворочаешь.

А на охоту я все же выбрался, застав последние в этом году

перелетные стаи диких гусей. Предварительно подарил 'за отличную службу' своим снайперам из охраны по дробовой двустволке. Стреляли мои бойцы отменно. Но если бы не соседи со своими водоплавающими псами чем-то схожими с земными лабрадорами, только красно — рыжей масти, то остались бы мы практически без добычи, потому как лазить за битой птицей по заболоченным камышам в осенней воде — это то еще удовольствие. А эти мощные собаки носились по зарослям рогоза как бронетранспортеры и практически всегда приносили тяжелую птицу, радостно помахивая хвостами.

Привезли домой почти полный воз диких гусей, а сами обратно шли пешком, распевая песни. И долго еще развлекались дома всем колхозом ощипыванием птичьих тушек и их копчением на зиму. Пух, перо и вытопленный гусиный жир также пошли в дело.

Наша кошка потом неделю на птицу даже смотреть не хотела.

Сосед каретник, впечатлившись тем как мы стреляем, подарил мне полугодовалую суку ретривера их породы. Чтоб и у меня была такая собака на весенний перелет гусей на север. Собака — это хорошо. Собаки мне тут явно не хватало. Тем более такой компанейской.

Заодно с соседом и шарабан обмыли, который он перегнал на наш двор

Убедившись, что в лагере военнопленных все идет по плану, отправились с Вальдом на восток Реции вводить меня в права владения бывшим имением молодого графа. Заодно погнали туда и коней, оставив Элике только Ласку с каретой.

Обоих косоглазых 'хиви' я оправил туда же работать на будущем конезаводе. И в городской усадьбе стало несколько просторней. Не один раз вспомнил я по дороге старый анекдот про еврея, раввина и козу…

Большой обоз собрался. Две фуры, запряженные каждая четверкой тяжеловозов с кой — каким барахлом, в них разместилась наша охрана и денщики. Коляска с рысаками, на которой двигались мы с Вальдом и моей псиной в ногах. Остальные в седлах на царских верховых.

Осень полностью вступила в свои права, обильно осыпая нас желтым листом. Пока еще сухим. Вальд сказал, что в этом году осеннего дождя может и не быть — сразу снег пойдет.

Ехал я, любуясь красотами природы предгорий, и вспоминал, как пристал к жене в первую же ночь после разговора с Онкеным с обвинением, что кто-кто, но она-то должна была меня предупредить о таком изменении моего статуса, чтобы не выглядел я дураком в глазах окружающих. Но жена только и

смогла, что припомнить пару древних легенд, где упоминается о таком. И все. Разве что чувствовала Элика себя виноватой, но помочь больше ничем не смогла.

— Не знаю я ничего больше, Савва. Это деда надо было спрашивать. Он у нас знаток древностей был.

Деда спрашивать? Некроманта негде взять.

Ехали по той дороге, по которой шагал я в начальные дни моей службы в летние лагеря на курс молодого бойца. Боже как давно это было… и как недавно совсем по календарному исчислению.

Ночевали в роще у хрустального ручья, устроив теплые лежбища в фурах.

До имения Вальда добрались к вечеру второго дня и заночевали у него в господском доме типичной рецкой архитектуры. Немного архаичном, но крепко выстроенном на века.

На ужине познакомил меня майор со своим семейством. М — да… Мрачная анемичная девица двенадцати лет, которую Вальд прочил мне в жены, совсем не впечатлила. Как и сама жена Вальда, единственным достоинством которой был легкий веселый характер. Внешностью она не блистала. Впрочем, почему я не удивился когда узнал, что все это богатое имение досталось Вальду в приданое?

41

Убедившись, что в лагере военнопленных все идет по плану, отправились с Вальдом на восток Реции вводить меня в права владения бывшим имением молодого графа. Заодно погнали туда и всех коней, оставив Элике только Ласку с каретой.

Обоих косоглазых 'хиви' я забрал с собой в деревню — работать на будущем конезаводе. И в городской усадьбе стало несколько просторней. Не один раз вспомнил я по дороге старый анекдот про еврея, раввина и козу…

Большой обоз собрался. Две армейские фуры, запряженные каждая четверкой тяжеловозов, груженые барахлом не нужным в городе, охраной и денщиками. Коляска с рысаками, на которой с комфортом двигались мы с Вальдом и моей псиной в ногах. Остальные в седлах на царских верховых.

Собака быстро привыкла к коляске, легко спрыгивая с нее для пробежки по обочине дороги и также легко запрыгивая в нее на ходу, когда уставала носиться и блаженно спала на полу экипажа, положив голову мне на сапог. Эта сука вообще отличалась ласковостью и живостью характера. Я назвал ее Лотой в честь 'подружки' детства.

Осень полностью вступила в свои права, обильно осыпая нас желтым листом. Пока еще сухим. Вальд сказал, что в этом году осеннего дождя может и не быть — сразу снег пойдет. Не каждый год такое бывает, но и не редко.

Ехал я в неторопливой коляске на легкой щадящей меринов рыси, любуясь красотами природы предгорий, болтал с Вальдом ни о чем… И со стыдом вспоминал, как пристал к Элике оставшись с ней наедине в первую же ночь после последнего разговора с Онкеным с обвинением, что кто-кто, но она-то должна была меня предупредить об изменении моего статуса, чтобы не выглядел я дураком в глазах окружающих. Но жена только и смогла, что с трудом припомнить пару древних легенд, где упоминается о последствиях кровавой тризны. И все. Чувствовала жена себя передо мной виноватой, но помочь больше ничем не смогла. Разве что загладить вину женской лаской.

— Не знаю я ничего больше, Савва, — оправдывалась Элика. — Это деда надо было спрашивать. Он у нас знаток древностей был.

Деда спрашивать? Некроманта негде взять.

Ехали от Втуца по той самой дороге, по которой шагал я выбивая пыль в начальные дни моей службы в летние лагеря на курс молодого бойца. Боже, как давно это было… и как недавно

совсем по календарному исчислению. Плотно живу.

Ночевали в роще у хрустального ручья, устроив теплые лежбища в фурах. Ночами землю уже сковывали заморозки. С утра на траве иней вместо росы.

До поместья Вальда добрались лишь к вечеру второго дня и заночевали у него в господском доме типичной рецкой архитектуры. Немного архаичном, но крепко выстроенном на века из дикого камня. Чувствовалась в этом доме аура рода наполнявшего своим теплом эти стены из поколения в поколение.

На ужине познакомил меня майор со своим семейством. М — да… Нелюдимая анемичная девица двенадцати лет, которую Вальд прочил мне в жены, совсем не впечатлила. Как и сама жена Вальда, единственным достоинством которой был легкий и веселый характер. Внешностью она не блистала. Впрочем, почему я не удивился когда узнал, что все это богатое имение досталось Вальду в приданое? Не сомневаюсь, он бы любого холостого соседа попытался бы окрутить со своей дочуркой, лишь бы округлить земли для потомков.

А что? Крупный землевладелец, если не вызывает ненависти у крестьян, то легко может выбиться в гласные депутаты рецкого сейма от своего округа. Тем более что голосуют только граждане, люди отслужившие, склонные воинские подвиги считать за более тяжелые гири при сомнениях выбора.

С утра, услав казачка за окружным старостой, осматривали имение. Все работы с виноградом закончены и молодое вино нашло свое место в бочках. Наступил второй ореховый аврал. Первый аврал был в конце августа, когда собирали фундук.

В это время наваливаются всеми наличными силами имения с приглашением арендаторов из деревни на поденной оплате — ореховый лес господский. Альтернатива — собирать даровые орехи в горах, на ничейных землях, что по трудозатратам то же на то же выходит, только в имении еще ноги бить по камням не приходиться. Вот арендаторы и предпочитают брать оплату с такой работы натурой. На своем-то участке больше одного дерева не посадить — затеняет все орех. Не терпит рядом с собой других растений.

Тут такие экземпляры встречаются в этом лесу, только диву даешься. Впечатливший меня патриарх всех вальдовских орехов имеет возраст под двести лет. Под его кроной укрывается в полдень от зноя весь многочисленный табун стирхов разом. Но и стоит такое дерево на отшибе — всех вокруг себя выжил. В обхвате этот монстр восемь метров и высотой под тридцать. Стрясывают с него за сезон почти полторы тонны полезного продукта. Царь — дерево.

— Минимально с молодого дерева получаем четверть центнера плодов, где-то полторы — две тысячи орехов, если считать по штукам, — хвалился Вальд, показывая куски брезента, на котором орехи сушились на солнце после промывания. — А в среднем восемь — десять мешков с дерева. И каждый раз надо стрясти плоды, собрать, отшелушить от несъедобной оболочки, промыть и просушить. Чтобы плесень не завелась и орех долго хранился. Иначе вместо вкусного мозгового ядрышка будет засохшая несъедобная субстанция. И только потом засыпать в мешки.

Говоря все это, Вальд любовно поглаживал морщинистую кору дерева, бросая время от времени благосклонный взгляд на суетящихся пейзан.

— Околоплодник тоже идет в дело. Если правильно обработать и грамотно высушить его с охотой покупают кожевники как дубильное вещество и краситель. А с недавних пор стали появляться зимой закупщики производителей аскорбиновой кислоты. В наших краях орех стоит дешево и продается мешками как самой мелкой тарой. А вот чем дальше на север, тем цена будет больше. Причем вне зависимости от транспортных расходов. И тут твои тяжеловозы, Савва, вне конкуренции — главное довезти большую партию до железной дороги. И сразу прибыль удваивается. Вот если найти прямого покупателя в том же Будвице, то… — майор мечтательно закатил глаза под брови. — Но увы… Завязать такие знакомства мне не удалось. Вместо этого я контрразведку штурмовал… — И майор засмеялся.

Я намек его понял, но ответил уклончиво. Самому все проверить надо. В своем имении… Посчитать все затраты…

— Ну… не знаю… Не думал я на эту тему, — пожал плечами. Вряд ли Бисер с Ремидием упустили такой ручеек прибыли. Керосин от маркграфа я сам как-то вез ольмюцкому королю. Цистернами. Литерным эшелоном, в котором были и обычные товарные вагоны. Почему не с орехами?

А Вальд развивал свою мысль, которую как мне показалось, он обдумывал не один день. И не два. А ровно с тех пор, как только узнал, что будем мы по землям соседями.

— У тебя, Савва, есть паровозы и вагоны. У тебя есть связи во Дворце Бисера. Мы могли бы поставлять орехи огемцам напрямую. Минуя всю посредническую шелупонь, которой достается основная прибыль. А вслед за орехами насадим лимоны. Рощами. Они у нас хорошо растут, но в каждом поместье больше десятка деревьев в собственном хозяйстве не нужно. С вином сложнее — тут большие затраты на бутылки и ящики.

Бочками же не повезешь… А если повезешь, то опять основную прибыль отдашь тому кто будет твое вино бутилировать на месте. Варенье еще из незрелых орехов очень вкусное. Но тут опять все дело упирается в фирменную тару. Бочонками продавать не выгодно, тут тоже, что и с вином. И сахар дорог. Колониальный товар.

— Я подумаю над таким бизнесом, — уклонился я от обещаний. — В любом случае для начала нужно заиметь транспортную компанию. Без нее все это бесплодные мечтания. А кадров путейских на рынке для нее нет. А просто паровозы даже с машинистами мертвый груз. Разве что пригородные перевозки. Управляющий нужен опытный, хотя бы… Обслуживание и ремонт можно сделать на стороне. Легче всего с экспедиторами. У тебя в Реции связей больше. Подумай, у кого можно нужный народ переманить.

И усмехнулся.

— А варенье и из морковки сладкое.

Что-что, а варенье из свеженадерганной с грядки моркови, еще соком брызжущей — фирменное лакомство моей семьи зимними вечерами.

Так за разговором о перспективах перевода имения с натурального хозяйства на товарные рельсы мы дошли до стирхового завода, который, по словам хозяина, приносит ему до половины всех доходов с вотчинки.

Стирхи действительно выглядели крупнее обычных, имели короткую жесткую шерсть, крепкие ноги и спину удобную под вьюки. Такой горбунёк легко таскает по горным тропам груза в полтора раза больше коня. И намного выносливей.

— Ко мне даже из Швица за ними приезжали, — похвастал Вальд, трепля флегматичную животину за мохнатые уши. — Сразу дюжину голов купили.

— Контрабандисты? — усмехнулся я.

— А кто их знает, — честно ответил Вальд. — На роже у них не написано. Крестьяне и крестьяне по виду, но заплатили не торгуясь. Так что может и контрабандисты…

Стирховая ферма была полностью обустроена и ухожена. Попасть ненароком ногой в навоз проблематично — ценное удобрение моментально убиралось в особые короба. Животные выглядели бодрыми и здоровыми. Запас кормов на глаз даже избыточный. Но 'много' это совсем не то, что 'не хватает'. И так как вся работа здесь добротно велась в отсутствие Вальда, то я решил, что не прогадал, когда согласился на партнерство с ним в области животноводства.

Ах, каких бы тут можно было выращивать страусов…

Главный коневод хозяйства мне понравился. Спокойный уверенный в себе дядька, отслуживший в свое время добровольческий срок в конных егерях и не сподобившийся на нынешнюю войну по причине кривоты. Левый глаз он потерял в горах, когда убегал от разъяренной медведицы и напоролся глазом на еловый сук. Долго лечился за счет семьи, а потом, оставив старшему брату все хозяйство, подался к Вальдам в конюхи. Теперь он тут главный по стирхам. И жизнью своей, судя по виду, доволен.

Я оставил ему одного из узкоглазых 'хиви', и наказал главконюху, чтобы он слушал кощея## как надо обращаться с царскими верховыми лошадьми. У каждой породы есть свои особенности. И предупредил, чтобы ни в чем он не ущемлял моего пленника. В еде и заработке он должен был быть как все. И пусть остальные учатся у него, а то война рано или поздно закончится и придется ценного специалиста отправлять обратно домой.

* * *

* * *

Кощей (старорусск.) — конюх. Часто человек зависимый, из пленных.

* * *

Конюшня для жеребца и четырех кобыл меня устроила. Капитальное строение. На вырост. С печкой и отдельным помещением для дежурного конюха, в котором вполне можно жить. Там оставили седла и прочую трофейную справу для коней.

Отдельно посмотрел я, как работает вальдов кузнец и одобрил — годен. Копыта коням не испортит.

* * *

Окружной староста приехал на двуколке, запряженной местным низкорослым тяжеловозом только к обеду. И пока местная власть не откушала, к делам мы не приступали.

Внешне староста очень походил на гоголевского Тараса Бульбу, как его любят изображать наши художники. Пузат, усат,

весел, словоохотлив и совершенно не чванлив. Звали его Йозе Угездфорт. Был он имперский гражданин и старший лейтенант в отставке, послуживший в горных стрелках еще до реформы. На войну не пошел по возрасту. Третий разряд ополченца. Помещик древнего рода из мелкопоместных — арендаторов всего одна деревенька в предгорьях да в горах еще хутор.

После обеда, со вкусом покурив и опробовав вальдово домашнее вино — черное с фиолетовым отливом вкусом напоминавшее попробованное мной лишь однажды настоящее грузинское 'Манави', местная власть обстоятельно занесла в большую книгу сведения о переходе графского имения к новому владельцу с сегодняшнего дня. Не преминул проставить номера и даты баронской, дарственной и ввозной грамот. Выдал мне отношение в Департамент сборов для внесения сведений в налоговые сказки. Впрочем, пока я на службе в армии меня это не касается. Но вот за недоимки моих арендаторов по традиции спросят с меня же.

— Нашему полку прибыло, господин барон, — объявил староста, когда закончил с писаниной. — За это надо непременно выпить.

А выпив, он поинтересовался.

— Много ли у вас подданных на горе Бадон, господин барон?

— Один хутор, — честно сознался я. — Это на северной стороне. А на южной, что досталась мне после победы над Винетией, сам еще не знаю.

И ведь нисколько я не врал. В баронской вассальной грамоте Ремидий указал мне в лен всю гору.

— Бедненько, — констатировал Угездфорт, чем вызвал пароксизм смеха у Вальда.

Или уже у Вальдверта? Вроде он по чину стал равен полковнику, так что потомственное дворянство уже выслужил.

Отсмеявшись, Вальд, просветил провинциального помещика, что я есть самый главный оружейный барон империи — делаю пулеметы нашей победы. На двух заводах.

— Так что 'бедненько' это не к Савве, — закончил свои хвалебные речи майор, лукаво поблескивая глазами.

Заодно окружной староста без бюрократических проволочек зарегистрировал нам простое паевое товарищество 'Рецкий завод чистокровных лошадей'. В уставный каптал внесли мы трофейных коней и нарезанную Ремидием землю у реки. Обеспечение завода кормами легло на Вальда, иначе его доля становилась совсем уж миноритарной. Его берег реки мы отдали под отдел чистокровных верховых коней, мой — под битюгов.

Старосту чистокровки не впечатлили, а вот битюгами он

искренне восхитился, когда мы собрались их перегонять в мое новое имение.

— Пригоняйте кобылку, Йозе, — мы уже перешли за вином на 'ты'. — Первая случка для вас даром, — пообещал я местной власти взятку натурой.

— Улучшить породу дело хорошее, — не стал отказываться Угездфорт

* * *

Господский дом в графском имении мне понравился с первого же взгляда. Я буквально в него влюбился. Он не был тем пафосным дворцом, глядя на который обычно завистливо шепчут 'жили ж люди'… Внешне особняк выглядел скромно, но очень красиво и гармонично. Архитектор его был гений, в том числе и ландшафтах — так вписать здание в небольшой, но разнообразный парк. Вот стоял бы и смотрел не отрываясь.

К тому же 'дом изнутри был больше, чем наружи', как я потом убедился.

Встречали нас заранее оповещенные управляющий господским хозяйством и старосты всех трех приписанных к имению деревень арендаторов. Морды угрюмые, неприветливые. Явно приперлись по обязанности, а видеть меня не хотят.

Окружной староста прочитал им слух ввозную грамоту. Представил меня как барона Бадонверта.

По традиции в присутствии свидетеля — Вальда, взял от деревенских старост оттиски больших пальцев на ввозную грамоту, как факт ознакомления с документом. Свернул ее в трубку и забрал с собой в архив.

— С вашего позволения я откланяюсь, господин барон. Теперь вы тут полноправный хозяин.

— А как же ужин, господин староста? — удивился я.

Как уже успел убедиться, Угездфорт был большой гурман и обжора.

— Надеюсь, в другой раз непременно, Савва. Но сейчас вам будет не до гостей. Честь имею.

Кряхтя, староста залез в свою двуколку и покатил по парку в направлении ворот.

А мертвая мизансцена у парадного подъезда все продолжалась. Управляющий и деревенские старосты все также стояли у крыльца, в тех же позах что встретили нас. И молчали.

— Так что, и корец с дороги хозяину на его земле подать некому? — нарушил Вальд тишину возмущенным выкликом.

Как ожидая команды, с крыльца неторопливо спустилась тонкая красивая женщина лет двадцати пяти в богатом наряде горянки и с поклоном подала мне ковш бражки литра так на полтора.

Издеваются, не иначе…

Слегка давясь народной шипучкой, выпил я весь ковш и стряхнул последние капли под ноги женщине.

— Путь плодоносящим будет чрево твое, — сказал, любуясь ее тонким лицом, которое слегка портил длинный острый нос.

Управляющий и старосты встали на одно колено. Женщина поклонилась в пояс.

Все. Теперь я действительно полноправный хозяин тут. Не по закону, но и по обычаю.

— До будущего урожая пусть все будет, как было. Потом посмотрим, — сказал я. — Вставайте.

Когда мужики встали с колен, то спросил.

— Что такие невеселые?

Ответил управляющий, как мне показалось с некоторым вызовом.

— Так, ваша милость, печальная тризна у нас сегодня по молодому графу. Невместно веселие.

— Какая может быть печальная тризна? — взревел Вальд. — Когда мы в течение трех дней с гибели графа провели тризну кровавую. Почти тысячу врагов вырезали за одну ночь. Как в древности — одними кинжалами. Душа Битомара весела.

Подошли мои снайперы отпрашиваться в деревню, оторвав меня от бухгалтерских книг, которые предоставила мне по первому требованию Альта, та самая женщина, что поила меня при встрече бражкой.

Ох, уже эта бражка, до сих пор от нее отрыжка в нос шибает.

Научить их квас варить, что ли?

Странные тут обычаи, вина в подвалах хоть залейся, а встречают бражкой… Впрочем, как вспоминаю, на такой случай жена дяди Оле также постоянно бражку держала, хотя посетители на нашем хуторе были в редкость. Так что тут либо бражка, либо чистая вода. Или вода положена только гостям? Вальду потом воды поднесли. Разобраться мне надо с этими обычаями, а то, что все некогда было не оправдание. Мне тут жить. А 'хшешь жичь як врона каркай як вона', — любила повторять у нас в академии студентка полячка.

Управляющий в имении был, как оказалось только распорядитель — мышца, а все бумаги вела Альта. Грамотно вела, я скажу. Мозг.

Женщина терпеливо сидела на стуле у стены, сложив руки на

коленях, и в разговор мужчин не встревала. Также как до того не мешала мне рыться в ее гроссбухах, только кратко и по существу отвечая на возникающие у меня вопросы.

Я поднял глаза от залитого осенним солнцем стола и недоуменно спросил бойцов.

— Что так вам приспичило именно сегодня туда намылиться? Завтра чем не день вам?

— Так, командир, Йёссен отсюда родом. Надобно нам перед его матерью повиниться. Завтра вроде как не вежливо уже будет. И вообще… Может помочь, чем ей требуется… Командир, он наш товарищ был и…

— Я помню, чем я обязан Йёссену, — буркнул я недовольно, ощущая себя паршиво, будто егеря меня как котенка в лужу носом натыкали. — Поедем, но не все… Я, кучер, мой денщик и от вас трое — сами определитесь кто. На рысаках поедем.

— А денщик зачем? Он же не рец, — настаивал унтер.

— Он пулемет возьмет, — отрезал я. — Мало ли…

Когда егеря вышли я сказал женщине.

— Альта, я доволен вашими записями при первом взгляде на них. Продолжайте так и дальше. Я ненадолго отъеду, а вы распорядитесь, чтобы жеребцов развели по разным конюшням, не то разломают там все, когда кобылы в охоту войдут, если их вместе держать. Конезавод это теперь будет наше лицо.

Я встал, и женщина встала одновременно со мной. При всей стройности, если не сказать худобе, грудь ее впечатляла. Остального всего за балахонистым платьем особо не заметно. Ростом высока и не блондинка совсем — русая. И глаз светло карий с зеленотцой.

Она неторопливо стянула с плеч богатую шаль, сложила ее и протянула мне.

— Вы, наверное, росли на чужбине, ваша милость, и не совсем ориентируетесь в тонкостях горских обычаев. Подарите эту шаль матери вашего бойца. Я правильно догадалась, что он погиб из-за вас?

— Я ему обязан жизнью, — сознался я.

— Он отомщен?

— Отомщен, — не покривил я душой, так как заставить работать на государство Ночную гильдию это… похуже смерти им будет.

— Тогда платка достаточно, — улыбнулась Альта мягко, глядя прямо в мои глаза. — Если у нее есть еще сыновья, то примите участие в их судьбе. И вас не будут здесь поминать худым словом. Я сама не местная, так что понимаю ваши затруднения. Езжайте спокойно, ваша милость. А я тут

подготовлю к вечеру веселую тризну, пока управляющий развлекает нашего гостя.

— Неужели у вас ничего не слышали про 'Кровавого Кобчика' и его тризну по молодому графу на восточном фронте? — спросил я напоследок. — Об этом все газеты писали.

— Мы не выписываем газет, ваша милость, — мягко ответила женщина. — Да и живем в глуши. Приезжал фельдъегерь от Ремидия. Привез печальное известие о гибели нашего господина. Сообщил, что имение отошло в домен маркграфа и все. А дальше у нас страда… не зерно так горох, не фундук так кизил, не виноград так орех. И постоянный сенокос. У нас в горах говорят 'помирать собрался, а овес сей'. Коровы еще болели на новом пастбище…

* * *

Одноэтажный каменный дом под соломенной крышей со старым тележным колесом для гнезда аистов над ней, как и подворье при нем не впечатлял достатком. Нам его показали сразу при въезде в деревню. Шестой дом по левой стороне.

Встретила нас у калитки сухонькая женщина, рано состарившаяся от тяжелой крестьянской работы.

— Что нужно важным господам на моем подворье? — спросила гордо, вытирая руки передником, когда мы сошли с коляски.

Оставила между нами и собой закрытую калитку из редких жердей.

— Тут живут Йёссены? — спросил я.

— Здесь… — замялась женщина, не зная как ко мне обратиться.

— Ваша милость, — подсказал ей Тавор.

— Здесь, ваша милость.

— А где твой муж, хозяйка?

— Я вдова, ваша милость. Но если мой старый обормот перед смертью кому задолжал, то только через суд. От меня вы и медяка не получите.

— Нет, мать. Не знаем мы ничего про долги твоего мужа. Сколько у тебя детей?

— Старший сын погиб на войне, далеко где-то на востоке. Второй еще со мной пока. Еще три дочери есть, но они сейчас орех трясут. Дома их нет.

— Зятья есть?

— Нет пока. Кто возьмет почти бесприданниц да

безотцовщину? Разве что вдовцы. А с началом этой войны у нас только вдовы множатся.

Я взял с сидения коляски шаль и протянул ей с поклоном.

— Извини нас, мать, но так вышло, что не уберегли мы твоего сына. Он выполнил свой долг до конца, защищая своего вождя. Что я могу сделать для тебя, как облегчить твое горе, чтобы оно не омрачало твою гордость за сына — героя.

— Ты что ли этот вождь? — спросила она с недоверием. — Больно молод…

Но платок взяла, развернула, поцокала языком от восхищения и накинула его себе на плечи.

— Я этот вождь.

— Тогда погоди здесь.

Она ушла в дом и скоро вернулась с ковшиком воды. Открыла калитку и, отступив на шаг, протянула мне корец. Подождала, пока я ее выпил и сказал положенные слова под падающие в пыль последние капли, уголками губ усмехнувшись на 'плодоносящее чрево'.

— Я не просила. Ты сам это сказал, вождь. Пристрой к хорошему делу моего младшенького, — предложила она, отбирая у меня ковш. — Так устрой, чтобы он не нуждался по жизни. Нет у него ни тяги к земле, ни любви к овцам. Даже к выделке вина нет у него стремления. В армию и в ту не годен по сухорукости. Все книжки читает как порченый. Глаза ломает и керосин напрасно жжет.

— Хорошо, мать. Все сделаю, как ты велишь — поклонился я ей. — Спасибо тебе за старшего сына. Спасибо за то, что воспитала настоящего горца.

— Где могила моего старшего? — спросила у меня женщина строго.

— В городе Будвиц. На центральном кладбище, в хорошем месте, — постарался я ответить подробно. — Это далеко отсюда — в Ольмюцком королевстве. За могилой ухаживают, не беспокойся. Весной, как земля просядет, на нее камень положат.

— Дашь мне денег, вождь, съездить к сыну, оплакать его могилку? Самой мне не потянуть.

— Непременно. И на дорогу дам, и на прожилое. Там дорогой город.

— Я не спрашиваю, отомстил ли ты за мою кровиночку… Но если твоя совесть позволила придти к этому порогу, то надеюсь ты все сделал как положено, — и концом подаренной шали промокнула уголок глаза.

Тут привели парня лет семнадцати. Такого, действительно по виду немного не от мира сего, крестьянского мира.

Взъерошенного сероглазого блондина среднего роста. Левую руку он держал несколько неестественно.

— Это мой младший и есть, ваша милость, Тим, — кивнула на него мать. — Тим Йёссен. Теперь его обед — ваша забота.

— Читать — писать умеешь? — спросил я парня.

— Я в этом году окончил среднюю школу, ваша милость, — твердо ответил мальчик.

Было чем гордиться, не много в Реции на селе парней со средним образованием. Восьмилетку-то не все заканчивают. Большинство останавливаются на читать — писать — считать. Это в долинах. А в горах и этого нет.

— Правда, последние два класса я экстерном прошел, заочно в городе. У нас в селе только восьмилетка есть. Могу аттестат показать, — и дернулся сорваться в дом, да мать остановила.

— Это хорошо, что есть аттестат, — констатировал я этот отрадный для меня факт. — Я вот свой только в армии получил.

Вот и первый бадонский стипендиат образовался. Неказист, но глаза живые. Если он еще на учебу злой, так то что требуется.

— На будущий год поедешь в Будвиц, — пообещал я ему, — в Политехнический институт учиться на геолога. Учиться читать камни как книгу. Заодно мать свозишь на могилу брата. А этой зимой я тебе посильную работу во Втуце найду. С заработком.

— У него ваша милость в этом аттестате плохих отметок нет, — влезла мать с гордостью, как только услышала про заработок, будто не за это же самое совсем недавно сына ругала. — И учитель его хвалит.

— Ваша милость, но у меня нет таких денег, чтобы заплатить за учебу, — спрятал парень руки за спину.

Гордый горец.

— А учиться хочется? — не отставал я.

— Учиться хочу.

— Имперский язык знаешь?

— Знаю. Читаю и пишу. Но говорю не очень.

— Твой брат тебе поможет получить высшее образование.

Мальчик недоуменно смотрел на меня, не понимая ничего из моих слов. Потом выдавил из себя.

— Мой брат погиб на войне.

— За подвиг брата ты получишь 'Бадонскую стипендию' на образование, — обнадежил я его. — Но когда защитишь диплом, то вернешься обратно домой изучать наши горы. Этим ты отдашь свой долг брату. А пока собирайся. Через неделю я уезжаю во Втуц. Если не хочешь идти до города пешком, не опаздывай. До весны ты должен выучить еще и огемский язык.

* * *

— Мы вместе выпьем за наших героев… Мы вместе выпьем за наших героев… И каждого назовем, — вопила озаряемая четырьмя большими кострами толпа под вполне приличный деревенский оркестр. — Пока есть, кому выпить за душу героя — горец живее живых.

Все радуются. Музыка разухабистая. Песни юморные на грани приличия. Воистину веселая тризна. Немного ослабить рамки полового поведения и полный Вудсток.

А ведь это действительно настоящие поминки, на которых торжественно сменяя друг друга старцы с седыми бородами зачитывали длинный свиток погибших на войнах из господской усадьбы и трех подчиненных ей деревень.

Поименно.

За почти три сотни лет.

Последним назвали — Йёссена.

Хорошо, что меня вовремя предупредили, что полную кружку за каждого помянутого пить не следует, достаточно каплю, чтоб его душа не затерялась в безвестности. Иначе до конца списка можно самому не дожить. Но хоть по капле за каждого героя, но убывает в кружке. А кружка всегда должна быть полной и за этим особо следили молоденькие девочки с кувшинами в руках, которым пить вино еще не по возрасту.

К открытой бочке самостоятельно никто не лез. И это меня проняло до печенок. Дисциплинированный народ.

В конце панихиды все выпили по две кружки. И снова спели 'Выпьем и снова нальем'.

— У человека может не быть могилы, он может пропасть без вести. Но пока его дома поминают, душа его жива, — пояснила мне Альта, весь этот вечер на поле не отходящая от меня ни на шаг. — Когда тризна печальная наши герои печалятся вместе с нами, когда веселая, то вместе с нами радуются и они.

И я, кажется, понял истоки безбашенной храбрости рецких стрелков на войне. Они не боялись умереть. Они твердо знали, что будут жить вечно, пока за них дома хоть кто-то выпьет каплю вина и произнесет его имя — он жив.

И в этот список никогда не попасть патриарху, умершему в своем доме в окружении многочисленных потомков. В древности такие дедки сами уходили на войну, пока еще оставались силы. И добровольно бросались на пики, оттягивая их в своем теле до земли, чтобы дать своим товарищам через такую брешь ворваться и разбить вражескую баталию.

Нынче нравы смягчились. Считается, что своих патриархов

надо поминать в кругу семьи, а публично только героев.

Потом были танцы. Боевые — с кинжалами, с барабанами.

Завершили поминальный фестиваль конкурсом танца на палашах. Выступали всего четыре четверки и общим голосованием выбирали лучшую. Приз был объявлен заранее от поместья — каждому победителю по пятнистой горской свинье, худой как собака и такой же кусачей.

Все пришли в традиционной этнической одежде.

Только я с Вальдом и моя команда в военной форме. Но это никем не воспринималось как колебание устоев.

А потом пошли обычные танцы хороводные и парные. Альта меня не только опекала, но и танцевала, не подпуская ко мне других претенденток. А желающие были… как я понял по смелым взглядам не только на танцы со мной.

А в самом конце к всеобщему ажиотажу Тавор запустил в небо три ракеты — красную, зеленую и белую. Зря, что ли ракетницу трофейную с собой таскаем?

Потом все со всеми перецеловались как на Пасху и под тихое хоровое пение разошлись по домам. Далеко за полночь.

На поле остались только дежурные присмотреть, чтобы костры полностью прогорели.

Я обратил внимание управляющего на это.

— Мориуш, не проще ли залить костры водой. Да и безопаснее так будет в пожарном отношении.

— Нет, ваша милость, не проще. Поминальные костры должны прогореть сами. Они как бы наша жертва душам героев. Прерывать жертву нехорошо. Если все прошло, как надо и предкам понравилось, то души героев оставляют нам несколько крупиц золота в золе. Парням надо будет дождаться, когда все прогорит и просеять золу. Это уже при свете дня получится у них.

Угу… Костры, как я ранее заметил, разжигали на песчаных подушках.

— А песок под костры берёте с особого места? — не отставал я.

— Какой там… Здесь же, ваша милость. Незачем далеко ходить. Чуть выше усадьбы протекает хороший ручей с песчаным дном. Вода в нем вкусная. Восьми носилок хватает на все. И дорожки присыпать в парке оттуда же берем.

А ночное небо тут удивительно высокое. Незамутненного ультрамарина с огромными цветными звездами. И тонкий серпик желтоватой луны почти горизонтально лежит на верхушках деревьев. Саблей. Росчерком.

* * *

Спал на графской кровати. Ничего особенного кроме размера — человек пять поперек положить можно. Балдахин с заправленной москитной сеткой — не сезон на них. Матрац конского волоса. Простыни льняные толстые стираные — комфортные для кожи. Одеяло стеганое овечьей шерсти. Подушка ею же набита. А вот этого как раз я не люблю — голова пружинит.

Может от этого и спал не крепко, несмотря на выпитое. Проснулся от легкой щекотки в спине. Кто-то пальцем водил по старому шраму и всхлипывал при этом.

Повернулся, сбрасывая сон.

Альта сидела на кровати в одной батистовой рубашке и тонким длинным пальцем касалась меня. Женщина при этом плакала.

— Ты что тут делаешь? — спросил я. — Иди спать на свое место.

— У меня нет другого спального места кроме этого, мой господин, — печально ответила она.

— Не понял.

— Я ясырка.

— И что?

— Пленница. Рабыня. Как хотите, так и называйте. Теперь ваша…

— Откуда ты?

— Из Винетии. Только и помню что родом из города Сочено. Меня купил молодой граф, когда путешествовал по югу Мидетеррании. Было мне тогда сего двенадцать лет.

— Ты свободна. Можешь возвращаться домой.

— Кому я там нужна… выходец с того света. И прежде чем меня прогнать, мой господин, верните мне мою шаль. — Тонкости древних обычаев? — усмехнулся я.

Альта кивнула, подтверждая.

— А что мне осталось делать? Идти в птичницы? После того как я тут всем заправляла? Да и кто вам будет гроссбух вести?

— У меня, между прочим, жена есть. Горянка. Другую бабу она в моей постели не потерпит.

— Я этого даже не заподозрила, мой господин, вы так молоды. И обычно семейные приезжают вступать во владение с женами.

— Она беременна. Вторым ребенком. Потому и осталась в городе.

— Сейчас ее тут нет. Есть только вы, мой господин, ночь героев и я — ваша вещь. Вы вправе убить меня, но не вправе меня прогнать.

И Альта медленно потянула через голову свою рубашку.

* * *

Библиотека в господском доме молодого графа была богатой. С удивлением я нашел там много книг по химии и коллекцию минералов, собранную в окрестностях. Вот уж не ожидал таких пристрастий от молодого кавалериста.

Альта подтвердила увлечение своего господина химией и показала мне в дальнем флигеле, скрытом за вечнозеленым высоким кустарником очень приличную химическую лабораторию, хорошо оборудованную по последнему слову техники. Даже вытяжные шкафы присутствовали. А про прекрасную химическую посуду и простейший но мощный микроскоп я уже не заикаюсь. К сожалению, графские лаборанты помогавшие ему тут в настоящий момент воевали вдали от дома.

И почему молодой граф не состоял в Рецком политехническом обществе? Загадка.

Книга на имперском языке 'О неделимых элементах' некоего Сули — как я понял переводная с языка португейзе, меня заинтересовала в свете воспроизведения таблицы Менделеева в этом мире, так как в данном 'талмуде' химические элементы описывались по отдельности, что позволило мне быстро составить на каждый элемент карточку. Но вот с систематизацией химических элементов у этого Сюли все обстояло посредственно. Порой даже фантазийно. Что не скажешь о проверяемых фактах — те были собраны безупречно со ссылками на проверяемые опыты ученых со всего континента.

Каюсь, задели меня щелкоперы за живое, и я решил поквитаться с ними чистой наукой. Но как оказалось, не такое это и простое дело. В этом мире пока знали всего чуть больше полусотни химических элементов. Точнее пятьдесят три. Не был даже известен такой простейший элемент как йод, хотя морскими водорослями в медицине пользовались. Впрочем, книга эта издана девять лет назад. С тех пор многое могло поменяться. Не стоит наука на месте.

И всю неделю, что пробыл я в имении, тасовал в послеобеденный отдых этот пасьянс, припоминая как там все было на учебном плакате. Вроде все знаю, а как до дела так сплошнее пробелы. Пока скомпоновал металлы, газы и неметаллы. Оставил место для неизвестных тут пока инертных газов. И впереди водорода под номером '0' поставил аналог земного теплорода, фогистона или как его еще там… Хотя чисто химически его никто тут еще не добыл. Только в теории. Но отстаивали его существование все местные ученые дружно. Так получите косточку, которую никогда не поздно от основной

таблицы отрезать.

Продолжил я эти свои научные штудии и в городе, прихватив из имения несколько томов по химии. Эту свою работу я не афишировал, разве что давал подсмотреть за ней мельком, но только не химикам. Еще разберутся раньше меня! Соавторы мне были противопоказаны. Работа должна была быть исключительно самостоятельной. Помогла и библиотека Политехнического общества, выписывающая всю периодику соответствующей направленности. Журналы из вражеских стран получали с некоторой задержкой через нейтральный Швиц.

Как я и предполагал количество химических элементов, со времен написания книги Сюли, увеличилось до шестидесяти двух. И все карточки пришлось перетасовывать заново.

Коллекцию минералов из Отрадного мне доставили потом с оказией, когда выяснилось что в подвалах Политехнического общества лежат даже не разобранными еще несколько таких. Разбирали минералы всю зиму мои химики, вернувшиеся из командировки по нефтепромыслам и их помощники из бадонских стипендиатов. Заодно они учили у химиков огемский язык.

В перспективе эта работа могла вырасти в Минералогический музей с привлекающими публику красивыми камнями, как в Москве. Лишняя достопримечательность Втуцу не помешает.

Но я опять забегаю вперед.

* * *

На графской мельнице треснул жернов. Ну как на графской — баронской теперь, моей мельнице, но как-то за ней залипло это название — 'графская' и по другому ее не называли. Другая мельница была далече — в окружном городке, и все села и поместья окрест усадьбы зерно мололи на 'графской' за полмешка муки с десяти мешков. Недорого, но и Отрадное не нуждалось в посадках пшеницы, оставляя эти земли под коровий выпас. В город зерно еще везти надо, на рацион животине тратиться, себе на харч, и время от хозяйства отрывать. Да и брали там за помол по мешку с десятка. Все потому что моя мельница водяная, на хорошем ручье, а в городе ее ветер крутит. А ветер стихия переменчивая.

— И что, без меня такой простой вопрос сами решить не можете? — выговорил я Альте с управляющим.

Не царское это дело мелочами заниматься. У меня сплошная химия в голове. А эти отрывают от занятий. Я только — только себе промывочный тазик присмотрел для экскурсии на ручей…

— В бюджете хозяйства нет такой статьи, господин, с которой мы могли бы оплатить новый жернов, не выходя за свои полномочия. Прежний владелец по этому поводу был строг, — оправдывается Мориуш, кивая на Альту.

— Зато теперь и без муки останемся и еще потратимся на ее покупку. Так?

Кивают в подтверждение.

Нет. Ну как дети, ей богу. Папочка вернулся и решит все вопросы разом.

— И как это мне по деньгам выйдет? Не дороже нового жернова?

Управляющий жалобно пожал плечами, втянув голову в плечи, проблеял оправдываясь.

— Кто же знал, что он треснет?

— А почто запасного жернова сразу не купили впрок?

— Это уже запасной треснул, — виновато развела руками Альта.

— Сколько времени он прослужил? Запасной.

— Три месяца.

— Сколько — сколько? Знаешь, где живет этот мастер — ломастер?

— Конечно, знаю, — ответила женщина.

— Поехали.

* * *

Я, Альта, кучер, четверка егерей с винтовками, косоглазый 'хиви' управлявший фурой и Тавор с пулеметом. Мой денщик в дороге с ручником не расставался. Видно такую инструкцию получил от Онкена. Я не препятствовал.

Наш поезд составляла коляска с рысаками и фура с четверкой битюгов, на которой везли дефектный жернов, небольшой, меньше метра в диаметре.

Альта со мной в коляске, остальные в фуре.

Женщина время от времени нежно поглаживала мою руку и глаза ее при этом светились. О произошедшем с нами ночью мы не говорили — незачем. Все и так понятно всем. Беседовали о хозяйстве. О том, что работать на рынок ближайшего городка бесполезно — в округе все такие как мы только цену друг другу сбивают. А до Втуца три дня пути. Не накатаешься. Ореха много осталось с прошлого года, так что новый урожай класть некуда.

На всех ухабах Альта как бы невзначай приваливалась к моему плечу. Я не обольщался ласковыми взглядами этой

женщины. Я даже не мужчина для нее. Я ее статус в местном обществе. Впрочем, женщины за статус могут и козла полюбить. Мать как-то созналась мне, на гулянке когда я из армии дембельнулся, что мужчина с положением ей симпатичней кажется.

Через пару часов путешествия коротким поездом въехали в широкое ущелье с мелкой каменистой речушкой по его дну.

Через полтора километра плохой дороги по ущелью вышли на разработки.

Несколько бревенчатых бунгало и обнажение базальтовой породы, от которой клиньями откалывали пласты камня. Жернова тесали здесь же, не отходя далеко от каменоломни. И, правда, чего тяжеленные камни таскать далеко? Работало разом пятнадцать мужиков. Часть вырубала круги из ломаного камня, другие шабрили на этих кругах ровные поверхности. Еще с полдюжины подростков тренировались рубить камень на кругах маленького диаметра как на точильных станках.

Когда мы подъехали, работа остановилась и все глазели на нас с любопытством.

Вперед вышел обросший до глаз мужик в возрасте. Главный мастер в артели. Воняло от него застарелым потом, как от козла, аж глаза резало. Понятно, вода в горной речке считай уже зимняя, а больше ее взять неоткуда. Греть ее — и так в округе они все кусты повырубили, хватило бы на готовку и ладно.

— По какой надобности нас беспокоите, господа хорошие. Нам недосуг — сезон заканчиваем. Не сегодня — завтра белые мухи полетят. Все заказы будем брать весной.

Стоит гордо. Цену себе знает.

— Сунь нос в фуру. Твоя работа?

Мужик без возражений залез в повозку, ощупывал там руками дефектный жернов, что-то нашел и сознался.

— Моя работа. Кажись в прошлом годе этот жернов на мельницу в Отрадное завозили, как сезон закончился.

Заканчивал фразу он уже стоя на земле.

— Так вот что тебе я скажу, мастер. Брак гонишь. Людям головы дуришь.

— Где брак-то, мил человек, ты глянь как поверхность отрихтована — гладенько, желобок к желобку, да спиралью проштроблено. Такой жернов делать долго. Он три недели только грубого труда требует. Да еще шабрить его… штробить…

— Тогда почему он треснул, трех месяцев не проработав?

— Это же камень, мил человек, кто за него поручится какой он внутри? Полость могла попасться какая нехорошая… Или еще чего… Когда покупают осматривают. Но, всяко бывает… раз на

раз не приходится. Камень же… — развел он руками, как будто все объясняет тот факт, что это камень.

— Меняй.

— Что менять? — не понял он.

— Жернов меняй, — уточнил я. — На нормальный.

— Никак не можно. Новый продам. А менять ничего не буду. Ваши люди принимали, осматривали, претензий не имели.

— Сваливай его ребята, — приказал я и егеря, поднатужившись, выкатили по доске жернов на землю.

— Я возвращаю тебе твою плохую работу и взамен заберу нормальный жернов.

— Не получится, — усмехнулся мастер.

— Получится, — вернул я ему усмешку и дал отмашку егерям.

Те быстро нашли готовый жернов, поставили его на попа и покатили к фуре.

— Грабить нехорошо, — заявил мастер с угрозой.

— Кто грабит? — улыбнулся я ему по — доброму так. — Грабят, это когда забирают без отдачи. А мы меняемся. Я тебе твой жернов привез? Привез. С тебя по — доброму еще штраф надо взять за плохую работу.

Мастер набычился. Глаза его налились гневом. По его молчаливому знаку поднялись все его подмастерья и, сжимая в руках молоты, двинулись на нас с явным намерением вытолкать из ущелья, на крайний случай в нем же и прикопать. Здоровые мужики, хоть и в возрасте. Каменотесы. Полтора десятка бойцов, если не считать мальчишек в учениках.

Пацаны их как раз разбежались собирать мелкие камни и ладить пращи.

Ого…

Тавор среагировал раньше меня. Дал короткую очередь из пулемета по скале, осыпая с нее мужиков каменной крошкой.

Помогло. Остановило. Очередь из пулемета над головой каждого делает трезвым и расчетливым. Если не дурак…

— Долго воду в ступе толочь меня не устраивает, — заявил я, вынимая из кобуры пистолет новой системы Гоча, — если сейчас я не получу новый жернов вместо бракованного, то через неделю в этом ущелье будет лагерь для военнопленных. Они и будут делать мне жернова долго, зато бесплатно.

— А мы? — вдруг взревел справедливым гневом один из подмастерьев, с недоверием посматривая на тонкие стволы пистолетов направленные в них. — Мы так без работы останемся?

— А вы будете выпендриваться дальше, только уже по месту жительства. Потому как вход в это ущелье будет перекрыт

колючей проволокой и поставят там блокпост с пулеметом. Вход по пропускам.

— Да кто ты такой чтобы нас этим пугать? — оторопел мастер.

— Я — Кобчик. Савва Кобчик, — ответил я и левой рукой расстегнул молнию на куртке, показывая свои награды. — У меня пленных много. Девать некуда.

Возвращался я обратно не только с жерновом, но и с точильными брусками в ассортименте — на них ученики руку набивали. Кто постарше уже малые круги ладили. Эти я тоже купил. Ворот приделать — готовое ручное точило в хозяйстве. А те, что шабреные как большие жернова приспособить можно под ручные зернотерки. Я такую видел у жены дяди Оле на горном хуторе.

Разрулили скандал два человека — Альта, которая всех знала в округе и один из каменотесов, ветеран, раненый в ногу на восточном фронте. Он, пока в госпитале валялся, наслушался баек про 'Кровавого Кобчика'. Смотрел на меня с любопытством, но уважительно.

К тому же это ущелье — моя земля, хоть и спорная. А аренду каменотесы не платили.

Сошлись на том, что мне жернов поменяют, но только если я выкуплю у них накопившуюся за сезон мелочь, что ученики ваяют из отходов производства мельничных жерновов. А мне не все равно где точила для заводов покупать? Тут к тому же дешевле вышло. Договорились, что на будущий сезон оставлю им целевой заказ на точильные камни по строгим размерам.

В общем, расстались без вражды. Даже в чем-то к обоюдному удовольствию.

Четыре битюга фуру обратно еле тащили. Жалея их, не жадность свою проклинал, а прикидывал, как тут дорогу шоссировать пока пленная рабсила у страны в достатке. От Втуца до городка хотя бы. Оживить этот сонный медвежий угол.

* * *

Больше на хозяйственные вопросы меня не отвлекали. Ходил по окрестностям один с двустволкой, заявив охране, что на моей земле некому на меня покушаться.

Вдумчиво пристрелял новый пистолет Гоча. Ловкая машинка получилась. Точная. Ну а патрон так вообще моща! По — доброму его бы не на гражданский рынок выкидывать, а офицерам на вооружение ставить.

До снегов тайно ото всех смотался с тазиком на ручей. Намыл за половину дня два грамма даже не золотого песка, а мелких и тончайших золотых чешуек — считай половина золотого кройцера по весу. В лаборатории анализ подтвердил, что это не обманка, а золото. Только с высоким содержанием серебра. Посчитал — овчинка выделки не стоит. Золото будет обходиться по вложениям в добычу практически по своей стоимости. Это я еще затраты на аффинаж не считал. Конечно тому, у кого ничего нет — капитал. Но для серьезной разработки металла мало.

Так что выше по течению надо искать рудную жилу, которую размывает ручей. Но на это времени у меня нет, как и специалистов — горняков.

Никому говорить о своей находке не стал. Не хватало мне в усадьбе еще золотую лихорадку устроить. Тогда точно конец придет хорошо налаженному хозяйству.

Наслаждался отдыхом.

Тренировался с егерями в стрельбе.

Тасовал карточки с элементами.

Комплектовал обоз, который пойдет со мной во Втуц. Скупал для него по всей округе бочонки и лимоны. Если повезет, то сразу лимоны в бочонках.

Принимал ответно у себя по — соседски семейство Вальда и окружного старосту с визитом вежливости и обжорства. Староста с собой еще пяток местных помещиков привез — знакомить со мной. Те, видимо предупрежденные о моем семейном положении своих великовозрастных дочек с собой на встречу волочь не стали. И на том спасибо. Скучный вечер выдался, но протокол аристократический… тудыть его кобыле в щель. Да еще провинциальный… Это что-то с чем-то…

В городок так и не выбрался. Незачем было.

По первому снегу тронулись. Не только мой поезд — из фур и мобилизованных по подводной повинности крестьянских телег, но и вальдовых вьючных стирхов почти в полном составе загрузили. Неплохая реклама мелкой скотине, которая тащит по четыре больших мешка на горбу.

Альта в последнюю ночь опять плакала. Потому как договорились — точнее это я поставил такое условие, что когда в имении будет моя жена, то Альта на мою постель не претендует. И по возможности на глазах Элики не отсвечивает. Вот женщина и горевала после острого наслаждения плоти, как за последний раз.

Ага… Мне еще с женой разбираться по поводу ясырки. Шила-то в мешке не утаишь. Лучше пусть благоверная все от меня

узнает, чем сплетня стороной до нее дойдет.

Первого декабря длинный обоз втянулся в городскую черту Втуца.

Отпуск, настоящий отпуск, кончился. Как всегда быстро.

Длинная дорога после отдыха да без обязанностей караван — баши, которые взял на себя Вальд, способствовала размышлениям.

Когда я попал в этот мир, то просто надо было выжить. И я отдался на волю течения жизни. А жизнь потащила меня по течению вверх. В сферы, в которые я никогда не стремился и которые для меня зачастую непонятны. 'Это надо всосать с молоком матери', — как заявлял Онкен, и он прав. Я постоянно попадаю в неприятные ситуации именно потому, что я… даже не столько не знаю местных реалий, сколько их не чую. И не только придворное общество, но и горские обычаи. Другие реакции во мне воспитаны. Я — русский крестьянин, кулак если хотите. Проще всего мне здесь в армии, потому как армия везде армия. Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак.

Но именно служить в армии, там, где я хочу — в воздухоплавательном отряде, мне как раз и не дают. И вообще все, что я создал в армии, у меня отобрали. Броневой отряд, штурмовая рота… Надавали орденов, даже Рыцарский крест — аналог Героя России тут, а воевать не пускают. Как фабрикант я правителям нужнее, чем как офицер. Офицеров у них много, а фабрикантов мало.

Теперь я не просто титулярный барон, еще и помещик. А имперская аристократия все равно от меня нос воротит — онучами им пахнет.

Друзей завел, но немного. Плотто, Эллпе, Гоч и… все. Щолич слишком завистлив чтобы быть мне другом, а Вахрумка больше благодетель. Со всеми остальными не пьянка, а мероприятие.

Одно время принца Бисера числил в друзьях, но разве ресурс может быть другом правителю? Это как свинье и курице совместно производить яичницу с беконом.

Да и далеко теперь от меня друзья пять суток катить по железной дороге. Остается один островок для души — семья. Сын… Жена красавица и умница, любит меня, а я ей изменяю. Ну. как изменяю,… специально не ищу, а случая не упущу. Да и не вижу я домочадцев почти. За полгода дай бог три недели наберется, когда я был с ними.

Все дела, дела, дела…

Деньги, деньги, деньги…

Когда это только кончиться?

Дома первым делом схватил жену в охапку, поднял,

закружил, вдохнул манящий запах белых волос, впился пиявкой в податливые губы.

— Пусти, пусти демон подземный, — счастливо верещала Элика. — Чрево отдавишь.

А когда опустил ее на пол, схватила за руку, дернула и, несмотря на ясный день, потащила в спальню. Соскучилась по чувственным доказательствам моей любви.

Потом, приводя в порядок растрепанные волосы — шикарные длинные белые волосы, ласково глядя на меня сапфировыми глазищами, участливо спросила.

— Что у нас там, в новом поместье, плохого?

— Все хорошо, милая. Все прекрасно там, кроме того что мне в наследство досталась ясырка.

— Красивая?

— Ты лучше.

— Молодая?

— Ты моложе.

— Сколько ей лет? — этот вопрос был задан уже с нажимом.

— Двадцать пять примерно.

— Дети у нее есть?

— Не спрашивал.

— О главном ты и не спросил. Хозя — я–я — яин… Ты с ней спал?

Я виновато сознался и рассказал историю с шалью.

— Эк, она тебя… — восхитилась Элика. — Как маленького. Нельзя было тебя отпускать туда одного.

Я ждал со стороны жены обвинений, скандала, заранее морально приготовился его терпеливо снести, а там и загладить вину чем-нибудь, а его все не было и не было. Зато дождался пояснений.

— Ясырка — это не любовница на стороне, — сказала Элика, прямо глядя мне в глаза. — Ясырка мне не в позор. Только ты детей от нее законными не признавай.

* * *

За две недели обоз еще несколько раз обернулся между поместьями и вагонами на заводских путях филиала 'Гочкиз'. Тридцать двуосных вагонов загрузили горным орехом, лимонами, изюмом и разнообразными сухофрутами. И это только с двух наших поместий. Разве что лимоны еще брали в других местах. Пойдет торговля ими — насадим рощи.

Железнодорожную компанию 'Кобчик экспресс' я все же

зарегистрировал во Втуце, пока без права междугородних пассажирских перевозок с продажей билетов. Для этого надо соответствовать многим параметрам, которые я не мог выполнить из-за нехватки обученного персонала.

Выправил Тавору командировку в Будвиц как старшему по эшелону и ответственному по благотворительной раздаче лимонов по госпиталям и рабочим 'Точкиза'. На продажу только остаток пойдет. Заодно и куратора навестит с докладом обо мне. А мне потом сделает доклад о нем. Так-то вот…

И уже собрался я отправлять поезд в Огемию, как в середине декабря на стройке завода у второго разъезда появился сам маркграф.

Мела поземка по полям, но температуры стояли щадящие. Где-то минус пять по Цельсию. Можно было простой шинелью обходиться. Для стройки так даже намного лучше, чем грязь развозить при небольшом плюсе.

Ремидия привез большой паровоз всего стремя вагонами на сцепке. Так что свиту с собой он приволок небольшую. Походил, осмотрел все мои стройки со свитой. Похвалил устройство лагеря для военнопленных. И выдал.

— Вот тебе, Савва, и будет первое мое особое поручение — после нового года осмотришь все лагеря для военнопленных. Потом моим указом обяжем всех обустроить концлагеря, так как у тебя. Образцово. А то все коменданты кто в лес, кто по дрова… Пока же для тебя у меня есть другое задание. Еще пару — тройку вагонов твой паровоз потянет?

— Если двуосных, ваше светлость, то должен. Но могу и второй локомотив прицепить, правда, он пассажирский…

— Это хорошо. Три вагона лимонов с моих поместий возьмешь для госпиталей в Будвице. Думаю, хватит на всех.

— Лимоны я уже везу для них, ваша светлость. Может еще какой цитрус есть? Для разнообразия.

— Померанец подойдет?

— То, что нужно на новый год, ваша светлость, — припомнил я знакомые с детства запахи сочельника.

Ремидий пожевал немного своими седыми усами. Взял меня под локоток и отвел подальше от свиты. И уже там выдал, качая головой.

— Нюх у тебя Савва есть на вкусные места… Я предполагал, что ты завод на первом разъезде поставишь. Там же уже обустроено многое…

— Ничего тут особо вкусного, ваша светлость, я не заметил. Разве что разъезд есть, — попытался я включить дурака. — Только что земля намного дешевле пока голое поле.

— Земля пока не проблема. Так что прикидывай, что еще здесь захочешь поставить, пока чистое поле… усмехнулся правитель земли Рецкой. — Так… лагерь для пленных у тебя временный, это хорошо… — бормотал маркграф фактически себе под нос. — Завод ты правильно поставил. Сносить не придется.

— Зачем завод сносить, ваша светлость? — испугался я откровенно. Столько денег уже в эту яму вбухано.

— Завод сносить не придется, — повторил маркграф. — Успокойся, Савва. А вот твой образцовый концлагерь точно тут не к месту — здесь речной вокзал встанет в предельной близости от железнодорожного вокзала и грузовой порт ниже по течению. Река наша Вартава тут только до этого моста и судоходна, — показал он рукой на железнодорожный мост, — а впадает она в Данубий. Тот — в Мидетерранское море. По глазам вижу — все понял, — улыбнулся Ремидий.

— Осталось только причальную мачту для дирижабля поставить, — попытался я пошутить.

— И поставим, — очень серьезно ответил правитель. — Не все сразу. Но именно здесь. Тут я в перспективе расположу главный транспортный хаб нашей марки. По суше, по воде и по воздуху. И дорога, которую будет строить Вахрумка к морю отсюда от основной магистрали отойдет. И железная дорога на Швиц тоже здесь начнется. Но это пока секрет, не то набегут спекулянты землей из империи, суди их потом… Большой город в перспективе здесь образуется. Втуц превращать в такой муравейник нет у меня никакого желания. Привык я к нему к такому, какой он есть. Не хочу я, чтобы он из рецкого города превратился в космополитический вертеп, как это происходит со всеми крупными транспортными узлами.

— А я тут, выходит, угадал, ваша светлость? — смутился я немного, припомнив, как коррумпировал железнодорожника с картой.

— Вот я и говорю — нюх у тебя. Здесь будет город для крупной торговли. А Втуц оставим для власти. Кому надо тот на поезде приедет. Кстати под твои пригородные поезда станции так ставить? А то жирно будет гонять паровозы только на два разъезда.

— Километров через пять — семь друг от друга в самый раз будет, ваша светлость. И желательно второй путь протянуть, чтобы не задерживать сообщение на разъездах. Тут всего-то чуть больше тридцати километров. Пока будут строить можно пустить декавильку параллельно. Быстрее выйдет.

— Все упирается в нехватку щебня, Савва. Дорог сейчас строим много — везде он нужен.

— Дороги можно и окатанным булыжником мостить, ваша светлость, — подал я идею. — Как в городе на спусках. Горных рек у нас много. Камней в них еще больше. Пустить на сбор голышей пленных. И копытной скотине будет за что в гололед копытом зацепиться. К тому же булыжную дорогу и ремонтировать легче.

— Подай мне это предложение в письменном виде, не лишнем будет. А то я, верный прогрессу, ставку сделал на механическую дробилку инженера Трезза с 'Рецких машин'. По выработке она сотню каторжников заменяет. Будем вторую уже ставить в другом карьере. Как заработает, так и подумаем и над тем, чтобы трансмеридиональная железная дорога не отличалась от трансконтинентальной.

Маркграф вздохнул тяжко.

— Плохо пока то, Савва, что половину экономики марки тянет на себе Дворец. Частной инициативы мало.

— А если льготными кредитами эту инициативу подстегнуть, ваша светлость? Создать такой вот банк развития.

— Боятся брать кредиты мои рецы. Консервативны слишком. На все покупки копят, — Ремидий щелкнул крышкой золотых часов. — Однако пора ехать обратно. Савва, в твоем поезде с этим смешным паровозиком есть место, где можно поговорить, не опасаясь, что у стен есть уши?

Та — а–а — ак…. Началось. Помниться принц перед моими большими неприятностями почти с такими же словами ко мне обращался.

* * *

Место без ушей нашлось. Трехкупейный омнибус на чугунных колесах островной работы подошел лучше всего. Среднее купе заняли мы с Ремидием. Крайние — его охранники. В каждом купе пулемет. Ручной 'гочкиз'.

Я кивнул на охрану, которая занимала свои купе.

— Они не подслушают, ваша светлость? Знают какие-либо языки кроме рецкого?

— Будем говорить на таком языке, который они точно не знают, — подмигнул мне маркграф.

Вперед пропустили правительственный состав с пустым салон — вагоном. Сами потихонечку почапали сзади.

— Ну, здравствуй, дорогой товарищ, — сказал маркграф по — русски почти без акцента, едва мы вышли со стрелки на основную магистраль.

От неожиданности я обтёк.

* * *

Рецкие горцы не то чтобы считали гору Бадон проклятой, но селиться на ней не желали. Было у них такое предубеждение, передававшееся из поколения в поколение с незапамятных времен. Наверное, все же потому, что гора была вроде как божия.

Именно с нее по легендам из этого мира ушли боги.

Именно с нее время от времени спускались в долины люди, которых в древности принимали за богов. Но быстро удостоверились, что это люди как люди, хотя и не без странностей. Они вполне адекватно вливались в архаичное рецкое общество, отличались трудолюбием и храбро сражались плечо к плечу с соседями. Через несколько поколений их потомки не отличались от других горцев своей белобрысостью.

Но примерно лет сто назад проблема вышла на государственный уровень. Тогда сошли с горы несколько чернявых небритых и странно одетых мужиков. Покрутились, повертелись и ограбили банк. На приличную сумму золотыми монетами.

Их долго егеря гнали в горы. Половину перестреляли. Но главарь с сундучком золота таки ушел. На плато богов горы Бадон. И там как испарился. Плененные грабители звали его Камо.

Дрянь людишки оказались. Типичные бандиты, только грабящие не для себя, а для 'партии', для 'светлого будущего всего человечества'. Больше они ни чему не были приспособлены и сгинули на каторге.

Но четыре разнообразных револьвера, снятые с убитых подстегнули оружейную промышленность империи. Вывело ее на передовые рубежи. И позволило в свое время отбиться от республиканского нашествия с их 'экспортом революции достоинства'.

После еще несколько таких гостей являлось с горы. Слава ушедшим богам нечасто и без злых намерений. В основном русские. Грибники. И только один француз.

Этот француз с русской девушкой попали на гору Бадон зимой на лыжах. Когда спустились с горы, то девушку не удалось спасти — настолько она замерзла в горах. Этот француз сам в полубреду последние километры до жилья нес уже ее труп. И потом очень горько плакал по ней. Познакомились они на каких-то международных спортивных соревнованиях в Москве. Этот

француз быстро освоился среди рецких горцев, удачно женился на единственной фермерской дочке и обогатил эту страну несколькими сортами сыра, которые охотно покупают в крупных городах задорого, сколько ни дай.

— Он жив?

— Нет. Уже умер. От старости. До них был еще интересный человек, который называл себя Волкодав Смерша Молас.

— Да, да… — подтвердил мои подозрения Ремидий. — Отец генерала Моласа. Отец современной военной разведки в империи. Основатель 'Бюро статистики и регистрации' генерального штаба, которое в настоящий момент превратилось в службу второго квартирмейстера.

— Молас об этом знает?

— Думаю, знает, но виду не подает. Скорее всего знает, потому как отказался от приставки ' — верт' к фамилии при получении дворянства. Но даже если и знает, то этим знанием он, ни с кем никогда не делился. Еще про то, что его отец, как ты говоришь 'попаданец', сейчас знают император Отоний. Знаю я, так как сам подводил Волкодава к отцу Отония. И все. Круг посвященных в эту тайну замкнулся. Остальных мы не светили особо. И тем более не возили в столицу империи. Теперь еще знаешь ты.

— А чем этот Волкодав отметился у вас таким особым?

— Тогда вся зарубежная разведка лежала на военных агентах при посольствах. Были они все как один аристократы. Волкодав убедил прежнего императора ввести институт секретарей при военных агентах исключительно из третьего сословия, которые не так брезгливо относились бы к необходимой грязной работе, которой эти вертопрахи брезговали. Впрочем, слухи и сплетни высшего света в те времена составляли почти всю разведывательную информацию. Волкодав же поставил все совсем на другой уровень, как добывание сведений, так и их анализ. До него все старались заполучить в агенты влиятельные лица сопредельных государств. Но Волкодав быстро доказал что мелкие сошки при таких лицах и знают больше и стоят дешевле. Да и внедрить на мелкую должность своего человека намного легче. При нем таких агентов стали заранее учить и готовить. И не только мужчин, но и женщин.

— Рыцарей плаща и кинжала, — улыбнулся я.

— Именно. Он так их и называл.

Ремидий вынул из кармана плоскую фляжку и, сделав глоток, вкусно крякнул.

— Вздрогнешь? — предложил мне по — русски.

— Нет, — отказался я, желая иметь чистую голову.

— Так вот после явления Волкодава мой отец поставил на горе хутор и поселил туда деда твоей жены под видом кузнеца. Чтобы он встречал таких вот попаданцев, как ты, и отводил куда следует. Почему он не поступил так с тобой мне непонятно и у него уже не спросить.

— А какие еще были люди?

— Из полезных только наш старый садовник, который учил меня ботанике и немного русскому языку, потому как с ним попало несколько книг. Он называл себя с гордостью 'вейсманистом — морганистом' и все ругал какого-то лысого Мичурина. Жаловался, что в нашем мире нет каких-то мушек для его опытов. Остальные же… просто бесполезные людишки в возрасте, не желающие вписываться в окружающий мир и требующие себе руководящих постов и персональных пенсий на основании того, что они 'старые большевики'. Эти все рвались обратно. На свои дачи в Павшино. Старый кузнец водил их на плато ушедших богов и у двоих таки получилось вернуться. Для нас — исчезнуть. Остальные померли своей смертью и похоронены в одном горном замке, где их неплохо содержали на 'персональной пенсии', чтобы не допускать их к общению с обычными людьми. Это было бы неразумно из-за их безумных идей социального переустройства общества.

Мы давно уже вели разговор на огемском языке, потому как познания Ремидия в русском были на уровне туриста. Хотя несколько фраз он произносил чисто и четко. И неплохо умел ругаться русским матом.

— Мичурин вроде бы не был лысым, — сказал я, припоминая портрет в аудитории академии, когда нашлась пауза в монологе Ремидия. — Может ваш садовник говорил про Лысенко?

— Возможно, — пожал плечами маркграф, — но мне с детства запомнился именно лысый Мичурин. А садовником Иван был очень неплохим. С фантазией.

Ремидий потянулся, заглянул в вагонное окно и переключился на другую тему.

— Однако подъезжаем к вокзалу. Но разговор наш, Савва, не кончился. Приглашаю к себе.

— Может лучше вы ко мне, ваша светлость? — предложил я. — Жена будет рада.

— Наглец… — улыбнулся Ремидий. — Такой визит надо еще заслужить. Это круче ордена будет. Так что едем во Дворец. Заодно покажу тебе Иванов сад. Там все осталось в неприкосновенности как при нем, и за этим следят.

* * *

Хорошо, что я заранее приказал вызвать мне по телеграфу коляску к вокзалу во Втуце, а то Ремидий как-то не разбежался приглашать меня в свою карету. И тащился я за их экипажным поездом один. С кучером и денщиком. Но те оба на облучке сидели, и думать не мешали.

Как вспомню собственное охудение при звуках русской речи из уст Ремидия так стыдно становится. Не вышло из меня Штирлица, не вышло… Расколол меня маркграф до самой задницы только по выражению моей обалдевшей рожи неожиданно услышавшей подзабытую уже родную речь от того, от кого ее можно было ожидать в последнюю очередь.

— И вам не хворать, — ответил я тогда на автомате.

Поперхнулся, прокашлялся и спросил, прислушиваясь к перестуку чугунных колес на рельсовых стыках, также по — русски.

— Когда вы догадались?

— Давай говорить по — огемски, охрана этого языка не знает. А то русский я основательно подзабыл с молодости-то, — предложил маркграф, переходя на язык королевства Бисеров.

И я послушно повторил свой вопрос на предложенной мове.

— Да почти сразу заподозрил, — ответил он на мой вопрос. — После первой нашей беседы. Потому и предложил тебя в члены — корреспонденты нашей технической академии. Я еще по Волкодаву понял, что ваш мир ушел вперед по сравнению с нашим. Вот только Волкодав в технике не был силен. Он был организатор, конспиратор, психолог, мастер интриги и рукопашного боя… Но даже устройства паровоза не знал.

— Я тоже его не знаю, — буркнул я.

— Но у тебя же получается? — подмигнул мне маркграф. — Заводы. Изобретения. Те же пулеметы.

— Получается потому, что я нахожу людей, у которых должно получиться, если им подсказать что именно мне надо. Не ждать пока они переберут все тупиковые варианты, как это было в моем мире, а сразу подсказать верное решение. Я — пчела опылитель этих одуванчиков. Знаний, умений и энтузиазма у них всяко больше чем у меня. Без Имрича Гоча я бы не сделал пулемета, хотя его конструкцию знаю хорошо. А что до моих изобретений, то это чистый плагиат с того что придумано в моем мире до меня многими людьми. Вот так-то, ваша светлость.

— Кем ты был, Савва, там, у себя дома?

— Студентом Сельскохозяйственной академии. Агрономия, зоотехника, машины и механизмы. До того в армии служил по призыву. Пулеметчиком.

— Значит то, что ты говорил в докладе про электричество —

правда? В вашем мире. Не сказки?

— Правда, ваша светлость. Но только само электричество для меня сродни колдовству. Пользоваться умею, а что оно и как оно я не знаю.

— Так все же… почему ты отказался стать моим сыном? У тебя все козыри были на руках после кровавой тризны, и народ бы тебя поддержал по обычаю. Да и популярен ты. Тебе достаточно было потребовать…

— Не люблю я большой политики, ваша светлость. Только по крайней необходимости ввязываюсь. Я вообще счастлив здесь был только в деревенской кузнице. Там все зависело только от меня. В небе я еще счастлив, когда на дирижабле летаю. Да и зачем вам я, ваша светлость, когда у вас родная кровь подрастает?

Когда пришел второй караван из поместья, то я настропаленный женой вытряс из управляющего всю информацию по ясырке. Дети у нее от молодого графа были. Мальчики. Пяти и восьми лет. Бастарды, конечно. На руки их сын Ремидия не брал и народу не показывал. Однако и с женитьбой на ровне тянул насколько мог до самой своей смерти. Любил он Альту. Все свое свободное время проводил в Отрадном. Это я и выложил маркграфу.

— Так что если нужно, ваша светлость, то забирайте это поместье назад. Я в претензии не буду, — закончил я свой рассказ.

— Что она собой представляет, эта Альта? — спросил Ремидий, проигнорировав мое предложение о возврате поместья.

— Красива, умна, образована. Все бухгалтерские книги в поместье ведет. Образцово ведет, смею заметить.

— Я подумаю над этим… — пробормотал Ремидий. — Такие вопросы с бухты — барахты не решаются. А за добрую весть спасибо. Не прервался все же род Отона Рецкого.

Маркграф замолчал на некоторое время, но я нарушил его. Любопытство одолело.

— Много сошло с горы Бадон попаданцев?

— А? — встрепенулся Ремидий от раздумий. — Каких 'попаданцнев'? — не понял меня правитель марки.

— У нас так называют тех 'кто попал', — усмехнулся я — Я вот, ваша светлость, перед вами — типичный попаданец. Из моего мира в ваш.

— То, что ты попаданец, — усмехнулся маркграф, но заявил с полной серьезностью, — теперь секрет особой государственной важности. Бисеры о таком даже не догадываются, как и император. Тем более что легенду о рецком самородке с гор я всячески сам раздувал и поддерживал как хороший пример для

других моих подданных. А таких как ты, Савва, не так уж и много… Но слушай… Примерно лет сто назад эта проблема вышла на государственный уровень…

* * *

В загородном Дворце правителя марки сначала состоялся обед на несколько десятков персон. Я по малому своему чину столовался на дальнем конце среди флигель — адъютантов и камер — юнкеров.

Затем Ремидий решал с сановниками какие-то неотложные вопросы.

И где-то только часа через два вспомнил обо мне. Ливрейный лакей передал мне приглашение сопровождать маркграфа в его послеобеденной прогулке по дворцовому саду.

Конечно, гуляли по саду мы не одни. Но малая свита держалась от нас на достаточном расстоянии, чтобы не иметь возможности подслушать наш разговор.

Маркграф показал мне действительно прекрасный сад. Не столько даже полезный своими плодами, сколько красивый, даже сейчас зимой.

— Иван взял винетский померанец и как-то приспособил к нашему климату, — рассказывал мне сиятельный гид. — Так что он к зиме дает плоды. Но все-таки южнее в тех ущельях, где зимой теплые ветра с моря они растут лучше, чем здесь. И крупнее плоды.

Ремидий сорвал с ветки мелкий мандарин и подал его мне.

Я попробовал. Вкус был 'вырви глаз' какой кислый. Но это и неплохо с той стороны что витамина С в нем много.

— Трудно назвать этот сорт столовым, ваша светлость, — выдал я свое заключение. — Но для больных это то, что нужно, чтобы быстрее идти на поправку.

— Ты прав, винетские померанцы намного слаще. И в моем поместье, что расположено южнее они растут не такими кислыми. Но в том ущелье морозов не бывает.

— Такова цена за морозоустойчивость, — сделал я умную морду.

— А вот эту яблоню Иван вырастил из семечка, которое завалялась у него в кармане.

Я с удивлением увидел знакомую китайку.

— С этих мелких яблок очень вкусное варенье получается, ваша светлость.

— Я знаю, — улыбнулся маркграф. — Ну, вот мы и пришли.

В дальнем конце сада, в облетевшем розарии, была устроена могила, под косым камнем похожим на лабрадорит. На камне высечены две надписи.

Первая по — рецки — 'Иван Цвет, графский садовник'.

Под ней другая уже по — русски — 'Иван Михайлович Цвет, кандидат биологических наук, доцент Тимирязевской академии. Лауреат Сталинской премии'.

— Ты понимаешь, что тут по — русски написано? Камень ставили без меня — я тогда в Пажеском корпусе учился, — спросил Ремидий. — Для меня все эти слова тарабарщина, кроме имени.

Я пояснил.

— Имя. Имя его отца. Фамилия. Ученая степень. Научное звание. И высшая премия в государстве за научные достижения. Он преподавал в той же академии, где я учился. Ваша светлость, он оставил какие-нибудь записи?

— Да. Он собрал большой гербарий со всех окрестных растений, рисунки и большую стопку записей по — русски. Переведешь? Может это стоило бы издать?

— Перевести-то несложно, ваша светлость. Где только на это время взять? Да и принятой у вас терминологии ботанической я не знаю.

— А я не буду тебя торопить, — улыбнулся маркграф. — Для меня главное, чтобы это все не пропало.

— Тогда я согласен.

— Вот и договорились, — взял меня за плечи маркграф большими ладонями. — Поздравляю тебя камер — юнкером. Теперь тебе не нужно ни с кем договариваться, чтобы получить доступ во Дворец. Ключ от Иванова флигеля тебе отдаст адъютант. Он теперь твой.

42

В империи неожиданно ударили сильные морозы. Старожилы в один голос заявляли, что таких морозов они давно не припомнят, а количество падающего с небес снега просто аномально для этих широт.

И все жалели солдат в окопах. По крайней мере, на словах.

На фронтах же по слухам установилось затишье. Никто не стреляет, все сидят по норам и греются у печек.

По телеграфу передали, что до Реции слава ушедшим богам арктический воздух не добрался. Но, что тогда на севере делается? В Скании там или на островах, если у нас здесь в средней полосе минус двадцать восемь?

Вторую половину дороги часто приходилось стоять из-за снежных заносов на рельсах. Ждать пока специальный паровоз не отгребет в сторону от полотна сугробы, а команды пленных лопатами не дочистят рельсы. Тащиться потом на самом малом ходу до ближайшей станции и снова ждать, когда дадут 'зеленый свет'. Путь до столицы Ольмюцкого королевства занял неделю. Вместо пяти дней.

Свита моя опухла от безделья. Появились симптомы, как я это назвал, 'железнодорожной болезни'. Люди стали раздражительными из-за малоподвижности и ограниченного жизненного пространства при отсутствии водки. К тому же немытые неделю тела у всех зудели.

Некоторое разнообразие скучного пути привнесли две попытки ограбления эшелона на собственно имперской территории. Пришлось даже пострелять из пулеметов в вооруженных бандитов на санях, пытавшихся отцепить крайние вагоны.

Такой бандитизм совсем новое явление для империи. Сказывается долгая война, успевшая обесценить человеческую жизнь и уважение к чужой собственности. Появились новые бандиты из комиссованных раненых фронтовиков. И отличались они особой жестокостью.

— Поймаешь такого варнака, ваша милость, а он тебе в лицо кричит: 'Где ты был, крыса тыловая, когда я на фронте кровь проливал?' — поделился со мной наболевшим полицай — президент Гоблинца, когда мы подавали жалобу на попытку вооруженного ограбления эшелона. — Поведение у них странное. Авторитетов нет. На любой работе долго не задерживаются. Да и берут их теперь на работу очень неохотно несмотря на дефицит рабочих. Мутят людей больше, чем работают. Считают, что им все

должны да обязаны теперь только за то, что они 'в окопах гнили'. И в разбойники идут не от безысходности а как бы это назвать… Не по призванию, нет… По идейности, вот, что все 'нужно отнять и поделить'. И к тому же им человека убить, как домохозяйке курицу зарезать.

Полицейские на станциях тщательно регистрировали подобные инциденты, а по поводу противодействия криминалу только разводили руками. Нет у них транспорта, который бы мог пройти по таким сугробам, чем разбойники и пользуются.

Сам же я больше всего боялся, что вымерзнут в вагонах цитрусовые, и мы с маркграфом будем иметь бледный вид за свои подарки в госпиталях. Не обвинили бы нас в том, что мы просто скидываем раненым порченый товар, который нельзя продать. А что? Доброжелателей у нас хоть отбавляй.

Безделье в дороге мне не грозило. Я писал наставление по санитарным и иным нормам обустройства лагерей военнопленных с упором на базовые принципы.

Принцип единого руководства всеми лагерями для военнопленных. Органов снабжения их продовольствием, инструментами и распределения произведенной продукции.

Принцип национального разделения пленных по лагерям. Совсем не нужно чтобы наши нынешние враги создавали между собой горизонтальные связи с оттенком вражды к империи.

Принцип строгого отделения офицеров от рядовых. Офицеров концентрировать в отдельных лагерях 'для благородных' с особыми условиями. Общество тут феодальное по нравам. Если такого не сделать, то обвинят в варварстве. Впрочем, император это предвидел когда стал сосредотачивать лагеря военнопленных в Реции. У нас и так репутация отмороженных. А уж после моей кровавой тризны так вообще…

Плановый принцип использования пленных в качестве рабочей силы. Пока же все на уровне рефлексов реагируют.

Принцип бригадного подряда и распределения 'пайки' в зависимости от норм выработки всего коллектива. А там сами между собой пусть разбираются, как хотят питаться. Без лишних надсмотрщиков. Вино в порционе только за перевыполнение плана. Хотя дешевого вина в Реции хоть залейся, но вино сильный стимул для людей из северных стран.

Особо уделил внимание созданию штрафных лагерей строго режима для отказников от работы, нарушителей дисциплины и лиц, склонных к побегам. С условиями жизни и труда, близкими к имперской каторге. Но это уже наказание по суду.

Отдыхал от этой работы, тасуя карточки с химическими элементами и читая местные книги по химии. Не такое это

оказалось легкое дело построить таблицу Менделеева, даже зная заранее ее принцип, но обладая пробелами в знаниях химии. Особенно в местной химической терминологии. Курса местной средней школы оказалось маловато, а земные термины тут неприемлемы. Но не боги горшки лепят…

Будвиц встретил сильным морозом с метелью. Поэтому все торжественные встречи я отменил и приказал сразу гнать эшелон мимо вокзала на окружную дорогу и с нее на заводскую ветку 'Гочкиза'.

А там сразу потребовал свежую охрану эшелону и баню для всего личного состава эшелона.

Гоч пропадал где-то в городе, но меня приютила в мансарде заводоуправления его обслуга, обеспечив горячей ванной. Не… ну какое это блаженство казалось бы от примитивной процедуры помывки горячей водой…

Посвежевший отзвонился Онкену, доложил о прибытии. Особой реакции 'начальства' на такую мою 'самоволку' не последовало. Да и отмазка у меня есть — командировка от Ремидия. Обещал генерал — адъютант устроить аудиенцию с кронпринцем по поводу новогодних подарков для раненых. В общем 'ждите ответа'…

Сделав еще несколько звонков, накинул полушубок и теплую шапку, переобулся в валенки и пошел по цехам. Глянуть на все хозяйским глазом.

Дополнительные печи температуру на рабочих местах держали хоть и низкую, но вполне комфортную для работы. Мастера разводили руками, но клялись, что выше плюс пятнадцати — шестнадцати градусов большие объемы цехов не протопить. Поставили временные тамбуры на входах и въездах. Обеспечили рабочих ватными жилетами…

— По — доброму, ваша милость, световой фонарь надо делать с двойным остеклением. И чердак перекрыть с отсыпкой каким-либо утеплителем. Строили-то под голой крышей из расчета обычных средних температур, — пояснял мне инженер по эксплуатации зданий. — Никто и предположить не мог, что морозы упадут за тридцать.

— А самовары поставить в цеху, чтобы рабочие всегда могли кипятком согреться вам ушедшие боги не позволяют? — огрызнулся я на оправдания инженера.

Тот только руками развел. Понятно, даже не подумали о таком.

Несмотря на шалости природы, завод работал ритмично и планово наращивал выпуск продукции. Старт — ап закончился. Шла обычная заводская рутина, зависящая лишь от ритмичности

поставок сырья. Даже проблему со стволами решили — теперь сами их куем. Какие требуются… Даже запас некоторый накопился в ожидании грядущего перествола ручных пулеметов 'военного времени' с тонкими стволами от винтовок.

Кто работал творчески так это технологи, уменьшившие вес 'Гочкиза — Р' еще на шестьсот грамм. Сделал себе зарубку на память что этих людей надо обязательно премировать и не только деньгами. Скорее всего, золотыми часами швицкой работы с логотипом 'Гочкиза' и хвалебной гравировкой на внутренней стороне крышки. Так ими похвастаться легче будет.

И как всегда кому война, а кому мать родна. В литейке мне традиционно жаловались на жару на рабочем месте. Распорядился готовить для сталеваров сельтерскую воду в достаточном количестве. Чтоб пили ее рабочие без ограничений.

Но Гоч молодец — по всему заводскому двору возвышались приличные поленницы дров. Вымерзнуть заводу в эту зиму не грозит. И горячее питание рабочим хоть раз в смену, но наладил. За счет завода. Мы от этого не обеднеем, а рабочие трудятся лучше.

Гляделся на крыши в снегу и стены в белёсом инее. Мда… Облом. Мечталось мне собрать рабочих на митинг. Двинуть речугу про новогодние подарки им от их коллег с филиала во Втуце… Народ и армия едины… Все для фронта, все для победы…

Не судьба.

Как там дед мой любил приговаривать 'наши русские горницы с богом не спорницы'. А выгонять людей на лютый мороз из-за идеологии могут только коммунисты.

Только сел развлечься пасьянсом с химическими элементами в рабочем кабинете Гоча, как прибежал шеф заводской рабочей столовой и стал слезно умолять мою милость дать рецепт этой самой 'сельтерской воды' для литейщиков.

Стал писать рецепт и понял что главный ингредиент в нем — лимонная кислота…

Засада блин. Где ж я ее возьму?

Сказал просто.

— В горячем цеху должны стоять баки со слегка подсоленной кипяченой водой. Бак с краником, крышка на замке, — нарисовал я стандартный армейский бачок емкостью в четыре ведра. — Сделают такие емкости наши жестянщики легко. Только обязательно чтобы луженые изнутри. А так… ваяйте их из того что есть — медного листа, оцинкованной жести… что под рукой найдется. Добавлять охлажденный кипяток в них должен один и тот же человек, у которого будут ключи от баков. Не должны

наши рабочие страдать от жажды и пить неизвестно что.

Отпустил шеф — повара и внезапно пошел я по гочевскому кабинету вприсядку, весело распевая по — русски.

— Только добавь воды! Только добавь воды! Только добавь воды!

Что ж я раньше-то о таком не додумался. Это же даже не бизнес. Это золотое дно. Сухая порционно фасованная шипучка. Да в окопах в летнюю жару мне памятник поставят.

Таким меня и увидел вернувшийся из города Гоч.

— Савва, тебя что, в генералы произвели, что так радуешься? — встал он в дверях, скрестив руки на груди.

— А — а–а — а–а… — встал я на ноги, отфыркиваясь и шутливо кланяясь. — Ваша милость, господин барон, изволила появиться на рабочем месте.

— Мдя… — гордо вскину голову партнер. — Моя милость соизволила вернуться из ресторана, где заключала с торговлей контракт на поставку 'бульдогов'. С авансом! Кстати, наш новый 'миротворец' армия взяла на вооружение. И дали имперскую субсидию на патронный завод. Вот так-то. А что до моей милости, то знай, что император лично вручал мне хартию на баронию. Торжественно. Специально приезжал в Будвиц месяц назад, точнее прилетал на дирижабле, и…

— …завод уговаривал перенести в империю, — засмеялся я.

— Нет. — Гоч прошел к своему рабочему столу, сел в кресло, достал из деревянной коробки дорогую колониальную сигарку и прикурил от самогарной спички. Раньше он себе такой дорогой табак не позволял. — Завод наш здесь никто не будет трогать. Кому надо всем уже дали по рукам. Но возле моей баронии в империи… там такой городишко мелкий есть, я должен буду поставить завод траншейных пушек для западного фронта. И помочь 'Лозе' с пулеметами.

— И ты сдался? — разочаровано я прогундосил.

— Нет. Это в 'Лозе' сдались. Император посчитал справедливым, чтобы они платили нам как за секреты производства, так и за обучение персонала. И за консультации отдельно.

— Ты пустил их в святая святых? — возмутился я.

— За кого ты меня держишь, ваша милость, — Гоч выдул в потолок подряд три колечка из сигарного дыма. — Их обучают в ФЗУ за заводским забором и только той технологической карте, что у нас была разработана для них же. К конвейеру я и близко никого не подпускаю. Туда сейчас особый пропускной режим.

— Что-то я его не заметил? — фыркнул я.

— Так хозяина охрана обязана знать в лицо, — наставительно

сказал Гоч. — Вот посмотри лучше для ознакомления.

Гоч вынул из стола газету на имперском языке. Развернул и положил на стол. На развороте на обе полосы протянулся крупный заголовок 'Оружейные бароны империи'. И даже наши с Гочем фотографии. Явно из архива Шибза, потому как я в мундире фельдфебеля.

— Это про нас с тобой, — гордо заявил Гоч и процитировал на имперском наречии. — 'Простой фельдфебель и никому не известный провинциальный инженер сделали лучший в мире пулемет'. Это, Савва, признание. Это, Савва, слава!

Последнюю фразу Гоч просто выкрикнул и полез в сейф за бутылкой сливянки.

— Знаешь что… — посоветовал я. — Поставь как ты сразу возле своей баронии еще один завод. По изготовлению ручных гранат. Все равно потребуют. Кстати, какова форма собственности нового завода в империи?

Если Гоч поставит завод на паях с императором, — думал я, вертя в руках рюмку с водкой, — то… что ж… пушечка — игрушечка это его инициативный проект и его патент. Имеет право.

— Филиал 'Гочкиза', — рубанул партнер рукой, рассыпая искры с сигары на пол. — Тут я был как кремень, как скала. Государственные субсидии приветствуются, новые частные акционеры нет.

— Неужто мы в полном шоколаде? — оторопело произнес я, боясь спугнуть шару.

— С марципаном, Савва, с марципаном, — засмеялся счастливый Гоч. — Оптику у вас в Реции будем заказывать. Ну, за нас… За оружейных баронов!

И поднял рюмку вверх.

Выпили.

Гоч снова похвастался.

— Знаешь… Я теперь целый лейтенант гвардейской артиллерии. Как и ты.

— Тогда наливай, — заявил я. — И не в рюмки, а в стаканы. И звездочки давай. Пока их не обмыли чин твой недействительный для остальных офицеров. Вот поэтому ты до сих пор в штатском ходишь, потому что звание не обмыл.

Когда к ужину явились приглашенные мной Плотто и Плойко мы с Гочем были уже тепленькими.

— Программа на вечер ясна, — почесал Плотто затылок, обозревая на рабочем столе Гоча батарею разнообразных бутылок, стоящих прямо на наших фотографиях и заголовке 'Оружейные бароны империи'. — Какие еще идеи будут?

— Разве что переместиться в 'Круазанский приют', — предложил Плойко. — А то их тут класть проспаться некуда.

* * *

После сеанса шикарных круазанских терм сидели в жарко натопленном будуаре (том самом, где не так давно проходили мои переговоры с Кроном) облаченные в банные халаты и развлекались легкими закусками, вяло перебрасываясь малозначащими фразами. О делах все переговорили в парной, пока потели без движения.

Гоч протрезвел и выглядел при этом недовольным жизнью, вяло ковыряя вилкой в тарелке. Отвечал на все односложно.

Плотто сурово пробило на хавчик и он временно был недоступен к общению.

Плойко отпившись морсом, стал собираться. Пора ему на маркетинг да и транспорт обеспечить на вывоз подарков для летунов с территории завода на него же легло.

Без стука мягко зашла в помещение мадам приюта. Поняла брови и удивленно спросила строгим тоном.

— Господа офицеры, вам что, всем яйцеклад вырвали? Там вас такие красивые девочки ждут, а вы тут устроили черте что, просто клуб мужеложцев. Пожрать можно и в ресторане. А тут бордель, если вы запамятовали.

— Лучше коньяка принеси, — буркнул Гоч. — Республиканского.

— Может вам еще и с лимоном, ваша милость? — иронично парировала Маара.

— Лимоны у нас с собой, — кивнул я на пятилитровый бочонок. — Плойко, изобрази.

— Чем? — тупо уставился на бочонок боцманмат.

— Что, там правда лимоны? — показала мадам рукой на бочонок.

— Маара, я когда-нибудь тебе врал? — заявил я — Рецкие лимоны там. Только боюсь, что померзли они в дороге. Морозы стоят, будто подземные демоны наружу выбрались.

— Я сейчас… — с этими словами мадам испарилась.

Вернулась быстро с бутылкой зеленого стекла в одной руке и чем-то похожим на монтировку в другой. Бутылку поставила на стол, а железку отдала Плойко.

Тому не осталось ничего другого, как прервать процесс одеяния и, как был он в одном исподнем, принялся курочить у бочонка донышко. Впрочем, выломал его вполне

профессионально. При желании можно было забить обратно.

По номеру растеклись щемящей свежестью цитрусовые ароматы.

— И правда лимоны… — рассеянно произнесла Маара с глупой улыбкой.

— Чё за дрянь ты принесла? — оживился Гоч. — Я заказывал республиканский коньяк, а не эту винетскую подделку.

— Ваша милость, все от вас зависит, — усмехнулась мадам. — Когда победите республику тогда и будет вам республиканский коньяк. А пока только смелые рецы победили Винетию. Так что чем богаты…

Плойко, ничуть не стесняясь мадам, напялил брюки, тельняшку, форменку. Сунул в карманы по лимону, пояснил.

— Товар демонстрировать надо.

— Иди, иди… — оторвался фрегат — капитан от еды.

И боцманмат исчез, зажав полушубок с шапкой в охапке. На ногах бурки у него как я заметил генеральские, белые.

Маара за это время распластала пару цитрусов и, расширив ноздри, с наслаждением вдыхала их аромат. Один лимон она подсолила, другой подсахарила — на любой вкус. Открыла бутылку и разлила янтарную жидкость по фужерам. Присела к нам за столик и игриво спросила.

— Что празднуем?

Маара откровенно падала нам на хвост.

Я положил на стол пару плодов, которые вертел в руках. Вроде не померзли.

— Да вот… — откликнулся. — Гочу чин обмываем.

— Так он бароном месяц назад стал… — подняла Маара брови.

— Лейтенанта ему обмывам, — отозвался Плотто с полунабитым ртом. — Гвардейского. Считай — капитана. Сразу. Что б я так жил…

— Вит, сумей и ты так как он понравиться императору, — усмехнулся я.

— Император пока у меня воздушный корабль отнял. Тот самый, что ты у Гурвинека в ангаре видел. Теперь это его воздушная яхта, — тон у фрегат — капитана при этом был как у мальчика, у которого отняли деревянную коняшку.

И Плотто залпом опрокинул коньяк в глотку. Закусил соленым лимоном и продолжил.

— Шикарная. Дерево. Бронза. Позолота. Шелк. Бархат… Тьфу. На твой бордель похож по интерьеру, — кивнул он Мааре, — только в зеленых тонах.

— А что Гурвинек? — спросил я.

— От счастья кипятком писает, — буркнул Плотто. — Ему имперский крест повесили. И денег дали не меряно. Он на радостях сразу два новых стапеля заложил. К лету обещает три корабля поднять в воздух.

— И поэтому меня вывели за штат? — спросил я.

— Ты особ статья… — запнулся фрегат — капитан и повернулся к мадам.

— Ты бы приказала подать нам что-нибудь мясное. Сытное. Эскалоп к примеру.

Маара пригубила содержимого своего фужера и встала.

— К винам какие-нибудь предпочтения будут?

— Неси на свой вкус. Он у тебя хороший. Кстати коньячок тоже неплох.

— Я думаю… — протянула Маара. — Двадцать лет выдержки как-никак.

Гоч после этого сообщения попробовал коньяк и нашел его годным.

* * *

Утро после пьянки в приюте встретило оттепелью. Ну как оттепелью… отпустило до минус десять — двенадцать.

Лимоны в бочках нормально перенесли аномальный холод, а вот померанцы в ящиках из тонкой осиновой клёпки померзли в вагонах. Но руководство госпиталей было радо получить в подарок и такие цитрусы, из которых готовили раненым желе и компоты, поминая щедрость рецкого маркграфа.

Не знаю от чего, но в Будвице цитрусовые были в этот сезон страшный дефицит. Хотя догадываюсь — сокращение гражданских перевозок по железной дороге.

Даже не смотря на расточительные подарки Дворцу, Моласу, Мааре и другим нужным людям, прибыль от лимонов составила сам — десять от затрат. Это я еще цену не ломил и заплатил все налоги. В нормальном состоянии рынка вполне можно брать сам — четыре, сам — пять от затрат при торговле напрямую без имперских посредников.

Подкатывал Крон с предложением сдавать весь товар ему и он гарантировал мне цену, обеспечивающую сам — двеннадцать от моих затрат и даже сулил золото вперед. Но я напомнил ему, что Ночная гильдия по нашим договоренностям не суется в белый бизнес и подарил ему бочку лимонов в утешение.

Горный орех и миндаль дали вообще прибыль в сам — двадцать. Плойко хотел цену вообще задрать за облака, но я

предпочел торговать сразу вагонами, а не мешками. Быстрее так вышло. Всего за половину дня расторговался. Вывозили товар покупатели дольше. Тем купцам кто пытался сбивать мне цену, я пообещал устроить аукцион, и больше никаких попыток сбить цену не было.

И все равно на всех не хватило.

Как подумаешь, что… да… хорошо жили грузины в СССР.

По — доброму надо ставить в Будвице оптовый склад и постоянный магазин 'Рецкий двор'. Кстати и недорогим вином в нем торговать в разлив из бочек будет выгодно. Осталось только партнеров найти. Как в Будвице, так и в Реции. Вложения предстоят серьезные. Одному не потянуть. Предложил вложиться в такую торговлю кронпринцу — он обещал подумать.

А вот фундук большой прибыли не дал. Спрос на него оказался мизерный, так как в этот год в Огемии был хороший урожай лещины в лесах. Но и в убыток он не ушел. Остатки раздал рабочим 'Гочкиза' вместе с обещанными лимонами.

Вальд будет доволен.

Но встал вопрос с паровозами.

Обратно я загрузил в Будвице свои вагоны строительным и заводским инструментом, метчиками, чугунными и медными трубами, железом в полосах, оцинкованной жестью в рулонах, водопроводными кранами, раковинами и чугунными унитазами 'гнездо орла'. Керогазами и керосиновыми лампами своего производства с цеха ширпотреба 'Гочкиза'.

Еще оставил вагоны под мануфактуру, которую собрался закупить в Гоблинце. Форму своим железнодорожникам шить надо. Конопляный брезент, нитки, фурнитура, рабочие рукавицы с ветошью там тоже брать буду.

Не гнушаясь бартера, за половину вагона миндаля взял я дюжину платформ шестиметровых сосновых бревен, уже оцилиндрованных. И еще десяток прикупил — дерево здесь дешевое, пленные на лесоповале. А то у меня на втором разъезде все больше степь с редкими колками деревьев, а с гор волами не навозишься.

Уже второй состав образовался. Тяжелый. Один паровоз надорвется. А дерева мне хотелось взять вдвое больше — на продажу в Реции.

Выручил, как всегда, Плойко показав дальний отстойник с трофейными паровозами, не подлежащими быстрому ремонту. Из тех, что артиллерией побило при ликвидации плацдарма у парома. Принц мне их отдал на выбор по цене металлолома.

Отбирали те локомотивы, у которых цела ходовая часть и цилиндры с машиной, а дырки в трубах, котлах и тендерах

починим на месте. Сломанные стекла вставим сами. Запчасти и недостающие приборы внаглую канибаллизировали с вдрызг разбитых машин, присыпав их в тендерах дровами.

Заодно сманил на юга нескольких механиков с семьями, в мою новую транспортную компанию. Из тех что мне паровозы помогали отбирать. Раньше они работали ремонтниками на пароме, а теперь здесь маются без жилья, в старых вагонах по отстойникам обитают и перебиваются случайными заработками — в имперские транспортные товарищества на вере их брать по специальности опасались. И государство на содержание не брало — не военнопленные они, а освобожденные. А вместо парома, которых их кормил там сейчас фронтовая полоса по реке.

Забегая вперед, скажу, что я даже не предполагал, что реально таких людей придет к моему отъезду столь много. И огемцев, и куявцев, и даже цугул. С женами и детьми. Выгнали их ко мне война, мороз и неустроенность. Пришлось еще три пассажирских вагона срочно доставать.

* * *

В канун нового года наконец-то установилась летная погода.

* * *

До нового года я расправился со всей коммерцией.

Так как в моем доме Гоч устроил общагу для молодых инженеров из провинции, то жил я все это время в 'Круазанском приюте' на полном пансионе за подаренные Мааре двадцати ведерную бочку лимонов и три мешка орехов. Там же принимал деловых контрагентов для переговоров, что производило на них неотразимое впечатление. Понты везде дороже денег. В любом мире. В любое время.

В обратный путь я загрузил свои вагоны в Будвице строительным и заводским инструментом, метчиками, метизами, чугунными и медными трубами, черной и луженой жестью в рулонах, оцинкованными листами, водопроводными кранами, обливными чугунными раковинами и унитазами марки 'гнездо орла'. Керогазами и керосиновыми лампами своего производства с цеха ширпотреба 'Гочкиза'.

Еще оставил пару вагонов под мануфактуру, которую собрался закупить по дороге. Мне форму своим железнодорожникам шить надо. Сукно, саржа, подкладочный

сатин, конопляный брезент, нитки, фурнитура, рабочие рукавицы с ветошью… В Гоблинце все это производят, так что дешевле всего брать товар прямо со станка.

Не гнушаясь бартера, за половину вагона миндаля приобрел дюжину платформ шестиметровых сосновых бревен, уже оцилиндрованных. И еще десяток прикупил за деньги — дерево в Огемии в этот сезон очень дешевое, пленные на лесоповале. А у меня на втором разъезде все больше степь с редкими колками деревьев, а с гор волами бревен не натаскаешься.

Вот уже второй состав образовался. Тяжелый. Один паровоз надорвется. А дерева мне хотелось взять вдвое больше — на продажу в Реции. Живые деньги тоже нужны.

Помотался по делянкам, заодно восемь трофейных соловых кобыл прикупил по случаю у лесопромышленников. Дешевле только даром. Хорошие битюги, только обращались с ними плохо. Эксплуатировали на износ. Подлечивать придется маток. Но это уже на конезаводе. Теперь есть кому.

Сманил к себе из кавалерии комиссованного по ранению ветеринарного врача, столкнувшись с ним в дверях военно — медицинской комиссии, куда относил требование на освидетельствование.

Плойко еще навел меня на гвардейских ремонтеров##, у которых после совместной пьянки и млядок в 'Круазанском приюте' я приобрел восьмерку верховых царских кобыл из трофеев сдавшегося осенью драгунского полка. В хорошем состоянии. Дорого, но не настолько, сколько за них запрашивали конские барышники в городе. Оплата за коней шла из Вальдовой доли — обеспечить ему повышение пая в общем конезаводе. Все равно он собирался для этого кобыл покупать. Почему не сейчас?

* * *

* * *

Ремонтеры — офицеры, занимающиеся ремонтом: закупкой и пополнением конского поголовья в полках.

* * *

Пользуясь еще не дезавуированными правами королевского комиссара, выдернул с лесоповала шестерых узкоглазых драгун из военнопленных. И приставил к нашим коням в качестве

'добровольных помощников'. Конюхи были страшно довольные изменением своего статуса и готовые ехать хоть на край света лишь бы подальше от лесозаготовок и холода. А то, что эти ребята служат верно, я уже убедился на своих первых 'хиви'. Называли они свой народ 'ниркит'.

Вроде со всем я управился почти за неделю, все вопросы порешил, но в полный рост встал вопрос с паровозами. У меня их всего два, а составов формируется как минимум три.

Выручил, как всегда, Плойко показав дальний отстойник с трофейными локомотивами, не подлежащими быстрому ремонту. Из тех, что артиллерией побило при ликвидации плацдарма у парома. Принц мне их отдал на выбор по цене металлолома. Все равно когда до них дойдут руки в депо они уже проржавеют.

Отобрали в том отстойнике паровозы, у которых цела ходовая часть и цилиндры с машиной, а дырки в трубах, котлах и тендерах починим на месте, есть где. Битые стекла вставим сами. Запчасти и недостающие приборы внаглую канибаллизировали с других разбитых машин, присыпав их в тендерах дровами. Конечно, эти паровозы во Втуц тянуть надо как простой вагон, но на перспективу это очень выгодное вложение. Хорошие паровозы — с Соленых островов. Можно сказать новые — из недавних военных поставок царцам. И что совсем торт — однотипные.

И вот я опять весь в паровозах, а тянуть составы мне по — прежнему нечем…

Нет свободных рабочих паровозов в Будвице. Все расписаны наперед. Даже те, что ремонтируют в депо.

Пока лазил по отстойнику сманил, не напрягаясь к себе на юга нескольких механиков с семьями. В мою новую транспортную компанию. Из тех спецов, что мне паровозы помогали отбирать. Раньше они работали ремонтниками на пароме у царцев, а теперь здесь маются без жилья, в старых вагонах по отстойникам обитают, благо там печки не демонтировали и перебиваются случайными заработками. В имперские транспортные товарищества на вере их брать по специальности опасались, особенно тех, кто по национальности не огемец. И государство на содержание не брало — не военнопленные они, а освобожденные гражданские лица. Свободные как птицы. Только вместо парома, которых их кормил, сейчас фронтовая полоса по реке проходит.

И вообще как я заметил, что по сравнению с прошлым годом уровень жизни в Будвице заметно просел, и вакансий на рынке труда стало меньше.

* * *

В канун нового года наконец-то установилась ясная летняя погода при легком морозце не больше минус семи.

'Черный дракон' плавно взмыл в солнечные небеса и, набирая высоту, ушел на север от города.

Я снова увидел под собой пейзаж компьютерной 'стрелялки' с маленькими домами, тонкими нитками железных дорог и игрушечными поездами, узнаваемыми по тонким белым струйкам паровозных дымов. Радость полета взвинтила во мне эйфорию и душа пела. Я лечу….

Весь экипаж экипировался как на северный полюс. Даже лица прикрыли масками из кротовых шкурок, несмотря на то, что перед полетом обильно намазались гусиным жиром.

— Надень, Савва, наверху будет очень ветрено и холодно, — предупредил меня Плотто, подавая такую маску. — Лицо обморозить, как нечего делать.

С собой на испытания взяли три пулемета. Два 11–мм 'Гочкиз — А', причем с одного я снял воздушный радиатор, памятуя, что в моем мире их даже с Люисов снимали. Вот и сравним. И один 6,5 мм 'Гочкиз — Р'. Поскольку для крупнокалиберных боезапас ограниченный, особенно зажигательных пуль.

Оба 'крупняка' были стационарно установлены по бортам гондолы. А для ручника поставили временные хомуты креплений. Плохо только то, что брезентовый гильзосбоник на ручной пулемет не предусмотрели. Гильзы разлетятся по всей гондоле — как бы ноги не переломать на них.

Кроме того дирижабль нес как всегда полный комплект бомбовой нагрузки. Из новинок подвесили четыре 150–килограмовые бомбы с экразитом переделанные из старых 13–дюймовых морских снарядов. Остальные привычные уже 50–килограмовки.

Встречный ветер, дико завывая, сильно дул в открытые амбразуры пулеметов и пробирал даже сквозь меховую одежду. На высоте километра было не меньше минус двадцати. А чапать нам до Щетинпорта около двух часов. Крейсерская скорость у 'Черного дракона' где-то сто километров в час. На форсаже сто двадцать.

Шибза с нами не было. На таком морозе его аппаратура отказывалась работать. Так что воздушная разведка велась по старинке — карандашом и блокнотом, которые летуны как-то умудрялись держать в толстых меховых рукавицах. У меня не получалось. Обратил внимание на этот факт Плотто.

— Вит, а не лучше было бы прикрепить складные столики к бортам? Удобнее было бы.

— Как в железнодорожном купе? — уловил мою мысль

фрегат — капитан.

— Ну, типа того. Только облегченные. И резинку блокнот прихватить, чтобы не ерзал.

— Каучук не пойдет, лопается на морозе. Пробовали уже.

— А карта?

— Карта, да. С ней неудобно. Мы ее на столик над фотоаппаратом закрепили. Потом переносим данные с блокнотов. По очереди. Ты, Савва, осматривайся пока… Небось все забыл уже, — из отверстия в черной маске раздается у Вита даже не смех, а какой-то сухой хрип.

Да… Чего тут осматриваться. Под нами только лес и болота. Жутко нудный пейзаж.

Летуны, похожие на пингвинов все по своим местам стоят. Один я не пришей рукав… Мое дело сегодня стрельба по воздушной цели. Но боюсь, что пока мы царский дирижабль в небе повстречаем, я весь успею вымерзнуть как мамонт.

Попробовал что-либо изобразить карандашом в блокноте, но не рассчитал нажима и сломал грифель.

Стоящий рядом летун (из-за масок не понять кто, а знаков различия на этих меховых комбинезонов не было) заметив мое замешательство, указал на полотняные карманы в бортах для сломанных карандашей и полотняные же газыри для заранее очиненных. Ловко это они придумали.

Взял новый карандаш и написал в блокноте, осторожно нажимая на грифель: 'цанговый карандаш'. Вот что им действительно нужно. Простая вещь, можно сказать примитивная механика. Пружинка может быть бронзовой. Вернусь накатаю заявку на изобретение.

Еще на шаровую опору для пулемета — не дело это, когда в щели дует с дикой силой. Гондола дирижабля должна быть герметичной, насколько это возможно и с подогревом чем-то типа большой калильной лампы. О! Еще одна заявка.

А всего три — считая шаровую опору для пулемета. Можно сказать уже результативно слетал.

Хвост дирижабля окутался белым облаком от выхлопа паровой машины, из кормовой гондолы назад выведена труба загнутая вниз, чтобы несгоревшие искры на оболочку не попали. Хотя какие могут быть искры, когда работает машина на газе. Но все равно выброс из трубы горячий. В этом белом облаке ходовой пропеллер угадывался только по видимым завихрениям.

— Вит, — отвлек я командора от созерцания непонятно чего — внизу по — прежнему снег, хвойный лес и болота.

— Ну? — повернулся он недовольно, как будто я его действительно от чего-то важного оторвал.

— Глянь в хвост.

— Не обращай внимания. На морозе всегда так.

— Пропеллер не обледенеет?

— Обледенеет. Скорость упадет до восьмидесяти километров в час. Но это не принципиально. Мы же не на гонках.

— Вижу берег! — крикнул боцманмат с руля горизонтальной наводки.

— Савва, мне сейчас совсем не до тебя, — выговорил мне Плотто. — Смотри сам. Запоминай.

Морской берег выглядел как горный хребет нагромождением льда на дюнах, а вот само море было чистым и спокойным. Солнечные блики лениво отражались от пологих волн. В воздухе заметно посвежело, точнее сказать помокрело… В общем, влажность заметно повысилась.

— На горизонте, держать нос на нуле, — громко приказал Плотто.

— Есть, командор, — отозвался рулевой с левого борта.

— Высота? — снова командор сделал запрос.

— Восемьсот, — немедленно последовал четкий ответ из-за моей спины.

'Восемьсот? Это метров', — догадался я.

— Температура за бортом?

— Минус пятнадцать.

— Добро. Курс ост, — и повернулся ко мне. — Запоминай, Савва, над морем всегда теплее, чем над сушей, если только нет шторма.

По морю милях в двадцати от берега, отчаянно дымя некачественным углем, уходил на северо — запад конвой из четырех больших пароходов. Не меньше пяти тысяч тонн водоизмещением. Их охранял всего один трехтрубный крейсер второго ранга с открыто стоящими орудиями на верхней палубе.

— Бомбить будем? — спросил я командора с подначкой.

— Нет. Только бомбы зазря тратить. Пустые они идут, — спокойно ответил Вит, — глянь, как высока ватерлиния даже отсюда видно без бинокля. На таких корытах обычно снаряды подвозят островитянам. Идем к городу. Вот поэтому я и не люблю морскую разведку. Видеть — видишь, а вот передать эти сведения никакой возможности у нас нет. Вот если бы было что-нибудь типа беспроволочного телеграфа… — мечтательно произнес командор.

— Почему нет? — ответил я. — Вполне возможно такое. Даже на тех электрических батареях, что у нас есть. Искровой принцип. Правда передать можно будет только два знака, одинарный и двойной, — и постучал по обшивке, демонстрируя, — точка, тире,

точка, тире… Язык специальный придумывать придется. А технически нет ничего невозможного.

— Хм… Я даже знаю, кого надо навьючить этой проблемой, — пробормотал Плотто скорее для себя, чем отвечая мне.

Интересно, кого это командор назначил местным Поповым? Но любопытствовать не стал. Мое дело идею кинуть, потому, как сам я это дело точно не потяну. Для меня все, что касается радио, проходит по категории колдовства и шаманства.

— Что-то нашего флота совсем не видно, — произнес я с осуждением, отвлекшись от прогрессорства.

— Щетинпорт для нашего флота второстепенная цель. Тем более что армия опять закопалась в землю и сидит в траншеях вяло постреливая. Вот на западном фронте там да, как коляски по проспекту транспорты по проливам ходят. Там капитаны себе тоннаж зарабатывают и кресты по потопленному тоннажу согласно указу императора.

И тут же прикрикнул на рулевых.

— Держать нос на нуле!

— Что с носом не так?

— Да лед на нем нарастает сильнее, чем на других местах оболочки. Тянет вниз.

— Не боишься обледенения?

— Расчеты показывают, что подъемной силы нам хватит даже на полное обледенение оболочки. Вот только потом соскребать на земле его замучаются матросики.

— А балласт не замерз?

— Нет. Вместо воды в мороз я использую мелкий щебень. Дворницкий такой.

— Почему не песок?

— Песок, сцуко, смерзается. Да ладно мы — у нас корпус прочный, а вот царцы в такой же мороз на мягком дирижабле летают. В веревочной сетке и почти в открытой гондоле. Герои.

— Богатыри, не мы… — усмехнулся в унисон.

— Зря смеешься. Я в свое время полетал на мягких… Тебе не советую. Особенно в такую погоду. Кстати в минусовую температуру, нам теперь полетный день за два считают. Так что весь экипаж летает в охотку. Три подъема и месячная норма для полетных выплат. Да еще с доплатой 'за холод' в зависимости от температуры на высоте. Не говоря уже о том, что два подъема в военное время дают почти месяц календарной выслуги. Любит нас император.

— Кажись, Щеттинпорт показался, — завистливо прервал я командора.

Через несколько дней меня выведут за штат из эскадры. Прощай небо. А оно так красиво. Даже когда такое холодное, как сегодня.

* * *

Над городом, спустившись до пятисот метров, дирижабль первым делом раскидал листовки, половину которых ветер снес на позиции нашей армии. Но и на город упало достаточно.

— Вот и пехоту бумагой для цигарок обеспечили, — хохотнул боцман. — Кто б еще табачку им поднес?

Боцмана трудно не узнать даже в таком маскараде. Слишком большой он человек. Боцман был весел, потому как перед подлетом к городу экипаж принял винную порцию от мороза. Порция так себе — только на согрев. А вот боцману как высокому и большому человеку все порции по уставу удваивались. А двести грамм крепкой сливянки разом даже такому человеку — горе веселья придают.

Вот так вот добрасывая последние пачки листовок, медленно мы доплыли над городом до морского порта, в котором очень большой пароход — тысяч на десять водоизмещением не меньше, стоя бортом к причалу разгружался пехотным пополнением.

Обе длинных трубы парохода густо дымили сизым дымом, указывая на то, что в топки кочегары активно закидывают уголь. Пароход видимо собрался уходить обратно сразу после разгрузки.

На палубе наблюдалось столпотворение солдат в зимней островитянской форме, жаждущих попасть на твердую землю после болтанки плавания по зимнему морю. Но сейчас они все стояли, задрав головы в небо. Не каждый день видишь такой большой дирижабль. И так близко…

И вот тут вместо бумажек на них с неба посыпались бомбы.

Палубная команда парохода как на учениях моментально обрубила швартовы, и судно как было, с плотной толпой солдат на трапе, стало отходить от пирса. Между пирсом и бортом корабля быстро образовалась щель с видимой сверху блескучий водой, которая с каждой секундой все быстрее расширялась. И вот в эту щель попали разом две большие бомбы из четырех сброшенных. Мелкие бомбочки густо падали на палубу и в воду вокруг парохода. Вода вокруг парохода запенилась, поднялось мористее два больших столба воды. На палубе расцветали оранжевые лепестки.

И вдруг пароход вздрогнул, как живой и медленно, расколовшись надвое, стал погружаться в воду, одновременно

задирая вверх нос и корму. У пирса было не так глубоко и довольно быстро судно перестало тонуть и даже несколько выровняло палубу.

И тут глянул взрыв, которого никогда бы не произошло от наших воздушных снарядов.

Команда дирижабля дружно заорала 'бара — а–а — а!!!'. Кричал и я, радуясь попаданиям.

— Топки водой залило. Котлы взорвались, — констатировал командор, оторвавшись от прицела.

— Слава ушедшим богам, одного полка у соленых варваров больше нет, — гордо заявил боцман.

Еще один пароход снялся с якоря, и спешно уходил с рейда в открытое море, отчаянно дымя черным жирным дымом.

— Никак бекон топкам скармливают? — удивился боцман. — Наложили в штаны!

Тут с крыльев мостика уходящего парохода застучали два тупорылых пулемета, моргая красивыми оранжевыми 'бабочками' на срезах стволов.

Били моряки выше гондолы по нашему корпусу с баллонетами, попадая ближе к корме, что было заметно по отлетающим пластинкам льда.

Закрепить ручник в хомут дело нескольких секунд.

— Влево и вверх, — приказал Плотто и дирижабль стал неохотно разворачиваться. — Доклад с мест.

Все посты доложились что раненых нет. Убитых тоже. Машина в порядке.

В это время я, не дожидаясь команды старшего по чину, опустил ствол ручного пулемета и, по пояс высунувшись из гондолы, стал стрелять по пулеметчикам на пароходе.

Боцман схватил меня сзади за ремень, не дав выпасть наружу, а кто-то из экипажа услужливо подал мне новый диск взамен расстрелянного.

— Давай сам вот так, — передал я приклад добровольному второму номеру, а сам взялся за ручки крупнокалиберного 'гочкиза'.

Стрелять трассирующими пулями было одно удовольствие. Можно было совсем не смотреть в прицел. Жаль только что кассета у него маленькая — всего пятнадцать патронов. Раз — и нет уже.

Но пулемет на одном крыле мостика я подавил. Один вражеский пулеметчик висел на леерах, второй без руки сползал по трапу.

Расчет второго пулемета сам убежал под мостик, укрываясь от пуль.

Дирижабль тем временем набрал километр высоты, и зенитный огонь для нас перестал быть опасным.

— А вы, господин лейтенант, действительно в этих машинках мастер, — с уважением пробасил боцман, похваливая меня.

— Тебе спасибо, не то уже летал бы как птица, крылышками бяк — бяк — бяк — бяк… — пробило меня 'на хи — хи' от осознания того, что я сейчас мог бы запросто выпасть за борт.

И показал как.

Здоровый смех экипажа, это преодоление боевого стресса, сбрасывание избытка адреналина в крови. Быстро все произошло, не успели его пережечь в бою.

— Первый раз вижу, чтобы гражданские моряки пулеметы на мостики ставили, — подал голос командор.

— Варвары они, — ответили мы хором с боцманом и, посмотрев друг на друга в этих дурацких кротовых масках, заржали не хуже кавалерийских жеребцов.

Остатки бомб сбросили на склады, вместе с 'зажигалками'. Эти пакгаузы мы давно перестали воспринимать как будущие трофеи. Не то что в осеннем наступлении.

Внизу занялись пожары. Склады были деревянными и разгорались охотно. Когда мы уже вылетали из города на складах стали с характерным звуком рваться снаряды.

— Все нашей пехоте поддержка, — задорно заявил боцманмат с горизонтального руля. — Командор, каков новый курс?

— Вдоль реки на юг, — приказал Плотто.

И повернувшись ко мне, заявил.

— А что, Савва, удачно нынче слетали. Хотя стоячий пароход бомбить не спортивно. Это все равно, что по сидячей на воде утке стрелять.

— Привереда ты, Вит, — отозвался я. — Жрать захочешь и по сидячей дичи стрельнешь.